

Альберт Зеличёнок

КУПЕРИАДА

Роман в повестях и рассказах

Посвящается Лёнушке и Алиске

Содержание

- 1. Комната смеха.**
- 2. Земля обетованная.**
- 3. Крах операции "Большие пейсы".**
- 4. Теория относительности.**
- 5. Конец Большого Джо.**
- 6. Под юбкой статуи Свободы.**
- 7. Герой должен быть блондин.**
- 8. Как Иванушка-дурачок за пивом ходил.**
- 9. Звёздный путь Льва Куперовского.**
- 10. Трудно быть Лёвой.**

КОМНАТА СМЕХА

Над входом в нашу контору установлен репродуктор. Такая уж нам досталась контора — с репродуктором. Кому-то это нравится, кому-то нет, но... Мой приятель Мишель Армянец говорит, что в этом мире есть всего четыре вещи, которые нам не дано выбирать: родителей, жену, детей и место работы. Что уж достанется. На мою долю пришёлся репродуктор. Он не безымянен, его партийная кличка — Горластый Джо. Джо обожает духовые оркестры, мощные звуки которых сопровождают нас в течение всего трудового дня. Нашей конторе уже много десятков лет, и окрестные старожилы утверждают, что такой музыкальной она была на протяжении практически всей своей истории. И я могу это подтвердить, так как хорошо знаю крёстного отца Горластого Джо. Его зовут Михаил Соломонович Фомин-Залихватский, он — один из тех, кто создавал контору. Вскоре после ее открытия он притащил откуда-то рупор и лично подключил его. Залихватский уже весьма стар, но по-прежнему выглядит как огурчик. Не наш, конечно, а болгарский, маринованный, из восьмисотграммовой банки. Эх!.. Михаилу Соломоновичу никто не даёт больше пятидесяти пяти, которые ему исполнились ещё тогда, когда он лично расстреливал где-то в Венгрии врагов советского народа. Об этом он рассказывает с трибуны каждый год, когда мы празднуем День Ветерана. Сейчас Фомин-Залихватский занимает пост заместителя директора по дефициту.

Пониже громкоговорителя косо прибит кумачовый транспарант "Добро пожаловать на работу, дорогие товарищи!" Аналогичный призыв, хотя и выцветший и в несколько редуцированном варианте — "Добро пожаловать!" — висит над большой ржавой дверью, расположенной несколько правее главного входа. Он остался ещё с тех времён, когда в качестве шефской помощи часть помещений передали местным чекистам. В правом крыле нашего здания, за этой самой дверью располагалась пытошная. Потом эксперимент по смычке населения с органами признали неудачным и прикрыли. Чекиста освободили помещение, и его приспособили под лабораторию, забив зачем-то вход железными перекладинами. Вскорости по зданию ночами стали бродить тени убиенных. Парторг конторы, проводя в жизнь линию на искоренение неприятных воспоминаний, пригласил попа. Батюшка окропил бывшую пытошную святой водой, что-то там читал вслух — то ли из Ветхого завета, то ли ещё из какой антисоветской книги... Шум был страшный. Парторга сняли и в наказание отправили послом в какую-то

заштатную азиатскую страну. Попа, чтобы замять дело, сначала приняли кандидатом в члены и зачислили в штат обкома инструктором, потом исключили за религиозное мракобесие, арестовали и, кажется, расстреляли. Во всяком случае, после этой истории духи окончательно взбесились и шатались по комнатам, коридорам и подсобным помещениям не только ночью, но и днём, причём среди них стали попадаться типы явно средневековой наружности и даже какие-то в шакурах. Большинство выглядит весьма неаппетитно. С одной дамой случилась истерика, когда в столовую во время обеда ввалились призрачные последствия знаменитой стрелецкой казни. А может, и какой-нибудь другой казни, в отечественной истории их, слава богу, хватало. Сторожа постоянно увольняются, больше полугода визитов привидений выдержать не могут. Зря батюшка их растревожил. Я даже и привык к ним как-то, но всё равно — зря.

Я вместе с толпой сослуживцев врываюсь в фойе конторы. Над головой нависает ещё один призыв, точнее, риторический вопрос, прикрепленный также над входом, но с внутренней стороны: "А не рано ли вы уходите с работы, дорогие товарищи?!" Его установили несколько лет назад, в период кратковременной реставрации Ивана Грозного, когда всюду закручивали гайки, а снять забыли. Пусть себе. Никому же не мешает.

В углу за мешками с песком притаился Петрович из отдела кадров. На коленях у него винтовка с оптическим прицелом, за поясом — огромный мясницкий тесак. Петрович — однополчанин Фомина. Когда-то они вместе отражали в снегах танковую атаку. Сейчас Петрович вышел в отставку и ловит по утрам опоздавших. Несладко, должно быть, этим заниматься после былых подвигов, но другой-то работы у старичка нет. Мается, бедняга, в своем отделе кадров целыми днями от безделья, вот и выходит утром поразмяться и вспомнить молодость. Ну, да что мне, я никогда не опаздываю, вот и сейчас до начала ещё две минуты.

Из дверей родного отдела с треском вылетает кто-то из сослуживцев и, пробив противоположную стену, исчезает в туче пыли и грохоте ломаемой мебели. "Значит, шеф уже на работе", — отмечаю я и прохожу на своё место. Рабочий день начался.

Корнеплодова мирно беседует с Ниной Огурян. "Странно, — подумал я, — что это с ними сегодня?" Правая рука Корнеплодовой скрылась в её сумочке и занимается там непонятным: то ли что-то

поглаживает, то ли почёсывает. Вдруг рука резко метнулась вверх и вперёд, и на плече Нины оказалась отвратительного вида змея, которая тут же вцепилась двухсантиметровыми зубами в её шею. Нина дико закричала и рухнула на пол, но успела в падении вынуть из ящика стола бутылочку с мутной жидкостью внутри, отвинтить пробку и плеснуть в лицо Корнеплодовой. И только потом потеряла сознание. "Надо бы позвонить в "скорую"", — подумал я, но идти к единственному автомату, который расположен в трёх кварталах от нас, было лень, и я остался сидеть. К тому же никто не знает, на месте он или нет. В прошлый раз хулиганы сняли телефон и унесли, а вместо него повесили автомат Калашникова. Дал со злости очередь в воздух и вернулся на работу. А сегодня у меня хорошее настроение и портить его не хочется. Всё равно у Корнеплодовой подобные сцены каждую неделю происходят. Чаще с Огурян, иногда ещё с кем-нибудь. Да и вообще: вызывать "скорую" к Нине — ссориться с Корнеплодовой, а она человек мстительный. Месяц назад, к примеру, чихнула, а Порфирий Иванович не пожелал ей крепкого здоровья до самой смерти. Потому что его в комнате не было, как раз перед этим вышел. Корнеплодова на него обиделась и подложила ему под ножку стула пластиковую бомбу. Хорошо, что на этот стул вместо Порфирия Ивановича сел случайно забредший главный инженер. Впрочем, бомба была советского производства и не взорвалась. Мы — против международного терроризма! Однако ножка у стула обломилась, главный инженер упал, рассердился, и нам срезали премию за этот день на двенадцать процентов. А Корнеплодова теперь уже на него обиделась и... Но это совсем другая история.

Дверь открылась, и вошли двое в белых халатах. То ли им кто-то всё-таки позвонил, то ли сами добычу почуяли. Один из них наклонился над лежащей на полу Ниной, быстро осмотрел её и что-то тихо сказал второму. Второй, о глупым усталым лицом киноартиста Юрия Никулина, серьёзно и звучно сказал: "Моменте морэ", — и снял шапочку. Корнеплодова удовлетворённо вздохнула и ушла в туалет смывать ту самую мутную жидкость, которая всё ещё текла у неё по лицу и, капая на платье, портила его. Мужчины встали. Женщины остались сидеть, но замолчали. Стало удивительно тихо, только за стеной, в кабинете шефа, кто-то тоненько закричал. Да ещё из угла раздался лязг. Это Вану Коргалидзе попытался соответственно ситуации обнажить голову.

Неделю назад на барахолке он приобрёл рыцарский шлем, сразу же надел и с тех пор не может снять. Вот и сейчас ему не удалось. Ваню наконец смирился и остался в железе. Первый врач неожиданно подпрыгнул, громко хлопнул в ладоши и радостно заорал: "Вася, ура! Клянусь аллахом, смерть от укуса змеи! Это ж тема моей кандидатской, Вася! Чур, вскрывать буду я". Они весело подхватили тело и быстро вынесли. Мы сели. Вернулась Корнеплодова, покрытая язвами и шрамами. Она достала из стола косметичку и через две минуты привела себя в порядок. Все успокоились и приступили к обычным занятиям.

Коргалидзе методично бьётся головой о стену. Я его понимаю. Несладко ходить всё время в шлеме. Правда, так он ещё глубже надевается, но хоть душу человек отведёт.

Милочка принимает ванну. Она так любит это дело, что добилась специального приказа шефа, после которого два хмурых сантехника провели трубы и установили возле её стола нечто вроде маленького бассейна с бронзовыми ангелочками по углам. С тех пор Милочка избавилась от необходимости притаскивать воду вёдрами из столовой и мыться в лохани, что несколько оскорбляло её стыдливость и не создавало удобств. А теперь нальёт полную ванну, напустит поверху пены импортного производства и блаженствует. Даже о конце рабочего дня приходится напоминать.

За шкафом возле двери дамы примеряют что-то из одежды, а может быть, белья, потому что периодически, когда дверь открывается, раздаётся визг. Но примерке не прекращается.

Пашка Севастьянов вбивает гвоздь в крышку стола. У него такое хобби. Практически свободного места уже не осталось, и он зарится на мой стол. Я стойко держусь и не уступаю. Пашка сердится, угрожает молотком, но к серьёзным действиям пока не приступал.

Порфирий Иванович крахмалит манишку. Его щепетильность в одежде женщины постоянно ставят в пример мне — укоризненный взгляд на джинсы и то место, на котором, по их мнению, должен висеть галстук, — и Лёве Куперовскому. Лева у нас стилиста. Он напяливает на себя такое, что дамы зеленеют и переходят в третье — газообразное — состояние вещества, а Петрович, один раз увидев опоздавшего Лёву, выронил винтовку и на три дня перешёл — прямо за своими мешками — в каталептическое состояние. Кстати Петровичу ещё повезло. Потому что этот "один раз" был не единственный раз, когда Куперовский опоздал, а единственный раз, когда Петрович его заметил. Обычно Лева появляется

в конторе настолько поздно, что Петрович уже успевает покинуть свой пост и удалиться в отдел кадров, где в компании таких не отставников до конца дня вспоминает безвременно ушедшую молодость. Впрочем, Лёва ещё не пришёл, а Порфирий Иванович закончил с манишкой и аккуратно развесил её на спинке стула, где уже расположилась его рубашка. После этого он вытащил из-под стола кресло-качалку, удобно устроился и уснул.

Похоже, дамы примеряют всё-таки бельё, потому что в комнату уже двенадцатый раз под их негодующие крики заглядывает сексуальный маньяк Тарасевич из второго отдела. Погуляет себе между столами, расскажет анекдот и выскочит. Причём и входить, и выходить он старается внезапно, чтобы использовать фактор неожиданности, но у него пока ничего не получается.

Женщины наконец удалились. В дальнем конце комнаты опять кто-то новенький. Здоровенный, в чёрных штанах и красной рубахе. Топором над головой машет. А стол ему выдали отличный: старинный, дубовый, крепкий, с мордой на фасаде. Вообще с этим дальним концом периодически происходит странное: стена там какая-то ненормальная, будто туманная, и из этого тумана то мебель дополнительные появятся, то новые сотрудники — вроде этого бугая, в своём углу и обитают, к нам не подходят, ни с кем не общаются. Мы тоже к ним стараемся не приближаться. Всё равно посидят они немного, посидят и исчезают без следа. А иногда там опускается тьма, только ветер воет и звёзды мерцают. Надо бы в Академию наук написать, но лень.

Хлопает дверь, и в комнату входит ассириец. Два его малолетних соплеменника раскатывают перед ним красную ковровую дорожку. "А кому сапоги-ботинки чинить, набойки набивать, молнии подшивать, туфли ремонтировать, квартиру обчистить, жену увести?" — гнусаво поёт он и внимательно оглядывает нас. "Ничего не надо?" — удивлённо переспрашивает он. Мы молчим. "Ладно, посмотрим", — мстительно говорит ассириец и удаляется. Ковёр сворачивают и выносят. Кто-то зловеще хохочет. Мы оборачиваемся на звук. Там никого нет.

Из коридора доносятся мерные разрывы. Это школьники из соседнего круглогодичного пионерлагеря "Юный садист" метают гранаты — готовятся к "Зарнице". А может, и не школьники. Может, это соседний отдел к районной спартакиаде подготовку ведёт. Спортивных гранат в конторе нет, но Фомин как-то по случаю достал боевые. Вот они и бросают те, что есть. Всё равно тренировка.

"Ложись!" — заорал кто-то, и в центр комнаты падает граната. "Доигрались", — успеваю подумать я, валясь под стол. Другие мужчины среагировали мгновенно и защитились кто чем сумел. Милочка, как позже выяснилось, две секунды из отпущенных пяти решала, выпрыгнуть ей из ванны и укрыться за её боком или нырнуть, рассчитывая на особую крепость французской пены. В конце концов она выбрала второе. Порфирий Иванович спрятался под кресло-качалку. Раздался щелчок. Мы замерли, но взрыва не последовало. От гранаты начал распространяться неприятный запах. Вбежал радостный Михаил Соломонович в щегольской зелёной телогрейке и в противогазе.

"Учения по гражданской обороне, — хихикая, объявил он и добавил. — Фу-газы. Язвы по всему телу. Бесплодие, Через пятнадцать секунд смерть. По нормативу". Забрал свой снаряд и ускакал радовать других.

Вошла лошадь. Остановилась около моего стола. Я дал ей консервы "Морковка в морковном соусе". Местного производства. Больше ничего не было. Съела, поблагодарила ржанием и, потрясая гривой, ускакала.

Явился шеф. Побродил возле столов, Милочкиной ванны. Сказал "мда" и собирался уходить, когда увидел громилу в красной рубашке. Шеф долго озадаченно смотрит на громилу, а тот — на шефа. "Зайдите ко мне", — говорит шеф. Громила бледнеет и исчезает в тумане. Шеф пожимает плечами и удаляется к себе.

Пришёл Куперовский. Значит, скоро обед. В предчувствии его женщины вернулись и поставили на плитку чайник. Он у них медный, трехвёдерный, с гравированной надписью на боку: "Дорогому Николеньке от любящей его супруги Александры Фёдоровны и святого наставника Григория". Кто такой этот Николенька, никто не знает. Надпись старинная, с ятями. Чаепития занимают; важное место в жизни наших дам. Как и примерки. Иногда они совмещают оба занятия, и тогда снуют вокруг стола в весьма странных нарядах, вызывающих повышенную активность Тарасевича. Чайная церемония помогает

женщинам отвлечься от тягот быстротекущей жизни. Поэтому чай то греется, то распивается. "А кто у нас сегодня дежурный?" — нараспев выкликает одна из дам. "Я!" — с готовностью отвечает другая и убегает в соседнюю комнату к холодильнику. Вскоре она с натугой прикатывает оттуда двухсотграммовую баночку чёрной икры. "0-о-о", — в экстазе тянут дамы. "А что у нас сегодня к чаю?" — задаёт второй ритуальный вопрос дама-распорядительница. "А вот что!" — хором отвечают остальные и начинают вываливать на стол бутерброды с маслом, сыром и колбасой, отдельно хлеб, масло, сыр и колбасу, печенье, конфеты, сметану, яблоки, груши, дыни, тыквы, арбузы, ананасы, кокосы, фикусы, кактусы, плоды хлебного дерева, жареного хека, копчёную сельдь, солёного сига, мороженую ставриду, сушёную тарань, варёную акулу, мочёного кита, живого кальмара в собственных чернилах, грибы солёные, сушёные, копчёные, жареные, сырые и и ядовитые (мухоморы, по-моему, принесла Корнеплодова; сама, небось, есть их не будет). В центр стола, рядом с чайником, ставят четырёхлитровую бутылку с мутно-зелёным содержимым. Неужели?! Нет, всё в порядке, сухой закон не нарушен. Это всего-навсего сок манго баночный, пропущенный через мясорубку и топлёный двенадцать часов вместе с солёными огурцами под томатным соусом в пьяном виде мужем одной из наших сотрудниц. Кажется, всё. Нет, вот ещё одна достаёт из сумочки и водружает на стол торт в виде индийского храма любви. Дамы смотрят на лежащее перед ними изобилие. "Приятного аппетита", — командует распорядительница, и они, мило щебеча, будто хор адыгейцев на фоне родимых гор, приступают к приёму пищи. Как говорил наш старшина в военных лагерях, будь они трижды прокляты, аминь. К женщинам присоединился Порфирий Иванович, которого они всегда подкармливают. Лёва незаметно утащил у них ананас и доедает его за своим столом. Идиллическая картина. "Группа сицилийских крестьян отмечает счастливое завершение кровной мести". Прекрасная половина нашей комнаты, усиленная Порфирием Ивановичем и частично Лёвой, сметает всё. Только кальмар выпустил новое чернильное облако и скрылся в коридоре, да кит ожил, испугался и пырнул в океан. Впрочем, их исчезновения в общей сутолоке никто не замечает.

Неожиданно сама по себе заработала выключенная радиоточка и замогильным голосом, от коего волосы на голове зашевелились,

объявило: "Остаться на своих местах! Сейчас войду я!!!" Радио смолкло, но через десяток секунд снова ожило и добавило: "Говорил Михаил Соломонович Фомин-Залихватский". И на этот раз отключилось совсем.

Через пять секунд после оповещения во все комнаты одновременно зашёл Фомин. Отклонения от тождественности были, но незначительные. Так, у нас он появился в своей любимой зелёной телогрейке, в тот же миг в соседнюю комнату заглянул в смокинге, а в один из отделов, как выяснилось, — вообще в кителе. Остановился в центре, выкинул вперёд руку и запел: "Если завтра война". Допев, Михаил Соломонович со слезами на глазах и просветлённым лицом возгласил: "Товарищи! Несколько дней назад в степях под Тоцком высадились марсианские боевые соединения с агрессивными намерениями. В целях проверки боеготовности, а также обеспечения выполнения офицерами запаса своего священного долга решено привлечь к отражению наступающего противника вас. Я имею в виду — мужчин. От лица дирекции и от своего личного лица я могу добавить, что все погибшие будут занесены в Почётную книгу нашей организации навечно. Их барельефы выбьют на фасаде нашего здания. Их именами будут названы комнаты, коридоры, подсобные и служебные помещения. Их фамилии будут оглашаться их товарищами во время утренней поверки сотрудников организации. Слава погибшим героям! Изувеченные и искалеченные герои будут материально поощрены из директорского Фонда. Поздравляю вас, товарищи! Ур-р-ра!!!"

Мы хором сказали: "Ура".

Михаил Соломонович сделал паузу, ожидая троекратного повторения. Троекратно кричать мы не стали. Пауза затягивалась. Фомин недовольно поджал губы, но продолжил уже более буднично: "Для мужчин сегодняшней рабочий день завершён. Завтра построение в восемь часов на своих этажах. Форма одежды — рабоче-крестьянская, то есть надевайте что похуже. Будем вывозить к месту, так сказать, выполнения. Ваш непосредственный начальник на марше — Фан Фаныч". Из-за спины Залихватского вышел неведомо откуда взявшийся замдиректора по вопросам канализационно-очистных работ Фан Фаныч Унитас. Странная фамилия его, видимо, объясняется французским происхождением. Мало кто знаком с Фан Фанычем, потому что на своём официальном рабочем месте он не появляется. Зато заочно его знают почти все. Фан Фаныч — постоянный фельетонист стенной газеты

"Поворот к лучшему". Его полные гнева сатирические заметки, бичующие нравы, причёски, одежду, обувь и низшее бельё современной молодёжи, а также обличающие тех, кто нарушает правила пользования туалетом, регулярно появляются на страницах могучего печатного органа конторы. Недавно Фан Фанычу приказом директора была объявлена благодарность "за смелость в выполнении гражданского долга". Таким образом, нам достался начальник марша, полный гражданских доблестей.

* * *

Построение состоялось на час о небольшим позже назначенного срока, но прошло, в общем-то, нормально. Сначала Фомин нараспев продекламировал "Правила поведения тяжелораненого бойца во время ядерного взрыва" и "Последствия химико-биологического нападения". После него Фан Фаныч прочёл свой новый фельетон — о марсианах — и, нежно глядя на нас, сказал: "Он выйдет на днях в моей рубрике, но вы его уже не увидите". В противоположном конце коридора кто-то забился в конвульсиях, одновременно обогащая атмосферу цитатами из Чехова и Маркса. Появившиеся санитары спеленали его и унесли. Напоследок он начал "Декамерон". "Память у товарища отличная", — сказал Куперовский. Он опоздал всего на семьдесят минут и попал как раз к построению. На исходе третьего часа прибыл генерал. Его чёрная "Волга" остановилась на лестничной клетке, а БТР с охраной заехал в коридор, и могучие ребята с лицами потомственных костоломов деловито расставили вдоль строя крупнокалиберные пулемёты и лёгкие полевые орудия, тщательно наведя прицел на нас. После этого часть охранников устроилась за пушками и пулемётами, а остальные, покрыв стволы гирляндами искусственных цветов и транспарантами типа "Сердечно рады, что вы приехали", скромно примостились в стороне, сняв автоматы с предохранителей. "Что это они маскируются?" — спросил я у Лёвы, стоящего рядом. На Лёве — умопомрачительная гавайская рубашка с райскими птицами и клетчатый красно-чёрный пиджак, на спине которого золотыми буквами крупно выведено по-английски: "Сделано в Центрально-Африканской Республике". "По привычке, — объяснил Лёва.

— Рассчитано на телевидение. Чтобы на плёнку ничего лишнего не попало".

Генерал прошёл в центр коридора и командным голосом провозгласил: "Приветствую вас, дорогие товарищи колхозники и колхозницы! Соберём урожай пшеницы сильных и твёрдых сортов досрочно!" Помолчав, он добавил: "Дадим отпор израильским агрессорам!" Это было ближе, но всё-таки тоже не совсем то. Больше генерал выступать не пожелал. Он двинулся вдоль рядов, изредка пожимая руки или похлопывая передних по плечу. Остановившись рядом, он внимательно и несколько неприязненно оглядел меня с головы до ног и укоризненно проговорил: "Бородатый... Нехорошо". Потом генерал посмотрел на Лёву, кудри которого исчезали в вышине, где мешали свободному пролёту метеоритов, и, покачив головой, сказал: "Волосатый... Нехорошо". Зрелище Левиной причёски так расстроило генерала, что он сразу же сел в "Волгу" и убыл — охрана едва успела собрать вооружение.

После отъезда почётного гостя Фомин сообщил, что оружие мы будем добывать у уничтоженных и пленённых нами марсиан, напомнил о льготах искалеченным и погибшим и призвал садиться в автобусы организовано и поэтажно. Автобусы ждали внизу. Их было один — старенький "Пазик" с выбитыми стёклами и надписью "Долой Временное правительство!" на боку. Мы организовано и поэтажно разместились в нём. Михаил Соломонович, видимо, в целях соблюдения секретности прикрыл окна фанерными щитами, отчего мы потеряли ориентировку во времени и пространстве. Поблизости что-то взорвалось, прострелкотала автоматная очередь, раздалась непонятная команда, и автобус тронулся с места.

Изнутри он кажется гораздо больше, чем снаружи. В салоне стоит непроглядная тьма, и в ней растворяются и исчезают соседи. Даже тот, который стоит на моём плече. Я перестаю их чувствовать. Я во тьме. У моих ног горит костёр. На мне леопардовая шкура, галстук, который я тут же срываю и бросаю в огонь, очки и борода. Очки и борода мои собственные. Рядом Лёва в клетчатом пиджаке и набедренной повязке.

Мимо нас пробегает саблезубый тигр, за ним гонятся Фомин и Петрович, оба неглиже, с дубинами. Тигр истошно ревет, кричит: "Помогите!" — и пытается запутать следы. Откуда-то слышится радостный хохот Тарасевича и испуганные крики пещерных женщин. В костре на вертеле жарится мясо. Рядом вкопан прибитый к суковатой палке плакат "Изжарим агрессоров-марсиан досрочно!" Вокруг костра маршируют голые пещерные дети обоего пола в пионерских галстуках. В руках у них — самодельные плакаты: "Дяденьки добровольцы, защитите нас от агрессивных дяденек марсиан!" Интересно, и почему это все нас считают добровольцами? Мясо на огне издаёт аппетитный запах. Лёва плотоядно клацает зубами. Из тьмы выходят Залихватский, Петрович, Унитас и горящими глазами смотрят на самые аппетитные куски. Да, такие себя не обидят. Куперовский достаёт откуда-то напильник и принимается точить зубы. Запах становится сильнее. И в этот момент страшной силы удар бросает меня прочь от костра, в темноту. "Наверное, Петрович кусок мяса пожалел. Или Залихватский", — успеваю подумать я и оказываюсь на асфальте перед автобусом. Автобус врезался в столб, и теперь у него смущённый и озадаченный вид собаки, которой не удалось укусить кого хотелось. Краска с борта осыпалась вместе с призывом к свержению Временного правительства, и проявилась более старая надпись: "Да здравствует царь-батюшка!" Рядом стоит Куперовский в пиджаке и набедренной повязке. В зубах у него мясо, в волосах запуталась кость. Лёва оглядывает себя и ныряет обратно в темноту. Возвращается он уже без кости, в брюках и ботинках, дожёвывая на ходу. От него тянет костром, шкурами, мясом, дубинами, костями, пещерными женщинами, Петровичем, Фан Фанычем и ещё чем-то первобытным. Фоминым почему-то не пахло. Я принялся. Нет, Фоминым не пахло точно. Кроме нас, из автобуса никто не выходил. Я с содроганием представил себе гору трупов и заглянул в салон. Кроме тьмы, там никого не было. Кто-то подёргал меня за рукав. Я обернулся. Передо мной стоял мальчик. Классический юный пионер, в белой рубашке, шортах, красном галстуке и с плакатом в руках. На плакате было начертано: "Долой диктат американских монополий в Нижней Саксонии!" В слове "Саксония" он сделал четыре ошибки. "Смелый мальчик", — подумал я, вспомнив силу, неодолимость и мстительность этих монополий, и с ужасом представил, как щупальца капиталистического спрута смыкаются на горле мальчика (или девочки? никогда у этих плакатных пионеров пол не разберёшь, только по платяцам и штанишкам, но шорты и те, и эти носят; говорят,

ещё по пуговицам можно, но я всё время забываю, с какой стороны они у кого застёгиваются, по своей рубашке приходится проверять).

"Дядя, вы добровольцы?" — спросило бесполое юное существо. Дались им эти добровольцы. "Да, мы — это они". "Тогда вам велели передать, что в связи с изменением обстановки приказано рассредоточиться и двигаться своим ходом". И существо убежало. Странное оно всё-таки какое-то. Но хоть ненавязчивое.

Мы с Лёвой подумали, потом ещё раз подумали, забрали свои вещи и двинули. Из-за угла грянул хор: "Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону". "Хор Пятницкого", — сказал Лёва. "Нет, Советской Армии", — возразил я. Долго спорили, потом решили пойти проверить. За углом стояли вперемешку бравые ребята в форме и погонах без знаков различия и хорошо упитанные красотки в сарафанах, кокошниках, накладных косах и французских румянах. На некоторых вместо кокошников были фуражки, а кокошники — на бравых ребятах. "Значит, уже успели побрататься", — подумал я. Время от времени девицы начинали вертеться на месте, демонстрируя однообразие отечественного трикотажа. Парни сразу оживлялись. Здесь явно не хватало Тарасевича. "Ты поклонник народного искусства?" — спросил я Лёву. "Народного — да", — ответил он.

* * *

Изредка нам попадались другие рассредоточенные. "Куда вы идёте?" — "Не знаем, приказано" — "Ну, и как?" — "Других приказов не поступало". Ну, раз не поступало, значит, идём правильно.

Нас обогнал знакомый "Пазик" с забитыми фанерой окнами. Видимо, он уже без нас пару раз врезался в столбы, потому что с его бортов слетело ещё несколько слоев краски и открылся очередной лозунг: "Славься, Марк Антоний!" По-древнеримски. Мы закричали, замахали руками, побежали, но он не остановился. Лёва со злости запел: "В лесу родилась ёлочка" на мотив "Интернационала". Из боковой улицы вышел сержант милиции в генеральском мундире. "Нарушаете, гражданин", — сурово оказал он Лёве и опустил руку в глубокий карман пальто. "Если вынет пистолет, то нам конец", — подумал я. Милиционер достал из кармана "Алису в Стране Чудес", недоумённо повертел в руках

и сунул Лёве. "Конфисковано, — пояснил он. — Антисоветская книжка". Потом сержант снова полез в карман и выволок оттуда немецкую овчарку. Недовольно покачав головой, он отправил её обратно и вынул овчарку же, но восточноевропейскую. Поставив её по стойке "смирно", милиционер снова посмотрел на Лёву и увидел у него в руках "Алису". "Подрывная книжка, — сказал сержант. — Вещдок". Он вытащил из того же кармана фотоаппарат на треноге и стал наводить его на Куперовского. Собака стояла рядом и рычала. Лёва не знал, что делать. Подумав, он тоже зарычал.

Рядом остановился рейсовый автобус. На его боку было написано: "Кожвендиспансер — кожвендиспансер". "Кольцевой", — подумал я. "Садиться будете?" — спросил водитель. Мы зашли. Автобус закрыл двери и поехал. Сержант остался на остановке. У его ног рычала навтыжку собака. В салоне сидело несколько завсегдатаев диспансера. У них был весёлый и довольный вид. "Процедуры прошли нормально?" — спросил в микрофон водитель. "Отлично!" — хором ответили завсегдатаи. "Люблю я вас, ребята, — сказал водитель. — Я сам был таким, как вы. А теперь я водитель автобуса", — добавил он и отключился. К окну его кабины был привязан бронированный сейф на колесиках, который, таким образом, ехал параллельно автобусу. "Колхозный рынок", — объявил водитель. В салон вошёл огромный бык с медалью "Победитель соцсоревнования" на широкой груди. Бык немного задержался в дверях, подумал и сел на одно из свободных мест, над которым было написано: "Для взрослых и здоровых". Рядом с ним уселся мужичонка в рваной кепке, грязных сапогах, поношенном ватнике и джинсах "Леви Страусс". Изредка он гладил быка по плечу и нежно называл его Васей. Бык не реагировал. На телогрейке мужичонки токе висела медаль "Победитель соцсоревнования". На пустое сиденье рядом с одним из завсегдатаев присела старушка с несколькими сумками и большой открытой банкой масляной краски. Сумки были туго набиты леденцами. Старушка принялась доставать их один за другим, критически осматривала и подкрашивала малярной кистью, аккуратно стряхивая капли о край банки. "Внучкам везу, — пояснила она Лёве. — Здесь купила. А краску и кисть в придачу дали, бесплатно. Люди-то какие хорошие. А вы куда едете?" "Марсиан отражать", — сказал Лёва значительно. "Молодцы, сынки, — сказала старушка. — Хорошее дело

затеяли. А жить, сынки, как славно! И всегда хорошо было, и всегда точно так же хорошо будет, вот что я вам скажу". Тут между нами встал широкоплечий парень с магнитофоном, и разговор прекратился. Записанный на магнитную ленту популярный эстрадный баритон спел про то, как он, пройдясь по Ленинграду среди различных архитектурных красот, решил бросить всё это и отправиться в Афганистан, где настоящая жизнь, полетел туда на похоронном вертолётё "Чёрный тюльпан" с миссией дружбы, и неблагодарные местные жители-душманы садили по вертолёту из американских пулемётов, а сам баритон танцевал в это время вальс-бостон. Завсегдатаи, мужичонка, местные грузины, которые заняли переднюю часть салона, и водитель зааплодировали. Сидящая на коленях у одного из грузинов девушка лет четырнадцати, одетая в помаду, пудру, румяна, тушь для ресниц, колготки, туфельки и красную кофточку, достала откуда-то из глубин кофточки фотографию баритона и поцеловала её. Бык замычал. Бабушка за спиной магнитофонного парня всплакнула и снова проговорила: "Хорошо-то как". Парень вырубил звук, громко сказал: "Записывайте свои кассеты только в кооперативе "Нам песня строить и жить помогает". Кооперативные песни в рекламе не нуждаются", — и вышел.

На его место лёг потрёпанный жизнью мужчина с поллитровкой. "Притомился. Пьяный, наверное. Живётся-то у нас как хорошо, а!" — сказала старушка. Мужчина на полу запел "Интернационал". Все встали. Заглянувший было в автобус знакомый милицейский генерал-сержант козырнул и вышел. Автобус резко тронулся с места, и все рухнули на сиденья. Кроме тех, которые стояли в проходе и упали на поющего мужчину. Обиженный мужчина перестал петь и стал говорить о родителях упавших на него граждан. Особенно много он сказал о родителях быка, который как раз перед этим уступил место девушке с ребёнком. Бык встал, извинился, достал из кармана своего спутника — мужичонки в джинсах — ещё одну медаль "Победитель соцсоревнования" и приколот её к пиджаку лежащего мужчины. Лежащий успокоился, внятно сказал: "Служу Советскому Союзу, товарищ генерал!", вытянулся и заснул. Старушка прослезилась, счастливо бормоча: "Герой, герой. Как на моего старшего внука похож. И внучок на него похож". Завсегдатаи, убедившись, что больше никто не поёт, сами завели свою завсегдатайскую песню. Девушка на коленях у

грузина подпевала. Старушка всхлипывала от радости. Водитель сказал в микрофон: "Да, да, ребята, и я был таким, как вы". И тоже запел. Лёва с интересом записывал куплеты. Примерно на середине песни водитель объявил: "Граждане, передавайте деньги водителю". Пассажиры принялись выворачивать карманы и вытряхивать кошельки. Старушка осторожно достала бумажник у спящего на полу. Всё, что нашли, передали в кабину. "Спасибо", — сказал водитель. Он подтянул за верёвочку сейф и быстро переложил в него полученные деньги: купюры отдельно, мелочь отдельно. Там было уже довольно много. Когда мы подъехали к светофору, водитель ушёл куда-то и вскоре вернулся, волоча за собой на верёвочке новенький "Мерседес". Теперь за автобусом ехал не только сейф, но и "Мерседес", изредка водитель выходил из кабины, пересаживался в автомобиль и принимался нажимать там на разные кнопочки и дёргать за хромированные ручки. Тогда за руль автобуса садился один из завсегдатаев. Он учился тому, что ему понадобится, когда он перестанет быть завсегдатаем. Это продолжалось до тех пор, пока водитель случайно не нажал кнопку, после которой в "Мерседесе" рядом с ним оказалась полуобнажённая красотка явно иностранного вида, сразу же начавшая его вербовать. Водитель отверг притязания красотки, вылез из "Мерседеса" и с пением "Интернационала" вернулся в автобус. Лежащий на полу проснулся и стал петь вместе о нём. Бык снова достал из кармана мужичонки медаль, подумав, достал вторую и вручил их водителю и лежащему. Водитель расправил грудь и замолчал, а лежащий заснул.

На ближайшей остановке в автобус вошли несколько стражников в латах, шлемах и металлических наколенниках. В руках у них были щиты и копья. Стражники встали в дверях, выставив вперёд копья. Пассажиры почтительно отодвинулись, плотнее прижимаясь друг к другу. "Час пик", — объявил один из стражников, видимо, главный. "Значит, это вовсе не копья, а пики", — подумал я. Теперь пассажиры, продвигаясь к выходу, оставляли на пиках части одежды и тела. Бабушка на прощанье расцеловала всех стражников.

"Остановка предпоследняя. Следующая — конечная, кожвендиспансер", — объявил в микрофон водитель. Завсегдатаи оживились и рассказали несколько кожно-венерических анекдотов, после чего затянули диспансерную песенку. Лёва выглянул в окно и увидел на одном из домов надпись "Аптека". "Нам — сюда", — сказал он, и мы пошли к выходу. Вслед за нами двинулся грузин, на шее у которого по-прежнему висела девушка. "Разве вам не на следующей?" — удивлённо опросили завсегдатаи. "Нэт, нам пока здэсь", — сказал грузин. Прочие грузины продолжали сидеть. Остались и мужичонка с быком. "А вам разве до конечной?" — спросили завсегдатаи мужичонку. "Не мне — ему", — ответил мужичонка. Завсегдатаи с уважением посмотрели на быка. Бык скромно потупился. Автобус закрыл двери и уехал.

На остановке стоял знакомый милиционер. "Это опять вы?" — спросил он. "Нет, не мы", — сказал Лёва. "Жаль", — сказал милиционер. "Нам в аптеку", — сказал Лёва. "А зачем?" — спросил я. "Запаста лекарства на дорогу, — объяснил Лёва, — пригодятся". Милиционер спросил: "Это точно не вы?" "Не мы", — ответил Лёва, и мы вошли в аптеку.

В аптеке было людно. Многие стояли с вещмешками. "Что это они? — спросил я Куперовского. — Или их тоже мобилизовали?" Оказалось, что привезли импортное лекарство. Какое — точно никто не знал, но на всякий случай брали помногу. Крайним оказался монах в грубошёрстной рясе, подпоясанной верёвкой, сандалиях на босу ногу и с горящим факелом в руке. Монах, не переставая, скулил. "Ну, мужики, — ныл он, — ну, мужики, ну, пропустите вперёд, у меня там хворост разложен, народ собрался, человек ждёт. Пропустите, а..." Его никто не слушал. Толстая дама, отпускавшая лекарства, громко кричала: "Эй, кто там с факелом? С факелом нельзя. Нельзя сюда с факелом!" На неё тоже не обращали внимания. Очередь двигалась медленно. "Слушай, Лёва, — сказал я, — а может, те, в автобусе, вовсе не с этими болезнями в диспансер поехали?" "С какими?" — спросил Лёва. "Понятно, с какими". "Возможно", — сказал Лёва. "Может быть, у них вовсе даже кожное", —

сказал я. "Всё может быть", — ответил Лёва меланхолично, но о большим сомнением в голосе. Мне хотелось верить в лучшее.

Дверь с грохотом распахнулась. В аптеку ворвался высокий бородатый человек с чёрной повязкой через глаз. На нём была тельняшка, в руке — маузер. "Спокойно, — сказал одноглазый и выстрелил в потолок, — всем оставаться на своих местах!" Очередь опустилась на пол. Лежавшая неподалёку девушка прошептала своей соседке: "Я недавно была в Нью-Йорке, так там то же самое. Вы представляете себе: у нас — как в Нью-Йорке?" Дверь снова открылась, и вошли двое в тёмных очках и с портфелями. Одноглазый ещё три раза выстрелил в воздух и громко объявил: "Внезапная ревизия!" Женщина за прилавком упала в обморок. Одноглазый и двое с портфелями прошли в служебные помещения. Напоследок одноглазый снова выстрелил из маузера и сказал: "Посторонние могут быть свободны".

Расходились конспиративно: молча, по одному. Только мы с Лёвой вышли вдвоём, однако на улице сразу же сделали вид, что незнакомы, и двинулись в противоположные стороны. Встретились в ближайшем переулке. На Куперовском уже были тёмные очки, новый пиджак, тоже клетчатый, и борода. Я спросил пароль. Пароля он не знал. На всякий случай я сказал отзыв: "Четыре сбоку — ваших нет", — но он вырвался и убежал. Видимо, это всё-таки был не Куперовский, потому что Лева появился чуть позже, без очков, бороды, в прежнем пиджаке и помнил пароль. Отзыв я забыл, но мы всё равно опознали друг друга.

* * *

Вечерело. К ярко освещённым окнам магазинов боязливо жались стайки дружинников с красными повязками на рукавах. В кулаках они держали приказы с двумя дополнительными днями отпуска. Когда мы

подходили ближе, они закрывали глаза и отворачивались. "По-моему, нас принимают за хулиганов", — сказал Лёва. На нём был новый пиджак: белый, в сине-зеленую клетку. На спине по-русски было написано: "Голосуйте за несокрушимый блок партийных и беспартийных Тетюшского района!", а чуть ниже по-английски: "Кисс ми". Вместе с ярко-зелёными клешами пиджак производил неизгладимое впечатление. Среди не успевших отвернуться дружинниц было отмечено два случая нервного припадка. Мимо прошли три давно нестриженных неформала в веригах. Их вели двенадцать формалов в строгих чёрных костюмах, позолоченных очках и с обязательными значками на груди. Формалы нехорошо поглядели на Лёву и синхронным движением вынули из карманов наручники. Лёва испугался и переоделся. Формалы спрятали наручники, но продолжали смотреть с сомнением. Лёва причесался. Формалы недовольно поморщились и пошли дальше. Последний из них нёс под мышкой окладную дыбу. В носках у неформалов грустно звенели колокольчики.

По центру дороги проехал танк. За ним под охраной вооружённых мотоциклистов следовали три "шевроле" с молодыми людьми в дезабилье и неглиже. Впереди кавалькады бежал красно-синий глашатай и разгонял пешеходов и встречные машины, громко крича: "Прижаться к обочине! Прижаться к обочине! Пропустить правительственную колонну!" Ругаясь по-турецки, пролетел филин. Охая и чертыхаясь, взобралась на небо невыспавшаяся луна. По проезжей части прошли, чеканя шаг, шесть дежурных стражников с мечами и свистками и свернули за угол. Вскоре оттуда донеслись крики, а затем вернулись и сами стражники. На их лицах застыло суровое, но довольное выражение. Главный нёс под мышкой свёрток. С ближайшей крыши к нашим ногам упала обёрнутая в бумажку противотанковая граната. На бумажке было напечатано: "Идёте правильно. Вам приказом командования объявлена благодарность за успешное следование в нужном направлении. Целую. Фомин-Залихватский".

Пора было делать ночной привал. После краткого совещания решили переночевать у Лёвы, тем более, что остальные члены его семьи выехали в длительную командировку и возвращаться пока не собирались. Правда, двоих Куперовских (Лёва точно но знал, кого) они оставили, но те бродили где-то в тёмных и пыльных закоулках и не попадались на

глаза. Лёва пытался выяснить, кто же всё-таки жил с ним вместе, оставлял на видных местах приманки и ловушки, а в невидных — капканы, но никто не попадался. Иногда Лёве казалось, что их гораздо больше, чем двое, и может быть, вообще родные в командировку вовсе не убывали, а просто затерялись в лабиринте комнат и коридоров и никогда не сталкиваются друг с другом. А может, кроме, него, в квартире никого и не было.

Жилье Куперовских мне понравилось. Просторно, но уютно. Договорились и в дальнейшем устраивать ночные привалы только здесь. Всё-таки лучше, чем под открытым небом. По телевизору шла любимая народом передача "Со всей душой". "Это ты включил?" — спросил Лёва. "Нет, я же следом за тобой вошёл". "Так я и знал", — сказал он и со спринтерской скоростью помчался в дальний конец коридора. Раздался грохот и отчаянный визг. Недоумевающий Лёва принёс на руках кого-то зелёного, рогатого, с пятью глазами и тремя ногами. "По-моему, это не наш", — сказал Лёва. "Да Куперовский я, Куперовский, — заверещал зелёный. — Родственник я, с Веги. В гости прилетел". Лёва осторожно поставил Куперовокого-с-Веги на пол, и мы вместе пошли в гостиную смотреть телевизор.

На экране, рыдая, обнимались два пожилых человека: один седой, другой лысый, но оба весьма упитанные, поэтому обниматься им было несколько затруднительно. На лицах у них отпечаталось отвращение многочасовых репетиций. Вокруг плачущей парочки суежилась вальяжная крашенная под седины дама в скромном вечернем бриллиантовом колье и концертном платье и, подвывая, голосила: "Они встретились только сейчас, а до того не виделись тридцать лет". "И ещё бы столько же не встречаться!" — отчётливо пробормотал лысый. Вдруг оба бросились к ведущей и принялись горячо обнимать её. Лёва переключил на другую программу. Хмурые стражники бродили по великолепному замку и время от времени извлекали из потайных мест золото и драгоценности. Главный шёл рядом с корреспондентом и отвечал на вопросы. Чуть в стороне три его помощника подталкивали копьями в спину частично связанного хозяина. Сзади всех, поминутно оглядываясь и трогая всё руками, брели простолюдины-понятые. Один из них незаметно для стражников сунул в карман два кольца и

трёхметровую золотую цепь, наподобие якорной. Лёва погрозил ему пальцем, и тот неохотно вернул вещи. Эту передачу невозможно было ни с чем спутать, в прямом эфире — "Чтоб вы так жили!" К сожалению, она уже кончалась, золото увозили на грузовых машинах, хозяев — в чёрных каретах, замок отдавали Дворцу пионеров. Скоро по всем каналам должна была начаться информационная программа "Сейчас не время об этом" в различных вариантах: для зрячих, слепых, глухих, немых, тупых, морально распушенных и тех, кто выключил телевизор. В комнате уже было полно народу, но все жались к стенкам, прятались по углам, готовые в любую минуту раствориться, скрыться, исчезнуть. Лёва уже не обращал на них внимания и не пытался поймать. Устал, наверное. "Что там дальше?" — спросил я. "Пошли спать", — сказал Лёва. "Нет, я про телевизор". "Развлекательная программа "Наше вам с кисточкой". Опять, наверное, будут про тяжёлую жизнь звёзд мирового кино рассказывать. С демонстрацией кадров из "Волги-Волги" и "Весёлых жеребят"". "Тогда действительно пора спать, — согласился я. — А как же он?" И я показал на телевизор. "Ничего, сами выключат", — ответил Лёва. В комнате, кроме нас, уже никого не было, но Лёва говорил уверенно. И мы отправились спать.

* * *

Когда, мы покинули Лёвин подъезд, всюду светило солнце. В центре двора поросший мышцами юноша деловито бил кирпичи об макушку второго, не поросшего, в рваных штанах, зелёной майке, украшенной непонятными, но грубыми словами и с наголо обритой головой. Рядом стоял брат-близнец мышцепышущего, держа в руках плакат "Наведём порядок!" У бритоголового на черепе было написано: "Не будем наводить порядка!" Двое со значками "Официальные руководители" мрачно взирали. Чуть в стороне пионер с белым верхом и чёрным низом мерно отдавал честь. Бритоголовый выкрикивал антиобщественные лозунги музыкальной направленности. Близнецы тоже декламировали антисоциальные призывы, но с физкультурным оттенком и явно угрожающими интонациями в голосе. Официальные молчали. Один из них грустно посмотрел в нашу сторону и опросил: "Ну, что остановились, граждане? Неформалов не видели? Это вот, кажется, панк, а это люберы". Панк и люберы поприветствовали нас, а потом

продолжили прерванные занятия. "А может быть, вы тоже неформалы? Вот он у нас на связи с молодёжью". Второй официальный руководитель опасно улыбнулся и достал из кармана ручку и толстый блокнот в траурной обложке. "Фамилия, имя, отчество? Год рождения? Время вступления? Допуск к секретным материалам?" "Нет, нет, — наперебой заговорили мы и попятились. — Не были. Не были. Не были. Не состояли. Не имеем. Не выезжали и не хотим. Никогда. Никому. Ничего лишнего. Мы просто так, гуляли мимо. Мы тоже только формально..." "Ну, хорошо", — сказали руководители и спрятали блокнот. Пионер отдал нам честь. Мы вернули ему честь и вышли на улицу. "Пронесло", — сказал Лева.

На улице былолюдно. Все шли в одну сторону. Как выяснилось, на митинг. Это было похоже на военную колонну, и мы отправились вместе с народом. В стороне мелькнул Унитас, мы бросились к нему, но Фаныч уже исчез, а на том месте, где мы его видели, пионеры репетировали синхронный салют. Один всё время сбивался, и его па наших глазах записали в трудновоспитуемые. Он сразу же стал выше ростом, принялся ругаться дурными словами и сбивать с пути истинного своих товарищей и особенно подруг. Некоторых он сбил, и они свернули в переулок, там их уже ждали стражники в полном вооружении, святые отцы в рясах с низко надвинутыми капюшонами, чёрные кареты. Остальных окружили знакомые нам официальные руководители и увели на общий светлый путь. "Что-то долго идём", — сказал Лёва. Я возразил, что нам как раз и приказ такой дан — идти, и другого пока не было, а раз массы движутся — значит, надо следовать за ними. Это Лёву убедило. Кроме того, мы знали, что вожди не оставят нас, и, хотя и незримо, они всегда здесь. "Ура!" — сказал я. "Ур-р-ра!!!" — подхватили вокруг. Кто-то вручил мне запечатанный пакет. В пакете был приказ N 17: "Молодцы!" и подпись: "Генерал запаса Фомин-Залихватский". "Фомина повысили, — подумали мы, — значит, и нас скоро". Подбежал милицейский генерал-сержант, козырнул, пожал руки и, сказав: "Вот теперь я вам вполне доверяю, товарищи добровольцы-молодцы", исчез. "Неужели мы его больше никогда не увидим?" — с грустью подумал я. "Вы — наша надежда!" — крикнул с пролетавшего дирижабля Залихватский и скрылся в облаках. "Молодёжь! Ваши крепкие руки и крепкие головы нужны на строительстве заводов-гигантов!" — пронесли мимо плакат. Неожиданно

мы поняли, что нам присвоено очередное воинское звание "молодцов". "Ур-р-ра", — закричали мы, и массы поддержали.

Два такелажника протащили, пыхтя от натуги, железный занавес. С внутренней стороны занавес был чёрный, с противоположной — украшен цветами и радостными лицами. "На границу понесли", — сказал старичок со значком "Почётный первооткрыватель" на френче.

Начались ряды трибун. На ближайшей два оратора гневно бичевали недостатки волосатого юноши. Бичуемый время от времени громко каялся, неприлично взвизгивая при особенно удачных попаданиях и обязуясь исправиться до конца пятилетки. Слушатели аплодировали, помахивая собственными бичами.

"Воры, алкоголики, мошенники разные и уголовники... — выступала симпатичная бабуса. — Тунеядцы, рокеры, интеллигенты и вообще всякая молодёжь... Я бы их расстреливала. Всё равно не исправятся". Под бурные аплодисменты пенсионерке выкатили пулемёт, и она принялась расстреливать. Ей помогали. Вокруг запылали костры, пробежали четыре странника в шкурах и с дубинами, легионеры распинали кого-то на кресте. На личном динозавре под охраной стражников на птеродактилях прибыл отец города. Его сразу же окружили жёны и дети. Появились плакаты: "Да здравствует святая инквизиция!" Из толпы в отца кинули булыжник. Камень сразу же подняли, почистили, выгравировали соответствующую надпись и отправили в музей. Мэр кивал и улыбался. В магазинах продавали чёрную икру. Стражники у входа отбирали её и возвращали продавцу, поэтому хватало на всех. Легионеры кончили распинать и, горестно стеная, украшали крест цветами. Один из них продавал только что изданное собрание сочинений казнённого. С трибун донеслось: "Мо-лод-цы!!!" Мы с Лёвой раскланивались, нам махали руками и цветами. Рядом устанавливали статуи, где мы обобщённо изображались как творцы нового общества.

Неожиданно нас занесло волной в зоопарк. На главной аллее медведи и тигры обсуждали вкусовые качества посетителей. Лев с мощной всклокоченной гривой потребовал покончить с элитарным

искусством, оторванным от интересов рядовых масс хищников. Особенно его возмутила скульптура "Самсон, разрывающий пасть льву". В конце концов было решено заменить её на скульптуру "Лев, разодравший Самсона и раздирающий пасть директору музея". "Вот так! — довольно зарычал царь зверей. — Вполне в духе социалистического гуманизма. Долой абстрактную жалость и да здравствует конкретное: кем бы позавтракать!" Тут он увидел нас и идейно облизнулся. Мы на всякий случай свернули на другую аллею и оказались возле обезьянника. В вольере сидел макак суматранский в импортном клетчатом пиджаке и зелёном галстуке. "Странно здесь что-то сегодня, — нервно сказал Куперовский. — Пошли отсюда". Издалека донёсся призывный клич Тарасевича.

Сгустилась ночь. Впереди заманчиво светило окнами место ночного привала. Видимо, и здесь прослышали о приказе Фомина, потому что подъезд был украшен транспарантом "Спите спокойно, товарищи молодцы!", а в тёмном парадном нас ограбили, причём у Лёвы взяли двенадцать автографов и пиджак, и одна девица долго его целовала, приставив нож к горлу, а потом отстригла половину шевелюры. На память, наверное.

Квартира была полна воды. Всюду плавали шкафы, стулья, кровати, ванны, сбережения, золотые рыбки, осьминоги и мурены. Снизу прибежал сосед — толстый, лысый, в пижаме — и стал кричать: "Как вы смеете? Что вы себе позволяете?! У меня телевизор залило!" Лева показал ему тайный значок молодца, приколотый с обратной стороны лацкана (он успел надеть другой пиджак взамен снятого). Толстяк поперхнулся, замолчал было, но, так как вода прибывала, снова завопил, на этот раз — о правах человека. Из спальни выплыл крокодил и, лениво загребая лапами, двинулся в сторону Левы. Тот едва успел увернуться и возмутился: "Эй, эй! Меня нельзя есть. Я у себя дома. Я молодец! Я Куперовский!" "Я тоже, — терпеливо вздохнув, спокойно сказал крокодил. — Много нас, Куперовских. Всех не есть, так голодным останешься". Потом он указал правой передней лапой на соседа и спросил: "А он, что, тоже Куперовский?" "Нет-нет, — торопливо ответил

Лёва, — он не Куперовский". "Это хорошо", — сказал крокодил, проглотил соседа, снова вздохнул — на этот раз сыто — и медленно, с достоинством побрёл вниз по лестнице.

"Откуда течет, как ты думаешь?" — спросил я, покачиваясь на волнах в мягком кресле. "По-моему, из ванны, — сказал Лева, прислушиваясь к журчанию. — Опять кто-то кран не завернул". "Это я не закрыл, — донёлся тоненький голосок с проплывающего шкафа; там сидел Куперовский-с-Веги. — У нас на Веге так Новый год празднуют. Я думал, всем станет весело. А кому не станет, тех я трансгрессирую. Я тут одного грустного с первого этажа уже трансгрессировал". Тут мы очень обрадовались. "Как до ванны добираться будем?" — радостно крикнул я Лева. "По потолку придётся", — улыбаясь, ответил он. "Ну, двинули..." Мы слезли с кресел и забрались на потолок. Под нами расстилался океан. Буруны с рёвом налетали па берег, ударяясь об него взлохмаченной, как у Лёвы, головой. Неподалёку пронёсся смерч. Он подхватил советский сухогруз с партией чёрной икры в голодающую Африку и унёс неведомо куда. Хотелось верить, что в Казань или Калугу. Но скорее всего — в догнивающую Европу, а у них и так всего полно. Хорошо они там догнивают!.. Когда мы подходили к кухне, снизу, с большой льдины, погрозил кулаком белый медведь. В нейтральных водах встретились наша атомная подлодка с американской. Экипажи долго братались. "Америка — хорошо! Рус — гуд! Рашн водка!.. Жвачка! Махнём джинсы на флаг?!.. "Спартак" — чемпион! Рашн девки — вери гуд! Жвачка!.. Жвачка!.. Да здравствует СССР! Вставай, проклятьем заклеимённый!.. Жвачка!" — доносилось до нас снизу, пока мы пересекали потолок кухни. Кончив обниматься, моряки забрались внутрь кораблей, задраили люки и открыли огонь друг по другу. Вскоре оба судна мирно потонули. "Наверно, секретность надо было соблюсти", — сказал Лёва. "Мгм", — ответил я.

Лева завернул кран. Уровень жидкости перестал повышаться, но понизиться не спешил. "Я придумал", — сказал Лёва и нырнул. Вскоре он появился с катаной в зубах. Перехватив меч рукой, он крикнул: "Я там пробил дырки, теперь вытечет. "А это что у тебя?" "Где? А... Это наш кухонный нож". Лёва оказался прав, вода действительно быстро вытекла через дыры в полу в квартиру этажом ниже. Теперь можно было отдохнуть, но мы так устали, что сразу же отправились спать. Краем глаза я успел увидеть, как в пробоину протиснулся белый медведь и гулко плюхнулся в воду. Кто-то из Куперовских заиграл на синтезаторе с

суперколонками, а двое других подыгрывали ему на мотоциклах без глушителей. Под эту музыку мы и заснули.

* * *

Не успели мы проснуться, умыться, одеться и выйти из подъезда, как нас подхватил мощный человеческий поток и повлёк за собой. Неподалёку в водовороте бился Куперовский, пытаюсь одновременно выплюнуть стяг, который лез ему в рот при каждом порыве ветра, надеть пиджак и вытряхнуть из этого предмета одежды дружественного негра. Пиджак зелёного цвета, с крупными розовыми звёздами и треугольными золотыми пуговицами, на которых чёрными английскими буквами было вытиснено непонятное иностранное слово " Karaganda ", потряс воображение африканца, и тот явно хотел отнять его у Куперовского. При этом негр особенно напирал на сотрудничество и хорошие отношения между его страной и нашей. Куперовский, бубня что-то про социалистический принцип распределения, упорно протискивался в пиджак и в конце концов добился полного успеха. Чернокожий друг сразу же обиделся и скрылся в толпе, ругая гегемонизм.

Отталкиваясь руками и ногами, мы попытались пробиться наверх, к небу, и на пару секунд нам это удалось. Блеснуло солнце, но водоворот всосал нас, и последним, что мы успели увидеть, был плакат: "Загрязним озеро в двадцать раз быстрее, чем в 1913 году!", который несла колонна работников химзавода.

Вдруг волны расступились, и нас вышвырнуло на берег, то есть на бетонную площадку перед каким-то зданием. Усевшись на панели, мы отдыхали, а мимо нас маршировали стройные ряды знаменосцев, орденосцев, миноносцев и рогоносцев. Проволокли рыболовный траулер. Видимо, он достиг рекордного улова в расчёте на широкую душу экипажа.

— Лёва, а где это мы? — спросил я.

Куперовский внимательно осмотрел здание. На фасаде было написано несмываемой краской: "Не приставать, не чалиться". Висевший чуть повыше транспарант приглашал: "Добро пожаловать, дорогие товарищи, имеющие доступ к секретности!" И на мраморе слева от двери: "Центральное эксплуатационное бюро машины времени".

— Лёва, — спросил я, — тебе очень интересно, что будет завтра?

— Да.

— А через год?

— Ещё интереснее.

— А через несколько лет?

— А что такое?

— Давай зайдём. Перенесёмся в будущее, на сколько разрешат, а потом вернёмся. Про марсиан всё узнаем и вообще.

Это Лёву убедило. Внутри, конечно, сразу же спросили допуски и пропуска, которых у нас отродясь не было, но мы не растерялись и сказали, что забыли их дома. Нам дали кучу бумаг и анкет, велели их заполнить, а взамен пообещали разрешить одну поездку на машине времени. Мы бодро схватились за авторучки, но почти сразу наткнулись на графу, которая заставила остановиться.

— Ну вот, и здесь она, — сказал я. — Что делать будем?

— Не знаю, — ответил Лёва. — Правду ответим — не пустят, неправду — не поверят.

Вид у него был задумчивый. В конце концов решили написать каждый по-своему. Я указал "секретная", а Лёва — "не знаю".

Пока кадровики читали наши анкеты, глаза у них постепенно становились квадратными. Потом они долго молчала и пили воду. Когда вода кончилась, один из них спросил у Лёвы, почему у него 278 членов семьи и кто такой Куперовский-с-Веги? Лёва начал рассказывать про свою квартиру и близких родственников, но на восемнадцатом родиче — троюродном любимом дяде из-под Жлобина, приехавшем на неделю и оставшемся навсегда — секретчики отключились, впали в протрацию и лишь конвульсивно вздрагивали при очередном имени. Самый крепкий попытался всё-таки выяснить, почему у меня в графе "Имеете ли родственников за границей?" написано: "Я честный советский человек",

но пока я подробно отвечал, проверяющие перешли в невменяемое состояние. Мы устроили их на полу поудобнее и пошли к машине.

Оказалось, что нам действительно разрешили ровно одну поездку в будущее: или "туда", или "обратно". Идти снова к секретчикам было бессмысленно. Кроме того, Куперовский опасался, что, придя в себя, они обратят внимание на ту самую графу и вообще нас не пустят. Мы хотели было уйти, но стало обидно, что зря заполняли гору бумаг. Решили всё-таки лететь "туда".

— А можно только "обратно"? — спросил я из любопытства.

— Можно, — ответил бородатый в белом халате — инструктор.

— А как?

Он начал сыпать математическими формулами, и Лёве стало нехорошо. Пришла старушка, смела теоремы в совок и унесла. Инструктор задумчиво смотрел ей вслед.

— А вообще-то не получится, — сказал он.

— Что "не получится"? — снова спросил я.

— "Обратно" без "туда". А может, и выйдет. Никто же не летал. Вы первые. Вам хоть можно?

— Можно, — твёрдо сказал я. — Мы молодцы. А на сколько перенесёмся?

— Никто не знает, — сказал бородатый. — Кроме шефа. Но он в Африке. Диссертацию там защищает. А валюту урезали. Поэтому приходится отечественные приборы использовать, а они не показывают. В общем, сами сориентируетесь.

Я втащил Лёву в аппарат, и инструктор нажал кнопку.

* * *

Над нами стояла девушка с амбарной книгой под мышкой.

— Ну что, пришли в себя? — спросила она.

— Я пришёл, Лёва, по-моему, нет. А сколько лет прошло?

— Не знаю, — сказала девушка. — Шеф в Америке. Дочку там замуж выдаёт. Валюту опять срезали. А наши приборы теперь показывают, но не то.

Ладно, подумал я, сами выясним.

— Как там марсиане?

— Не знаю, — опять ответила она. — Шеф в Америке.

Я удивился, но ничего не сказал, подхватил Куперовского и покинул храм науки. На улице Лёва пришел в себя и начал куда-то рваться. Потом опомнился и притих. Очень хотелось есть — с дороги, наверное.

Столовую нашли быстро. У входа встретил швейцар в ливрее с бородой и посохом, как у Деда Мороза. Он спросил визитные карточки и, низко кланяясь, провёл в трапезную. Мы бегло просмотрели меню, поданное в позолоченной кожаной папке с вытисненными коронами, и выбрали "комплексный обед номер 2". Появился метрдотель с длинным волевым подбородком, бакенбардами и в смокинге. "Первая перемена", — звучно объявил он. Шесть официантов в чёрных костюмах внесли...

На первое был суп с удочкой и поплавами. Съели быстро и с удовольствием, хотя и мешали жареные крючки. По знаку метра явилась вторая перемена: колбаса из останков, бычки в помаде, сыр со слезой шеф-повара, подлива "Луcreция Борджиа". Потом ещё много чего было: жадина-говядина, солёный огурец, скунс в собственном запахе (который, впрочем, быстро очнулся и убежал), салат из крапивы с ожогами, мясо по-джугашвильски — с кровью, салат из кошмаров, а на сладкое — печенье в виде колоды карт, но почему-то без пикового туза, и компот "Засушливый" с утомлёнными фруктами. Даже метр не выдержал: охрип и ушёл.

Выбрались на улицу: солнце светит, небо голубое, цветы за городом до того распустились — по бешеным ценам продаются. Явно — утро. "Что за чёрт? — думаем. — Мы ж днём в столовую зашли". Решили

было, что последствия перемещения во времени, оказалось — совсем другое: просто мы двое суток в этой забегаловке провели.

Хорошо вокруг: музыка играет, птички поют. Демонстрация идёт: аккуратненькие такие старички с плакатами "Погоня за сенсациями — это не наш метод", "Да здравствует АБВГД!", "Накося, выкуси!", "Много будешь знать — скоро состаришься". Ветераны прессы. Только они промаршировали, как на тягаче трибуну выволокли, на неё бегом почётные люди взобрались, достали и надели очки, приветливые улыбки. "Ну, — думаю, — наверняка высокий гость прибывает". И точно: карета, стражники на велосипедах, телохранители с арбалетами, в общем, всё как положено. Гость высокий, но низенький и хорошо упитанный. Девушка в кокошнике и прозрачной мини-юбочке а-ля сарафан вынесла на рушнике два бутерброда с краковской колбасой. Гость с видимым удовольствием откусал, чмокнул девицу и вместе с ней пошёл на трибуну, обнимая за плечи и на ходу записывая телефон. Появился лозунг: "Работать по-новому — гораздо лучше, чем работать по-старому, но ещё лучше совсем не работать!" Гость произнёс зажигательную двухчасовую речь о вреде сахарного песка. После этого группа девушек из секции ритмической гимнастики исполнила танец "Ночные бабочки". Встреча кончилась, гость физкультурным шагом прошёл к машине, на ходу понимая руки гражданам, и уехал. Подняли над головами лозунг: "Всё будет хорошо!" Сразу стало легче на душе. Люди вокруг целеустремленно двинулись куда-то, и мы зашагали вместе с ними.

* * *

— Послушай, — оказал, оборачиваясь ко мне, Лёва, — тебе это ничего не напоминает?

Действительно, стали попадаться знакомые здания, и ещё более знакомым било огласившее местность:

— Если надо, если надо, если надо — значит, надо, никаких вопросов нет!

— Привет, Джо! — сказал я.

Перед нами была родная контора. Весь фасад занимал огромный плакат, на котором огненными буквами было начертано: "Перестройка должна быть перестройкой!" Немного поколебавшись, мы вошли внутрь.

Первое, что бросилось в глаза, — Петровича за мешками с песком не было. Да что там Петровича — самих мешков не было тоже. Лёва заподозрил некую дьявольскую хитрость, и нам пришлось добираться до лестницы по-пластунски, а по ней перемещаться перебежками, пригибаясь. Однако ничего не случилось. На своём этаже расправили плечи и вдохнули полной грудью. Пахло горелым. Неподалёку несколько чекистов (кажется, призраков) поджаривали на медленном огне начальника планового отдела. Плановик кричал и умеренно вырывался.

— За что они его? — задал я вопрос в пространство.

— Со скуки, — ответил пробежавший мимо сотрудник. За ним гнался огромный закованный в латы рыцарь, размахивая над головой двуручным мечом. На спине рыцаря было написано: "Не забуду мать родную", — по-латински. Чуть пониже торчало глубоко ушедшее в тело копьё.

— А вот догоню! Всё равно догоню! Ух, ха-ха-ха, — азартно выкрикивал он, и меч со свистом рассекал воздух. Сотрудник юркнул в туалет и затаился там. Призрак добежал до конца коридора, ещё раз дико ухнув, прорубил дверь конструкторского отдела и исчез.

В комнате из-за плаката, перекрывавшего окно, царил полумрак. Дамы за шкафом дремали прямо во время примерки, а Милочка похраивала в ванне. Слегка постукивая своим единственным доспехом, подбежал Ваню.

— Ребята, как я рад, что вы пришли! — зашептал он. — Идёмте, чего покажу.

Через отверстие в плакате была видна часть крыши студенческого общежития, находившегося напротив конторы. На крыше какой-то кавказец встречался со своей возлюбленной.

— Да нет, не там, правее! — нетерпеливо дышал нам в уши Коргалидзе.

Правее, за трубой, опираясь щекой о приклад винтовки, сладко спал на солнышке Петрович.

— Теперь он там опоздавших поджидает, — объяснил Коргалидзе. — В засаде. Я специально дырочку провертел, чтобы за ним следить. Весь день — на крыше, террорист-одиночка.

Мы с Лёвой поняли, что счастливо избежали грозной опасности. Вошли Тарасевич и призрак испанской наружности. Тарасевич оглядел

комнату, обнаружил дам за шкафом и настолько выиграл от всего увиденного, что отчаянно осмелел и полез в Милочкину ванну, откуда был с позором изгнан пробудившейся хозяйкой. Дух-испанец сделал несколько совершенно бескорыстных попыток соблазнить одну из сотрудниц, успеха не достиг и заметно поскущел. Неожиданно, приняв, видимо, какое-то решение, он вырвал у неё из рук примеряемую деталь туалета и побежал в потусторонний угол комнаты. Рассерженная девушка бросилась за ним, и они скрылись в тумане. Вернулась она через месяц, с младенцем на руках. Младенец был абсолютно прозрачный, он размахивал над головой шпагой и читал наизусть Сервантеса и Лопе де Вега в оригинале. Шёпотом передавали друг другу, что он вампир и по ночам ходит сосать кровь из тех, на кого укажет его мамаша. Впрочем, я забегаю вперёд.

Я подошёл к своему столу, согнал с него многометрового удава и обнаружил в самом центре чудовищной величины шляпку гвоздя. Пашка всё-таки воспользовался моим отсутствием. Я хотел было испепелить его взглядом, но не успел: потревоженный удав (кстати, кто его-то притащил?) выбрал Севастьянова в качестве возможной трапезы и напал. Пашка бросился наутёк, удав — за ним. К сожалению, не догнал: Севастьянов успел запереться в шкафу, и змей с тоски уполз в дальний угол и исчез. Гвоздь я решил не выдирать: всё равно дыра останется, так чего уж там.

Пришли три привидения в хитонах и замогильными голосами потребовали жертву, желательную кровавую. Я пожертвовал им Пашкин любимый мягкий стул, все бумаги с его стола и Лёвин пиджак, который Куперовский оставил на спинке стула. Ваню попытался пожертвовать шлем, но так и не смог его снять. Тогда он предложил гостям из потустороннего мира Корнеплодову. Призраки с радостным жутким воем подхватили её и, не обращая внимания на угрозы и проклятия, увлекли за собой, не забыв и подаренные мною вещи. Наши дамы единогласно решили принести в жертву ещё и Тарасевича, но было уже поздно — призраки ушли.

Вбежали зелёнофуфачный Фомин с радостным Унитасом. Михаил Соломонович крикнул: "Газы!" — и швырнул об пол стеклянную ампулу с фосгеном. Мы нырнули в противогазы. Фан Фаныч, семеня между рядами, проверял, у всех ли они надеты по уставу, а деловитые санитары в синих халатах собирали и выносили тех, кто не успел. "Конец гражданской обороне", — сказал Фомин, и они с Унитасом отбыли.

Вошёл ассириец, звучно возгласил: "А каму обув рэмонтировать? А-а-а, налэтай!" Убедившись, что лететь никто не желает, он с прежней угрозой в тоне сказал: "Ладно! Пасмотрым", — и удалился. Выглядел он потрёпанным.

* * *

А время текло себе да текло, полное штилями и штормами, водоворотами, затишьями перед бурями. Через месяц после нашего возвращения Фан Фаныча избрали парторгом, хотя и своей газетной деятельности он не бросил, теперь его рубрика занимает до половины номера. Ещё через месяц та самая похищенная в прошлом испанским призраком сотрудница вышла замуж, на сей раз за нормального человека, главврача психоневрологической клиники. Новый муж согласился усыновить ребёнка, невзирая на его прозрачность и вампирность. Всю первую брачную ночь дух-испанец бродил под их окнами, художественно стелая, и исчез лишь утром. Но не навсегда: до сих пор в дни аванса, полочки и тринадцатой зарплаты заходит по старой памяти к нам в комнату требовать дани, при этом завывает и скрежещет зубами. Он подружился с Порфирием Ивановичем и Милой, поёт им серенады и учит приёмам фехтования. В конце мая на Коргалидзе напали хулиганы и сняли шлем. Ваню гнали за ними два квартала, хотел поблагодарить, пригласить в гости, но они не поняли его намерений и скрылись. Поперёк коридора на нашем этаже почему-то поставили новенький рояль, закуленный для ещё не построенного концертного зала конторы, так что из одного конца коридора в другой можно было добраться или проползая под инструментом, или шагая прямо по нему, или в обход через другой этаж. Большинство предпочитало первое, беременные женщины, инвалиды и начальство — второе, только Унитас дисциплинированно и гордо обходил. Пашка Севастьянов, стойкий хоббист, не выдержал искушения и вбил в крышку рояля три корабельных гвоздя, за что и получил строгий выговор в приказе. Летом мы две недели прятались под столами и в шкафах, потому что начальство искало, кого бы послать в подшефный колхоз убрать за сельчан урожай. Про то, что мы с Куперовским молодцы, тоне не забыли, после нашего возвращения

плакат красочный в фойе прицепили, а когда городскому руководству понадобились два добровольца на строительство монумента "Герои советской науки", Фомин-Залихватский нас назначил. По этому поводу Фан Фаныч восславил нас в газете, противопоставив остальной молодёжи, хипшующей, панкующей и всяко кайфующей. Статья называлась: "Наши молодцы" и завершилась словами: "Добровольцы — всегда добровольцы!" Что ещё? Зарплату мне повысили.

* * *

А чем закончилась история с марсианами, я не знаю. До марсиан ли тут?!

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Как Лёва решил эмигрировать

Вся эта история началась с того, что к нам в контору пришел хасид. Нечего себе такой хасид, хорошо упитанный, глаза горят и в шляпе. Ну, для чего в трудовой, извините за выражение, коллектив может заявиться раввин или, например, вот этот хасид? Глупый вопрос — естественно, для культурного обмена, и эмиграция тут совершенно ни при чём. Это как с курсами языка иврит: тоже открывали под речи о спасении национальных традиций, а в результате спасти оказалось практически нечего. То есть после завершения обучения традиции вместе с их носителями: убыли далеко на юг красивыми самолётами международных линий, в чём, как выяснилось, и состояла культурная миссия данных курсов. Лёву туда тоже приглашали, но он по непобедимой привычке опаздывать постоянно приходил к концу очередной лекции о злобности сионизма, каковая каждый раз имела место после занятий. Делалось это по распоряжению властей из соображений сохранения мирового равновесия, но помогало плохо. Между прочим, среди решивших отправиться из нашего города на землю предков большинство в качестве основной причины отъезда называли сильные впечатления, вынесенные с этих самых антиссионистских лекций, каковые, кстати, читал большой друг еврейского народа араб-суннит родом из-под Жлобина, Так и говорили: после двенадцатой лекции этого жлоба страстно захотелось поугнетать борющийся народ Палестины. В общем, профилактика не действовала, и только Лёва ввиду вышеупомянутой причины не подвергся влиянию ни курсов, ни лекций и остался чист душой и верен родной стране. Однако визита хасида он не перенёс. Собственно, виноват не экзотический гость, а Самигулла со своей дурацкой привычкой обмениваться головными уборами. У него дома уже большая коллекция, включающая даже помятый гусарский кивер, происхождение коего темно и странно, Короче говоря, хасид отмахивался от тубетейки, Самиг настаивал, тоже применяя при этом руки, а также любимый дедовский кинжал. Куперовский, у которого не вовремя разыгрались национальные чувства, рвал на Самигулле халат, а переводчик с криками "шлимазл" и "помогите, товарищи" метался вокруг вплоть до прибытия ОМОНа, который всех разнял. Скандал погасили, Лёву успокоили, но, видимо, не совсем, и через пятнадцать суток, в течение

которых он боролся за чистоту родного города, мы узнали, что он подал заявление. На выезд.

Лёва Куперовский и языковой барьер

Левиной репатриацией занималась вся семья. Дядя Исак метался по городу и скупал в комиссионках мелкие, но ценные вещи, которые Лёва должен был впоследствии продать, чтобы ему хватило на первое время. Тётя Злата-Броха писала всем израильским родственникам (где-то там жил дядя Изя, который не давал никому адреса, но у которого имелось за душой несколько лишних шекелей, и даже, по слухам, была своя машина). Заодно она отправила пяток посланий в Америку и Австралию, потому что мало ли как жизнь обернётся. Дед Авраам, обладатель значка "Ветеран ЧК" и шашки с гравировкой "Меткий стрелок" лично от товарища Непоросева, демонстрировал Лёве приёмы джиу-джитсу и самбо, которые должны были безусловно ему пригодиться при встречах с арабскими террористами. Попутно он проводил с внуком политбеседы, объясняя, что интифада — это мирная борьба палестинцев за свои и без того неотъемлемые права. Другой дед, Моисей, ездил в Москву, где, распушив пейсы и громогласно утверждая, что он ветеран семидневной войны и вдобавок из рода Давидова, прорывался без очереди в израильское консульство для совершения соответствующих бюрократических процедур. Мама с бабушкой с утра до вечера пекли пирожки в дорогу, большую часть которых, правда, съедали забредавшие на кухню домочадцы. И, наконец, дядя Исав занимался самым важным, он втолковывал Лёве премудрости будущего родного языка.

— Английский я тебе преподавать не буду, это примитивный язык, который ты легко изучишь на месте, — гремел он на всю квартиру, грозно трясая черной бородой и взлохмаченной шевелюрой. — Я тебя учу еврейскому, без которого ты там будешь как без рук.

Титанический труд дяди Исава, надо сказать, увенчался успехом, и к моменту отъезда Лёва свободно произносил всё необходимое и даже много лишнего.

На аэродроме Куперовские прощались так горячо, что вылет пришлось отложить на два часа. В далёком Средиземном море у командира сирийской подводной лодки, который ожидал Левин самолёт с гнусными намерениями и наведёнными ракетами "поверхность —

воздух", отказали нервы, и он убрался домой. Международного диверсанта Ясера Газавата в Тель-Авиве на посадочной полосе хватил солнечный удар, и он впервые в жизни сорвал задание. Шпионка лёгкого поведения Мотя Харьман не дождалась первого пилота советского лайнера в холле тель-авивского отеля для отдыхающих лётчиков, и он лишился возможности продать Родину за несколько тысяч долларов. И ещё множество крупных и мелких происшествий случилось из-за непредвиденной задержки, но мир об этом так и не узнал.

Лёва настолько устал от бурного расставания с домочадцами, что заснул сразу же, едва опустился в своё кресло в самолете, и не видел тарелочку Куперовского-с-Веги, провожавшую его до самого финиша. Ему снился дядя Изя, который перебирал золотые монеты, складывая их в ровные, приятные для глаз столбики по десять штук. Окончив счёт, дядя Изя спрятал завёрнутые в полотно цилиндрики в деревянную рамку своей фотографии на бабушкиной тумбочке и исчез.

Лева протянул руки к фотокарточке и проснулся. Самолёт уже никуда не летел. Стоящая у выходной двери стюардесса голосила:

— Конечная! Выходьте, Тель-Авив. Вагон дальше не идёт. Счастливого пути. Хватит дрыхнуть. Растолкайте того старого хрыча! Слышите, вам говорю — разбудите вашего дедушку, а то я сама за него возьмусь. Покиньте салон!

Лёва ступил на родную землю и ничего не почувствовал. Шагнул ещё раз — опять ничего. Он вздохнул, пожал плечами и пошёл на досмотр.

На таможне почти не проверяли и совсем не разговаривали. Иммигранты текли рекой, и, слегка задержавшись на пороге у таможенной стойки, вливались в застоявшееся болотце перед солидной дверью с табличкой "Абсорбция". Здесь пришлось подождать. Только часа через два Лёву пригласили внутрь, в просторный зал, стены которого были увешаны парадными портретами прежних, нынешних и будущих вождей Израиля. Здесь иммигрантов обрабатывали сразу десятками, швыряя им кучи анкет, которые можно было заполнять на

английском или на русском языках. Лёва, давно растерявший не только школьный, ко и университетский словарный запас, выбрал второе. Изъяв листки с ответами, Куперовокого провели к столу, за которым сидел солидный лысоватый господин в синем костюме. Лёва вспомнил уроки дяди Исава и бодро произнёс:

— Шолом алейхем.

Господин, не отреагировав на приветствие, спросил на доступном ему русском:

— Вы говорить ин еврейски мова?

— Шолом алейхем, — гордо повторил Лёва, упирая на безупречное одесское произношение и про себя удивляясь тупости чиновника.

— Это есть ин еврейски? — догадался чиновник.

— Конечно, — ответил Лёва на языке прежней родины, поняв, что собеседник не говорит по-еврейски.

— Импошибл, — вздохнул господин в синем. Помолчав, он попросил:

— Скажите ещё что-нибудь еврейско.

— Нит гедайген, шлимазл, — произнёс Лёва первое, что пришло в голову.

Господин в синем встал, подошёл к Лёве, обнял его и неожиданно зарыдал, роняя слёзы на любимый Левин клетчатый пиджак. При этом он бормотал:

— Двадцать лет. Двадцать лет не слышать идиш. О, ненька Украина! О, кохана Жмеринка!

Периодически он отходил к столу, черкал что-то в своих бумагах, нажимал на клавиши персонального компьютера, звонил по телефону, передавал по телефаксу, попутно сквозь слезы объясняя Лёве, что в мире существует два еврейских языка, из коих Лёва с помощью дяди Исава выучил один, а здесь, в Израиле, из-за сложного сцепления обстоятельств в ходу как раз другой.

— И сделать ничего нельзя? — с надеждой спросил Куперовский.

— Я уже пробовать, — грустно ответил чиновник. — Нельзя.

Он вручил Лёве пачку шекелей, брошюрку с адресами, по которым следовало обратиться, направление в гостиницу и лично проводил к

выходу, который находился строго напротив входа, так что кабинет абсорбции странно напоминал тамбур поезда. Лёвины вещи, которые кто-то уже перенёс туда и сложил перед порогом, усиливали это впечатление, Куперовский открыл дверь и вышел в страну, языка которой не знал. За его спиной, умиляясь собственной ностальгии, плакал чиновник.

Лёва Куперовский — израильтянин

Каждое утро начиналось одинаково, Левин сосед по номеру, здоровенный хасид из Еревана, поросший диким волосом и похожий на страдающего бессонницей гиббона, с размаху ударял кулаком па кнопке будильника и приветливо рычал Лёве что-то непонятное (он принципиально разговаривал только на иврите). Потом хасид выносил искорёженные часы в мусорное ведро, умывался и долго брил щёки, шею и грудь (по пятницам Лёва помогал ему брить спину). Окончив утренний туалет, он снимал с полки пудовый талмуд, накидывал на голову желтый платок и истово молился, время от времени заглядывая в книгу. При этом он периодически ударял себя двумя руками по голове или кулаком в грудь, чем опять-таки приятно напоминал гиббона, которого Лёва увидел как-то раз в телепередаче "В мире животных" и полюбил. Хасид беседовал с Богом так горячо, что соседи по этажу начинали стучать в стены, но ничто не могло заставить его понизить громкость звучания. Наконец он вставал с колен, клал платок и талмуд на место и отправлялся в город делать деньги. Хасидство ему в этом не мешало. Именно он, несмотря на языковой барьер, в первый же день знакомства помог Лёве избавиться от вещей, которые тот привёз на продажу. Объяснялись они при этом с помощью мимики, жестов, рисунков и пачки шекелей, которой хасид махал перед Лёвиным носом, порой нарочито задевая его краем купюры.

Примерно через час после ухода соседа поднимался с постели и Куперовский. Он продолжительно зевал, сладко потягивался и, предварительно умывшись, позавтракав и прихватив немного шекелей из изрядно потощавшей пачки, также отправлялся в город, У него было четыре часа свободного времени до визита к учителю языка, и Лёва посвящая их знакомству со страной и погоне за удовольствиями. Работу он не искал, привычно полагая, что она, как рысь в лесу, сама человека

найдёт. И она действительно его находила, хотя для объяснений с работодателями приходилось привлекать переводчика из советских репатриантов. Недели три Лева пробыл зазывалой во фруктовой лавке, смачно поедая киви и всем своим видом демонстрируя, как это вкусно и полезно. Хозяин вогнал его, когда обнаружил, что Лева уничтожает фруктов больше, чем удаётся с его помощью продать. Некоторое время после этого он проработал у сапожника, разношивая для капризных клиентов тесную обувь. Один раз он снялся в кино и сразу в качестве главного героя — в ролике, рекламирующем новое слабительное, причём выглядел столь натурально, что благодарная фармацевтическая фирма презентовала ему двадцать килограммов препарата и пообещала и в дальнейшем не забывать. Во время выборов в кнессет Куперовский — загримированный (багровый нос, прыщ на лбу, синяк под глазом), с наклеенной окладистой чёрной бородой и всклокоченной шевелюрой (собственной), в косоворотке с пятиконечной звездой во всю грудь, огромных смазных сапогах и тёмно-зелёных галифе, с бутылкой водки в кармане — по заказу блока "Ликуд", конкурента Партии труда, стоял неделю у штаб-квартиры этой партии и хрипло по-русски призывал прохожих отдать ей свои голоса, обещая взамен построить в Израиле коммунизм и вернуть на родину Ясера Арафата. Затем Лёва трудился в кибуце, куда его устроил троюродный племянник мамы, но через месяц его изгнали, потому что, глядя на Куперовского, слишком многие начали приходить на поле к обеду, съедать половину собранных овощей и фруктов, а главное — отказываться изучать труды основоположников научного сионизма. Список прегрешений Лёвы был широк: он шатался по деревне после отбоя, игнорировал общий подъём, смотрел по телевизору не рекомендованные в кибуце передачи, за столом начинал есть раньше старейшины и не захотел донашивать рубашку племянника раввина (это и стало последней каплей).

Но лучшее место, которое за всё это время получил Лёва, — это должность субботней обезьяны. Дело в том, что правоверным евреям (а Лева таковым, увы, не был) по субботам запрещено работать. То есть настолько запрещено, что даже нельзя, к примеру, включить свет, очистить яблоко или спустить воду в туалете, не говоря уже о чём-нибудь ещё. Для всего этого следует иметь учёную обезьяну, которая и должна трудиться вместо хозяина. Между тем дрессированных обезьян мало, стоят они дорого и вдобавок частенько неправильно истолковывают распоряжения хозяина, что может привести к смешным и нелепым ситуациям. Вот Лёва и заменял вышеописанное животное в одной

богатой семье: его услуги обходились дешевле, он был явно сообразительнее и, по словам хозяйки (я с ней решительно не согласен), даже внешне очень похож на шимпанзе. В этом семействе Лёва подрабатывал более полугодом, и все настолько привыкли к нему, что дети и женщины рыдали, когда он брал расчёт, но всё же пришлось с ним расстаться, потому что никто из хозяев уже просто не мог выносить его красный пиджак в крупную зелёную клетку с золотым крылатым драконом во всю спину, а Лёва положительно не мог обходиться без него — пиджак напоминал ему любимую некогда девушку, которая, собственно, и покинула Лёву из-за этого пиджака — ну, и широкого лилового галстука с пальмой.

Так протекали трудовые будни Куперовского, но где бы он ни работал, ровно в четырнадцать часов должен был прибывать к преподавателю языков. За опоздание уменьшали пособие, поэтому Лёва никогда не опаздывал более, чем на час, Учителем был пожилой японец, то есть японский еврей — щупленький, желтолицый, узкоглазый и повосточному вежливый. Встречая Куперовского, он кланялся, Лёва кланялся в ответ, японец кланялся ещё ниже, Лёва — тоже, и так далее до тех пор, пока учитель, взглянув на свои "Сейко", не спохватывался, что уже минут двадцать, как пора начать урок. Японец был очень терпелив. Восемь месяцев он настойчиво вдавливал в голову ученика иврит, но окопавшийся там идиш упорно не желал допустить конкурирующий язык на свою территорию. За это время Лёва как-то незаметно освоил японский, но всё, чего он достиг в иврите, — это научился правильно произносить "Израиль", "Тель-Авив" и "Менахем Бегин". Отчаявшийся японец попытался обучить Куперовского хотя бы второму из государственных языков — английскому, но и здесь они почему-то потерпели фиаско, хотя, сравнительно с ивритом, продвинулись дальше: Лёва запомнил три фразы — "Ду ю спик инглиш?", "Ай доунт спик инглиш" и "Май нэйм из Лев Куперовский". В конце концов преподаватель проявил восточную сообразительность и нашёл выход: он вспомнил, что орангутанга за шесть недель удаётся обучить языку глухонемых. Возможно, на эту идею его натолкнул сам Куперовский, разболтавший про свой субботний приработок, но, во всяком случае, мысль оказалась плодотворной, и всего за восемь с половиной недель Лёва блестяще освоил язык жестов. Теперь он, наконец, мог общаться с

коренными израильянами — по крайней мере, с глухонемыми. А если добавить сюда иммигрантов из нецивилизованных стран, среди которых многие помнили идиш или русский, то Лёвина аудитория расширяется, и все пути открыты для него. Так напутствовал Куперовского освободившийся от ученика японец, прощаясь. Напоследок он признался Лёве, что никогда не сможет его забыть.

Теперь, если ему нужна была помощь, Лёва бросался к прохожим или к полисмену и принимался быстро жестикулировать, комментируя свои пассы по-русски или на идише. Порой встречные пугались и убегали, но большинство относилось к нему благожелательно и пыталось помочь. В магазинах ему продавали товары дешевле, в кинотеатры часто пускали без билета. Кстати, Лёва кино очень любил и посещал почти каждый день, но из-за понятных затруднений лингвистического порядка вынужден был ограничиться триллерами и фильмами ужасов, в которых текст не играл особой роли. Он мог бы, конечно, включить в своё меню ещё и кинопорнографию, где осмысленная речь и вовсе отсутствует, но стеснялся.

Газет Лёва не покупал. По вечерам он читал мамины письма. Мама писала часто, и из её посланий Лёва узнавал обо всём, что происходило в Израиле. "Ну как ты там, сынок? Слышали по телевизору, что у вас прошли выборы, и победила Авода. Говорят теперь улучшатся отношения с арабами. Ты ходил голосовать, Лёва? Надо непременно участвовать в политической жизни, у вас так принято. Всегда голосуй за ту партию, которая победит, это тебе поможет по службе. Тётя Лея писала, что у вас жарко, одевайся полегче, а то вспотеешь, продует — простудишься. Ешь больше фруктов. Кстати, где ты их покупаешь? Мы говорили по телефону с тётей Розой и дядей Борухом, я им продиктовала твой адрес, они зайдут. Дядя Борух очень толстый, не пугайся, они не будут у тебя есть, они дома поедят. Розочка сказала, что в трёх кварталах от тебя есть фруктовая лавочка Рейзена, там дёшево и очень вкусные эти — гири, что ли, я знаю? У вас там каменные полы, не ходи босиком. Недавно под Хайфой палестинцы взорвали автобус, столько жертв. Никогда не ездь на автобусах, особенно за город, И что это делается, как это кнессет разрешает? Учти на следующих выборах, Лёва, за нынешних не голосуй, выбирай других. Дядя Борух сказал, что эта Авода всё равно скоро сломает себе шею — нечего на них и ставить. Фира из Хайфы

обижается, что ты её не навещаешь. Съезди к ней, сынок, она уже старенькая, адрес в моём прошлом письме. Только не на автобусе. Держись подальше от палестинцев, они тебя обидят, ты у нас доверчивый. Пиши чаще. Целую. Мама".

Куперовский борется с интифадой, или Лев пустыни

Денег стало катастрофически не хватать, и Лёва переехал в другую гостиницу, подешевле, а затем и вовсе снял комнату у одного местного, родители которого приехали ещё из польского Львова. У Лёвы был отдельный вход, и хозяйева ему особенно не докупали, появляясь лишь за квартплатой.

Как-то раз, гуляя по городу, Лёва заметил за квартал впереди себя старика, показавшегося ему смутно знакомым. Память услужливо вытолкнула на поверхность картинку: Лёвушке два года, и к ним в гости регулярно заходит будущий миллионер дядя Изя, который потряс детское воображение большим животом, длинной бородой и шикарным жёлтым портфелем крокодиловой кожи. И хотя с тех пор богатый родственник похудел и сбрил бороду, но портфель был с ним, и Куперовский его сразу узнал. В этот момент старик перешёл на другую сторону проспекта,

— Дядя Изя, — закричал Лёва, — дядя Изя!

Старец вздрогнул и с не присущей его возрасту прытью кинулся бежать. Лёва бросился ему наперерез сквозь поток машин,

— Дядя Изя, стойте! Я ваш племянник Лёва Куперовский из России, я вас искал!

Ревели моторы, выли тормоза, скрежетал металл, слышались проклятия на всех языках мира. Падали телеграфные столбы, стучали по асфальту просыпавшиеся из грузовика апельсины, летели над проспектом утиль из перевернувшегося мусоровоза и доллары из самопроизвольно раскрывшегося банковского броневика, гулко детонировали мины в трёх врезавшихся друг в друга малолитражках палестинских, сирийских и ливийских террористов, соответственно (так Лева вновь, сам не зная того, спас сотни человеческих жизней), громко кудахча, разбегались из расколовшегося рефрижератора размороженные куры. Когда Лёва достиг

противоположной сторона проспекта, миллионер как раз сворачивал за угол.

— Дядя Изя, подождите! — отчаянно возопил Лёва, и в это мгновение его схватили за руки двое полицейских.

— Мистер Куперовский? — спросил один из них.

Запыхавшийся Лёва только кивнул. Полисмен стал ему что-то говорить на иврите, но быстро почувствовал, что Куперовский ничего не понимает. Перешёл на английский — вновь неудача. Тогда полицейский показал Лёве его фотографию, посмотрел на неё сам, обвёл всю округу преувеличенно внимательным взглядом, стал на четвереньки, понюхал земли, зарычал, обежал вокруг Лёвы, поднялся на ноги, ткнул Лёву в грудь пальцем, потом отошёл от него на несколько шагов, прицелился в Куперовского из воображаемого ружья и нажал невидимый курок. После этого он потёр руки и удовлетворённо улыбнулся. Теперь Лёве всё стало ясно. Посадят в лагерь или расстреляют...

— За что? — закричал Куперовский и потерял сознание.

Очнулся он спустя несколько часов в лагере для новобранцев. Оказалось, что пантомиму Лёва понял неправильно. Просто ему пришло время служить в армии, а поскольку новый адрес Куперовского властям не был известен, на него объявили розыск. Всё это объяснил Лёве капрал, говорящий по-русски. Он же рассказал, что таких безъязыких, как Лёва, здесь много, из них даме сформирована особая часть — рота, которую местные остряки называют Красной Армией, а майора, её командира — соответственно, Будённым, хотя на самом деле это бывший провизор Семён Муравейчик из Жмеринки. Сейчас новичкам предстоит закончить курсы молодого бойца — их в данный момент проходит даже один пятидесятилетний профессор филологии, не получивший своевременно в Союзе должной военной подготовки — а потом их отправят в пустыню прикрывать собой мирные израильские города от отрядов палестинских террористов.

Больше трех недель Лёву обучали стрелять из автомата, бросать гранату, голыми руками обезвреживать вооруженного до зубов диверсанта — но он так ничего и не освоил. То есть стрелять-то он стрелял — дело нехитрое — но не попадал. Или попадал, но не туда, куда следовало. Однажды таинственным образом угодил в склад боеприпасов, находившийся у него за спиной, хотя целился, конечно, вовсе не туда, а,

напротив, в майора, прогуливавшего дога правее стрельбища. Несколько секунд все в ужасе ждали детонации, но её, к счастью, почти и не случилось. Разве что крышу в штабе снарядом снесло. Ну, и остальные успехи Куперовского были на уровне. К концу месяца на его имя в часть пришла медаль "За бесстрашную борьбу с терроризмом" — награда за памятный случай на проспекте. Начальство очень обрадовалось и, поздравив Лёву перед строем, спешно присвоило ему звание сержанта и досрочно выпихнуло с курсов. После этого Куперовский служил очень недурно, исчезая из части после утреннего построения и возвращаясь только к отбою, — весь день он проводил в близлежащем городке. Вскоре, однако, беззаботная жизнь кончилась — пришёл приказ выступить на борьбу с интифадой. Рота была окончательно сформирована, и под началом у Лёвы неожиданно для него оказалось отделение — десять человек.

Перед отъездом Будённый выстроил Красную Армию и произнес речь:

— Новобранцы и опытные бойцы! Сегодня нам предстоит отправиться в поход на защиту нашей горячо любимой родины — Израиля — от арабских бандитов и убийц. Теперь от нас зависит, будут ли соотечественники спать спокойно. Главное — дисциплина и организованность, и тогда победа неизбежна. Но если всё-таки придётся отступить — надо это делать без паники, не бежать, пропускать старших по званию вперёд и сохранять достоинство, чтобы вашим седым отцам не было стыдно за вас. И, во всяком случае, хоть оружие не бросайте — вы за него материально ответственны, будут вычитать из зарплаты. Если понадобится, в первую очередь избавляйтесь от гранат — они дешевле, к тому же, может быть, взорвутся, арабы испугаются и отстанут. Помню, в Жмеринке, когда мы вечером дружили возле танцплощадки, навстречу вышел знаменитый на всю округу хулиган Яша Лимончик, так мы сразу сообразили, как поступить, и... Впрочем, это неважно. Автомат вешайте на шею, чтобы не потерять на бегу. Если попадёте в плен, сразу объясните, что ничего не знаете. И не бойтесь — террористы вас долго держать не будут, предпочтут обменять на что-нибудь ценное. В случае чего вас отобьют командос, и если уж не вы, то, по крайней мере, ваши тела вернутся к безутешным семьям. И пусть наши враги так живут, как

мы дадим им надругаться над вашим дорогим прахом. Итак, вперёд, мои орлы, грудями прикроем от супостата нашу новую родную землю!

Военный городок, в котором разместили роту, располагался в пустыне и защищал с юго-востока собственно Израиль от оккупированных территорий, на которых всё ещё жили арабы. Со всех сторон, насколько доставал глаз, простирался тот самый песок, на котором, по преданию, был построен Тель-Авив. Кое-где на горизонте смутно виднелись поселения палестинцев, от которых можно было ожидать различных гадостей. В тылу осталось несколько небольших городов, в той или иной степени охваченных интифадой. По земле ползали ядовитые змеи. С неба в любую минуту могли посыпаться ракеты "Скад" — привет от иракского народа, а заодно и родного советского, который Ираку эти игрушки поставил. В общем, курорт. Неделю просто скучали. Укладываясь спать, солдаты каждый раз недобрыми словами поминали прародителя Авраама, столь удачно выбравшего евреям местожительство. Постоянно хотелось пить. Наглый варан едва не утащил Лёвину медаль — вместе с Лёвой, который был к ней прицеплен.

Наконец поступило распоряжение выехать в соседний город, где палестинцы разынтифадились вконец. Предвидя грядущие свершения своих орлов, майор лично проинструктировал солдат, напомнив, что, хотя пули пластиковые, а граната всего лишь со слезоточивым газом, испытывать их на своих товарищах всё-таки не следует.

Рота Будённого, перегородившая проспект, казалась маленькой и жалкой по сравнению с надвигавшейся тысячеголовой толпой. Людская масса ползла от края до края улицы, слизывая деревья, проглатывая и переваривая автомобили, выдавливая стекла ж выедавая аппетитное содержимое магазинов. Она ругалась по-арабски, размахивала дубинами и кинжалами, зажатыми в сотнях конечностей, плевалась камнями и бутылками с зажигательной смесью. Лёве стало тревожно. Он расстегнул клапан на кармане и вынул мамину фотографию, чтобы в последний раз

перед смертью посмотреть на неё. В этот момент шальной порыв ветра вырвал карточку из его ослабевших рук и понёс её над проспектом.

— Мама! — взвизгнул Лёва и помчался догонять.

За его спиной Будённый зычно прокричал:

— Правильно, Куперовский, за наших матерей — вперёд! Ура, Красная Армия!

И вся рота пошла в атаку. Увидев энтузиазм горстки израильтян и, главное, услышав про Красную Армию, интифадствующие хулиганы содрогнулись от ужаса. Они вообразили, что Россия заняла сторону Израиля в ближневосточном кризисе и высадила ему на помощь свои войска, о славных боевых делах которых было известно даже самому тёмному арабу. Сердца их наполнились тоской, и они пустились наутёк, роняя палки, камни, а также разнообразные продукты и ценные вещи, до телевизоров включительно, которые они позаимствовали в подвернувшихся магазинчиках. Очень немногие сумели не поддаться страху, но и они не выдержали зверского вида маленького взлохмаченного Лёвы, несущегося на них с автоматом наперевес.

Куперовский же, не замечая происходящих вокруг него событий, гнался за уносимым стихией мамином портретом. Вдруг какой-то огромный араб в чёрной маске, из-под которой выбивалась рыжая борода, сдёнул с плеча ручной пулемёт, явно намереваясь задержать его дулом и осквернить дорогую фотографию.

— Стой! Не трогай маму! — завопил Лёва и вцепился злоумышленнику в бороду. Тот, падая, успел тюкнуть Куперовского прикладом по голове, к Лёву поглотила тьма. Однако араба он из рук так и не выпустил, и лишь подоспевшие на выручку Куперовскому ребята из его отделения высвободили рыдающего гиганта из объятий страшного маленького еврея, оставив в судорожно сжатых Лёвиных кулаках клочья рыжих волос. В дальнейшем выяснилось, что Лёва взял в плен глубоко законспирированного руководителя крупной террористической организации, за что и был награждён второй раз — орденом "Юный Моисей в корзине". Кстати, карточка не пострадала — она упала тут же рядом, и её подобрала Лёвины сослуживцы.

А в то время, пока Лёва сражался с террористом, паника охватила уже всех городских интифадистов, и при появлении на горизонте израильского солдата или полицейского они обращались в бегство,

Палестинцы отступали так поспешно, что даже позабыли сделать своевременную остановку для совершения намаза. Этого милосердный Аллах, давно терпевший от своих чад всяческие поношения и притеснения:, не мог вынести. В наказание он поразил ужасом души палестинских бойцов по всей стране, и приободрившаяся израильская армия нанесла решающий удар по Движению сопротивления. В кратчайший срок с интифадой было покончено, и лично Ясер Арафат, сидя в своём подземном бункере, посыпал лысую голову охапками пепла от сожжённых секретных бумаг.

У Организации освобождения Палестины осталась последняя козырная карта — кровавая подпольная организация "Хезболлах" — и её не замедлили пустить в ход.

На отражение наступления исламских партизан, поддержанных войсками некоторых соседних государств, были направлены лучшие части вооружённых сил Израиля, в том числе, конечно, и столь славно проявившая себя рота Муравейчика.

Красная Армия лежала, зарывшись в песок, и смотрела на дюны, за которыми притаился противник. Из-за дюн стреляли, иногда бросали гранаты, но особой активности не проявляли. Чувствовалось, что обе стороны ожидают сигнала свыше, и он поступил. Заверещал полевой телефон майора, и, выслушав приказ, из штаба, Будённый скомандовал:

— Куперовский впереди, остальные за ним — в атаку, ур-ра!

Лёва нёсся по пустыне, и ему было очень страшно. Навстречу бежали, пригибаясь и крича что-то гортанными голосами, арабы в белых чалмах. Кое-кто из них, повесив автоматы на шеи, размахивал кривыми саблями. Прямо перед Куперовским вырос из-под земли невысокий коренастый палестинец, сразу же наступил на полу собственного халата и покатился вниз по склону, сбив Лёву с ног и увлекая его вслед за собой. У подножия дюны враги затормозили, расцепились и обнаружили, что они знакомы.

— Лёва! Салам алейкум!

— Самиг! А ты-то как сюда попал?

Вокруг кипел бой, а двое старых приятелей (мелкие недоразумения, случившиеся между ними в прошлом, были давно забыты) сидели, удобно привалившись спинами к податливому боку

песчаной горы, и мирно беседовали. Оказывается, Самигулла, поддавшись на пропаганду одного происламски настроенного хмыря, взял на работе отпуск, добавил ещё два месяца за свой счёт, завербовался добровольно в палестинцы и вот воюет здесь вторую неделю под именем Гамаль Абдул Насер. Климат, конечно, гадостный, и арабского он не знает — скучно. Нарушая приказ и законы шариата, собеседники немного выпили из Левиной фляжки и быстро выяснили, что им нечего делить на этой земле, а происходящее безобразие пора прекратить.

Так начались события, вошедшие в историю под названием большого Куперовского замирения.

Тем временем сгустившиеся сумерки остановили сражение, армии вернулись на свои первоначальные позиции, а уже к утру на широком участке фронта началось массовое братание, иудейские и мусульманские бойцы бродили по пустыне, обнявшись, жаловались друг другу на жизнь, на зажавшихся вождей, обменивались адресами, оружием, деталями одежды, личными вещами, фотографиями любимых девушек, талмудами и коранами. Оказалось, что у них, как и в их священных книгах, немало общего. Между евреями и арабами едва не установился вечный мир, но ястребы и поджигатели войны с обеих сторон, спохватившись, сговорились и поспешно развели войска на возможно большее расстояние, чтобы с помощью агрессивной пропаганды, промывания мозгов и гнусных провокаций восстанавливать в своих народах и армиях изрядно пошатнувшееся недоверие друг к другу. Куперовского же вызвали в столицу, по совокупности геройских подвигов вручили высший орден Израиля — "Большое пурпурное сердце с зелёным горошком", досрочно присвоили звание капрала и уволили в отставку подчистую — по состоянию здоровья министерства обороны.

Лёва Куперовский — миллионер

Только что демобилизованный из рядов вооружённых сил Куперовский шел по вечернему Тель-Авиву и размышлял о разном. Медаль и два ордена тихонько звякали на капральской форме, которую он ещё не успел снять. Погружённый в раздумья, Лёва не заметил, как покинул ярко освещённый респектабельный центр города и забрал в так называемый квартал красных фонарей. Хранительницы традиций квартала, напуганные грозным видом Куперовского, не нарушали его

уединения. Неожиданно из-за угла, взывая о помощи, выскочил прилично одетый пожилой джентльмен, В руках он сжимал жёлтый портфель. Дядя Изя (а это был именно он), за неимением другой защиты, спрятался за Лёвину спину. Два его преследователя — суровые негры пролетарского вида — увидев боевые награды маленького капрала, спешно юркнули в ближайшую стриптиз-пивную, как будто туда и направлялись.

— Здравствуйте, дядя Изя, — оказал Лёва. — Вот я вас и нашел.

— Шолом алейхем, — обречённо ответил дядя Изя.

Через час родственники уже сидели за праздничным столом на загородной вилле Израиля Куперовского и разговаривали. Сначала Лёва описал свои приключения на земле Моисея и Давида, а затем дядя рассказал ему о себе. Оказывается, дядя Изя был учёным и изобретателем, но советская действительность мешала развернуться его дарованиям. Достаточно было ему задуматься над очередным открытием, как или его тащили в гости к родственникам, или кто-то из них приходил к нему. Дядя Изя всюду носил с собой крокодиловый портфель с записями, незавершёнными расчётами, начатыми статьями, но ему так и не суждено было где-либо поработать долее полутора часов. В результате открытие совершал кто-нибудь другой. Вот таким образом талант Израиля Куперовского чах в удушливой атмосфере социализма, а сам он зарабатывал свой горький хлеб на должности старшего товароведа в продмаге, отчего обрюзг и растолстел. В конце концов он решил переселиться куда-нибудь на новые земли, подальше от любвеобильной родни, и не сообщать своего адреса. А поскольку никто, кроме одноимённого государства, не желал принимать бедного еврея, то дядя Изя улетел в Тель-Авив, предварительно распродав нищий скарб, приобретённый тяжким подневольным трудом: три "Мерседеса", дачу, кооперативную квартиру, ещё одну дачу, подпольный заводик по изготовлению подтяжек из отходов местного химкомбината, чёрную "Чайку", ну и кое-что по мелочи. Здесь, на земле обетованной, вырвавшись из соцлагеря на свободу, он, наконец, полностью реализовал себя. Он наладил производство транзисторных приемников из советских ЭВМ, которым никто не мог найти применение. Он открыл фабрику по переделке привозимых нашими иммигрантами бюстов Ленина в бюсты Моше Даяна путём выбивания одного глаза. Принадлежащий ему концерн выпускал специальные контрацептивы для правоверных иудеев — не действующие по субботам, кондомы для диверсантов — с

встроенным зарядом взрывчатки, предназначенные для палестинских партизан презервативы с головой Ясера Арафата на конце (свисавшие с неё хвосты полотенца не могли оставить равнодушной ни одну арабскую красотку) и противозачаточные таблетки для шпионов — с цианистым калием. И ещё многое совершил дядя Изя для увековечения своего имени и вящей славы приютившей его страны. Например, его завод сдирает с автоматов Калашникова фирменные эмблемы и выбивал шестиконечные звёзды, производя известные во всём мире автоматы "узи". Но ещё тогда, когда Израиль Куперовский бедным репатриантом впервые ступил на землю предков, он поклялся покинуть её, если кто-нибудь из родственников найдёт его. Поэтому после первой встречи с Лёвой дядя Изя продал свои фабрики, а вырученные деньги перевёл в одну из западных стран, куда и переедет вскоре. Однако племянник так понравился дяде Изе, что он оставляет ему этот дом, акции и десять миллионов. В благодарность он просит только никогда, никогда его больше не разыскивать, иначе он за себя не ручается. Произнося последнюю фразу, дядя Изя извинился и зашёл на минутку в ванную комнату. Больше Лёва его никогда не видел.

Так мой приятель неожиданно стал миллионером. После напряжённых размышлений о том, как распорядиться свалившимися на голову деньгами, Лёва решил превратить свою виллу в международный центр искусств. Больше года съехавшиеся с разных концов света непризнанные гении ели и пили на Левины деньги, периодически удаляясь в отведённые им мастерские для общения с музами. Всё это время гостеприимный хозяин с нетерпением ожидал момента, когда можно будет, наконец, ознакомиться с творениями пестуемых им талантов, и вот этот час настал. Перед глазами потрясённого Куперовского предстали двенадцать полотен "Л. Куперовский размышляет о будущем человечества", три скульптуры под тем же названием, две очень похожих друг на друга (хоть и написанных разными художниками) картины "Л. Куперовский в ожидании славы", серия игривых миниатюр "Куперовский удваивает население Земли", триптих "Отец, сын и Лёва Куперовские", темпераментный (то есть нарисованный темперой) цикл "Жизнь и смерть Л. Куперовского. Кубоидная симфония номер 118", хорал "Л. К. критикует поджигателей войны", шпионский роман "Лев разоблачает" (совершенно порнографический) и несколько сотен бюстов, изображавших Лёву на разных этапах его жизненного

пути. Вершиной же коллекции было созданное группой наших соотечественников монументальное (тридцать на сорок метров, в тяжёлой золотой раме) полотно "Лев Куперовский и Индира Ганди принимают крестьянских ходоков в Кремле" (картина выполнена в классической манере, поэтому крестьяне облачены в тоги, их жёны и дочери обнажены и играют на арфах, а Лёва и Индира, также неглиже, восседают в общей на двоих ванне). Позже Куперовский с огромным трудом всучил большую часть вышеперечисленных произведений в дар окрестным школам и музеям, но бюсты так никто и не взял, и их пришлось под покровом ночи расставить по всей округе.

Первая неудача не охладила Лёву, и храм искусств был заменён на домашний зоопарк. Проявив завидную энергию и богатую фантазию, Куперовский выписал со всего света множество экзотических животных. Распаковывая ящики и клетки, он ликовал, ощущая себя видным защитником природы. Мелкие происшествия, неизбежные в начале большого дела, не смутили молодого миллионера. Ну, встретила госпожа Файльзильбер в собственной ванной комнате с возбуждённым самцом гориллы — так ведь и его, одинокого, можно понять. Ну, за господином Микенбергом всю ночь гонялся голодный ягуар — но ведь адрес перепутал не Лева, а фирма-отправитель, да и контейнер всё равно вскрывал слуга-араб. В общем, в период создания зоопарка ничего существенного не произошло. К сожалению, в дальнейшем неприятностей избежать не удалось, и причина была в том, что романтичный Лёва, поддавшись новомодным теориям, выпустил приобретённых им животных (среди которых преобладали хищники) в ничем не огороженные вольеры, и последствия этого опрометчивого поступка не заставили себя долго ждать. Ну, а змеи расплозились просто потому, что Куперовский по рассеянности забыл распорядиться, чтобы их ящики прикрыли сверху стёклами.

Потерпев фиаско на поприще искусства и забот о братьях наших меньших. Лёва обратил свой взор на науку и уже выписал циклотрон из Франции и ядерную лабораторию из США, когда не выдержали его соседи. Тяжко удручённые частыми встречами в самых неожиданных местах с Лёвиными бюстами (один из них был даже обнаружен в храме Божьем) и его же бывшими питомцами, доведённые до отчаяния невозможностью в условиях демократического общества покончить с Куперовским с помощью полиции, они призвали на помощь большую политику. Проявив редкостную изворотливость, соседи вспомнили о

начинающихся выборах и выдвинули Лёву в премьер-министры Израиля, решив хоть так освободиться от него. Население, уставшее и от Ликуда, и от Аводы, с восторгом поддержало независимого кандидата, по данным опросов общественного мнения он быстро оставил далеко позади всех конкурентов, и быть бы Куперовскому премьером, но судьба судила иначе.

Лёва Куперовский возвращается домой

Незадолго до решающего дня Лёва после встречи с избирателями Хайфы гулял в одиночестве по улицам этого портового города. Кое-где на стенах красовались его предвыборные плакаты, и от собственной приветливой улыбки у Куперовского поднималось настроение. Неожиданно рядом с ним взвизгнули тормоза, два плечистых молодых человека в тёмных очках подхватили его под руки, втолкнули на заднее сиденье "Вольво", после чего автомобиль, резво набрав скорость, помчался в неизвестном направлении. Седовласый джентльмен, сидевший рядом с водителем, обернувшись к Лёве, сказал ему что-то по-английски. Лёва беспомощно пожал плечами.

— Смотри-ка, Стив, — обратился громила справа от Куперовского к напарнику, — как Воннегут-то наш назюзюкался, родной язык забыл.

— Да не обращай внимания, Жора, — ответил тот. — Они ж с Азимовым ещё с Бостона не просыхают.

Лёва открыл было рот, чтобы объяснить, что его, кажется, с кем-то спутали, но Стив сделал мгновенное движение рукой, и в горло Куперовского хлынула обжигающая жидкость из бутылки с красивой наклейкой.

— Ну нельзя же так, ребята, — сказал седой. — Всё-таки известный писатель, вы б поаккуратнее,

— А по мне хоть Хемингуэй, — пробасил Стив. — Дать бы этому алкашу по громкоговорителю, он бы и отрубился у меня до самого Конгресса. Так я ж этого не делаю, вот виски собственный на них трачу. Лучшее лекарство для этих джонов.

— Да, с американцами оно всегда так, — подтвердил Жора.
Это было последнее, что услышал Лёва, проваливаясь в сон.

Когда он открыл глаза, вокруг покачивался океан. Судя по обстановке, он находился в кают-компании роскошного лайнера. Его тело было свалено в шезлонг у четырехместного столика, заставленного едой и напитками. В соседних шезлонгах возлежали три разновозрастных весельчака, одетые даже для морской прогулки весьма легкомысленно. Английская речь, постоянный хохот, звёздно-полосатые семейные трусы и аналогичный государственный флаг в вазе для цветов в центре стола подсказывали, что это были американцы. Корабельный рупор, надрываясь, выдавал нечто игривое. Вдруг, поперхнувшись, он умолк на несколько секунд, после чего над волнами поплыли звуки "Янки дудль". Соседи-весельчаки мгновенно встали и, вытянувшись по стойке "смирно", начали вполголоса подпевать, их глаза, как по команде, увлажнились. Зрелище было весьма трогательным.

— Мама, — сказал Лёва.

В этот момент гимн завершился. Заметив, что Куперовский очнулся, американцы обратили к нему сияющие скалозубые лица и открытые бутылки. Никто из них не понимал ни слова по-русски, зато они очень любили Лёву, называли его то Куртом, то мистером Воннегутом, дружески хлопали по плечу, спине, щекам, говорили что-то про Конгресс эт Москоу и поили, поили, поили... По вечерам кто-то отволакивал его в каюту и по утрам притаскивал обратно к столику. А хмельной гейзер всё не иссякал.

Однажды утром, проснувшись, Лёва обнаружил, что находится на суше, в постели, и его бесцеремонно трясёт хмурый грубый субъект, отдалённо напоминавший самого Лёву, но в полтора раза выше. Это был настоящий Воннегут, ему пришлось добираться из Хайфы в Россию за свои деньги, и поэтому он был очень зол, как объяснил Куперовскому портье, вышвыривая его из пятизвёздочного отеля в столицу нашей Родины город Москву.

Так Лева вернулся. Теперь он работает на прежнем месте, и его стол стоит недалеко от моего. Снова уезжать он не собирается, потому что от судьбы не уйдёшь.

А недавно отыскались следы его дяди Изи. Как выяснилось, расставшись с Лёвой, он переехал в США, намереваясь в скором времени покорить новые вершины на своём жизненном пути. Однако из всех слоев американского общества первой оценила возможности Израиля Куперовская вездесущая нью-йоркская мафия, которая похитила его и держит в некоем секретном месте, дабы использовать его дарования в гнусных преступных целях. Узнав обо всём этом от заокеанских родственников, Лёвина мама возмутилась и вышла на тропу войны. Сейчас она как раз снаряжает небольшой, но хорошо вооружённый отряд из членов клана Куперовских, который должен нанести удар по сообществу гангстеров, вырвать дядю Изю из их преступных лап и вернуть в лоно семьи. На достижение этой благородной цели ассигновано всё состояние Лёвы, оставленное им в Израиле. Для проведения воздушной разведки в Штаты уже направлен Куперовский-с-Веги на своей летающей тарелке. Дед Авраам отвечает за проведение разоблачительной кампании в американской прессе. Дед Моисей готовит явки и пути отхода. Дядя Исав обучает бойцов отряда английскому языку. Кажется, мафии таки придётся несладко.

КРАХ ОПЕРАЦИИ "БОЛЬШИЕ ПЕЙСЫ"

Сейчас, когда Россия с Израилем обменялись послами, в Кремле отпраздновали пурим, на Красной площади торжественно прошло обрезание иудейских младенцев, а в бывшем Мавзолее — выставка талесов и цоресов, мало кто вспоминает прежние холодные времена. Но даже те, кто не страдает ранним склерозом, ничего не слышали о миротворческой акции "Большие пейсы" и о роли моего приятеля Лёвы Куперовского в деле освоения космоса. Мне тоже известно не всё, но я чувствую настоятельную необходимость рассказать о том, что знаю.

Однажды вечером, когда Лёва покинул проходную родного КБ, к нему подошли двое в форменных мешковатых костюмах и, профессионально подхватив его под руки, синхронно прошипели: "Пройдёмте, товарищ!" Было ясно, что эта парочка явилась из внутренних или внешних органов, а в таких случаях отказываться от приглашения просто неприлично. Лёва обмяк и безропотно позволил вести себя, куда им хотелось. Всю дорогу у того из сопровождающих, что шёл справа от Куперовского, верхняя пуговица пиджака хрипела, нехорошо ругалась и настойчиво выясняла, скоро ли доставят козла безрогого. Вначале Правый что-то отвечал шёпотом, поднося ко рту крышечку недопитой поллитровки, но потом ему, видимо, надоело, и при очередном вопросе он, рявкнув: "Слава КПСС!", разбил бутылку о фонарный столб. Пуговица замолчала, Лёва как-то сразу оказался лишним, и Правый начал посматривать на него со значением, вертя в свободной руке "парабеллум". По счастью, тут они и пришли. К большой нескладной собачьей будке. Левый постучал в крышу и, свалив Куперовского ловким приёмчиком, на лету подхватил его и втокнул ногами вперёд в круглое отверстие. Проскользнув по наклонному желобу, Куперовский плюхнулся на жёсткий неудобный стул, стоявший посреди просторной комнаты, освещённой люминесцентными лампами. За двухтумбовым канцелярским столом восседал типовой мундирный полковник с седеющими по уставу висками.

— Гражданин Куперовский Лев Натанович!? — сухо опросил он.

— Да, — обречённо сказал Лёва, пытаясь по выражению глаз собеседника вычислить грядущий срок.

— Признайтесь честно, — неожиданно переключился на отеческий тон полковник и, подойдя к Лёве, положил ему руку на плечо. Поскольку полковник стоял, а Лёва сидел и к тому же ростом был много ниже среднего, поза чекиста оказалась несколько скособоченной: — Признайтесь, ведь вы... как бы это выразиться помягче... еврей?

— Да, — Куперовского с детства учили быть честным, когда врать бессмысленно.

— Вот вы-то нам и нужны!

Лёва понял, что срок будет большим.

— Вам придётся полететь в космос, — сердечно сказал полковник.

Не ожидавший такого поворота Лёва подскочил и, мгновенно получив от бдительной охраны дубинкой по голове, очнулся уже на диване. Его поили валерьянкой. Перепуганный полковник метался вокруг, всем мешал, давал советы. Кажется, он рекомендовал кровопускание, иглотерапию под ногти, ведро воды внутрь натошак. Потом он примостился рядом и, поглаживая Лёву по голове, объяснил наконец, в чём дело. Просто случилось так, что маленький Куперовский попал в сферу действия высокой политики. Кажется, Сирия стала кому-то не тому двусмысленно улыбаться и призывно покачивать бедрами. Или, наоборот, Ирак слишком активно демонстрировал свои мужские способности. Короче, ближневосточный пасьянс не раскидывался, и было решено совершить некий жест доброй воли в направлении Тель-Авива, но при этом не очень обидеть вероломных друзей из арабского мира. Два института в Москве и одна засекреченная лаборатория в Новосибирске после полугода напряжённых исследований выдали четыре возможных предложения: организовать Еврейскую ССР, покончить с антисемитизмом, назначить еврея генеральным секретарём партии, послать еврея в космос. Руководство страны единогласно остановилось на последнем варианте как имеющем меньшие вредные последствия.

— А при чём тут я? — слабым голосом спросил Лёва.

— А тебя, сынок, выбрал компьютер. Вложили в него, понимаешь, все данные, требования, от нас кое-какие условия, учёные что-то там дополнительно похимичили, не скажу что — и вышло две кандидатуры: твоя и какого-то Левинсона из Одессы. Но "Куперовский" звучит приятнее, чем "Левинсон", и не так раздражает население. Лёва хотел возразить, что "Левинсон" не хуже, даже гораздо лучше, но ему

показалось непорядочным решать свои проблемы за счёт другого человека, и он промолчал.

— Так что, дружок, героя будем делать из тебя, а он пусть-ка побудет дублёром, до лучших времён. Проект "Большие пейсы". Тебе нравится название? Вообще, как интеллигент интеллигенту, я тебе скажу: еврей сред звёзд — это красиво. Это где-то звучит гордо. Так и хочется всех вас послать... Короче, готовься, сынок, тебя уже ждут. О согласии не спрашиваю, знаю, что не откажешься, когда мы с родиной так тебя просим. Вперёд, мы в тебя верим.

Он нажал кнопку, и мощная пружина выбросила Лёву наверх, в дружеские объятия Левого и Правого. И Куперовский, можно сказать, почти и не касался земли, пока не оказался спустя две недели в Звездном городке.

...Кадровик, средних лет худощавый мужчина с роскошной лысиной во всю голову, был непреклонен:

— Нет, нет и нет. Я не могу допустить вас к подготовительным занятиям. И не просите.

— Да я и не прошу.

Это было бы идеальным выходом для Лёвы, который, собственно, и не стремился к звёздам.

— Вот и не нужно. Ни к чему не приведёт. Центрифуги вы не выдержите, катапульта вас потрясёт, а после прыжка с парашютов вы уйдёте в землю, и мне придётся выписывать гроб неизвестно по какой статье расходов.

— Почему? — спросил ошарашенный Лёва.

— Потому что в текущем году по этой графе уже перерасход. Главное, в инструкции же ясно написано: после выпрыгивания из самолёта сначала дёргать за кольцо, а потом уже приземляться, так ведь нет — всё время путают. А вы, Куперовский, и вовсе забудете парашют дома. В общем, уходите и без освобождения от тренировок не возвращайтесь.

— А где берут освобождения?

— Нигде. Нигде их не берут. Вы сами-то себе представляете: освобождение от физических тренировок для космонавтов? Таковое

существует только теоретически, на практике его быть не может, его никто не подпишет.

— У меня оно будет, — печально сказал Лёва, — Моя семья решила, что я должен лететь.

— Да я готов пресс-папье съесть, если вы добудете освобождение. Откажитесь от этой затеи, и расстанемся по-хорошему.

— Оно будет, — ещё более печально повторил Куперовский. — Вы не знаете мою маму.

Дверь с грохотом открылась, и в кабинет твёрдым шагом вошла дородная черноволосая женщина. Её карие очи пылали огнём, причёска и одежда пребывали в некотором беспорядке, в руках она сжимала пачку бумаг.

— Здравствуйте! — патетически произнесла она. — Я мать вон того мальчика. Я принесла его документы. Вот освобождение от всех этих ваших гильотин, или как они там называются...

— Мама, как ты догадалась, что мне это понадобится? — прошептал Лева.

— Или я не знаю своё дитя? Или я не понимаю, что потребует, глядя на него, любой нормальный человек?

Кадровик икнул.

— Вот справка о том, что он освобожден от военной подготовки. Вот — о том, что он в детстве болел свинкой. Вот — о том, что он может не ходить в общую столовую и кушать то, что мы ему пришлём из дома. Вот свидетельство, что он в своём уме. Вот — о том, что он недостаточно в своём уме, чтобы посещать лекции по марксизму-ленинизму.

Кадровик дрожал столь крупной дрожью, что у бронзового бюсте вождя на его столе звякали зубы.

— Вот документ, что на Лёву нельзя кричать и вообще разговаривать сурово — он мягкий, впечатлительный, может взбеситься и укусить. Вот разрешение лететь в своём скафандре — ему дядя Зяма пришлёт, добудет японский. А вот тут ему позволяют воспользоваться собственным космическим кораблём, но вы можете не брать себе это в голову — ракету мы ещё не достали. Да что это с вами? Если вам надо, у

меня есть знакомый хороший врач как раз по этим болезням. Он, правда, кончал мясо-молочный институт, но знали бы вы, какая у него практика. У некоторых от одного взгляда на него всё проходит.

Кадровик молчал, из его глаз катились крупные слезы, он, судорожно глотая, доедал пресс-папье.

Так в программе подготовки Куперовского остались лишь такие предметы, освободить от которых мог только Господь Бог (впрочем, и он не сумел бы, ибо не состоял в партии).

Чтобы читатель имел представление о характере изучаемых дисциплин, по большей части разработанных специально для Лёвы, я опишу один его обычный день. Должен отметить, что ввиду особой секретности проекта Куперовский жил и занимался отдельно от других будущих космонавтов, в бункере за глухой каменной стеной. Внутри бронзовых атлантов, поддерживавших арку над входом, бессонно бдели два молодых комитетских лейтенанта. В каждом пеньке на территории находилось переговорное устройство. Холодный клозет одним движением полуоторванной двери превращался в самолёт вертикального взлёта. В бюсте вождя скрывался перископ.

Итак, Лёва подымался непривычно рано — в начале десятого, Утренний туалет обычно отнимает у него полчаса, а к десяти он успевал ещё и умыться. После завтрака (все блюда обязательно предварительно пробовал специальный человек из органов, который с такой ответственностью подходил к делу, что на долю Лёвы доставалось немного) начинались занятия. Они подразделялись на три комплекса — патриотический, идеологический и практический. Первый был нацелен на слияние Лёвы с жизнью народа. Лёва пел под баян (как и все люди, не имеющие слуха, он делал это с особым удовольствием), учил наизусть Пушкина, Маяковского и Есенина, глубоко штудировал книги классиков реализма и соцреализма. Кроме того, он обучался питаться русским салом, что на всём протяжении отечественной истории считалось решающим критерием патриотизма. Как результат скудных завтраков, успехи Лёвы в освоении национального продукта были столь впечатляющи, что даже у самых ярых борцов с сионизмом не нашлось бы повода для упрёков. К сожалению, сало оказалось украинским, что имело последствия спустя несколько лет, но это уже иная история. Идеологический комплекс, который разбивался надвое обедом и послеобеденным сном, был буен и многообразен и отражал как традиции,

так и свежие веяния надвигавшейся перестройки. Куперовский внимательно ((за этим следили) прочитывал свежие газеты (потом, когда всё кончилось, ему пришлось долго лечиться), смотрел информационные передачи (программу "Время" для него накануне записывали на видеомэгнитофон и прокручивали три раза), учился отвечать на провокационные вопросы западных журналистов. Вопросы были те ещё, их на специальной "шарашке" сочиняли отборные осуждённые диссиденты, которым терять было уже нечего, но и ответы были не хуже — плод мозговой атаки будущих демократических лидеров, а тогда — сотрудников журнала "Коммунист" и идеологического отдела ЦК. Завершала комплекс особая дисциплина, которую вёл театральный режиссер из негласных сотрудников и которая была помечена в расписании загадочным термином "спецдвижение". Лёва на манекенах учился приветствовать генерального секретаря и членов правительства, говорить "поехали" и махать рукой (с макета ракеты-носителя в 1/2 натуральной величины). Много времени отнимала репетиция сцены "Прощание с матерью". Дело в том, что необходимо было подготовить и заранее отснять для телевидения два варианта: один — для случая благоприятного завершения экспедиции (в сдержанно-мужественных тонах) и второй — если финал окажется более печальным (в трогательно-героическом стиле). Маму из соображений секретности на репетициях изображала молодая и симпатичная чекистка из группы по работе с иностранцами, и это сбивало Лёву. То он не вовремя пускал в пространство героический взгляд, то проявлял неуместную пылкость в объятиях, а то вдруг корчил такую мину, какая ни в один сценарий бы не поместилась. Увидев это на Куперовском лице первый раз, партнёрша едва не лишилась сознания и долго заикалась. Но в конце концов девицу заменил усатый майор-грузин, и дело быстро пошло на лад.

Практические дисциплины были рассчитаны на внештатные ситуации, как то: посадка на территории потенциального противника (бег по пересечённой местности, самбо, правильное применение ампулы с ядом), разгерметизация корпуса (быстрый вызов Центра, ускоренное исполнение государственного гимна, краткое прощание о семьёй, партией и правительством), прекращение связи с Землёй (сильные ритмичные удары по корпусу ракеты, дозированное использование сленговых выражений), необходимость общения с напарником (узбекский язык: партнёром предполагался Устав Отразгильдяев из небольшого села Акча-Юк), невыход на заданную орбиту (быстрое

выталкивание из корабля в нужном направлении всего лишнего, включая второго члена экипажа).

После ужина Лёва сочинял письмо маме с отчётом за очередной день. Ровно в десять он вставлял в магнитофон привезённую из дома кассету с любимой колыбельной и мирно засыпал под мамино пение. Ночью его никто не беспокоил.

Когда пусть не первые, но и не последние, а примерно сороковые-пятидесятые лучи утреннего солнца нежными прикосновениями прерывали сон Куперовского, электрический баюн все ещё ненавязчиво шелестел вхолостую, будто где-то вдали некто бесконечно пересыпал с ладони на ладонь песок. Впрочем, маг был казенный.

Через три месяца Лёву на мощном хромированном лимузине вывезли на завершающий инструктаж к начальству. Несмотря на высокий чин, оно оказалось компетентным и, крепким партийным рукопожатием отдав дань официозу, говорило в дальнейшем по существу. Но, видимо, обстановка... Шкафы красного дерева, позолота, хрусталь, двенадцать, кажется, люстр, тигровые и беломедвежьи шкуры, рогатые, зубатые головы на стенах — да вроде бы и просто усатые-бородатые мелькали; дубовый паркет, стол размером если не с футбольное поле, так уж с гандбольную площадку-то точно, податливые кожаные кресла; редкие тогда персональные компьютеры — целых десять, с цветными мониторами. А парадные портреты вождей от пола до потолка? А скромные бутерброды с пошлой чёрной икрой, но с настоящим маслом — ах, зачем всё-таки прогнали господина Рябушинского? А адъютанты, неправдоподобно грациозные и скользившие, как тени? А brave гебисты за шторами? А странные дырочки в стенах на уровне груди визитёра? А ненавязчивый пулемёт в углу? Да, обстановка так подействовала на Лёву, что от самой беседы в его памяти сохранились лишь скудные обрывки.

— Информация о вас в программе "Время" будет идти под ваш революционный гимн... как там его... "Фрейлахс".

— И чтоб никакой сионистской пропаганды! "Арон-вергелис"... то есть нет, "шолом-алеихем" — и дальше на русском, как хороший советский гражданин. По-русски говорите?

— Заканчивать можете тоже по-вашему — "ариведерчи". Не так? Но верхи уже утвердили, теперь ничего не поделаешь.

— Не ссорьтесь с туркменом. Они с Закавказья, вы с Дальнего Востока, вам делить нечего.

— ...Для вас приготовлена национальная пища: фаршированная рыба, куриная шейка и маца — в тубиках. А для таджика — плов и конина.

— И позывные вам придумали подходящие — "Иордан". А Центр будет — "Иерусалим".

Двумя днями позднее Лёва в своём японском скафандре сидел в ракете и слушал обратный отсчёт. "Тысяча семьсот семнадцать, — раздавался монотонный гнусавый голос, — тысяча семьсот шестнадцать, тысяча семьсот пятнадцать..." Лёва нажал кнопку, и встроенная в шлем мини-магнитола запела маминым голосом. Глаза слипались.

Очнулся он от того, что кто-то грубо встряхнул его за плечо. Над ним склонился начальник охраны космодрома. "Шестьсот семь", — сказал бесплотный голос и смолк. "Скорее, — торопил пробудитель от снов и прерыватель нирваны, — следуйте за мной".

Снаружи ожидал знакомый полковник-гебист. "Очень огорчён, Куперовский, — сказал он, — но, к сожалению, вы не сможете лететь. Есть одно обстоятельство, которое не позволяет... В общем, тут выяснилось, что вы еврей... Сами понимаете". "Вот он полетит вместо вас", — добавил полковник. За его спиной маячил рыжий двухметровый детина во всём отечественном. "Это что — Левинсон?" — спросил Лёва. "Нет, это Иванов. Но он знает". На заднем плане среди провожающих двусмысленно улыбался кадровик.

Вот так всё и закончилось. Старт космического корабля, отринувшего Лёву, затерялся среди множества других подобных стартов и забылся. Позывные были обычные: "Казбек, Казбек, я — Джомолунгма, почему не отвечаете, вашу мать?" — "Задумались, товарищ майор, виноваты, исправимся". Что, однако, не помешало "казбекам" после ошибочной посадки в Австралии попросить там экономического убежища.

Но это уже совсем, совсем другая история...

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Меня часто спрашивают, какое отношение имеет Лёва Куперовский к теории относительности. Я обычно отвечаю — никакого, но мне не верят и продолжают допытываться, и конца-краю этому не видно. Поэтому я решил рассказать всё, что знаю об этой истории, и тем навсегда пресечь многочисленные слухи и толки.

События, о которых я поведу речь, имели место летом 19** года, когда выпускники К-ского университета, в том числе и мы с Лёвой, пребывали на военных сборах. Степное солнце выпаривала из земли и из наших тел всю лишнюю влагу, и потому ходили мы, как чингачгуки, — тонкие, звонкие, краснокожие и узкоглазые от яркого света. И частично безумные от невыносимой жары. Немало дивных и немыслимых событий случилось тогда. Достаточно вспомнить таинственное дело о похищенных консервах, зловещую историю о майоре Чурилкине и кипяtilьниках, душераздирающее происшествие с генеральскими кальсонами и пропавшими усами или, скажем, нераскрытую загадку семи флажков. Когда-нибудь я расскажу и об этом. Но лишь приключившееся с Куперовским долго оставалась в центре общественного внимания. Однако, пожалуй, лишь я один знаю все подробности, движущие силы и потаённые мотивы событий.

Итак, наша история началась душной летней ночью в степи у небольшого военного городка Троцкое-2 О-ской области. Свистели суслики, трещали кузнечики, на пороге штаба страшно скрежетал зубами во сне перепивший дежурный майор Чурилкин. В нашей палатке все спали. Где-то на горизонте катилась традиционная канонада ночных учений местного артдивизиона. И под рваный ритм этого сумасшедшего джаза вестником судьбы приближался к палатке дневальный Алик Соловьёв. Он отбыл свои четыре часа и шёл будить Куперовского, который должен был его сменить. А Лёву мучили кошмары, он блуждал по бесконечным коридорам, кто-то угрожал ему, вербовал, применял допрос третьей степени. Медуза Горгона пыталась соблазнить его пышной прической, томным взглядом и сомнительными прелестями. Вот она ухватила его за кисть и потянула к себе, её волосы шевелились и

шипели... "Лёва, пришла твоя очередь", — прошептала она, и руки Куперовского коснулось что-то холодное.

— Змея! — заорал в ужасе Лёва и, отшвырнув с пути Соловьёва, исчез в ночи, оглашая округу нечеловеческим визгом.

А в палатке один за другим просыпались мы, его сожители. Видимо, сумасшествие заразительно, ибо каждый выбирался из страны Морфея всё с тем же криком: "Змея!", после чего пытался максимально быстро покинуть нашу обитель прямо сквозь её прочные полотняные стены. Кто-то, наконец, пробился наружу, кто-то, запутавшись в обмундировании, рухнул под ноги остальным, кто-то, сидя на лежаке, вопил в полубеспамятстве, похмельный майор Чурилкин грозил из штабного домика послать нарушителей спокойствия на "губу", предварительно изнасиловав всех предков до восьмого колена... Потрясённый Алик стоял в центре этого бедлама и повторял дрожащими губами:

— Ребята, я ж ничего не хотел, только Лёву разбудить, ребята, ребята...

Тут на него рухнул столб, поддерживавший палатку, и наступила тишина.

А Куперовский, гонимый реактивной энергией собственного визга, уносился всё дальше и дальше.

В это же время от южной границы страны в сторону городка Троцкое-2 (кстати сказать, вернувшего недавно своё историческое название — деревня Бронштейновка) быстрым шагом, даже, можно сказать, бегом продвигался матёрый английский шпион Матахари-третий. Матахари был колоритной личностью. На самом деле его звали Мордехай Чака, и он был отпрыском кратковременного морганатического брака зулусской принцессы и боцмана с британского сухогруза, чем объяснялось его известное многим разведкам мира прозвище — Бешеный Зулус. В его внешности, однако, не обнаруживалось ничего африканского, и в условиях нашей страны этот рыжий двухметровый краснощёкий здоровяк не был бы особенно заметен в толпе, а в данный момент, небритый и нетрезвый, и вовсе сливался с народонаселением. Вернее, слился бы, если бы оно наличествовало, но в этот ночной час граждане мирно почивали, и лишь он, одинокий и опасный, крался сквозь ночь к неясной цели. По его следу, вывалив

розовый язык, неслась пограничная овчарка Альфа, между прочим, прапраправнучка знаменитого Индуса, волоча за собой любимого инструктора, ноги которого обвивал поводок. Инструктор, Карацупа Иванович Двугорбый, лично воспитал Альфу, которая с детства почему-то отзывалась исключительно на кличку Гамма, и любил её как дочь; но сейчас, принужденный посредством собственного мозолистого организма удостовериться, как широка страна его родная, проклял день, когда подобрал Альфу-Гамму трехмесячным щенком на помойке, движимый светлыми чувствами, сочинил ей пышную родословную и подготовил к воинской службе. За инструктором, но в почтительном отдалении, поспешала поднятая три недели назад "в ружьё!" погранзастава во главе со своим командиром, человеком яркой боевой и политической подготовки, национальным героем Республики Джибути, кавалером ордена Большого Белого Слона со слонятами капитаном (согласно секретному приказу — майором) Прокопием Прокопиевичем Небейменяной. "Прокоп! — уже в десятый раз обращался к нему парторг, подполковник Бессменный. — Не пора ли устроить привал, всё-таки третью неделю бежим?" "Рано, — хрипел в ответ просоленный и стреляный Небейменяной, — есть ещё силушка. Вперёд, по следу, в город, там вино и девочки!"

Пресловутая колода опять стасовалась причудливо, и в третьем часу ночи Лёву вынесло к старому дубу западнее секретного Троицкого аэродрома (объект 362-412), именно в тот момент, когда Матахари развернул у узловатых корней могучего дерева рацию. Куперовский, несмотря на гнавший его вперёд импульс, приостановился и поздоровался, однако шпион оказался невежливым и, страшно прорычав: "Русиш швайн", — вместо ответа брызнул ему в лицо некой аэрозолью, отчего Лёва потерял последнее соображение и впал в сомнамбулическое состояние.

Дальнейшие свои действия в течение ближайших нескольких часов Куперовский запомнил весьма смутно, поэтому ограничусь фактами из отчётов Небейменяной и начальника охраны аэропорта командованию. В 2.55 сомнамбулический Лёва, не умея плавать, пересёк двухметровый ров с водой (видимо, по дну). В 3.01 он преодолел три ряда колючей проволоки. В 3.04 овчарка Альфа под дубом сбилась со следа Матахари, ведущего на север, и свернула к востоку, на след Куперовского.

Инструктор Двугорбый, давно потерявший надежду выпутаться, лёжа (точнее, скользя), на спине, меланхолично внёс факт изменения направления в записную книжку — для рапорта. В 3.09 Лёва проследовал мимо караульной вышки. В 3.19 Альфа и Двугорбый были там же. Никого из них солдат на вышке не заметил, потому что на спор читал "Устав гарнизонной и караульной службы". Он как раз добрался до раздела "Обязанности часового", когда услышал гомон снизу и увидел десятка три пограничников в луче прожектора. От неожиданности он дал очередь в звёзды и заорал: "Служу Советскому Союзу, вашу мать!" В это время Куперовский, влекомый неведомой силой, брёл себе и брёл, пока не уткнулся в неказистый на вид самолётник, под крылом коего и уснул. На его несчастье, невзрачный самолётник оказался суперсекретным сверхсовременным истребителем, названным в честь тогдашнего лидера страны "Генсек-3". Он только что прибыл из КБ имени Микояна по случаю последних лётных испытаний. Испытание Куперовским было незапланированным. В 3.30 Альфа, рыча, застыла возле Лёвы. В 3.40 инструктор Двугорбый выпутался из поводка. В 3.90 "Генсек" был окружён пограничниками. В 4.00 капитан Небейменяной после тщательной рекогносцировки склонился над Куперовским и, поглаживая его по курчавым волосам, ласково проговорил: "Проснись, диверсант, смерть твоя пришла! Вставай, дурья башка". А в центр уже летела радиограмма: "Зулус взят".

Через два часа небольшой "Як" унёс ещё не вполне оклемавшегося Куперовского в Москву, и спустя час после прибытия в столицу незаметные люди в штатском в неприметной комнате на Лубянке начали допрос.

— Итак, ваше имя — Мордехай Чака, он же Матахари Третий, он же Бешеный Зулус, он же Кровавый Джон, он же...

— Какой Мордехай? — пролепетал потрясённый Куперовский, чувствуя, что происходит нечто неадекватное даже его дерзкому проникновению на секретный объект. — Я не Мордехай. Я, извините, Лёва.

— Лёва?! — сидевший в углу багроволицый толстяк, которого Куперовский мгновенно окрестил ветчинно-рубленым, вскочил и, тщательно изучив лицо арестованного, веско заключил. — Типичный Мордехай!

— Но тогда я тем более не зулус! — возопил Лёва, надеясь разъяснить хоть это недоразумение. — Я же белый!

— Вы, что, нас совсем за дураков держите, господин резидент? — рявкнул ветчинно-рубленый. — Нам известно, что Бешеный — такой же негр, как и мы.

"Хорошенькое начало", — подумал Лёва, и это действительно было только началом. Когда он отрёкся от предложенного вороха имён, его в упор спросили о персональном составе высшего руководства страны (он позорно провалился), о столице Кабардино-Балкарии (так и не смог вспомнить), о прошлогоднем урожае зерновых в Орловской области (вообще не имел представления).

Так Лёва был блистательно разоблачён. Два самых опытных чекиста в виртуозном диалоге раздели Лёву, выпотрошили, вытащили на свет божий его жалкую душонку и принялись испепелять её серией беспощадно точных вопросов. К концу второго часа какой-то розовощёкий, из молодых да ранний приволок увитый проводами и утыканный шкалами аппарат, к Лёве подсоединили кучу присосок, после чего его ответы уже не слушали, лишь изучали показания десятков стрелок, радостно вскрикивая или горестно вздыхая.

— Мы всё знаем, но хотим услышать от вас: вы британский шпион? — в очередной раз повторил высокий седой красавец и, взглянув на прибор, от избытка чувств хлопнул кулаком по крышке стола. — А, сознался, подлец!

— Товарищ полковник, товарищ полковник, подождите, — взмолился розовощёкий, — у меня полярность перепутана.

— Отстань, дорогой! Какая может быть полярность, когда результат верный?!

Дальше допрос пошёл повеселее. Вскоре протокол уже представлял из себя жизнерадостную стопку машинных распечаток, а юнец, не споря более, только что-то попискивал и жал на кнопки.

— Итак, вы не отрицаете, мистер Чака, — басил ветчинно-рубленый, — что собирались ночью ворваться в Мавзолей, перебить охрану и злодейски предать тела вождя земле, чтобы тем самым вызвать беспорядки в стране?

— Отрицаю! — закричал Лёва, но проклятый аппарат был согласен на всё.

— Вы собирались, сделав пластическую операцию, подменить собой министра обороны и захватить власть в государстве?

— Не-е-эт! — взвыл Куперовский, однако детектор сказал: "Да".

— Убедились, мистер Матахари, что мы всё знаем? — торжествующе отчеканил седовласый. — Так вот, известно нам и то, что эти мелкие теракты — не более, чем дымовая завеса над главной операцией, — и, склонившись над Лёвой и глядя ему в глаза, он полушепотом с ударением на каждом слове произнёс. — Что такое "теория относительности"?

Мир закачался перед глазами Куперовского, и он ухнул в темноту. А ведь странный вопрос седого был вполне обоснован. Три месяца назад британский премьер полтора часа совещался о чём-то в конфиденциальной обстановке с шефом МИ-5. Единственное, что удалось услышать советскому агенту, внедрённому под видом слесаря-сантехника в канализационную сеть Даунинг-стрит, — это словосочетание "теория относительности", повторённое 14 раз, и "теория относительности — это такая штука, что голова идёт кругом", произнесённое главой кабинета однажды. Собственно, речь шла о юношеском увлечении младших сыновей вышеупомянутых государственных мужей, но даже если бы в наших органах об этом узнали, то вряд ли бы поверили. А тут ещё сразу после загадочного разговора развернулись активные действия по заброске Зулуса, в ответ в недрах КГБ была создана спецгруппа "Альберт Эйнштейн", и пошло-поехало.

Первое, что увидел Лёва, очнувшись, — это неинтеллигентное лицо матёрого медвежатника и старого стукача по кличке Мадонна, получившего задание запугать Зулуса и сломить его упорство.

— Очнулся, контра! — прохрипел Мадонна, — Отдай сюда пиджак, морда.

Последнее слово было явно лишним, так Куперовского ещё никогда не называли. "Морда" — это солидно, "морда" — это внушительно, "морда" может сопротивляться. И Лёва встал на дыбы.

— Не отдам, — строго сказал он. — Это бабушкин подарок.

— Щас тебе будет бабушка, — пообещал Мадонна и начал осуществлять.

Так протекли две недели, в течение которых Лёва после героического сопротивления вынужден был оставить на произвол Мадонны пиджак, носовой платок, майку, две рубашки (по ночам в степи было холодно, поэтому Куперовский спал, напялив всю одежду, какую привёз из дома, и, убегая из палатки в неизвестность, унёс её на себе), трижды обед, двенадцать раз завтрак и весь сахар, который успел получить.

А потом пришло спасение. Утречком Лёву вызвал седой полковник и, сумрачно глядя в пол, сообщил, что гражданин Куперовский может временно считать себя свободным, поскольку истинный Матахари арестован в Филях. Опасный враг разоблачён настоящей советской девушкой, комсомолкой-активисткой по имени Галина. Галя познакомилась с Чакой (в тот момент по документам Чапаевым Василием Ивановичем) на танцплощадке с целью создания здоровой дружной семьи и в течение двух часов сорока пяти минут исполняла с ним вальс, па-де-труа, мазурку, польку и другие популярные в молодёжной среде танцы, а также пела на два голоса песни отечественных и зарубежных композиторов. Уже тогда Гале показалось подозрительным, что её новый знакомый из современных советских песен знает только "Выходила на берег Катюша", а из известных западных прогрессивных певцов ему знакомы только "Битлс", "Роллинг Стоунз" и "Скорпионз", которые вовсе даже и не прогрессивные, но она приписала эти странности определённой туповатости Василия и для продолжения общения пригласила его домой, где как раз отсутствовали находившиеся в командировке в Нарофоминске родители. Здесь-то отважная комсомолка и сорвала с волка овечью шкуру, обнаружив, что ниже пояса он шоколадно-коричневый. Зулусская половина натуры супершпиона всё-таки проявилась! А утром лже-Чапай уже бился в стальном захвате двоих чекистов, тщетно пытаясь неуместной риторикой прикрыть свой срам, а седовласый собеседник Лёвы сжимал бдительную девушку в крепких товарищеских объятиях.

Таким образом, обвинения в зулустве и матахарщине с Куперовского снимаются, однако он всё-таки откуда-то знал о готовившемся нападении на министра и Мавзолей, а потому пока оставлен в подозрении, и органы будут внимательно наблюдать за его

жизнью. Кроме того, ему предлагается навсегда забыть теорию относительности, ибо дело это секретное и государственное.

Лёва обещал и расписался в бланке, и через четыре часа мы уже обнимали его. Он был весел и здоров, хотя чуть похудел и, забываясь, начинал ботать по фене. И ещё — куда бы он ни шёл, за ним на небольшом отдалении следовал худощавый блондин в плаще и дымчатых очках.

Вот и сейчас, когда я зайду к Куперовскому ознакомить всю семью с данной повестью, я встречу наблюдателя у подъезда — он всегда там, "пасёт" нашего "резидента" и ждёт, когда с ним выйдут на связь. А ведь прошло больше шести лет. Слежку замечают соседи и знакомые. Стали распространяться различные слухи. Я уж и сам начинаю повнимательней приглядываться к Лёве — да наш ли он человек? Есть в нём всё-таки что-то странное, чужеродное, подозрительное...

Но к теории относительности он действительно не имеет никакого отношения. Вы уж мне поверьте.

КОНЕЦ БОЛЬШОГО ДЖО

С чего бы мне начать эту историю? С конца, чтобы не волновать особенно нервных и нетерпеливых читателей? Тогда я должен сообщить, что Большой Джо больше никогда не... Нет, так будет, скорее всего, непонятно. Придётся сперва поведать, любезные мои, кто такой Джо или, точнее, кем он был. Ну а кому будут интересны факты его биографии, если не объяснить, какое место он занимает в нашем рассказе (помимо участия в заглавии, разумеется)? Начну-ка я, пожалуй, с начала.

В конце восьмидесятых страна, избавившись от немодного партийного костюма (жакет и юбка с паранджой), принялась устанавливать случайные связи со всем миром. Мир отвечал взаимностью. На пике открытости в наш город пришло послание из маленькой центральноамериканской республики Сексопотамии. В рамках культурного обмена далёкое государство готово было принять делегацию из четырёх человек, желательно — из среды научной интеллигенции. Все ВУЗы, НИИ и КБ К-ни приняли участие в розыгрыше путёвок. В компьютер были введены фамилии сотрудников вышеуказанных учреждений, а использование датчика случайных чисел и ревизионной комиссии из компетентных людей должны были гарантировать равенство шансов и отсутствие махинаций. Правда, сам тираж почему-то проводился при закрытых дверях, но счастливых обещали немедленно известить. Розыгрыш стартовал в 12-00, а в 12-15 наша Контора узнала, что одна из путёвок досталась Куперовскому. Назавтра его приглашали в горком на инструктаж. Контора гудела от возбуждения и — чего греха таить — от зависти.

Куперовский, как всегда, опоздал. В комнате номер 13 главного здания города его уже ждали четверо: солидный мужчина лет пятидесяти с чем-то и лысиной, одетый в костюм-тройку, сшитый из отличной ткани, но с подчёркнутым опытным портным нежеланием следовать моде, — явный посланник партийных властей; широкоплечий блондинистый усач в джинсах и косоворотке, недовольно постукивавший ногтем по циферблату крупных наручных часов с множеством кнопок сбоку и встроенным калькулятором; кучерявый брюнет кавказского типа со жгучим вопросом в очах, облачённый темпераментно, но просто — в клёши и майку с Чебурашкой на животе и Горбачёвым пониже лопаток; бледно-розовая девушка лет двадцати в лимонного цвета сарафанчике и

мелких кудряшках, вольно ниспадавших по приятным округлостям фигуры до... гм, ниже талии. Когда Лёва появился, представитель горкома оглядел собравшихся, трижды с видимой натугой пересчитал, загибая пальцы, после чего молча, с отсутствующим выражением лица поднялся и удалился. Через полторы минуты он вошёл уже через другую дверь, расправив грудную клетку и излучая энергию. Вновь, но будто впервые окинув взором помещение, он зычно произнёс:

— Что ж, фиксирую — все в сборе. Приятно наблюдать дисциплину в среде партийной молодёжи имеющих полов. Позвольте отрекомендоваться: старший инструктор по различным проблемам Нечитайло Рубрук Ярополкович. От наличествующей в духе нового времени души рад приветствовать вас на нашей территории и представить себе и друг другу. Вначале будущий руководитель группы, товарищ Квазимоденко Архимандрит Степанович. Он олицетворяет здесь, м-м, секретный государственный институт.

Блондин встал и, начальственно насупившись, чуть склонил голову, развернувшись в направлении Нечитайло.

— Мирумирян Георгий Джантигранович, ведущий конструктор института венерологических и психоневрологических исследований.

— Нужно просто Жора. Дамам — всегда и в особенности. Будете в Ереване — не заходите. Я там не живу. Вождям — цветы, — брюнет протянул оторопевшему инструктору материализовавшийся волшебным образом букет фиалок; тот автоматически принял. — Прекрасным девам в ознаменование серьёзности намерений и перспектив — мороженое. Два стаканчика! Остальным — воздушный привет из солнечного НИВПНИ!

Кавказец в действительности был отнюдь не так прост, как могло показаться с первого взгляда. Позже выяснилось, что он единственный имел представление о стране, в которую они направлялись, в связи с чем исчез сразу после выхода делегации из сексопотамской таможни и объявился вновь лишь перед самым отлётом домой — изрядно потрёпанный, измотанный и спавший с лица до того, что профиль его напоминал консервный нож, а фаса не было вовсе, без чемодана, но с гордым пламенем в глазах. На родине имел крупные неприятности по семейной и служебной линиям, однако всё равно остался доволен поездкой.

— Теперь перейдём к женской половине лучшей части человечества.. Самая среди вас, не побоюсь этого слова, юная Пу^анко Анастасия. Наша Пу^анко...

— О-о, — оживился Георгий Джантигранович и начал производить в направлении Насти двусмысленные, но явно зазывные жесты.

— Я Пу^анко! Почему всё так глупо... ой, простите... ошибаются? Простая же фамилия, — и вскочившая было со своего места девушка вновь села, подобрав ноги под стул и прикрыв ладонями зардевшееся личико.

— Я же и говорю: Пу^анко...

— Пу^анко!

— Пу^анко Анастасия Рюриковна трудится лаборантом в КБ швейных деликатесов. И, наконец, Куперовский Лев Штрудельманович из НПО полной утилизации продукции.

Лёва, как человек непритязательный, не стал исправлять ошибку в отчестве, списав её на счёт рассеянной машинистки. А зря: в аэропорту имел неприятности. Однако бдительные пограничники, узнав, что настоящее отчество Лёвы не лучше, решили выпустить его с тем, что проходило по документам. Так и летал, у него это не в первый раз.

— Ну что ж, — констатировал инструктор, с большим сомнением взирая на Куперовского, — экий получился у нас, извините за выражение, интернационал. Перестройка и, как говорится, открытость часто приводят к разным неожиданностям. Порой неприятным, — он вновь посмотрел на Лёву, который в этот день надел алый в зелёную полосу пиджак с золотыми пуговицами, клетчатые жёлто-белые штаны и туфли скромного бордового цвета, но на восьмисантиметровой платформе. — Однако вернёмся к делам и заботам. Страна, в какую вы следуете, не так давно и, откровенно сообщая, случайно освободилась от оков колониализма. Это, собственно, всё, что нам о ней известно. Советский консул там есть, но он постоянно проживает в Гватемале, посему об объекте вашего визита ничего донести не смог. Следовательно, вы будете первыми гражданами СССР на... э-э... сейчас гляну в документацию...

— Сексопотамской, — подсказал Квазимоденко.

— Спасибо. На спасопотсдамской территории. Ведите себя соответственно: тихо, непритязательно, но гордо и возвышенно.

Наведите марафет и покажите аборигенам истинное лицо советского интуриста. Потребностей у вас будет много, а денег, имейте в виду, мало, однако не фарцуйте водкой и икрой вблизи полицейского участка, не побирайтесь и не торгуйте собой в людных местах, где могут встретиться западные корреспонденты и прочие враги мира. Особенно женщин прошу учесть. Гида, говорящего по-русски, обязалась обеспечить принимающая сторона. По всем спорным и иным вопросам слушайте товарища Квазимоденко, он человек опытный в проблемах и ситуациях. Отдельно обращаюсь к вам, Анастасия Рюриковна. Вы будете единственной девушкой среди мужчин, находящихся во враждебном окружении. Хочется верить, что вы правильно поймёте это и грудью отстоите честь нашей комсомолки на чужой земле. Партия надеется на вас.

— Правильно, очень правильно, — вскричал Мирумирян.

— Ну, разрешите пожелать счастливого пути и напомнить, что те, кто будут вести себя неверно, никогда более за границу не попадут. На этом инструктаж считаю завершённым, остальное — дело вашей партийной или человеческой совести и соответствующих компетентных органов. До свидания.

* * *

Последующие бег по кабинетам, переезд и перелёт я пропущу. Как говорится, кто не был, тот будет, кто был, тот не забудет. Да и описано уже это множество раз людьми пожившими и испытавшими. Встретим лучше нашего героя и его спутников на сексопотамской земле.

Гид с плакатом: "Перестройка, гласность, учёные из К-ни — встречаемся здесь!" — ждал их у малолитражки, непритязательной внешностью напоминавшей "Ниву". Подойдя к нему, Квазимоденко сдержанно поздоровался и собрался было погрузить группу, как вдруг обнаружил, что в ней не хватает одного человека.

— Где Мирумирян?! — вскричал он.

— До отеля доберусь своим ходом. Увидимся, — донеслось откуда-то из призрачной дали.

Полчаса поисков ни к чему не привели. Пришлось ехать втроём. Всю дорогу Квазимоденко был мрачен, сочинял, чтобы отвлечься, обличительную характеристику на строптивного кавказца ("Морально неустойчив. Склонен к половым связям. В самолёте и поезде безуспешно, но целеустремлённо приставал к гражданке Путанко А. с предложениями гнусной сексуальной направленности. В аэропорту злонамеренно ушёл из-под наблюдения и скрылся."). При этом он, конечно, практически не слушал объяснения гида и, как следствие, не принял вовремя мер. А зря. Между тем гид огласил немало потенциально ценной информации:

— Уважаемые и долгожданные советские туристы, счастлив приветствовать вас на почве древней Сексопотамии. Завтра мы поедem по музеям, кинотеатрам, публичным домам и прочим интересным местам, а сегодня позвольте кратко познакомить дорогих гостей с историей и некоторыми обычаями нашей страны. Сексопотамия расположена в самом ядре Центральной Америки, на побережье Карибского моря. Название "Сексопотамия" не исконное, было дано испанскими колонизаторами в семнадцатом веке, когда они хорошенько здесь обжились и освоились. Сейчас в парламенте, в палате племенных вождей и шаманов, дебатруется вопрос о возвращении стране первоначального наименования — Коити. Столица республики — Коитус — располагается на Тантрийской возвышенности. Жители страны известны как секстанты и секстантки, и эти названия им так нравятся, что, по всей видимости, сохранятся и в случае положительного решения парламента. Основное занятие аборигенов (сам-то я приехал из Стокгольма пятнадцать лет назад, да так и укоренился) — секс во всех его формах, проявлениях и излияниях. Это обстоятельство имеет глубокие корни в геополитическом расположении Коити. Собственно говоря, кроме пальм и гуайавы, здесь изначально практически ничего не росло. Земля была слишком неплодородной. Того, что имелось, хватало на пропитание, но не более. Между тем туземцы имели те же желания и потребности, что и жители окружающих, удачнее расположенных стран, и даже несколько большие, ибо были обильно одарены природой во всём, кроме самой природы. Волей-неволей освобождённые от иных обязанностей, они беззаветно предались любви. Это приносило массу удовольствия, но не денег. Сексопотамцы были бедны, как ящерицы акуну, которые не имеют ничего, даже дома, и им приходится рожать живых детёнышей, так как некуда отложить яйца. Кстати, насчёт детёнышей. В Коити издавна, ещё с доколумбовых времён, действует сложный комплекс семейного права, статьи которого, в основном, содержат изошрённые способы увильнуть

от признания отцовства. Беды аборигенов продолжались до 1873 года, когда бурные воды Атлантического океана выбросили на здешний берег утлую шлюпку, в которой находился прославленный в наших краях русский мореход Мойша Хаимович Либерзон. Господин Либерзон быстро освоился в туземной среде, проникся печалью секстантов и выдвинул гениальную идею, в корне изменившую ситуацию и обещающую (до сих пор обещающую) со временем вывести Сексопотамию по уровню материального благополучия в число наиболее развитых стран мира. Он предложил поставлять на экспорт за валюту то, в чём аборигены наиболее искусны — порнографию. Вначале это были живописные полотна, вышивка, скульптура, сопутствующие аксессуары, а также квалифицированные инструкторы и инструкторши; с изобретением местной письменности — и книги. Технический прогресс внёс в данный список порнофильмы и электротренажёры, а затем и разработку виртуальной порнореальности. Секстанты стали занятыми людьми, они постоянно трудятся на лоне, м-м, природы. Между прочим, это оказалось весьма выгодно в экологическом отношении. Впитывающиеся в немалом количестве в землю, э-э, жизненные соки обильно удобряют почву, повышая урожайность зелёных насаждений. К сожалению, сексопотамцы, как я уже отмечал выше, не занимаются сельским хозяйством. На это у них не хватает ни времени, ни сил. Вы обращали внимание на своеобразную окраску кожи аборигенов?

— Да-да, мне показалось, что она имеет салатный оттенок, — сказала Настя.

— Вы весьма наблюдательны, мадемуазель. Действительно, жители Сексопотамии слегка зеленоватого цвета. Данное обстоятельство является следствием наиболее распространённого местного заболевания — хронического недосыпания. Без остатка отдавая себя людям, в основном, противоположного пола, туземцы не забывают, однако, о духовной культуре. Просто они занимаются ею параллельно и, так сказать, в процессе. Знали бы вы, как много легенд, сказок, баек и анекдотов создано только за последнее десятилетие. Они, конечно, несколько физиологичны, но весьма занимательны. Позже я перескажу вам штук пять-шесть, сами убедитесь. Свято блюдут здесь заветы предков. Как у вас любят выражаться, память народа хранит имена героев истории Коити. В центре столицы возвышается особняк-музей Либерзона. Сейчас он, увы, закрыт на реставрацию, поэтому я вкратце поведаю о том, что вам могли бы сообщить там. Мойша Хаимович

родился и вырос в К-ни и уже к двадцати пяти годам, по его словам, вошёл в число наиболее богатых и влиятельных представителей города, в первую очередь, за счёт успехов в области азартных карточных игр. Заслуги господина Либерзона принесли ему титул князя, высшие награды Российской империи (от семи по ранним версиям до десяти по более поздним и достоверным) и зависть отдельных многочисленных сограждан. После одного, особенно крупного выигрыша Мойша Хаимович должен был скрыться из К-ни и, в соответствии с юношеской мечтой, завербоваться на бриг "Завалыщий". Там он продолжал труды на поприще бриджа и преферанса, в результате чего оказался в одиночестве, без карт и денег, посреди Атлантики. К счастью для Сексопотамии, попутные ветра не изменили Либерзону и принесли его туда, где он развернулся во всю ширь. Как видите, связи республики с Россией в целом и К-нью в частности носят давний и тесный характер, с чем, собственно, и связано приглашение вашей делегации. Кстати, какую валюту вы с собой захватили? Доллары? В отеле вам их обменяют. Здешняя финансовая система довольно запутана, но вам достаточно знать, что мелкой денежной единицей является пенис, крупной — тоже пенис, но большой, равный шести обыкновенным. Помимо этого, сохранился с колониальных времён и имеет свободное хождение, особенно среди необразованной части населения, фунт пенисов, включающий, в зависимости от погоды, внешнеполитических условий и конкретного соглашения между продавцом и покупателем, от восьми до двенадцати пенисов. А вот и ваша гостиница. Отдыхайте. Завтра с утра — экскурсия по городу.

Отель "Валгалла", выстроенный в стиле "конструктивистское барокко", отличался неумеренным и неоправданным (с точки зрения пуританина) использованием прозрачного пластика, а также изящным оформлением такого рода, что я из скромности не стану его описывать. Лёву поселили в двухместном полулюксе, но поскольку Мирумирян, потенциальный сосед, исчез в дебрях Коитуса, Куперовский так и жил один. Номер был столь большим и запутанным, что по нему можно было водить экскурсии. Только кроватей наличествовало шесть, в том числе с водяным матрацем, с встроенным электрическим разрядником и, наконец, наиболее роскошная — с кандалами, удавкой, дыбой, испанскими сапожками и щекоталкой для пяток. Кроме того, в номере имелись: телевизор, видеомагнитофон с коллекцией кассет местного

производства и масса хромированного оборудования очевидного предназначения, но неясного способа использования. Лёва, несмотря на серьёзное техническое образование, полученное в К-нском университете, так и не разобрался в функциях некоторых конструкций.

* * *

Гид явился уже в девять.

— Ну-ну, поторопитесь, господа! — подгонял он. — Наши ночные заведения открываются утром и не закрываются никогда. Если будете медлить, мы никуда не успеем. Автобус, столица и любовь ждут вас.

— Посмотрите налево, — вещал он. — Элитный клуб "Раковина Афродиты". Здесь танцуют и поют, как умеют, лучшие, гм, девушки Коитуса. Далее по той же стороне расположен бутик, в рекламных целях замаскированный под вонючую замызганную лавчонку. Только тут вы можете приобрести часы марки "Пульс Коитуса", которые измеряют частоту и продолжительность половых актов, а также их активность — в баллах по шкале Рихтера. Незаменимая вещь для спортсменов-любителей, если вы понимаете, о чём я. Направо — киностудия "Бардак и сыновья", где сейчас в открытом во всех направлениях павильоне итальянский режиссёр Вагинелли, мэтр неосатурнализма, снимает свой новый нецензурный фильм "Трое в лодке, не считая собаки". Говорят, трюки в картине с удовольствием исполняют сами актёры, включая специально обученного пса. А вот на скамейке под деревом памятник Либберзону — в натуральную величину, в знак того, что он всегда был демократичен с населением, в частности, женским. На скульптуре тщательно выполнены мелкие детали, присмотритесь: можно даже разглядеть наколки на его плечах и на любимых картах. А рядом — мемориал, посвящённый экономическому чуду Коити: вертикальный столб, сложенный из 187342 различных порновидеокассет. Кстати, их можно брать по несколько штук для просмотра, но потом обязательно класть на место.

— И власти не боятся, что кто-нибудь зажмёт товар? — удивился Квазимоденко.

— Что значит "зажмёт"? — спросил шведский Вергилий. — Порой русские идиомы ставят меня в тупик.

— Ну, не вернёт, — попытался объяснить Архимандрит Степанович.

— А-а, сопрёт, — догадался наконец гид. — Нет, не бояться. Местные всё уже видели, а туристы большого урона не нанесут.

— Да? — обрадовался Квазимоденко и запихнул в сумку восемь ярких коробок из внешнего слоя.

— Извините, — сказал Лёва, — мне вот что непонятно. Как же испанские колонизаторы с их строгими католическими нравами не искоренили творящейся здесь... свободы.

— Почему же? Они пытались, даже организовали в Коити инквизицию.

— Ну и как?

— Верховный инквизитор стал отцом-основателем одного из наиболее многочисленных сексопотамских родов.

— Правильна! — раздался крик из-за баранки, и автобус остановился так резко, что Настя перелетела через проход на колени сидящего к ней лицом Куперовского. Побагровев и шепча извинения, она возвратилась на место.

— Ничего-ничего, мне было только приятно, — честно сказал Лёвушка.

— Правильна! — повторил водитель, смугло-зелёный усач пронзительной внешности и, распрямившись, обернулся к пассажирам. — Я сам — его потомок, наша семья есть одна из самых могущественных семей Коити. Мигель Нимфоманес, к вашей услуге и особенно к услуге очаровательный фемин, любой время дня и ночи.

— Езжай, Мигель, езжай, гости торопятся окунуться в интимную жизнь столицы, — похлопывая шофёра по могучим плечам, дружеским тоном произнёс гид, а потом, обращаясь уже к советским туристам, вполголоса прокомментировал. — Забыл сказать вчера: вышеупомянутый господин Либерзон развил в Сексопотамии столь бурную деятельность, что многие туземцы волей-неволей выучили язык его далёкой родины и на всякий случай передали эти знания потомкам. Ныне практически каждый местный житель понимает русский и почти умеет говорить. Сам-то я владею им в совершенстве, — скромно добавил он, — потому что хотя и являюсь шведом, но воспитывался в качестве приёмного сына в русской семье евреев, удачно уехавших из Гомеля в Хайфу через

Стокгольм, где они и поселились. Кстати, в данный момент мы оставляем слева от себя варьете "Весёлые ножки", где сегодня идёт водевиль по произведению какого-то вашего автора "Каждый мнит себя гигантом, видя секс со стороны". Исходная пьеса называлась, по-моему, "На дне", но в ней подредактировали диалоги, добавили несколько пикантных сцен и танцы топлесс. А вот и главная цель нашего путешествия, нон-стоп лав-клуб "Любовь спасает мир" с круглосуточной демонстрацией форм спасательниц и средств спасения. Здесь я оставляю вас наслаждаться бытом рядовых и прочих секстантов. Автобус будет ждать у входа в восемь вечера. Чао!

И прежде, чем дорогие гости (точнее — их руководитель) успели возразить, он испарился, прихватив транспортное средство. Обратной дороги они не знали, валюту на такси было тратить исключительно жалко, и пришлось войти в вертеп разврата.

Про сам вертеп Лёва отозвался примерно следующим образом:

— И это было таки да!

Казалось бы: что ещё можно добавить? Однако вдумчивый читатель не простит мне, если не узнает в подробностях, что происходило внутри.

Нашу делегацию на пороге заведения встречали девицы, одетые в костюмы от Евы национальной советской расцветки. Однако что-то перепутав (или предугадав?), они размалевали себя под российский триколор, причём в голубое были выкрашены самые дорогие для нас части. Трижды совокупившись с гостями по русскому обычаю (Настя с трудом уклонилась, буквально убежав от рослого аборигена с загребущими нахальными ручищами, не говоря уж про всё остальное), их ввели в зал. Как только они вошли, осанистый метрдотель раскатисто воскликнул:

— Приветствуем к-нские туристы на древний коитянский почва! По старинный московский традиция сегодня в ваша честь бьют фонтаны из чистейшая русская водка "Смирнофф", а всякий присутствующая девушек в обязательный порядок будем мазать чёрный икрой и облизывать. И всё — за ваш счёт, который мы завтра прислать в отель. А теперь — цыгане! Гуляй, щедрый славянский душа!

— Стойте, у нас суточные... Лимит! — взвизгнул ошарашенный размахом празднества Квазимоденко, но было поздно.

На сцену с гиканьем, визгом и иными физиологическими звуками высыпали цыгане обоого пола в цветастых нарядах с разрезами в неподобающих местах. Недостаток этнической принадлежности они с лихвой компенсировали переизбытком темперамента и экспрессии. Дети сексопотамских степей пели, плясали и совершали прочие непотребства, активно и целеустремлённо используя подручные предметы. Позже Лёвушка признался мне, что никогда не встречал столь виртуозного владения гитарой.

Цыган сменили актёры местной театральной труппы. Они представляли нечто из средневековой жизни в переложении на русский вездесущего Либерзона. К сожалению, язык снежной Московии претерпевал в устах лицедеёв слишком чудовищные метаморфозы, что, в сочетании с массой съеденного, слизанного и выпитого, несколько затуманивало восприятие аудиовизуальной информации, однако Куперовский запомнил, что пьеса носила крайне нравоучительный характер и была посвящена небольшому эпизоду из истории непростых взаимоотношений двух старинных итальянских родов — Вагинелли и Копулетти. Младшие отпрыски фамилий, Дефлорация Копулетти и Десад Вагинелли, остро взалкали друг друга, но вместо того, чтобы вступить в соответствующую романтическую связь, очертя головы устремились в скоропалительные брачные узы. Действие вертелось вокруг настойчивых попыток родственников образумить парочку и убедить её перестать валять дурака и наконец заняться сексом и столь же упрямого сопротивления юнцов, которых подзуживал священник, глубоко отрицательный персонаж. Однако на авансцену ещё в первом действии вынесли шикарную многоспальную кровать, и по законам жанра уж в третьем-то она должна была заскрипеть. Так и произошло. Молодых всё-таки уломали, и в финале они, сопровождаемые и наставляемые наиболее сексапильными членами обоих семейств, парно, а затем группами и коллективно опробовали сей станок Венеры. Желающие из публики могли присоединиться и присоединялись, так что вскоре мизансцена приняла столь гомерический размах, что и сам Гомер содрогнулся бы. Если бы увидел, конечно.

Грянули аплодисменты. По залу, разнося снедь и услаждая взгляды, засновали официантки в кокетливых белых бюстгальтерах, а вниманием присутствующих вновь насильно завладел метр:

— Ну а сейчас — сюрприз для гости из другая полушария. Излюбленный удовольствий советский граждан — партийный собраний.

Повестка дня — аморальный поведением отдельный товарищ. Соседний помещений, пожалуйста.

По бордовой ковровой дорожке публика перешла в... типичный актовый зал, заполненный рядами сцепленных обшарпанных кресел системы "не вставай". На возвышении обнаружили трибуна, стол под зелёным сукном, свисавшим до пола, и несколько стульев. Если предыдущие этапы празднества явно проистекали из давней либерзонады и воспоминаний несравненного Мойши Хаимовича, то текущий момент продемонстрировал неплохую осведомлённость аборигенов о современных происходящему реалиях Страны Советов. Всё было до безобразия знакомо, вот только мебель на сцене буквально громоздилась над залом и, казалось, наезжала на него, да и ораторское место отличалось циклопическими размерами.

— Предлагаю избрать президиум в состав настоящий русский коммунисты, — возгласил герольд.

— И беспартийных, — уточнил Архимандрит Степанович.

Народ затопал, засвистел, заулюлюкал — короче, проголосовал. Советская делегация во главе со своим руководителем по тому же красному половику чинно поднялась на подиум, и тут их взорам открылось такое, что сразу стало очевидно, почему тамошний инвентарь был соединён под непривычными углами и тяготел к гигантизму. Те же вещи с обратной стороны оказались где-то даже изящными и сугубо функциональными.

— В этот миг, — сказал мне Куперовский, — я окончательно понял, почему ответственные товарищи так рвутся в президиум.

Увы, здесь я вынужден умолкнуть, ибо о дальнейшем Клио в Лёвушкином лице вероломно умалчивает, лишь бьётся на полу в безобразных припадках хохота и выдавливая из себя вперемежку с брызгами слюны бессвязные фразы вроде:

— Видел бы ты, как они применяют декоративный бюстик Ленина! А чернильницу! А дырокол!!!

Посему оставляю дальнейшие картины разложения воспалённому и развращённому воображению читателей. Подобно чукотскому барду я описываю только то, что твёрдо знаю. Конечно, недоверчивые граждане могут сказать, что у меня сработал внутренний цензор, а целомудренная Муза возвела барьер на пути перехода печатного слова в непечатное, но я в ответ лишь гордо и решительно пожму плечами и продолжу

распутывать клубок сего истинного повествования. А лакуны пусть каждый заполняет самолично, в меру собственной испорченности.

На обратном пути Квазимоденко был печален. Он всё повторял:

— Пятая рюмка коньяка была лишней, — и снова. — Но уж шестую я точно принял зря.

Он чувствовал, что где-то увлёкся, ошибся и потерял бразды и престиж. Он только не понимал, в какой момент это произошло.

Примерно часов в одиннадцать ночи в дверь Куперовского постучали. На пороге заламывала руки Анастасия в чём-то воздушном, что хотелось бы назвать пеньюаром, если бы некоторые особенности покроя не выдавали ночную рубашку от кутюр Нижнеморквашинской швейной фабрики.

— Лёва, — простонала девушка, — реалии растленной центральноамериканской буржуазной жизни разрушили мой строгий моральный кодекс невинной строительницы коммунизма с демократическим лицом. Я так больше не могу. Я решила пасть. Помоги же мне!

— С восхищением, — отвечивал Лёвушка, принял гостью в объятия и проследовал с ней на то ложе, что с водяным матрасом.

* * *

На следующий день Квазимоденко наотрез отказался участвовать в экскурсии.

— Езжайте сами, — с умудрённым видом бывалого жителя Земли произнёс он, — а я уж побуду здесь, в гостинице. Хватит с меня всего этого.

И он действительно остался в своём люксе, заперев дверь, отключив телевизор и медитируя над прихваченным из дома номером газеты "Правда раскрепощённого Востока".

Гид и водитель были непривычно мрачны. На улицах Коитуса также резко увеличилась доля чёрного цвета. Не заметить это было бы трудновато.

— Что стряслось? — спросил Лёва. — В стране траур?

— О-о, — простонал шофёр, — теперь каждый неделя день траур.

— Да, — подтвердил гид, — над вольной Сексопотамией нависла тяжёлая опасность. Впрочем, вам это ни к чему, вы — всего лишь гости, хотя и дорогие.

— Вы ошибаетесь, нам интересно. И мы постараемся помочь во всём, что будет в наших силах! — пылко воскликнула Анастасия.

— Вряд ли, но почему не рассказать? История это давняя. Около пятнадцати лет тому назад в водах Карибского моря появился пират Эгг по кличке Большой Джо. Среди прочих флибустьеров он выделялся тем, что в качестве объекта своих преступных деяний выбрал именно и исключительно наши края. Его быстроходные катера легко настигали сексопотамские корабли, после чего экспортный груз отправлялся за борт, суда — на дно, а экипажи исчезали бесследно. Долгое время мы считали, что их жестоко убивают, но оказалось, что участь этих несчастных была ещё плачевнее. Чудом вырвавшийся из плена член команды одного из лайнеров поведал потрясённым секстантам, что головорезы Джо Эгга доставляют их братьев и сестёр в США, где те вынуждены ради куска хлеба трудиться мусорщиками и мойщиками окон. Дальше — больше. Кровожадный джентльмен удачи и его присные стали совершать налёты на прибрежные города и посёлки, хватать наших юношей и дев и продавать их в вечное рабство в сегрегированные католические аббатства, где тем уже не суждено насладиться радостями бытия. Теперь же Эгг вознамерился захватить власть над всей Сексопотамией. Почти не скрываясь, его костоломы готовят заговор против законно избранного президента. Мы с ужасом думаем о будущем. Установив в стране личную диктатуру, Большой Джо планирует лишить её народ главного богатства — свободной любви, насадить по всей территории монастыри и воскресные школы, закрыть эротические кинотеатры, стриптиз-клубы и иные общеобразовательные учреждения и ликвидировать традиционные ремёсла и основные отрасли промышленности. Экономика государства должна быть переведена на производство молитвенников и распятий, а его жители — прозябать в постах, раскаянии и слезах.

— И ничего нельзя предпринять? — спросил Куперовский.

— Увы, — поник головой гид, — он слишком силён, у него много людей, а мы даже не имеем настоящей армии и полиции. Конечно, если бы Эгг куда-нибудь исчез, то вся банда, дисциплина в которой держится исключительно на его личном авторитете, вмиг бы разбежалась, а с наиболее неповоротливыми мы справились бы сами. Однако об этом приходится только мечтать, он напорист, удачлив и всегда окружён телохранителями. Боюсь, что уже в следующем году, а то и раньше нарисованная мной картина станет реальностью.

— Либерзон предупреждать нас, — сумрачно проговорил водитель. — Он говорит, что это самый чёрный колдовство от клерикальный круги. Он называет это "православие, самодержавие, народность".

— Погодите, — перебил Лёва, — значит, главную проблему представляет сам Большой Джо, а не его команда?

— Да, — согласился экскурсовод, — а что толку?

— А то, что мы попытаемся вам помочь. Везите нас назад в отель, нам необходимо посоветоваться с шефом.

— Нет, нет и нет! — отчеканил Квазимоденко. — Не хватало мне ещё забот с вмешательством во внутренние дела иного государства. Пусть сами выпутываются.

— Но ведь речь идёт о поддержке национально-освободительного движения, — настаивал Куперовский. — Разве вас в спецшколе не учили оказывать ему всяческую поддержку?

— Это в какой ещё "спецшколе"? — набычился Архимандрит Степанович.

— В математической, — нашёлся Лёвушка, догадавшись, что вождь хочет сохранить хотя бы формальное инкогнито.

— То-то. А помощь моя будет заключаться в том, что я вам с Анастасией не буду ничего ни разрешать, ни запрещать. Можете действовать, но считайте, что я не в курсе.

— С компетентным руководством не получилось, — коротко отчитался Лёва перед тремя соратниками. — Попробуем обойтись. На

острие атаки буду я, — и он вытянулся во все свои сто шестьдесят пять исполненных отваги сантиметров. — Однако мне понадобятся сведения и аксессуары.

— С оборудованием проблем не будет, — заявил гид, — по совместительству я начальник и единственный сотрудник местной контрразведки.

— Вы, иностранец? — удивилась Настя. — Но почему?

— Остальные отказаться, — пояснил шофёр. — Очень лениться, говорить, что запахло.

— Какого рода информация вам требуется? — спросил экскурсовод-многостаночник.

Этого Куперовский и сам не знал. Собственно говоря, свою последнюю фразу маленький Джеймс Бонд произнёс просто потому, что она здорово звучала. Однако, справившись с мыслями, он нашёлся:

— Ну, например, каковы маршруты передвижения Эгга?

Положительно, он сам себе нравился.

— Нет ничего проще. Большой Джо — человек устойчивых привычек. Завтра пятница, значит, у него в программе посещение зоопарка. Его успокаивает зрелище зверей в клетках. В субботу Эгг отдыхает на заброшенном пляже в бухте Баия де лос Путаньерос. В воскресенье он посещает часовню, где общается с Богом. Аудиенция обычно продолжается с девяти до обеда, тет-а-тет, охрана остаётся снаружи. После обеда он до вечера вынашивает коварные замыслы. В понедельник...

— Достаточно, — сказал Лёва. — Начнём завтра. Мой план таков...

* * *

Ровно в десять утра у ворот столичного зверинца затормозил бордовый лимузин. Из него высыпалась группа крепких молодых людей в чёрных костюмах и тёмных очках. Они образовали кольцо, которое

окружило неторопливо вылезшего из задней дверцы видного мужчину лет сорока пяти с хищной внешностью, несколько подпорченной брюзгливо поджатыми губами. Он был одет в белое с алой розой в лацкане и чёрными пистолетами во всех карманах и под мышками. Наиболее сообразительные читатели уже могли бы и догадаться, что перед ними предстал сам Большой Джо.

Куперовский это тоже вскоре понял, едва сверился с фотокарточкой, любезно предоставленной местной контрразведкой. Он сидел, укрывшись за флюгером, на крыше дома, примыкавшего к площади перед зоосадам. Рядом с ним лежали три импортных (аборигены Сексопотамии, напомним, не охотились и не воевали) дротика из фондов кунсткамеры. В действие вступал первый пункт гениального плана. Лёва прицелился в пирата и одно за другим метнул в него все свои копья. Первые два пролетели мимо. Однако не зря накануне наш герой три часа упражнялся за городом в силе и точности броска. Третий дротик метко поразил — однако, к сожалению, не Эгга. Заострённый наконечник вдребезги разнёс установленную на постаменте в центре фонтана историческую реликвию — большую пивную кружку Либерзона. Позже хозяевам удалось собрать осколки и кое-как отреставрировать раритет, однако мэр уже никогда не мог, как в былые лета, отметить день рождения Мойши Хаимовича добрым глотком из его посуды. Так или иначе, первый вариант покушения не сработал, но имелись ещё два.

Оставив троих секьюрити осыпать окрестности пулями, Джо неторопливо вошёл в зоопарк. Пока он опытным взглядом бывалого притеснителя и угнетателя оценивал вид и условия содержания копытных, птиц, приматов, ничего особенного не происходило. Однако едва корсар достиг секции хищников, как дверцы клеток отворились, и львы, тигры, пантеры, оцелоты и ягуар вышли наружу. Надо сказать, что Лёвушка за хлопотами позабыл лично проверить установленную аборигенами автоматику, поэтому всё сработало как надо. Побледневшие охранники попытались собственными дрожащими телами прикрыть босса, но Большой Джо, отстранив их, самолично вышел вперёд. Расставив ноги и скрестив руки на груди, он встал в пяти метрах от хищников, сверля их тяжёлым взглядом голубых глубоко сидящих глаз. Огромные кошки выдержали не более минуты. Продолжая рычать и сохраняя выражение свирепости на мордах, они попятились и укрылись в клетках, ворча и скалясь.

— Даже зверей он запугал, — в сердцах воскликнул гид.

Мерзко ухмыляясь, гангстер во главе колонны своих мафиози обозрел оставшихся животных и возвратился ко входу. Вокруг лимузина, постукивая перед собой тросточкой, бродил невысокий человек в огненно-красном пиджаке, жёлтых штанах с колокольчиками понизу и непрозрачных чёрных очках и дёргал за дверные ручки. Судя по продувной улыбке слепца, он намеревался угнать автомобиль.

— Стой, бандит! — вскричал Джо и бросился на злоумышленника. Короли преступного мира не выносят покушений на свою собственность.

Он не мог знать, что под скромной, непритязательной внешностью рядового инвалида скрывался грозный и неугомонный Куперовский. Посещая в К-ни в течение двух месяцев платные курсы, он, по уверениям инструктора, в совершенстве овладел приёмами эзотерической борьбы са-кёкомацу и жаждал применить познания на практике. Подпрыгивая и скрестив перед собой руки с растопыренными пальцами, Лёва нетерпеливо ожидал противника. Едва тот приблизился, как "слепой" с воем накинулся на него, нанося удары куда попало и чем попало.

В первые мгновения Эгг был ошеломлён, однако, пропустив несколько чувствительных тычков в болезненные места, он разъярился. Трубя, как слон, он оттолкнул маленького негодяя, а когда тот вновь подступил, схватил его в охапку и швырнул подальше. Куперовский зацепился подкладкой пиджака за куст и долго не мог выпутаться из него. Воспользовавшись этой заминкой, Джо добежал до машины и прыгнул внутрь. Едва телохранители забрались в лимузин, как их босс скомандовал отъезд. Зоопарк уже давно скрылся из виду, а он всё оглядывался, не преследует ли их незрячий маньяк, и бормотал:

— Что за город, что за страна! Безобразие, просто по улице нельзя пройти!

Итак, столь тщательно разработанный, практически безукоризненный план рухнул. Участники заговора в унынии сидели в автобусе, размышляя о тщете человеческих усилий. Лёва с сожалением разглядывал подпорченную одежду.

— Я знаю, что надо делать, — сказала Настя, — пора прибегнуть к услугам профессионалов.

— Я уже пробовал, — вздохнул Куперовский. — Они отказались.

— Ничего, — заявила храбрая комсомолка, — на этот раз мы пойдём к нему все вместе. Пусть теперь попробует увильнуть!

— Мой ответ будет прежним, — отрезал Квазимоденко, терпеливо выслушав рассказ о попытках и неудачах и мольбы о помощи.

— Подумайте, Архимандрит Степанович, какую добрую память о себе и своей стране вы посеете в сердцах местного населения, — уговаривал гид. — Мы даже можем поставить вам памятник на центральной площади. Если хотите, вас изваяют читающим вот эту самую газету.

— Хорош я буду, — фыркнул Квазимоденко, — без штанов и с "Правдой" в руках.

— А что? — не удержался Лёва. — Типичный образ советского человека.

— Извините, — сказал экскурсовод, — таковы здешний менталитет и художественные традиции.

— Давид тоже не в брюках, — встрял Куперовский. — И Аполлон. Решайтесь, Архимандрит Степанович. Даже интересно будет сравнить. Только учтите: местные мастера — сплошь реалисты.

— Ни один Давид в органах не работал. По крайней мере, при мне.

— И вы не будете, — ласково сказала Настя, — если мы сообщим прессе, что майор КГБ отказал в поддержке борцам за национальную независимость. Представляете свой портрет на первой полосе "Таймс"?

— Я подполковник, — уточнил Квазимоденко и задумался.

Ему не мешали. Наконец, взвесив все "за" и "против", он недовольно пробурчал:

— И чего вы хотите от меня?

— От вас? — улыбнулась Настя. — Совсем немногого: совета опытного в таких делах человека с учётом его стратегических и тактических талантов.

— Ну что ж, вы не оставили мне выбора. Но командовать парадом буду я! — угрожающе произнёс посланец пресловутых органов. — Стало быть, говорите, молитвенники? И по субботам отдыхает в одиночестве на пляже? Значит, брать будем из воды.

— Не выйдет, — сказал экскурсовод-контрразведчик. — Охрана близко, у них бинокли и моторки. Перехватят.

— Вы меня неправильно поняли, — укоризненно проговорил Квазимоденко, — и слишком спешите. А это неразумно, если вы решили установить особые отношения с тем ведомством, которое я представляю.

— Нет-нет, — быстро возразил гид, — только с вами и только временно.

— Жаль. У нас неплохо платят, плюс премии, да за выслугу, да ещё и грамоты по праздникам. Рация — бесплатно, с четырьмя диапазонами и эквалайзером. Пора мыслить. Но вернёмся к делам. Нам нужна девица.

— Возьмите меня, — вскочила Настя.

— Ты бы подошла, но испанским не владеешь.

— Джо тоже его не знает, — сказал гид, — он вынужден был выучить русский, чтобы хоть как-то общаться с местным населением.

— Да? Это хорошо. Тогда используем Пута~~н~~ко.

— О, конечно! — оживился Мигель. — Красивый путанка — как раз то, что надо. Кающийся Магдалин — очень может действовать на пират. А если нет, я помочу как-нибудь иначе использовать русский путанка.

— Я Пута~~н~~ко, Пута~~н~~ко, Пута~~н~~ко! — закричала Настя, топая ногами в босоножках с острыми каблучками.

— Итак, в качестве туземной барышни к мистеру Эггу отправится Анастасия. Выкрасим её в зеленовато-коричневый цвет, нарядим. Однако это может быть опасно.

— Я не боюсь, — вскинув голову (отчего волосы и прочие пышности фигуры волнуяще всколыхнулись), заявила девушка.

— Вот и славно. А если что пойдёт не так, то вы все свидетели, что я в ваших художествах не участвовал и ни о чём не знал. Кстати, нужно сочинить нашей красавице имя...

— Я уже придумала: Лолита-Кончита.

— ...И фамилию, что-нибудь испанское. Санчес, Мартинес...

— Кусинтохес, — сказал Лёва.

— Звучит хорошо, — прокомментировал гид.

— Так и решим. А диспозиция наша будет состоять в следующем...

— ...Только запомни, Анастасия, — во что бы то ни стало ты должна заманить его к белому камню под кривым деревом, причём обязательно одного. А уж дальше наше — то есть вот их — дело.

* * *

Большой Джо, смежив веки, нежился под солнышком на чистом песочке в удалённой от посторонних глаз бухте Баия де лос Путаньерос, когда ожил его радиотелефон.

— Шеф, — гаркнул один из подручных, — к вам направляется женщина.

Пришлось раскрыть глаза. От кромки приборя в его сторону шла молодая симпатичная туземка. В отличие от большинства секстанток, она была одета скромно — в длинное закрытое белоснежное платье. Правда, наряд насквозь промок и плотно облепил тело девушки, выгодно подчеркнув особенности её чуть полноватой фигуры. Эгг поднялся на ноги и приосанился.

— Что вы здесь ищете — громким голосом спросил он.

— Вас, — просто ответила гостья и припала к его стопам, обвив руками колени. Вообще-то она переигрывала, но пираты не отличаются хорошим вкусом.

— Только вы, могучий господин Эгг, можете мне помочь.

— Погодите, — поморщился Джо, — не знаете ли вы ещё какой-нибудь язык, кроме русского?

— Испанский, — сказала Настя, ничем не рискуя. — И суахили, — неизвестно зачем добавила она.

— Суахили?

— Да, это диалект моего племени. Мы проживаем в горах в крохотных деревушках и очень боимся селя. Правда, его в наших краях не бывает.

Гангстер почесал в затылке. Он никогда не слышал, что в Сексопотамии есть горы.

— Опять придётся беседовать на этом варварском наречии, — недовольно пробурчал он. — И что же вам от меня нужно?

— Моё имя — Лолита-Кончита Кусинтохес. Я пришла, потому что мне нужен человек, перед которым я могу исповедаться. Я отправилась бы в церковь, но их здесь нет, а вы самый святой из тех, о ком я знаю.

Такого Большому Джо ещё никто не говорил (хотя втайне он к себе примерно так и относился). Он размяк и отеческим тоном произнёс фразу, которую услышал в кино и давно мечтал использовать, но случая не было:

— Я весь внимание, дочь моя. Не скрывай ничего.

— Падрэ, — в тон ему сказала Настя, используя единственное знакомое ей испанское слово, — я попала в затруднительное положение. Я воспитывалась в глухом горном ауле в строгих патриархальных нравах, каковые хорошо вам известны. Тем не менее я выросла девушкой сравнительно высоконравственной и меня всегда тянуло к духовной жизни. Однако под влиянием традиционалистов-родителей и соседей мне приходилось часто ездить в столицу и посещать зланные места. Во время одной из экскурсий я была увлечена первым встречным на пустынный берег, где незаметно для себя лишилась невинности. Позже я поняла, что со мной произошло, и погрузилась в бездну отчаяния, в результате чего оказалась солисткой стриптиз-балета. Порок гнетёт меня, и я мечтаю вырваться, но среда... и большие деньги...

— Не печалься, — успокоительно проговорил Джо, поглаживая Кончиту-Лолиту по всему телу, — скоро мы прихлопнем здешний вертеп и создадим обители, в одной из которых ты сможешь сполна насладиться тишиной, спокойствием и абсолютным отсутствием гетеросексуальных отношений.

— Я бы подождала ещё немного, — сказала девушка, — но надо мной довлеет страшная тайна...

— Я весь нетерпение! — вскричал Эгг, пододвинувшись ещё ближе, так что было уже неясно, где кончается он и начинается Настя.

— Нет, здесь я не могу, у меня всё время такое ощущение, что за нами наблюдают. Пойдёмте вон к той кривой пальме на горизонте, там я полностью разоблачусь перед вами.

— В каком смысле? — насторожился опытный пират.

— Раскрою душу, конечно. А вы о чём подумали?

— А почему именно там?

— О, это такое личное... Но вам скажу: именно в тени вышеупомянутого дерева у камня я впервые познала мужчину. С тех пор данное место располагает меня к особенной интимности.

— Ладно, к дереву — так к дереву, — согласился Большой Джо и направился вслед за Настей, сделав знак охране не сопровождать его.

Лёвушка, гид и шофёр, подкреплённые десятком дюжих местных ребят, укрылись в густой заросли кустов, окружавших пункт потенциальной поимки. Ожидание вышло столь длительным, что они задремали, а потом и вовсе уснули. К счастью, Мигель, который обладал тонким слухом на всяческие безобразия, уловил сквозь сон подозрительный шум под пальмой и вовремя разбудил остальных.

— Ну, вы даёте! — воскликнула Анастасия, пока группа поддержки вязала Большого Джо. — Ещё немного, и я могла утратить свою девичью честь.

— Как это "девичью честь"?! — возмутился Лёва. — А что же тогда было в среду вечером у меня в номере?

— Допустим, — признала Настя, взмахнув пушистыми ресницами, — я выразилась несколько фигурально.

* * *

Через неделю весь Коитус провожал советских туристов. До аэропорта их несли в паланкине, завалили статуэтками, калечасами с различными возбуждающими средствами, порновидеопродукцией и прочими изделиями местных ударников эротического труда. Напоследок им вручили традиционный прощальный сувенир — плоды дерева нуину, которые выглядели столь недвусмысленно и вызывающе, что товарищ Квазимоденко брать их на родину социализма категорически отказался. Лёва присвоил его долю, а потом подарил мне. Можете прийти посмотреть.

Когда лайнер уже выруливал на старт, на взлётной полосе появился Мирумирян. Он-то успел, а Архимандриту Степановичу пришлось прямо на борту весь отчёт переписывать. Документация — это вам не шуточки.

* * *

Примерно через полгода Куперовский получил письмо из солнечного Коити (государство всё-таки переименовали). Авторы послания, шофёр Мигель и гид, которого, оказывается, звали Уве-Магнус Лифшиц (он взял фамилию приёмных родителей), сообщали, что после исчезновения своего вожака пираты утратили всякое представление о дисциплине и цель в жизни. А так как в местных барах и борделях их более не обслуживали в кредит, они понемногу покинули бывшую Сексопотамию и разбрелись по всему миру. Теперь их можно повстречать в самых подозрительных притонах и низкопробных монастырях Сан-Франциско, Бомбея, Москвы, Шаолиня и в прочих сомнительных местах. А над Коити — безоблачное небо, сулящее немало развлечений нетребовательным аборигенам и их гостям.

Что же касается Большого Джо, то он был при полном попустительстве таможни вывезен в соседнюю Феминию, где царит жесточайший матриархат, и продан в подпольный ночной клуб — что самое обидное, всего за двенадцать серебряных вагин. Вырваться оттуда не удавалось ещё никому. Таким образом, Джо Эгга навсегда лишили возможности предаваться любимому занятию — половому воздержанию, ибо с семи вечера до трёх утра он исполняет стриптиз-номера, а днём обслуживает, в самом низменном смысле слова, местную матросню — грубых, тяжёлых, пропахших табаком и дешёвым виски баб. Теперь его зовут Бобо.

Лёве стало жаль Большого Джо и даже захотелось его спасти, но, к счастью для свободнлюбцев и свободнлюбок планеты, путёвок в Феминию не было в наличии и не предвиделось, поскольку её ещё не нанесли на карты.

На этом разрешите закончить мой рассказ. Кажется, он получился вполне пристойным в художественном отношении, хотя местами,

конечно, непристойным. Впрочем, может быть, и наоборот; писатель — существо необъективное.

Однако всё здесь — правда. Клянусь пиджаком Куперовского!

ПОД ЮБКОЙ СТАТУИ СВОБОДЫ

Всё нижеописанное случилось в первые годы перестройки.

Мы с Лёвой Куперовским несколько лет пребывали в штате нашей конторы, когда "сверху" спустили бумагу, положившую начало этой истории. В распечатанном на ЭВМ циркуляре предписывалось в кратчайший срок изыскать кандидатуру на туристическую поездку в США. Благотворительный фонд, финансировавший мероприятие, подготовил особо широкую программу, включающую посещение Голливуда, Гарлема, зоопарка, стриптиза и Белого Дома, причём каждый мог пожать руку президенту и поцеловать его жену. Или наоборот — по желанию. У американцев с этим просто.

Отдельным пунктом циркуляра оговаривалось, что претендент должен быть беспартийным молодым общительным евреем мужского пола, ниже среднего роста, но с высшим образованием, неженатым, однако с большим количеством родственников. Под это описание идеально подходил один Куперовский, каковой и уехал в Штаты. Позже, правда, выяснилось, что из-за сбоя компьютера где-то глубоко в машинной памяти ноль заменился на единицу, в результате чего в вышеприведенные кондиции вкрались некоторые ошибки. На самом деле предполагалось послать за океан высокого сорокалетнего татарина-коммуниста, бдительного, идейно выдержанного, желательного вовсе без образования, но женатого и с многочисленным потомством. Пол, правда, почему-то и в этом случае выходил мужской. Однако, пока суд да дело, самолет уже унёс проинструктированного мамой, родственниками и компетентными органами Лёву в Новый Свет. Весь рейс Лёва лихорадочно вспоминал, кто ему что заказал. В итоге он всё-таки вынужден был занести все просьбы в блокнот, чтобы ничего не пропустить. Позже я этот список видел и свидетельствую, что Куперовский ни о чём не забыл, но, видимо, в сутолоке кое-что перепутал, потому как я, например, вовсе не заказывал автоматический радиоуправляемый пипифакс. Я, собственно, и не знал в те годы, что такое пипифакс, встречая это слово только в англоязычной литературе, и принимал за некую необходимую туристическую принадлежность на уровне топорика и рюкзака ("Милый, я уже всё приготовила для уикэнда" — "Главное, дорогая, не забудь билеты на поезд, палатку и пипифакс"). Я уже и не помню, что я просил, но, клянусь, не это. Да он и не привёз ничего, хотя винить его за это трудно.

Вашингтон встретил Лёву не то чтобы плохо — равнодушно. Вокруг сновали разноцветные граждане в одинакового покроя мешковатых шортах фасона "Мой зад — моя крепость". Стайка симпатичных китайнок в полувоенных костюмчиках пронесла Мао Цзе Дуна на микроскопических грудках. Индеец в перьях, эскимос в шерсти и натуралист в панамке рекламировали "Пепси". Парочка французов вытанцовывала себе обед и ужин. Японец в темных очках соблазнял девушек, около него уже стояла очередь. Лохматый миссионер проповедовал прямо под плакатом с девицей, рекламирующей гигиенические прокладки. Зелёный от тоски марсианин гонялся... Впрочем, вру, этого не было.

К группе, состав которой украшал наш герой, прикрепили русского гида по имени Моисей Шульман, он происходил из Минска, но эмигрировал довольно давно и имел "грин кард", о чём сразу же гордо сообщил. Ностальгии он не испытывал, его русский походил на язык произведений писателя Аксенова, то есть "мясо" он ещё помнил, а рыба прочно заменилась на "фиш". Города он, Впрочем, не знал, искренне удивлялся, когда кто-нибудь из экскурсантов задавал ему вопросы о зданиях, не указанных в его "лист", и неизменно отвечал: "Этот билдинг, пробэбли, построен за прошлый год" — независимо от того, имелся ли в виду небоскрёб, китайская пагода или замшелое здание двухсотлетнего облика.

На четвёртый день Лёва слегка загрустил и решил с понедельника тосковать по Родине. К счастью, до этого не дошло, потому что в пятницу начались события, которые и привели в итоге к появлению данной повести. Но обо всём по порядку. В этот день Шульман разбудил группу рано, вбегая в номера с возгласом: "Вставайте, гои, сегодня исполнится ваша вековая мечта, сегодня будем брать Пентагон". Не дав толком позавтракать, он запихнул невыспавшихся советских граждан в автобус, и через полчаса темнокожий сержант, отобрав фотоаппараты и смерив дам оценивающим, а мужчин подозрительным взглядом, впустил их в цитадель мирового империализма, где вынашивались планы нападения на всё святое для советского человека, на самое дорогое для нас. В общем, понятно, на что. Теперь впереди группы шла девушка — местный экскурсовод, за ней метрах в двух семенил Моисей, рассматривал её ноги и переводил объяснения, а группа охватывала их полукольцом сзади,

стараясь не отставать, потому что вергилии ускоряли и ускоряли шаг. Внимание Шульмана было рассеяно, то есть сосредоточено, но не там, и речь девушки в его изложении выглядела странно:

— Посмотрите направо, на глухую бетонную стену, там наш вычислительный центр, и если бы эта юбка... то есть стена стала прозрачной, то мы бы увидели, как за этой факен стеной эти факен компьютеры день и ночь не пьют, не едят и не занимаются любовью, только считают, сколько долларов надо выгрести из моих карманов, чтобы прокормить и одеть ораву пентагоновских чиновников и эту красотку в мини тоже... хотя на лифчик ей, кажется, не хватило. Посмотрите налево, там за стеклом ю кэн си центр управления, готовый нанести грэйт удар по любому агрессору, у которого появятся идеи напасть на наши Штаты. Сейчас, кстати, дарлингс, эти бедра, то есть, искьюз, ракеты нацелены на Москву, но, мэйби, со временем их наведут куда-нибудь в другое место... Можете надеяться и спать спокойно, хотя я не понимаю, как вообще вы ещё кэн слип при вашей тамошней жизни. На вашем плэй я уже давно уехал. Куда? Сюда, конечно, здесь у меня уже воз анкл Билл Смит, он же при советской власти Борис Залманович Мишугенэр. Куда ракеты наведут? Куда-куда... на Киев, например...

— А на Киев, что, сейчас ничего не нацелено, или нам прежних мало? — оживлённо поинтересовалась крупная дивчина с южным акцентом.

Шульман перевёл вопрос, а затем и ответ:

— Почему нет? Конечно, и с Киевом всё ол райт, идиоты. Но когда московские ракеты перенаведут на Киев, то прежние киевские, конечно, освободятся, и их можно будет элементарно настроить куда-нибудь ещё. Куда? Это военная тайна, но — только фор ю — скажу: на Москву, оф кос.

Они шли дальше, девица щебетала, Шульманс транслэйшн сохранял прежнюю оригинальность, и тут Лёва почувствовал, что конфликт вчерашнего ужина с непрожёванным завтраком, ещё с утра боровшихся в чопорном греко-римском варианте, стремительно прошёл стадию вольной и перерастает в самбо. Надо было что-то делать, а Лёва с детства не умел спрашивать у девушек, где находится ближайший туалет.

— Впереди вы кэн си железную дверь, за которой разрабатываются самые сикрет плэнс и современные стратегии НАТО. Вот здесь — видите — особая трубка, с её помощью можно послушать, о чём там говорится.

Кое-кто из группы приткнулся к отверстию. В кабинете уверенно рокотал густой начальственный баритон. Тем временем гидша объясняла:

— В настоящий момент генерал Дрекендит докладывает план захвата Улан-Удэ с участием четырёх подводных лодок, авианосца и вертолёта. Не знаю, зачем нам Улан-Удэ, но план очень оригинальный. Сначала субмарины сбрасываются с тяжелых бомбардировщиков в Аральское море, а несколько групп офицеров террористов наносят отвлекающий удар в районе Бобруйска. Затем авианосец входит в море Лаптевых и запускает вертолёт, тщательно следя, чтобы лётчик был трезв...

Шульман почувствовал, что безопасность США начинает страдать, и замолчал, мрачно рассматривая прелесть проводницы, а та ещё долго что-то тараторила, размахивая руками и удивленно поглядывая на него Моисея. Что она думала в это время о его загадочной славянской душе — бог весть. Наконец экскурсия двинулась дальше.

— Вот здесь, под стеклом, так называемая красная кнопка, которую следует нажать в экстренном случае. Да, эта, синенькая. Нет, совершенно безопасно, в Америке живут нормальные люди.

Мимо пронёсся маньяк в звёздно-полосатых трусах и густых волосах по всему телу и, в падении опередив санитаров, нажал кнопку. Раздался грохот, пол содрогнулся. Туристы попадали ничком, прикрыв головы руками, а Куперовский, напротив, бросился вперёд, увидав в боковом ответвлении манящие буквы "WC". В кишечнике уже дошло дело до кунг-фу, и в любой момент мог произойти тот самый конфуз, которого Лёва боялся ещё с детства. В такие минуты человек мало интересуется судьбами мира, и всё же Куперовскому было приятно услышать, как экскурсоводная девица устами Шульмана успокаивающе говорила:

— Не волнуйтесь, господа, это избушка для туристов, она соединена всего лишь с тросом запасного лифта, который своим падением уведомляет службу безопасности, что ещё один крейзи захотел начать термоядерную войну. Вставайте, вон за тем поворотом у нас зал тренажеров и игротек, где каждый из вас сможет запустить небольшую ядерную ракетку в пустыню Невада... или в Каракумы, если оператор эгеин перепутает программс. На Москву? Это, сябры, другой аттракцион, платный.

Лёва закрыл за собой дверь белого кафельного рая, и она отсекала все звуки, кроме благословенного журчания текущей по трубам воды.

Понос — он и в Америке понос. Так или примерно так думал Куперовский, с гордым сознанием выполненного долга покидая ватерклозет. Он ощущал себя крепким, сильным, здоровым, готовым к труду и обороне чего пошлют. Он мнил себя Александром Македонским, Наполеоном, Гудерианом и Жуковым одновременно. Видимо, влияла обстановка. И хотя группы поблизости не было, Лёва не испугался. Он спокойно пошёл в ту сторону, куда направлялись его соотечественники в момент, когда Куперовского отвлекли более насущные интересы. Он шагал по коридору, широкому, как проспект Калинина, заглядывая во все двери. Иногда его ругали по-английски, иногда пристально рассматривали, порой фотографировали, один раз выстрелили, но не попали, чаще же не обращали внимания, по горло погружённые в разработку стратегических планов нападения на всех людей доброй воли одновременно. Постепенно проспект перешёл в улицу, улица — в переулки, всё более глухие, мрачные, заросшие пылью и паутиной. Здешние помещения, похоже, не использовались со времени войны за независимость, их заселили призраки и нетопыри, питавшиеся неосторожно забредавшими сюда юными лейтенантами и сержантами. Их нашивки во множестве устилали пол. Следов Шульмана не было нигде. Дальше я повествовать не в состоянии. Слезы застилают глаза, шариковая ручка выпадает из ослабевших пальцев. Я не могу писать, как Лёва вырвался из мира духов, спасшись лишь благодаря тому, что его отравленная нитратами советская кровь показалась тварям несъедобной после бодрящей, питательной, спортивной и бесхолестериновой американской, к которой они привыкли. Я не могу писать о том, как он нескончаемыми часами кружил по безлюдным коридорам, питаясь сухими акридами и живыми тараканами и слизывая капли, проступавшие на ржавых водопроводных трубах. Я не могу писать о том, как он двое суток уходил от патруля, который, возможно, вывел бы его наружу, но, скорее всего, решил бы дело на месте, что, безусловно, намного проще. Я не могу писать о том, как, потеряв представление о времени и впав в отчаяние, Лёва в конце концов обнаружил решётку, сквозь прутья которой протискивался воздух Вашингтона, и, пробив её своим телом, вывалился в ночной сад. Я не могу и не хочу писать об этом... Впрочем, я уже обо всём и написал. Боже, как прекрасно было на воле. Звёздное небо над Лёвой освещало нравственный мир внутри него, свежий ветерок реял, и веял, и нёс ароматы пиццы и попкорна, горячих собак по-американски и жареных собак по-китайски, шоколада и жвачки,

дезодорантов и порошка от клопов, негров и белых, азиатов и индейцев, гашиша и марихуаны, цитатников и Библии, Карнеги и Форда, разврата и похоти, феминизма и негритюда, "зелёных карточек" и зелёных долларов и всего, что он только может нести, когда вы вдыхаете его в другом полушарии, ночью, выйдя из запертого помещения, в котором провели несколько суток...

Утро Лёва встретил на скамейке в парке. Пора было возвращаться в отель, тем более, что почти все его деньги находились в номере. Да и вообще его уже, наверно, хватились. Лёва пошёл пешком, размышляя, потратить ли имеющиеся у него пять долларов на пару гамбургеров или потерпеть до дому. Идти, однако, пришлось долго, и он не выдержал характера, немного удовлетворив червячка. Солнце стояло в зените, когда из-за горизонта показалось здание гостиницы, с каждым шагом вырастая в небеса. Около Лёвы остановилась машина с затемнёнными стёклами.

"Ви ходить в отель, товарищ?" — осведомился крохотный японец в вечернем костюме, выскакивая из задней дверцы, — "Ми подвозить вас немного, так, да". В глубине машины виднелся крупный негр в кожаной куртке, чёрных очках, широкополой шляпе и сияющей улыбке. "Нет, спасибо", — прошептал Лева, чувствуя слабость в низу живота. Японец совершил вращательное движение бедрами, и Куперовский уже летел в шестидесятичетырехзубую пасть негра, всё ещё бормоча: "Да зачем, раньше надо было, а теперь я уж сам". Водитель, обернувшись к Лёве, что-то протянул ему, и сознание стало уплывать; впрочем, ощущение было приятным. Лицо у шофера вдруг оказалось небесно-синим, а глаза красными. "Красиво", — успел подумать Лёва...

...Они играли в "фараона" на поваленном на бок сейфе, сочно шлёпая карты на гладкую металлическую поверхность. Вместо двери у сейфа зияла дыра с обугленными краями, сквозь которую были видны несколько забытых банкнот и рассыпавшаяся мелочь.

— А может, так? — сказал косоглазый. — Взяли, мол, этого по ошибке, вместо дочки Онассиса, согласны обменять.

Неизвестно почему, видимо, от волнения, Куперовский начал понимать (а позже выяснилось, что и говорить) по-английски, чего от него не могли добиться ни в школе, ни в университете. После

возвращения из Америки эта способность у него исчезла — наверно, тоже как результат волнения, но теперь уже от встречи с родиной — и больше никогда не проявлялась, кроме одного случая. Ну, об этом в другой раз.

— Всё-таки я не пойму, — тоненьким голосом жаловался верзила в шляпе, — зачем было красть, если не знаем, что теперь с ним делать?

— Объясняю, — в сотый раз повторил косой, нервными пальцами расстёгивая и застёгивая кобуру, — проклятые писаки, вся эта желтая пресса, уже раструбили, что мы его цапнули в Пентагоне, а мы, между тем, ни сном ни духом. Что ещё нам оставалось делать, милый, чтобы спасти своё доброе имя?

— Ну, я не знаю, — верзила хлопнул ладонью по столу. — Ну, давайте тогда, как обычно. Ну, похищение с целью выкупа. Деньги на бочку и прочее.

— Старо, мой друг, — возразил молодой человек интеллигентного вида в костюме от Диора и галстук от любящей женщины, с порочной ухмылкой на тонких губах. — Мне бы хотелось чего-нибудь свежего, оригинального, романтического. К примеру, мы желали познакомиться с дорогим гостем поближе, показать ему настоящую Америку, которую он не увидит из окон туристского автобуса...

— Да, — сказал верзила, — из этих окон ни черта не увидишь. Негры-мойщики совсем обленились.

— Не "негры", а "афроамериканцы", сколько раз учил, — прорычал из угла широкоплечий шоколадного цвета, ранее, казалось, дремавший. — И не "обленились", а добились успеха в борьбе за свои гражданские права. Повтори.

Верзила покорно повторил.

— Молодец, — сказал шоколадный и снова, по-видимому, заснул.

— Продемонстрировать ему кое-что из передовой американской технологии, — мечтательно продолжал юноша. — Что-нибудь запоминающееся на всю жизнь.

— Вот на это я согласен, — встрепенулся плешивый, но чубатый власовец. — Дайте его мне, дайте, я ему продемонстрирую передовое, до конца жизни попомнит. Небось, он коммунист.

— Не коммунист я, — закричал Куперовский, — комсомолец только, да и то по ошибке молодости, и взносы давно не плачу. Вот,

смотрите сами, — дрожащими пальцами он полез в карман и с ужасом понял, что оставил билет в номере.

— Врёшь, — констатировал чубатый. Его обнаженные по локоть руки отливали красным. "Кровь, — подумал Лёва, — или на пляже обгорел. Одно из двух".

— И что вы всё врёте? — грустно сказал власовец. — И ты, и тот комиссар, что до тебя был. В сорок третьем году. Нет, парни, пусть мы его для того цапнули, чтобы после страшных мучений выведать военные секреты Москвы...

— Не надо мучений, — твёрдо сказал Лёва. — Если меня вежливо попросить, я сам всё скажу.

— ...И подарить их дорогой любимой Америке.

— Продать, — поправил косоглазый.

— Да, так лучше. Или — в целях усиления международной напряжённости, а? Ну, чтоб меня случайно России не выдали. А то с этой вашей хвалёной демократией...

Лысый старичок пока молчал, но постоянно хихикал. Видимо, тоже что-то придумал.

— Нет, лучше бы мы балет из Большого похитили, — грустно сказал косоглазый. — На всех бы хватило.

— Мне не надо, — просипел верзила.

— Ах да, извини, всегда забываю...

— Встать! — скомандовал косоглазый. Присутствующие вскочили с криком: "Шеф!".

Вошли солидный лысоватый мужчина, одетый в "руководящем" стиле, две "гориллы", одна из которых несла кейс, и давешний синелицкий.

— Ну что, придумали что-нибудь? — спросил солидный.

— Пока нет, босс, — нестройно ответили присутствующие.

— Тогда я сам решил. Господин Куперовский!

— Да, — вскинулся Лёва.

— Догадываетесь, кто это? — он указал на синелицкого. — Нет? Я так и думал. Это Шринитрочетвертак, пришелец с Альдебарана, прибыл на Землю три года назад. По счастливой случайности первыми с ним и

его приятелями встретились мои люди, мы нашли общий язык, и теперь они работают на меня. Их пятеро, впрочем, трое — роботы. Вы не удивлены?

— Нет, — ответил Лёва, не понимая, чему тут изумляться. Я так и подумал сразу, что это пришелец.

— Прекрасно. Вот видите, ребята, проблема решена. Теперь он слишком много знает, и его следует убрать.

"Какие-то грубые они тут, — подумал Куперовский, — хоть бы подготовили сначала, а то с бухты-барахты. Одно слово — мафия".

— Босс, вы неподражаемы, — томно произнес интеллигентновидный юноша. — Я бы предложил выпить чего-нибудь бодрящего в честь успешного завершения трудов.

... — Уважаемый мистер шеф, — возмутился Лёва, — в конце концов, это неблагородно — сначала посидеть с человеком за столом, преломить с ним, так сказать, одну пиццу, а потом, как вы выразились, убрать.

— Оставь, — отмахнулся шеф, — эти мелкие противоречия не должны мешать возникновению большой дружбы между нами. Можешь звать меня просто Джованни.

И он одним длинным глотком опустошил бутылку кетчупа.

— Послушайте, синьор Джованни, а может, отпустим меня? Я бы тебе матрешку подарил, у меня в номере есть. И баночку кавьяра. Двести граммов, а? Даже две баночки, честно! Но за одну ты должен дать мне джинсы, я маме обещал. И я тебе ещё балалайку пришлю потом, с Родины. С гравировкой: "Джованни от любящего его Лёвы".

— Из Москвы? — спросил шеф, глядя на Куперовского сквозь опорожнённый сосуд.

— Нет-нет, — сказал Лёва и принялся быстро объяснять, где именно находится наш древний город на великой грязной реке.

— Хорошо, — качнул головой шеф, — только "любящий" — не надо. Это у вас там, в России, кто с кем хочет и в любое время. У нас, в мафии, с этим строго: узнают — и всё, крышка.

— Убьют, — вздохнул сочувственно Лёва.

— Хуже. Напишут на Сицилию, родителям. Мама расстроится. Знал бы ты, какая у меня мамочка. Нас у неё было двенадцать.

— Но выжили не все, — опять посочувствовал Куперовский.

— Почему "не выжили"? Выжили. Только теперь нас у неё двадцать один. Старший в Палермо, крёстным отцом работает второй год, устаёт ужасно. Одних прокуроров уже четверых пришлось ликвидировать. Не справляются с обязанностями, понял, Лео? Младший, наша гордость, учится в четвертом классе. Ещё ни разу не брил усы, а уже замочил троих римлян. Способный, весь в меня. А я средний, мамин любимчик.

— Значит, вас двадцать один.

— Нет, двадцать три. Вчера пришла телеграмма. Близнецы. Трое. Просто я ещё не привык.

— Но тогда должно быть двадцать четыре, — быстро подсчитал на пальцах Лёва.

— Двадцать три! — шеф ударил кулаком по столу, впрочем, тут же смягчился. — И не спорь, со мной нельзя спорить. Один из детей не наш, подбросили. Белобрысый, белокожий. Усы совсем не растут. Но мы его всё равно воспитаем, как своего. Стрелять сам его научу. Вырастим, выкормим, эти северяне ещё пожалеют, что нам его подкинули. Так что нас двадцать три у матушки, но это пока. Ты ещё не знаешь моего папу. Треть Сицилии — его дети. Да, папа у меня молодец. Папа придет с ремнём! — вдруг рявкнул он, и стакан в руке Куперовского подпрыгнул от неожиданности. — Поэтому, Лео, не надо "любящего". Пусть там напишут просто "с уважением". А наши чувства пребудут в глубинах наших сердец, и мы останемся просто друзьями, как и подобает мужчинам.

— И вообще, ты плоховато придумал, — продолжил Джованни, когда четвёртая бутылочка кетчупа истекла последними каплями крови. — У меня есть предложения получше. Как насчет того, чтобы организовать мафию в России?

— И чем же она будет заниматься? — поинтересовался огорошенный развитием сюжета Куперовский.

— Спасать Америку! Штаты погрязли в разврате: сплошное пьянство, хамство и тунеядство, по Гарлему даже днем без охраны не пройти; гашиш, марихуана, ЛСД — на каждом углу, прямо возле

борделей, а свободные места заняты порнокиношками, кабаками для голубых, секс-шопами и офисами гадалок и уфологов. На пороке уже невозможно заработать: спрос велик, но предложение удовлетворило его, многократно превысило и в результате забило все дыры для предприимчивых людей. Вот в этих условиях у меня, Лео, родилась гениальная мысль — мы будем делать деньги на добродетели. А поскольку добродетелью здесь и не пахнет — станем импортировать ее оттуда, где ее избыток. От вас, Лео, из Красной России. Начнём с вербовки девушек. Но не проституток, отнюдь, а этих — как у вас там девственницы называются? — комсомолок.

— Среди них тоже попадают проститутки, — возразил патриотичный, но честный Куперовский.

— Значит, предварительно проверь лично, — отрезал Джованни. — Мы завалим Америку поэтессами, фигуристками, конькобежками, лыжницами, гимнастками, легкоатлетками и шахматистками. Я видел одну такую: ах, как она метает ядро! Не женщина — танк с двумя грудями! Я хочу, чтобы каждый янки, проснувшись поутру, обнаруживал рядом в постели вот такую, и чтобы она всю ночь разбирала с ним партию Ласкер-Капабланка, а больше ничего ему не позволила, и не потому, что фригидна, а потому, что у вас — слава Пресвятой Деве — ещё не было сексуальной революции. Мы будем импортировать и ваших молодых людей, чтобы они навели здесь порядок и поразогнали гангстеров.

Видимо, себя Джованни гангстером не считал.

— Мы вернем Штатам здоровую семью, ячейку общества (так, кажется, писали ваши бородатые классики? да-да, я тоже читал кое-что), и наполним эту ячейку медом нашего изготовления, Лео.

Перед Лёвой, как во сне, разворачивалась величественная картина грядущей реморализации Америки. Десятки тысяч полногрудых девушек и широкоплечих юношей торжественным маршем надвигались на неё из-за океана, одинаково блестя глазами и сверкая широкой русской — куда там до нее хвалёной американской! — улыбкой. Их заботливо охраняли от происков конкурентов ребята синьора Джованни в строгих элегантных костюмах, ослепительно белых рубашках, галстуках, шляпах и с автоматами в руках. По улицам вместо молодёжных банд фланировали мамы с колясками, а на тротуарах, как грибы, выросли киоски "Фрукты-овощи", "Соки-воды", мороженого и "Союзпечати". И каждый вечер ровно в 21-00 по вашингтонскому времени прилично одетые и

старомодно подстриженные товарищи обоих полов появлялись на экранах телевизоров, чтобы продекламировать моральный кодекс строителей коммунизма и приободрить сограждан пригоршней-другой примеров отпетого коллективизма и разудалого труда в недрах промышленности и сельского хозяйства.

— И знаешь, что мы в конце концов сделаем, Лео? Мы перекуём Америку! Мы возвратим мораль и нравственность больному обществу. Место растленной продажной твари займет порядочная русская девушка, которая сможет поделиться не только своим телом, но и духовным богатством, а там, где сегодня мальчики дона Карлино продают себя и барбитураты, — завтра мои люди будут спекулировать книгами! Ну что, по рукам, Лео?

Вот как и когда родился термин "русская мафия". А то, что в дальнейшем всё случилось несколько иначе — так ведь синьору Джованни и Лёве помешали реализовать свои планы.

Потому что в эту секунду дверь взорвалась водопадом осколков, и в обнажённый проём ворвались, растекаясь по помещению и втягиваясь во все щели, одинаково привлекательные молодцы в глухих темно-бежевых плащах, ботинках фасона "дромадер", черных очках и широкополых шляпах, надвинутых, за неимением лба, на носовую перегородку до упора. В руках каждый из них сжимал что-нибудь огнестрельное. Главный гаркнул в мегафон:

— Всем оставаться на своих местах. Я агент Федерального бюро расследований Дейл. Предупреждаю: то, что вы сейчас скажете, сделаете или подумаете, неминуемо будет использовано против вас.

...Допрос продолжался четвёртый час. Агент Дейл применял оригинальную методику, видимо, изобретенную им самолично. Расспрашивая Куперовского, он в самых патетических местах направлял ему в глаза луч электрического фонарика, который постоянно вертел в руках. Иногда он менял приём, освещая уже собственное лицо снизу вверх, отчего становился похож на голодного вурдалака. В остальном комната была погружена во мрак, из которого блуждающий свет вдруг выхватывал лица собеседников, угол стола, заваленный бумагами, сейф, чучело совы, гинекологическое кресло с приделанной к нему бормашиной, скульптурный портрет Джека-Потрошителя за работой, стену, увешанную портретами красоток в интимных позах,

электрический стул, тарелку с пончиками на тумбочке. Перед Дейлом стоял на специальной подставке диктофон, ещё несколько уютно, по-домашнему шуршали на манер тараканов где-то в темноте. Ни одно слово не должно было пропасть для истории.

— Я горячо желаю, господин Куперовский, чтобы вы мне доверяли. Будем уважать друг в друге достойных противников.

Лёва хотел было возразить, что он вовсе не считает себя достойным противником агенту ФБР, готов сразу признать его победу и единственное, о чём мечтает, — чтобы его отправили домой не сразу, а после завершения культурной программы, хотя он уже видел Пентагон, мафию и ФБР и, в принципе, мог бы считать ассортимент исчерпанным... Но Дейл остановил его плавным мановением руки. Впрочем, Лёва и сам замолк, ибо сообразил, что есть ещё по крайней мере одно место, где он не бывал, и предошущение нервным морозцем проскакало по спине.

— Да, — спохватился агент, — мы не обговорили один момент... деликатного свойства. Давайте так: временно я вас по-прежнему буду называть "господин Куперовский". В целях сохранения логической последовательности и, так сказать, до изменения обстоятельств. Надеюсь, это не оскорбит вас?

— Нет, что вы, — с готовностью ответил Лёва, — так даже лучше. Я успел привыкнуть к этому имени, я его давно ношу.

Он, конечно, понял, что собеседник сейчас займется разоблачением его связей с пресловутым Комитетом.

— Итак, господин Куперовский, вам понравилась наша мафия?

— Ну... ничего, в целом. Люди, в общем-то, не звери. Хотя свиньи порядочные. Даже убить собирались, может, и убили бы, кабы не вы.

— Не принимайте близко к сердцу, это они ввиду оскорбленной профессиональной гордости. Мы, американцы, очень высоко ценим квалификацию, и нас глубоко обижает, если кто-то ставит под сомнение наше реноме. Кстати, умеете ли вы плавать?

— Нет, — огорчённо сказал Лёва, чувствуя, что это ухудшит его положение. — Но я научусь, если надо.

— Вряд ли. Стало быть, там у вас сухо.

— Нет, бывает и мокро, особенно во время дождя. Тогда даже дома, если живешь на верхнем этаже... Понимаете, у нас крыши, можно сказать, картонные. У меня один товарищ привел знакомую к себе в

квартиру, чтобы, значит, объясниться в подходящем микроклимате. А тут ливень... Приятель оборачивается, а девушку уже волной с балкона выносит. Больше он её не видел. И что самое обидное — такое с ним уже третий раз. Из-за этого и не женился до сих пор. Правда, когда я уезжал, он вроде собрался крышу чинить, может, что и изменится, а то девушки — дело наживное, но с последним дождём телевизор смыло.

— Вы двуполы? — осведомился Дейл. — У нас были иные гипотезы.

— Нет, — обиделся Лёва, — я однопол. — Вы меня неправильно поняли. Это не меня унесла волна, я за перила успел ухватиться.

— Всё-таки плохо вас готовят, — констатировал агент; подсвечивая фонариком, он заносил некие пометки в записную книжку. — Вы только обратите внимание, как много уже успели выболтать в течение короткой беседы. "Давно живу под именем Куперовского" — стало быть, с момента внедрения прошло продолжительное время. Отсутствие водоемов, частые дожди, картонные крыши... Здесь какое-то противоречие, но наши аналитики разберутся. И наличие, как минимум, двух полов. Летать можете?

— Да, — ответил Лёва, который справедливо гордился тем, что, в отличие от корабля, самолёт переносит хорошо.

— Ваша честность похвальна. А как насчёт других экстрасенсорных способностей? Телепатией владеете?

— А что это, простите, такое? — спросил Куперовский, который странным образом оказался невосприимчив к болезни века — увлечению экстрасенсами, магами и мудрецами с Востока — и потому был прискорбно необразован в данной области.

— Это означает: можете ли вы угадывать, улавливать, воспринимать чужие мысли... до того, как они высказаны вслух?

— Могу, — заявил самонадеянно Лёва, которому хотелось произвести приятное впечатление на агента Дейла; впрочем, он тут же честно уточнил. — Но часто ошибаюсь.

— Это результат накопления статистической погрешности, со всяким может случиться, — рассеянно пробормотал Дейл. — Вот у меня диплом экстрасенса третьего уровня, телепатические способности — 130 по шкале Матрипутри, а я попадаю в точку всего в одном случае из шести, да и то, в основном, со своей женой. Статистическая ошибка,

ничего не подделаешь. Гуру Дуба-Дуба Сингх говорит, что постепенно лучше будет получаться. А железо взглядом гнуть умеете? Или предметы двигать?

— Нет, — сказал Лёва, — взглядом я смотрю. А предметы двигать могу, но если не очень тяжёлые и втроем с папой и дядей Ицхаком. Папа толкает этот предмет, дядя Ицхак даёт советы и смотрит, чтобы не застряло в дверях, а я толкаю папу и ещё слежу, чтобы он не упал. Да, и мама помогает. Она ругает папу, меня и дядю Ицхака за то, что мы отодрали обои и вещь поцарапали. Мы и вправду всегда всё царапаем, но это из-за двоюродного дедушки Янкеля, у него глаз дурной и характер скверный. Его вечно чёрт гоняет, куда не надо, может и в Штаты занести, так что запомните: Янкель Грейсертохес — и будьте бдительны, не связывайтесь с ним, добром это не кончится. Он только на вид старенький, а в душе очень опасный. Он один раз довел до инфаркта первого секретаря райкома, когда тот пришёл на базар общаться с народом и неосторожно встретился с дедом Янкелем. Вы запишите: Грейсертохес.

Агент записал.

— А взглядом я ещё девушек на улице останавливаю, но они обычно пощечину дают, — грустно закончил Лёва.

— Ну что ж, наша беседа была весьма интересна, — агент встал со стула. — Возможно, вас удивили некоторые мои вопросы, но надо отдать вам должное — вы подробно отвечали на все. Жаль, что вы не были столь же искренни, сколь и словоохотливы. Придется мне приоткрыть некоторые карты. Мы взяли за вас давно, ещё со времени ограбления Национального банка, когда неизвестные не только похитили восьмисоткилограммовый сейф, но и пронесли его по карнизу шириной десять сантиметров. В вашу банду поочередно были внедрены три наших человека. И хотя никто из них вас не видел и — проклятые законы мафии — уже никогда не увидит, однако агент Серый вас учуял, Утка вас услышал, а Змеиный Зуб разузнал всё про вас. Он-то и передал нам ваше настоящее имя, господин Куперовский... или Шринитрочетвертак?! Кстати, хочу вам сделать комплимент: ваш английский превосходен, во всяком случае, для столь потустороннего существа. Но вот русский акцент... он ненатурален, вы слишком старательно его изображаете. Так с какой же звезды вы прилетели, господин Шринитрочетвертак?

— Что? — вскричал Куперовский. — Значит, вы его не задержали? Как же он ускользнул?

— Напротив, — усмехнулся агент Дейл, — я его арестовал. И мне приятно сообщить, что, если вы не умеете проходить сквозь стены, то наше знакомство будет долгим.

— Отпустите меня к маме, — жалобно попросил Куперовский. Он не протестовал. Жизнь научила его, что лишь мелкие недоразумения легко разъяснить, а крупное идиотство и дичайшая нелепость — самые долгоживущие вещи на свете, и только чудо или везение способны спасти жертву из-под гусениц катастрофической случайности.

— Вы не хотите быть откровенны со мной. Глубоко сожалею, — Дейл, очевидно, нажатием кнопки вызвал охрану, потому что за спиной Лёвы скрипнула дверь, и свет из коридора хлынул в комнату. — Я продлеваю ваш арест. Придется вам пожить в гостеприимной американской тюрьме до завершения разбирательства. До скорой встречи. Уведите его.

Тюрьма, в которую до окончания следствия поместили Лёву, была гордостью округа Колумбия. Первое и основное, что необходимо сказать о её директоре — это то, что сей славный джентльмен, мистер Пингвин (с ударением на первом слоге) по своему воспитанию, склонностям, убеждениям и, естественно, религиозной принадлежности был метафизическим иеговистом, что и нашло свое полное отражение во вверенном ему попечению учреждении. Движение "Метафизические иеговисты" возникло около века назад, когда в своей нашумевшей проповеди достопочтенный мистер Крейз провозгласил, что Божье слово должно окружать человека во всех его жизненных проявлениях и отправлениях, и с группой последователей вышел из шокированной методистской церкви. В дальнейшем эта малоизвестная и причудливая ветвь на древе Господнем пышнее всего расцвела в штате Айова, где насчитывала около тридцати тысяч приверженцев. И хотя метафизические иеговисты по-прежнему в качестве основной цели рассматривали всемерное внедрение в текущую действительность вышеупомянутого тезиса доктора Крейза, но появились у них и иные благочестивые заботы. В частности, после длительных изысканий в библиотеках Старого и Нового Света группа учёнейших представителей Движения, поддержанная рядовыми единоверцами, потребовала исключить из Нового Завета несколько апостольских посланий как недостоверные и взамен дополнить его двумя, тремя или четырьмя — здесь мнения отцов этой маленькой церкви расходились, как, впрочем, и

во всем остальном, кроме самой идеи исключения и пополнения, — апокрифическими Евангелиями. Конечно же, ввиду вышеизложенного адепты Движения считали себя единственно верными христианами и терпеть не могли христиан других конфессий, в особенности, обычных иеговистов — из-за сходства наименований, частенько приводившего к прискорбной путанице.

Следует также отметить, что мистер Пингвин был человеком сангвинического темперамента и сторонником передовых методов — во всём. Едва очередное педагогическое открытие в узкой области искоренения преступных наклонностей являлось миру в виде статьи в каком-либо из специализированных журналов — в "Ежеквартальном надзирателе", "Тюремно-исправительном сборнике", "Реферативном обзоре стен тюремных туалетов" или где-нибудь ещё — как оно уже овеществлялось мудрым Пингвином и его дисциплинированными подчиненными. Прогулки в тюрьме допускались днем и ночью. В тире под наблюдением опытного специалиста, обычно выбираемого из числа наёмных убийц, можно было научиться стрелять в цель — боевыми патронами, конечно, чтобы не травмировать тонкую психику исправляемых. Два раза в месяц заключённых отпускали на три дня под расписку домой, хотя господин Пингвин принципиально не контролировал, дома ли они были, — из вышеописанных побуждений. Середину тюремного двора занимала игровая площадка: винтовые лестницы, лабиринт, гигантские игрушки, карусель — результат изучения монографии "Возвращение в детство как источник позитивной реморализации". За несколько лет до приезда Куперовского в образцовой тюрьме были разрешены браки между заключёнными, в том числе однополые — тоже наследие книги, но уже другой — "Подавленный секс как источник преступного возбуждения". Пищу в столовой готовил специально приглашенный из Парижа повар, но и любителей неевропеской кухни ожидали китайский, японский, африканский, монгольский и русский залы. Знатоки говорили, что именно здесь — единственное в Вашингтоне место, где умеют готовить седло немецкой овчарки под соусом а-натюрель и излюбленное блюдо всех русских — куриные шейки, начинённые кавьяром, поэтому истые гурманы время от времени совершали незначительные правонарушения, чтобы вволю насладиться шедеврами гастрономического искусства. В спортзале нокаутировал всех желающих боксёр-супертяж — бывший чемпион мира среди профессионалов, попавший сюда за изнасилование случайно подвернувшегося провинциального кордебалета. На льду местного

крытого катка уже установили несколько рекордов Гиннеса по бегу на коньках в наручниках. Камеры были оснащены телевизорами, видеомагнитофонами, музыкальными центрами, бильярдами, а холодильники и бары трещали от избытка первоклассного содержимого. И везде, на любом пяточке ровной поверхности — транспаранты, начертанные знаменитым фальшивомонетчиком под личным руководством мистера Пингвина. "Встав утром, возблагодари Господа, что остался жив" — над каждой кроватью (весьма предусмотрительная рекомендация, ибо, несмотря на все принятые меры, еженедельно невыявленный маньяк зарезывал во сне пару-тройку постояльцев гостиницы "У Пингвина"). "Вкушая пищу, вспомни ангелов, коим она не нужна" — в столовой. "Жуй тщательно, дабы дьявол не искушал тебя через несварение желудка" и "Если стошнило, не богохульствуй, иначе где же найдешь слова покрепче, когда тебя пронесёт" — там же. "Облегчившись, возблагодари Небеса, чтобы легко стало и на душе у тебя" — в ватерклозете. "Молись, и Господь пошлёт тебе карту получше", "В случае выигрыша внеси десятую часть на нужды Церкви или хотя бы возблагодари Творца", "Не играй в вист, сын мой, сия игра — дьявольская суть. Выбери преферанс или покер, и Силы Небесные помогут тебе" — в салоне по стенам. Последнее изречение, конечно, объяснялось тем, что distinguished Крейз однажды крепко пролетел в вист, настолько, что вынужден был продать библиотеку, состоявшую из большого числа на редкость душевспасительных книг, и даже, по слухам, устроить кровопускание кассе Движения. Впрочем, он позже искренне покаялся, посему не будем осуждать.

Соседями Куперовского по камере оказались невысокий, но на диво крепкий и мускулистый негр Джон Йавиланович из Техаса и его бог — двадцатисантиметровый, пятикилограммовый, двуногий и двурукий, но с хоботом и бивнями бронзовый идол по имени Великий Слон, очень неопрятный, вечно перемазанный остатками пищи и остро пахнувший пальмовым вином, которое его хозяин (и раб одновременно) добывал неизвестными, но явно преступными путями. Предки Джона вывезли идола двести лет назад с Занзибара, когда французский галеон доставил их, как и ещё пять тысяч чернокожих иммигрантов, в Америку, и с тех пор Семейство Йавилановичев хранило в чистоте и незамутненности языческую веру далекой родины. Каждое утро на восходе солнца и каждый вечер на закате Джон молился — почему-то обязательно

нагишом, даже без набедренной повязки — и Великий Слон серьезно внимал просьбам о тотальном покарании врагов и безмерном возвышении самого Джона, вплоть до полного удовлетворения всех его желаний и чаяний, об ослаблении режима и улучшении условий содержания, принимал покаяния и отпускал грехи — в основном, сексуального и криминального сорта. Порой бог сердился — и Джон валялся в пыли у его пьедестала, биясь мелкокудрявчатой головой о подножие; порой гневался — и Йавилановип, скрючившись, забивался под койку, в самый тёмный угол, а багровые лучи солнца играли на бронзовых боках, и изогнутые клыки казались испачканными в крови; порой что-то приказывал глухим угрожающим голосом на чужом гортанном языке, и хотя звук, как могло представиться невежественному наблюдателю, исходил из живота самого негра, тот всегда вежливо отвечал Слону и беспрекословно выполнял его распоряжения.

Сожителем Джон оказался неплохим, обладал мягким покладистым и весёлым — иногда даже слишком — нравом, сильно не докучал, вот только дважды, пребывая в чрезмерном раскаянии, разбивал головой унитаз. На третий день знакомства он признался Куперовскому в любви и предложил руку, копьё и сердце, но, получив отказ, не впал в уныние и терпеливо добивался взаимности традиционным способом, то есть с помощью подарков, мелких услуг и других знаков внимания. Лёва до сей поры хранит зубочистку, изготовленную в виде древесного карлика Кху, обнажившего ядовитый зуб Убинипричатаракх. Здесь необходимо отметить, что в своих чувствах Джон был не одинок. Среди огромной разношерстной армии тюремных "невест" Куперовский выделялся атмосферой тайны, окружавшей его имя и преступления (с хорошей регулярностью накануне очередного уикэнда Лёву уводили к агенту Дейлу, но многочасовые допросы так и не "раскололи" его, что само по себе вызывает уважение в определённых общественных кругах), известностью (в течение месяца о нём писали практически все газеты, каждый день над двором для прогулок зависал вертолёт, фаршированный журналистами, и усиленные мегафонами голоса жаждали узнать у господина Шринитрочетвертака, какого он мнения о сексуальных достоинствах новой Мисс Вселенная, купается ли нагишом или в плавках, ест ли сырые бататы и рассчитывает ли после получения гражданства США баллотироваться в президенты или всего лишь в сенаторы), да и общей экзотичностью происхождения (в те благословенные годы далеко не в каждой американской каталажке можно было встретить русского, а уж инопланетянина — и подавно; а ведь Лёва

объединял в своем лице и того, и другого, оставаясь при этом — в таких делах тюремная "контрразведка" не ошибается — евреем). Поэтому не удивительно, что по утрам Лёва находил у изголовья букет магнолий, в столовой ему доставались лучшие куски, двери их с Джоном камеры были густо покрыты "валентинками", и невозможно было пройти по игровой площадке, не получив известного предложения от кого-либо из "авторитетов". Формулировка зависела от темперамента и воспитания, но суть оставалась той же: его умоляли (просили, настаивали, рекомендовали, требовали) создать небольшую дружную семью традиционного европейского, либо шведского, либо восточного образца, порой туманно намекая на возможные негативные последствия отказа. Лёва стоически переносил всё, но когда на исходе четвертого месяца с признанием в нежных чувствах и matrimониальными планами к нему обратился сам мистер Пингвин, а агент Дейл, проконсультировавшись с НАСА, сообщил Куперовскому-Шринитрочетвертаку, что правительство решило депортировать его на родину — в качестве жеста доброй воли по отношению ко всем жителям Альдебарана ("Видите, как много мы знаем, господин Шри — вы ведь разрешите звать вас так, коротко, по-дружески? Надеемся, что ваши соплеменники оценят миролюбие землян. Сам президент заинтересовался этим делом и три минуты сорок две секунды говорил о нём за десертом с первой леди и директором ФБР".), не выдержал и он. Вернувшись поздним вечером в камеру, он успокоил нервничавшего соседа, перекусил на скорую руку тем, что Бог послал, с Йавилановипом переслал, выбросил в унитаз две дюжины любовных записок (о жестокий! он их даже не прочел, а ведь там были и весьма пикантные, а некоторые — аж в стихах, пусть и нецензурных), морщась, под бдительным взором Джона проглотил приворотное зелье, приготовленное тем лично и ежедневно впаиваемое Куперовскому под видом общеукрепляющего занзибарского бальзама, забрался под одеяло и, наконец оставшись наедине с собой, тщательно обдумал полученное им накануне интересное, хотя и рискованное приглашение и перед тем, как провалился в сон, твердо решил принять его. Завтра, подумал он, завтра и начнём.

План побега был сложен, как всё негениальное, и нёс на себе неизгладимый отпечаток личности автора. Его творец, известный в криминальной среде как Диспетчер, получил эту кличку за то, что первое своё ограбление супермаркета начал с захвата телефонной станции, ибо

решил именно таким окольным способом блокировать сигнализацию и пресечь возможность сторожей связаться с полицией. Диспетчер, однако, не учёл, что само по себе отключение охраняемого объекта неминуемо влечёт контрольный визит фараонов, и когда он, после двухчасовых мучительных для нервов экспериментов с клеммами найдя-таки искомые, обесточил что мог и в радостном предвкушении явился в магазин, его там уже ждали.

На сей же раз Диспетчер превзошел себя. В его плане, как в винегрете, было всё: Лёва, отвлекающий Пингвина романтическими разговорами; неразлучные друзья Палёный и Джо, скрывающиеся на броневике и возвращающиеся на пожарной машине; трио рецидивистов — Билли, Красотка и Индеец Том — пробивающие стену бульдозером; террорист Японец, затаившийся на крыше и с помощью дистанционного управления взрывающий спрятанные в тюремном дворе петарды. Расчет вёлся буквально по минутам.

Увы, коварная судьба разрушает самые точные построения человеческого разума. А ведь Лёва, который сам себе казался наиболее уязвимым компонентом плана, сделал всё, что от него требовалось. В назначенный час он постучал в дверь мистера Пингвина, и вскоре уже сидел в уютном кресле, прямо под портретом достопочтенного Крейза, украшенным надписью: "Если у вас болит голова, дети мои, или нога, или душа, или ещё что-нибудь, примите таблетку, и излечитесь. Возблагодарите Господа!" Директор был радушен:

— Как я счастлив, мистер Шринитрочетвертак. Вы так редко заходите ко мне, а ведь знаете, как я к вам отношусь. Угощайтесь.

Пингвин широким жестом указал на огромную коробку с великолепными конфетами, занимавшую примерно полстола. Это была фирменная продукция Движения, его гордость и главный секрет. Дело в том, что в каждой шоколадной бомбочке, помимо ликёра, скрывалась напечатанная мельчайшими буквами на специальной съедобной бумаге одна из многочисленных проповедей незабвенного Крейза. Адепты Движения должны были, как пахарь — зёрна, распространять сладкие мины среди окружающих их непросветлённых граждан, дабы истины метафизического иеговизма незаметно для упорствующих в заблуждениях грешников проникали им в плоть и кровь. Потому что сказал великий основатель Движения, обращаясь к одному из своих апостолов: "Сухую почву душ их унавоживай поучениями моими и сей слово моё, ибо моими устами говорит Бог! Так мне кажется, во всяком

случае, а я редко ошибаюсь. И не стесняй себя в выборе средств, твоё дело — любыми способами загнать Истину вовнутрь к этим несчастным невеждам и успеть заткнуть у них природные отверстия, чтобы она с поносом тут же не вышла наружу". Кстати, самим метафизическим иеговистам было категорически запрещено — в целях экономии — есть пропагандистскую продукцию. В самом деле, они и без того прониклись, зачем же продукт портить? Однако все — кроме разве что наиболее ярких фанатиков — грубо и без зазрения совести нарушали приказ, справедливо заключив, что лишний раз воспринять слово Божье не повредит. Да и конфеты — вне зависимости от идеологического содержания — были очень вкусны. Вот и в шоколадных бастионах мистера Пингвина зияло множество брешей, пробитых, судя по всему, его прекрасным аппетитом. Впрочем, возможно, я и не справедлив по отношению к благочестивому директору. Вполне вероятно, что он неустанно проповедовал в последнее время, а дополнительных поставок давно не было.

В общем, Куперовский отдал должное шоколаду, высоко оценив его гастрономические достоинства, причем постарался по-настоящему в них вникнуть, отвлекая внимание хлебосольного хозяина и с тоской вождедея появления ангелов-спасителей на пожарной лестнице. Однако пауза затягивалась, да и Лёву уже начинало подташнивать от чрезмерного количества поглощённых конфет.

— Ну так что же, дорогой Шринитрочетвертак, — приторно-сладким голосом спросил Пингвин, — обдумали ли вы моё предложение? Моё одинокое сердце жаждет биться в унисон с вашим инопланетным. Или у вас их несколько? Тогда — с сердцами! Давайте пойдем по жизни вместе, дорогой товарищ! И пусть этот союз станет провозвестником грядущего единения наших миров! Я уже вижу время, когда ваша древняя цивилизация и юная Земля плечо к плечу... нет, пожалуй, плечи к плечам... тоже не очень... бок о бок... голова к голове... в общем, рядом... двинутся к звёздам! И мы с вами, глядя на эти события из окна моего особняка — тут недалеко, в пригороде — будем плакать, плакать, плакать от счастья. Приди же ко мне, солнышко мое ненаглядное, пришельчик мой желанный!

И он попытался заключить Куперовского в объятия.

— Нет, нет! — вскричал Лёва, вырываясь. — Мне дорога репутация! Пощадите мою невинность и неопытность! — взвизгнув, он едва успел укрыться за креслом. — Дайте ещё немного подумать, не

спешите так. Я и без того у вас слишком долго нахожусь, это может меня скомпрометировать.

Тут он прикусил язык, вспомнив, зачем пришел. К счастью, Пингвин ничего не слышал. В нём проснулся тигр. Он с ловкостью гориллы прыгал через стулья, гонял Лёву вокруг стола. Наконец, он выбился из сил и присел отдохнуть. В этот момент Куперовского осенила новая и, как ему показалось, гениальная мысль.

— Как же так?! — едва отдышавшись, вскричал он. — Вы же глубоко и искренне верующий человек, а ведь гомосексуализм — грех!

— Ну что вы, — снисходительно усмехнулся Пингвин, — это просто распространенное заблуждение. Вспомните, сколь много примеров сего, по вашему представлению, греха встречается в Библии. Более того, — он назидательно потряс воздетым указательным пальцем, — теоретики нашего Движения, анализируя Писание, практически доказали, что первоначальный текст знаменитой Песни Песней был адресован юноше, и лишь значительно позднее переписчики, повинувшись общепринятой морали, грубо исказили смысл, заодно присочинив царю Соломону огромный гарем, и тем самым надолго опорочили память этого замечательного человека. И лишь сейчас правда начинает выходить на свет. Да, несомненно, царь Соломон был геем. Также и Давид, который убил Голиафа, движимый тайной любовью к нему, противоестественной, как в те века считалось, страстью, с которой он смог совладать, только уничтожив её объект. Любовь и смерть идут рядом, это вам каждый фрейдист подтвердит. И Самсон, который, как известно, весьма заботился о своей внешности, холил и лелеял волосы, а предала его — женщина, к коей повлекли его на горе и поучение всем бисексуальные — увы, увы — склонности. И царь Ирод, каковой не случайно терпеть не мог младенцев — неизбежный плод двуполых контактов. И... — но тут мистер Пингвин почувствовал, что зашел слишком далеко, и смягчил пафос речей. — Ещё великий Крейз сказал, что в естественном нет греха, единственное условие — всё надо творить с именем Божьим на устах. А ведь гомосексуализм вполне естественен, не правда ли? Говорят, в Принстоне даже отыскали ген, ответственный за данные склонности. Так что ваш аргумент устарел, возлюбленный мой отрок. Между прочим, голубая любовь безопасна и в демографическом смысле, а в нынешнем перенаселенном мире это немаловажно. Вот только СПИД — но я уверен, что у вас, на звездах, его давно научились лечить. А если нет — что ж, я готов рискнуть!

И он снова ринулся в погоню.

— Пойдите! — вскрикивал Лёва, уворачиваясь, как матадор от быка. — Я ещё не готов! Я ещё не привык к вам! Позвольте мне расслабиться, собраться с мыслями. Да погодите же! Давайте посидим, в шахматы, что ли, поиграем.

— Вечно у вас, русских, на уме шахматы, — устав, Пингвин, видимо, вспомнил про "восточный след" в "деле Шринитрочетвертака-Куперовского". — Это вместо того, чтобы чем-нибудь полезным заняться. Ладно, пусть пока будут шахматы. Но постарайтесь быстрее привыкать!

"О Господи! — подумал Лёва, искоса посматривая в окно. — Долго они ещё собираются возиться?!"

Между тем с самого начала дело пошло наперекосяк, и многосложный план Диспетчера трещал по швам. И причина была на редкость банальна: испорченные часы. Впрочем, не станем забегать вперёд. Накануне дня Х Билли, Красотка и Индеец Том в сопровождении друзей и приятелей бурно отметили грядущее освобождение (под видом именин Красотки). Когда значительная часть съестного и спиртного пополнила желудки присутствующих, один из гостей, слегка сдвинутый на почве третьей мировой войны капрал по кличке Полковник, вылез из—под стола и с криком: "В атаку!" — метнул пустую бутылку от шампанского. К сожалению, помимо никому не нужной головы Мясника — специалиста по уличным грабежам — двухлитровый снаряд поразил и любимый брегет Билли, который тот демонстрировал соседу. Часы, однако, были изготовлены на совесть и продолжали ходить даже после непредвиденного эксперимента, и, торжествуя, Билли не заметил, что стрелки сдвинулись в общей сложности на 3 часа 47 минут 13 секунд вперёд и их показания уже не соответствуют астрономическому времени на долготе Вашингтона, округ Колумбия. Все оставшиеся бутылки гуляки, весело хохоча, разбили на аккуратно — по уставу — польсевшей макушке Полковника, но запущенная им ткацкая машина Судьбы уже принялась путать и рвать тонкие нити гениального замысла.

Встав поутру и кое-как прочистив водой и зубной пастой мутные с бодуна головы, наше трио стукнулось лбами над пострадавшим брегетом — из этой компании часы не пропил только Билл — и в ужасе воздело шесть рук. Уже 88 с половиной минут назад нож бульдозера должен был

первый раз врезаться в стену. Пропали! Срок придется досиживать до звонка! Диспетчер больше никогда не подаст им руки! На ходу дожевывая завтрак и натягивая одежду и белье, злоумышленники помчались захватывать бесхозную технику — на час с хвостиком раньше назначенного срока. Конечно, в результате им оказалось нечем прополоскать рот. Даже гигиеническую жвачку они впопыхах оставили в камере. Удрученные этим несчастьем, бандиты невнимательно следили за маршрутом и, как следствие, сокрушили стену тюрьмы не в точке А, а, если можно так выразиться, в точке Ф. Сплошное фэ и получилось, ибо победоносный металл, пробиваясь сквозь многослойный кирпич, как масло разрезал главную фановую трубу Заведения. Но там было не масло! Нет-нет, не масло, а то, чему и положено быть. Биллу, Индейцу и Красотке повезло, они держали обе двери бульдозера открытыми и, соединив в себе быстроту Карла Льюиса с мощной грацией Майкла Джордана, оказались на неразрушенной части стены за две сотых секунды до того, как могучий поток, ударившись в борт механического бизона, уволок его с собой. Палёный и Джо на позаимствованном броневике, действуя строго по плану, как раз выехали из ворот гаража, оставив позади временно нетрудоспособного храпящего шофёра, когда девятый вал подхватил их и, подбрасывая и вращая, легко вынес на тюремный двор. А там, радуясь солнышку и летнему утру, ждали начала финального футбольного матча почти что все обитатели Заведения — и заключённые, и надзиратели — облаченные по такому случаю в лучшее, что у них было. Зловонное море, однако, живо рассеяло их оптимизм, а так как безопасного прохода видно не было, началась паника. Канализационная система, повинувшись законам физики, опорожнялась. Новые волны, бурля и пенясь, накатывались на ещё не захваченные островки суши. Броневик прочно застрял в куче нечистот у восточного сектора трибун. Охранники и охраняемые, сбивая друг друга с ног, подобно жителям древней Помпеи, тщетно пытались ускользнуть от победоносно наступающего дерьма. Беженцы, бросив пожитки на потраву разбушевавшейся стихии, спасались с первого этажа тюремного здания куда-нибудь повыше. Самые настойчивые уже ломались в запёртый люк на крышу, где Японец в ожидании своего выхода разложил хитрую пиротехнику. Понуждаемый, с одной стороны, угрозой появления поблизости нежелательных свидетелей, и наблюдая, с другой стороны, происходившую — как и полагалось по плану, хотя и несколько раньше срока — суматоху внизу, гордый сын Востока принял, как ему показалось, верное решение и привёл в действие взрывные устройства.

Купол тюрьмы окутался дымом, прорезаемым сполохами пламени, по всей территории взлетели петарды, сатанинским смехом залились спрятанные кое-где динамики, в кабинете начальника погас свет.

— Что это?! — вскричал Лёва, бросаясь к окну. Он сообразил, что всё происходит не так, как должно.

— Термоядерная война! — тоже вскакивая, объявил Пингвин; захлебываясь от возбуждения, он не произносил, а будто выбрасывал в воздух короткие фразы. — Я знал! Я предупреждал! Настал Армагеддон! Грешники погибнут, праведники выживут! Но не бойся, возлюбленный мой! Я спасу тебя!

Он схватил Лёву за руку и повлёк по коридору. Лампы на потолке гасли одна за другой. "Система" Японца — плод его многомесячных трудов — продолжала функционировать. Мистер Пингвин и Куперовский неслись куда-то в полутьме. Казалось, за спиной у директора выросли крылья, даже на бегу в его осанке ощущались благородство и достоинство, он безостановочно пел псалмы и одновременно каким-то образом умудрялся читать одну за другой подходящие по случаю проповеди достопочтенного Крейза.

Неожиданно из чёрного поперечного прохода метнулся некто огромный, бесформенный, с горящими глазами. Одним ударом он лишил мистера Пингвина сознания. Обернувшись к Куперовскому, он грубо схватил его за шиворот и оказался Мясником, напялившим на себя груды чужой одежды из оставленных без присмотра камер. Мясник был главным, а скорее всего, единственным врагом Лёвушки в Заведении. Их обоюдная неприязнь зародилась тогда, когда Куперовский отказал громиле сразу в трех вещах: взаимности, новом пиджаке и порции сладкого — и лишь крепчала с течением времени. Говорят, Мясник поклялся, что Шринитрочетвертак живым на звёзды не вернется, и вот теперь ему представился удобный случай безнаказанно выполнить обещанное. Щелкнуло лезвие кнопочного ножа, наш герой застыл на месте от ужаса, бугай сделал шаг вперед... И вдруг вокруг его головы возник нимб из обломков разлетавшегося на части стула. Даже для башки Мясника это было слишком. Он рухнул, как подрубленный, а перед Куперовским оказалась сияющая физиономия Йавилановипа. Лёва развел руками, у него не было слов.

— Скорее, Лео, бежим, надо выбираться отсюда.

— Ну погоди, паршивый русский межпланетный жид! — хрипел сзади, привстав на четвереньки, Мясник. — И ты, черномазая образина, подожди! Я до вас ещё доберусь!

Через запасной выход они выскочили наружу. Гнусная жижа уже поднялась почти на высоту крыльца.

— Стой здесь, а поищу лодку, — закричал Джон.

К счастью, лодка не понадобилась, потому что грянул взрыв, к которому Японец не имел никакого отношения. Это один из заключенных, прижатый разбушевавшимися отходами жизнедеятельности к тюремным воротам, взорвал их, израсходовав накопленный за многолетний срок запас гранат. Фановые воды с воем всосались в образовавшуюся брешь и растеклись по полям и лесам на радость окрестным жителям, очистив тем самым двор. Вслед за торжествующим калом на свободу ринулись обитатели Заведения.

— Держись рядом со мной, Лео, — перескакивая с камушка на камушек, сказал Джон.

— Куда мы бежим? — спросил Лёва, стараясь не отставать, а главное, не упасть.

— В гости к моим родственникам, — прыжки вынуждали Джона говорить мелко нарубленными фразами. — Со стороны отца. Они нас спрячут.

— А где они живут?

— Тут, недалеко. В Нью-Йорке. В Чёрных Трущобах. Да ты не волнуйся, Лео. Название, конечно, страшное. А на самом деле там совсем неплохо. Лучшее место в Гарлеме. Клянусь Великим Слоном!

Конечно, и Слон был с ними, в заплечном мешке Джона. До Нью-Йорка они добрались в фургончике бродячего старьевщика — лишь он не обратил внимания на специфический запах, идущий от их обуви. Позже выяснилось, что он страдает хроническим насморком. К сожалению, это оказалось не единственное заболевание, терзавшее организм милосердного самаритянина. На него в сомкнутом строю обрушились ревматизм суставов, плоскостопие, колит, запор, аденома предстательной железы, аппендицит, язва — каждой кишки и желудка в отдельности, плеврит, пневмония, менингит — в неопасной для жизни форме, тремор рук и головы, склероз всего, что только можно, авитаминоз, облысение, кариес коренных зубов. Да, и маниакально-депрессивный психоз с

элементами шизофрении, что, впрочем, и неудивительно при таком физическом здоровье. И обо всех своих недугах достойный старец с видимым удовольствием распространялся. В результате Лёва и Джон досрочно покинули фургон, со слезами на глазах пожелав гостеприимному хозяину дальнейших творческих успехов. Остаток пути они преодолели на автобусе, выбрав самый набитый и удачно укрывшись от кондуктора за спиной японского чемпиона-сумоиста, путешествовавшего инкогнито.

Чёрные Трущобы оказались небольшим, но чрезвычайно запутанным районом в недрах Гарлема. Он был застроен приземистыми трёх-, четырёх- и пятиэтажными зданиями, внешне напоминавшими советские "хрущёвки". Улицы здесь возникали ниоткуда и обрывались внезапно, будто проваливались в ад. Их во всех направлениях прорезали переулки и тупики, порой перегороженные настоящими баррикадами из разбитых столов, сломанных стульев, брёвен, спиленных деревьев. Попадались и вывороченные с корнем телеграфные столбы. Видимо, местные жители не особенно привечали гостей. В тёмных углах тёмных закоулков поджидали добычу темнокожие тёмные личности. Из дворов с шумом вырывались молодёжные компании, обильно оснащённые металлическими шипами, ножами, цепями, дубинками, бутылками, девицами и прочими аксессуарами. Огнестрельное оружие аборигены не любили, но если нужно было — использовали.

Джон уверенно продвигался вперёд в этом лабиринте, порой перелезая через импровизированные заграждения, порой просачиваясь в заметные лишь вблизи проломы в заборах и стенах. Лёва послушно следовал за ним. Дважды им пришлось пройти насквозь некие здания от парадного крыльца до чёрного хода. Раз пять их останавливали и пристально осматривали, но, узнав Джона, отпускали. Наконец они подошли к дому, весь фасад которого был неумело, но старательно расписан драконами и змеями.

— Между прочим, это я рисовал, — с нажимом произнес Йавилановип. — В ранней юности. Нравится?

— В общем, скорее, да. Хотя, по-моему, у тебя ещё есть простор для самосовершенствования.

— Конечно, — сказал Джон. — Мне так и Боб говорил. Он настоящий художник, профессионал. Дважды выставлялся на Бродвее, в

скверике на углу, под розовым кустом. Рядом с ним играл шарманщик и выступал однорукий фокусник, и всё равно некоторые подходили смотреть картины.

— Да, это приятно, — рассеянно проговорил Лёва.

Он думал о своём.

— Ещё бы не приятно. Ну ладно, ты постой пока тут, а я зайду родичей предупредю. А то представляешь: не был несколько лет, обрушиваюсь вдруг, как бутылка виски по черепу, привожу приятеля, причём белого и на вид не вполне нормального (извини, Лео, но ты по здешним меркам не очень респектабелен), и хочу на нём жениться. Мои родственники — люди либеральные, широких взглядов, но не до такой же степени. Сам понимаешь: соседи, положение в свете. Наверное, побегут спрашивать совета у колдуна. В общем, ты извини, но подожди пока на улице. Не уходи только никуда, я скоро.

Лёва остался один. От нечего делать он решил пересчитывать драконов. В первый раз он насчитал двадцать восемь, во второй — тридцать один. Лёва заинтересовался и решил действовать внимательнее. Теперь их оказалось сорок два. Куперовский вздохнул и загрустил от несовершенства мира.

Солнце раскалило асфальт до того, что он стал липким и влажным, и испарения завесой встали перед глазами. Казалось, призраки Гражданской войны вырывались из-под земли и сквозь копившиеся десятилетиями наслоения устремлялись к небу. Над крышами шмыгнула, насвистывая нечто из Дюка Эллингтона, городская птица. Из окна второго этажа выпорхнула тарелка и, просвистев мимо уха Куперовского, разбилась посреди мостовой. За ней последовали две пластинки: одна разлетелась вдребезги у ног Лёвы, вторая — за его спиной. "Вилка, — флегматично подумал он. — Надо бы окоп вырыть". Однако было лень. Лёва присел на корточки и прочёл этикетку. "Элвис Пресли. Попутная песня. Аккомпанирует большой звёздно-полосато-знаменный оркестр министерства обороны п/у сенатора Маккарти и Пола Маккартни".

Чья-то тень прикрыла Лёву от солнца. "Ну наконец-то", — подумал он и поднял голову. Однако это был отнюдь не Явиланович. Перед ним возвышался, мерзко ухмыляясь, непонятно откуда взявшийся Мясник. Ни слова не говоря, налётчик принялся засучивать рукава. Несколько

мгновений Лёва, как зачарованный, смотрел в кругленькие свинячьи очи, мутно-жёлтые глубины которых отродясь не посетила ни одна членораздельная мысль. Наконец он с трудом отвёл взгляд и на четвереньках рванулся в проулок, распрямляясь на бегу. Низкий старт дал ему необходимое преимущество, и грузноватый Мясник, не ожидавший от своей жертвы подобной прыти, сразу же начал отставать. Но, не отличаясь особой стремительностью, громила был всё же весьма вынослив, и ещё очень долго грохотали за спиной в некотором отдалении его шаги, и выси оглашали скудоумные проклятия и многочисленные угрозы. Вначале Лёва старался запомнить маршрут, по которому всемогущие сестры — Судьба и Опасность — уводили его от гостеприимного жилища Йавилановичев, но вскоре он оставил бесполезные попытки, и дома по краям дороги слились в сплошную грязно-серую стену приоткрытого сверху туннеля в неизвестность. Однако и силы Мясника, подточенные нездоровым и аморальным образом бытия, оказались не беспредельны, и Смерть, последний раз взыв в огорчении, отстала.

Лёва огляделся. Он стоял посреди округлой площади, от которой радиально отходило десятка полтора улиц. Судя по виду зданий, захламленности мостовой, отсутствию машин у подъездов и общей атмосфере неприязни, неуютности и недоброжелательности — он всё ещё находился в пределах Чёрных Трущоб. Прямо перед ним обзор загораживал здоровенный серый в крапинку гранитный постамент. Его попирала копытами конная статуя Авраама Линкольна. Знаменитая козлиная борода воинственно топорщилась. В одной руке отец американской демократии держал великолепный пистолет системы Лепажя — видимо, для защиты от грядущих Бунов. В другой его руке находился полуразвёрнутый свиток — скорее всего, текст Конституции. Третьей рукой Линкольн сжимал поводья. Куперовский протёр глаза. Да, у памятника было шесть ног — считая лошадиные — и три руки. Очень удобно, подумал Лёва, хотя и несколько странно. Макушку великого президента венчала высокая цилиндрообразная корона с широкими полями. В общем-то, привычный образ не был нарушен. Лёва с произвольным вздохом вспомнил по ассоциации пятидолларовые банкноты, которых у него сейчас, увы, не было, покачал головой, обошёл постамент и двинулся дальше, тщательно выбрав ту улочку, на которую в данный момент глядели его глаза. Похоже, раньше здесь обитали

выходцы из Поднебесной, вся мостовая была усеяна обрывками плакатов, призывающих любить, разводить и — особенно — есть собак. "Господи! — испугался Лёва. — Никак я и по-китайски могу". Он мигнул, пригляделся: нет, реклама, к счастью, была на английском. Улица неожиданно кончилась, оборвавшись в мощённый булыжником пустырь, как в пропасть. В самом широком месте устья вздыбил коня уже знакомый каменный Авраам. Лёва сообразил, что обманная стрит оказалась замкнутой в кольцо, перебежал круг пустоты и оказался на широком тёмном прямом проспекте. Само его наличие в Трущобах было странностью, но и дома тут стояли удивительные. Один, помнится, представлял собой парусник с тремя мачтами и бушпритом. Другой напоминал гигантское пресс-папье. Третий был с любовью исполнен в виде гигантской группы фекалий. Четвертый являлся гигантским бюстом Томаса Джефферсона, пятый — обнажённой статуей сотворившего его архитектора. В свое время эта улица решением мэрии была отведена для экспериментов молодым градостроителям, которые после многочасовых споров просто поделили подопытную территорию на участки и принялись творить. В результате одно здание здесь не было похоже на другое, как и ни одно не напоминало человеческое жильё. Сначала сюда поселили бездомную богему, этих волшебников слова, кисти, танца и непристойного жеста. Начались убийства, самоубийства, пьянки, сексуальные оргии с вовлечением несовершеннолетних и служителей порядка. К концу четвёртого месяца вся оставшаяся в живых богема разбежалась. На её место определили других нуждающихся — добропорядочных бездомных обладателей "грин кард" и прав на социальные пособия. Однако опыт по разведению мирных обывателей в непригодных для них ареалах закончился невротами, психозами, опять-таки суицидом и резкой вспышкой рождаемости — видимо, со страху. Кроме того, в районе двухсотквартирного фаллоса объявился сексуальный маньяк с топором, питавшийся вымоченными в уксусе левыми ушами смуглых скуластых девушек по имени Джейн, одетых до встречи с ним в мини-юбки и черные колготки. В общем, эти тоже не смогли здесь остаться надолго. Потом каких только иммигрантов ни селили в проклятых строениях: русских, индийцев, японцев, цыган, татар, мексиканцев, китайцев — дольше года не продержался никто. В конце концов на эту улицу махнули рукой, её поглотили Трущобы, но и по сей час здесь обитают лишь привидения, причем даже у призраков в этом месте появляются мигрень, боли в давно истлевших суставах и общая слабость. Проспект был абсолютно пуст, и в сём космическом

вакууме один Куперовский упорно шёл вдаль. Ему очень хотелось найти дом Джона, единственного друга в суровой стране Америке. Несмотря на видимую прямизну, проспект снова вынес Лёву на круглую площадь к троерукому президенту. Лёва опять выбрал направление и вновь вышел к конскому пьедесталу. И ещё раз, и ещё, и снова, и снова... Тогда Куперовский, не разбирая пути, рванул дворами, выкатился в какой-то переулок, который, петляя, вливался в просторную залитую солнцем улицу явно нетрущобного вида. По ней меж деревьев и кустов прогуливались весёлые свободные люди в нарядных платьях и мягко катились длинные удобные автомобили. Увы, дорогу наглухо перегораживал до тошноты знакомый четырежды проклятый осточертевший Линкольн, и всю эту красоту можно было разглядеть лишь в узкие щёлки между подножием и стенами ближайших зданий. Лёва понял, что ему никогда уже не прорваться ни к Йавилановипам, ни из Трущоб, что он навечно обречён скитаться здесь. Он пошатнулся, силы оставили его, он опустился на мостовую у пьедестала и заплакал. Постепенно он забылся, и в затмении сознания ему чудилось, что усталый задумчивый Линкольн слез с лошади, поднял его на руки, легко взлетел обратно в седло и с Лёвой на руках, бросив и пистолет, и свиток, поехал куда-то. Куперовского покачивало, как на волнах, и мудрый добрый президент кивал головой, и всё кружилось, кружилось, кружилось в танце...

... — Ну просыпайся же, сынок, просыпайся!

Лёва с трудом открыл глаза. Пожилой негр, разбудивший его, удовлетворённой улыбкой констатировал счастливое завершение трудов своих.

— Где я?

— В ночлежке, конечно, где ж ещё.

— Мне снилось, что меня принёс Авраам Линкольн.

— Так ведь и всех нас сюда приносит — не одно, так другое; а в общем — Судьба. Видишь, сколько здесь народу? И попадаются очень странные типы.

Лёва огляделся. Публики, интернациональной бело-жёлто-красно-чёрной расцветки, действительно было предостаточно. Во всяком случае, свободных мест глаз не обнаруживал. Интересно, как для него-то отыскалась коечка?

— Нет, сынок, это ты с непривычки найти кроватку не можешь. Если надо — сюда ещё столько же поместится. Особенно много зимой приходит. Большинство, конечно, малость окрепнут, подкормятся, да и дальше себе поплыли, а иные и совсем остаются. Я здесь уже третий год. Кстати, ты кого поминал? Линкольна? Тогда я понял, это ты, наверное, на творения Зодчего натыкался. Глянь вон на ту полку, в углу. Видишь забулдыгу в дырявом носке? Он и есть. А Зодчий — кличка его. У нас у многих клички вместо имен, так удобнее. Сразу ясно, с кем дело имеешь. Как тебя будем звать?

— Марсианином, — не придумав ничего лучшего, брякнул Лёва.

— Так, значит, и окрестим. Выходит, ты с Зодчим из одной компании, только он на Линкольне сдвинулся. Поклялся на свои деньги покупать камень, высекать монументы президенту Аврааму и расставлять по всему Нью-Йорку. Говорит, ему так ангел приказал. В целях создания положительного примера и выжигания скверны в душах. Между прочим, многого он уже достиг — в смысле украшения города статуями, конечно, не в смысле выжигания. Так что со скверной, я думаю, всё по-прежнему — колосится и плодоносит. В общем, он молодец, очень трудолюбивый и безопасный, если, конечно, Линкольна не задевать. Ну, и ещё прохожие по вечерам свежепоставленных скульптур пугаются. А ты, выходит, с Марса?

— Да не совсем, — сказал Куперовский, — но частично я уже со звёзд. Меня за это в тюрьму посадили и собирались судить, а я убежал и вот теперь сюда как-то попал. Дедушка, скажите, а эта ночлежка расположена в Чёрных Трущобах?

— Не понимаю, — негр странно посмотрел на Куперовского, — какие ещё трущобы?

— Ну... место такое. В Гарлеме. У меня там приятель живёт. Я бы его хотел отыскать.

— Нет такого района в Нью-Йорке. И вообще нет трущоб.

— Но ведь это и не трущобы вовсе, просто называются так. Дома там... ну... угрюмые, улицы кривые, грязи полно, компании разные... опасные очень. Я побежал от одного типа и заблудился, а там всюду площади и на каждой по Линкольну. На коне и, кажется, в короне, — Лёва почувствовал, как всё это неубедительно звучит, и замолчал.

— Насчёт президентов я уже сказал, это Зодчий развлекается. А домов и улиц у нас много, некоторые даже грязные. Только никаких

Чёрных Трущоб ни в Гарлеме, ни вообще в Нью-Йорке нет, это я тебе как старый бруклинец заявляю со всей определённой. И если там твой дружок живёт, не ищи его, не надо, нет у тебя, стало быть, никакого дружка. Это, должно быть, от травки, наведённые воспоминания. В общем, совсем ты, парень, болен, лечиться тебе надо. Я одного такого знал, тоже сначала всё искал чего-то: на одежде, на стенах, на потолке — а потом с хлебным ножиком кинулся на Бабуина Айвэна. А у Айвэна чёрный пояс по каратэ и шайка в пятнадцать горилл. Так этот, даром что хлипкий, в очках, Бабуина сразу ухайдакал, а за его бандой по всему Нью-Йорку носился, пешком автобусы догонял. Последнего он зарезал на лужайке перед Рокфеллер-центром прямо у ног начальника полиции, и этому же копу добровольно сдался. Главное, полицейские нож забрали и отказались вернуть, а он у нас на всю компанию был единственный, и лезвие великолепное, из золингеновской стали. У тебя такого случайно нет?

— Нет.

— Это хорошо, парень. Это очень хорошо. Но ты не обижайся, всё-таки пойду поищу другую койку. А то я, понимаешь ли, храплю сильно, тебе же спокойнее будет.

И бывший собеседник Куперовского, не слушая его успокоительных слов, быстро собрал вещи и исчез. Лёва остался один. Вскоре благостные дамы из Армии Спасения привезли обед — простой, но вкусный. Поев, Куперовский от нечего делать стал присматриваться и прислушиваться к окружающей обстановке. Судя по долетавшим до него обрывкам разговоров, люди в ночлежке действительно собрались весьма своеобразные и удивительные.

— И я им сказал: жизнь коротка, а искусство вечно, и не вам, господа, вмешиваться в великий процесс общения творца с Творцом. Продемонстрировал редактору свой хук левой, кинул в морду заместителю три папки с романом, плюнул на дисплей и ушёл. И теперь как бы ни звали — туда уже ни ногой. О, как гнусно, отвратительно... Путца не издавали, рукопись Зиммера использовали на пипифакс, Химмелиусу смеялись в лицо, Джубу Папандопулоса довели до того, что он, бессмертный гений, скончался. Ни один из них не напечатал ни строки. Ничего, ничего, я тоже умру, а они даже не заметят этого... О, кованный башмак цивилизации!..

— Этот гад ткнул мне в морду порнографический журнал и ещё спрашивает, что это такое?

— А ты?

— А я говорю, что если вы, фараоны паршивые, уже не знаете, что это, то нам вообще не о чем разговаривать. Позовите моего адвоката, я буду беседовать с ним, а он с вами, если захочет.

— А он?

— А он заявляет: держу пари, что твой адвокат — женщина. А я отвечаю: правильно, а как вы догадались? А он меня обзывает грязным ублюдком и обещает посадить на пару дней в камеру к педикам, чтобы они сменили мне сексуальную ориентацию.

— А ты?

— А я ему так вежливо говорю: мне вас жаль, несчастный коп, вы вообще ничего не понимаете в вопросах секса.

— А он?

— А он так побагровел мордой — ну чистый ирокез, только томагавка не хватает. Молчит, дышит носом и к кобуре тянется.

— А ты?

— А я в окно и сюда. Залягу, думаю, на дно, пусть ищут.

— А он?

— Вслед кричал, свистел, бежал, стрелял. Не попал.

— А ты?

— Надоел уже: "а ты?", "а ты?". А я здесь уже тринадцать лет...

— И перед матчем я поклялся: или команда выигрывает и остается в суперлиге, или я съедаю футбольный мяч. Ребята у меня орлы, здоровые, талантливые, глупые, как штанги, а головой играть не умеют. Ни в каком смысле. Ну, мне, конечно, сварили мяч под чесночным соусом, прямо со шнурками — так, говорят, вкус пикантней. А у меня как раз гастрит, энтероколит и пост одновременно, и именно футбольные мячи врач строго-настрого запретил кушать, ещё с прошлого раза. Особенно если внутри камера...

— А я крикнул: хватайте меня, это я обломал руки Венере Милосской, и я же её раздел, раньше она в тоге была! Они подбежали, навалились... Какое там, меня вчетвером разве удержишь?!..

— Нет-нет, что вы, я здесь не живу! Я уважаемый человек, у меня есть свой небольшой, но хороший гешефт, счёт в банке, ещё один счёт в другом банке и ещё немножко золота и камешков в бутылке, закопанной на чёрный день на глубине шесть с половиной метров в тайном месте, даже вам, ребе Марк, не скажу где, хотя и сразу видно, какой вы прекрасный человек, дай вам Бог здоровья! Когда я в субботу прихожу в синагогу, мне все уступают дорогу. Когда я подаю милостыню, сбегаются смотреть евреи со всех близлежащих кварталов, ибо это воистину удивления достойно. В прошлом году меня выбрали помощником раввина. Меня бы и раввином назначили, если бы я лучше знал иврит, но что поделаешь?! Мои два сына, два посоха в моей старости, они в Хайфе в Технионе, скоро кончают, так они-то знают иврит, как я свою клиентуру, и помнят Тору лучше, чем маму с папой, хотя и нас очень любят — не на что обижаться. Я на каникулах разбудил в час ночи младшего, Исака, и говорю: "Распиши-ка ты мне, сыночек, дела этих Маккавеев, как они поразили всех наших врагов ослиной челюстью". Другой бы юноша его лет рассердился: что ты, дескать, старый дурак, не нашел иного времени вспомнить Библию, а он даже не удивился, растолкал Исава, и они на два голоса до утра сообщали мне эту историю. И как интересно рассказывали, с жаром, с пылом, с комментариями от себя... Жалко, на иврите говорили, я кроме слов "Иуда Маккавей" ничего не понял. А моя жена, моя дорогая Фира, ей сорок пять, а больше тридцати шести не дашь, она умеет-таки принять людей, что они это запоминают на всю жизнь! Между прочим, она ночует неподалёку, в таком же заведении, как наше, но женском. И я тоже тут только сплю, сегодня я здесь случайно, днём я проживаю в своей квартире из шести комнат в богатом районе, а ночью прихожу сюда. Как это случилось? Слушайте меня, реб Марк, я расскажу. Это очень смешная история, но и в ней есть мораль, и звучит она так: умная еврейская голова лучше глупой американской. Когда я снимал свою нынешнюю квартиру, владелец дома заломил цену, от которой Фира повернулась и хотела сразу же идти прочь. А я ей сказал: погоди, Фиреле, мы ещё не побеседовали как следует с этим достойным человеком. Зачем сходу становиться на дыбы? Потом ему говорю: мистер Дрек (вы мне не поверите, ребе Марк, но его

действительно так звали, и это был-таки не просто "дрек", а "дрек мит фефер"), у меня есть к вам деловое предложение. Как вы относитесь к тому, что я буду амортизировать вашу собственность в два раза меньше, чем другие жильцы, а вы мне положите в два раза меньшую плату? Он смеялся десять минут по часам, а затем заявил: если вы, мистер Столпнер (а вот это моя фамилия), придумаете способ, как такое устроить, то я заранее соглашаюсь на все ваши предложения, и буду брать с вас даже не в два, а в три раза меньше. Я говорю: ловлю вас на слове, мистер Дрек, давайте позовем адвоката и запишем это. Он ещё пятнадцать минут хохотал над глупым евреем, а потом пригласил своего адвоката, и мы всё запротоколировали, подписали и заверили. И как только последняя бумажка была убрана в сейф (а вторые экземпляры надёжно улеглись в мой кейс), я ему объявил, что мы с женой будем находиться в его квартире только днём и вечером, а всё остальное время плюс уикэнд проведём в другом месте. Теперь считайте: в неделе 168 часа; ночь и утро — это 10 часов, умножаем на 6, получаем 60, плюс 24 часа воскресенья, это выходит 84, то есть на два часа больше половины недели, но эти два часа я ему дарю. Он так взбеленился, что чуть не проглотил свой галстук, и кричит: а мебель?! А я ему отвечаю: мистер Дрек, вы разве забыли, что квартира меблирована? Конечно, эти шкафы, столы и прочие биде с кроватями не самого лучшего сорта, но нам, бедным евреям, вынужденным экономить каждый грош, и такое сойдёт. Он: "Но они же амортизируют квартиру!" Я: "Мебель ваша, и квартира ваша, получается, что квартира амортизирует сама себя, я тут ни при чём". Он экнул, мекнул, хрюкнул, но уже ничего не поделаешь, бумаги подписаны, и копии у меня. Вот так и случилось, что я живу в прекрасной квартире и плачу только треть ее настоящей стоимости.

— И при этом ночуете здесь?

— И при этом ночую здесь, реб Марк. В нашем бренном мире ничто не даётся даром...

В ночлежке Лёва прожил около месяца. Втянулся, начал привыкать. Кормили здесь бесплатно, за койку тоже ничего не брали. Пару раз ему удалось даже немного подзаработать, изображая в уличной рок-группе "Нищие отовсюду" советского аборигена. Он бился в конвульсиях, отплясывая нечто среднее между буги-вуги и обрядом приветствия богини плодородия у малых народов Сибири, и хрипло выкрикивал: "Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки

великая Русь", а все хором выпевали: "Так вашу мать!" Потом ансамбль распался, потому что у трёх участников обнаружили слух и голос, что здорово мешало остальным. Другие попытки изыскать дополнительные средства для жизни оказались менее удачны, но Куперовский не унывал.

Однако всё хорошее когда-нибудь кончается, и для обитателей ночлежки наступил чёрный вторник. Этот день не заладился с самого утра. Завтрак опоздал, и проголодавшийся домушник в отставке по кличке Ястреб и по прозвищу Бегемот обругал ангелиц-спасательниц в связи с их матерями и гарлемскими неграми. Армейские дамы обиделись и отказались дать добавку, сославшись на то, что у них впереди ещё дом престарелых (раньше, однако, пищи хватало всем, и даже с лишком). Взъерепенились и чёрные обитатели дома, депутат от которых, мускулистый гигант Крошка Микки, взялся провести с нарушителем расового мира воспитательную работу. Микки, который по причине презрения к капиталистическому обществу и крайнего свободолюбия никогда не работал и потому сохранил богатые запасы нервной энергии и прекрасную физическую форму, погнал Бегемота по кроватям, охаживая его шваброй и попутно разъяняя (в моём переводе на литературный язык), что ввиду некоторых недостатков в поведении и нравственности сих добрых, но (по мнению Крошки) беспутных самаритянок и прискорбных упущений Творца в их внешности никакой уважающий себя и свою кровь сын Африки не стал бы иметь с ними дела, а лишь слабосильные белые мужчины, количество коих, следует надеяться, хоть в какой-то мере восполнило несчастным женщинам недостаток качества. Тут дамы-хранительницы окончательно оскорбились и, похватав кормильно-поильные принадлежности, шумно удалились, пригрозив более никогда не возвращаться. Так оно, кстати, и произошло, но по иным причинам. Крошка, зажав конвульсивно дёргающегося Ястреба в углу, обрабатывал его там, громогласно сообщая присутствующим, что папаша этого пернатого, несомненно, являлся одним из активных, но не лучших представителей вышеупомянутой бледнолицей компании, но, глядя на Бегемота, понимаешь, что последней его женой всё-таки была свиноматка. Оставив потерявшего сознание толстяка в покое, Микки перенёс праведный гнев на прочих обитателей ночлежки, чьи лица отличались по цвету от излюбленных им оттенков шоколадного, и тем вынудил белых, индейцев, китайцев и японцев сплотиться в защите попираемого достоинства. Завязалось кровопролитное сражение, в

котором получили разные степени увечья двадцать три человека, сорок стульев, десять столов, тридцать четыре кровати, сто семнадцать простыней (включая запасные из стенного шкафа, который тоже сломали), сорок одна подушка, холодильник и уличный полицейский, прибежавший на шум. В заключение титан Микки торжественно разбил телевизор и мгновенно потерял союзников, которые объединились с его противниками и совместными усилиями в какие-то пять минут уложили почти бездыханную фигуру Крошки на пребывающее в аналогичном состоянии тело Бегемота. После драки индейцы долго скандалили в углу, деля условные скальпы поверженных врагов. Пиррово победил сиу Подвыпившая Анаконда, отспорив что-то около полутора тысяч этих милых военных трофеев, но разругавшись притом с остальными аборигенами Америки. Потом все (включая притихшего Крошку) полчаса печально смотрели на телевизор, оплакивая пропущенную серию "Далласа", и в итоге решили вскладчину купить новый ("Или украсть", — внёс предложение виновник несчастья, но его лишь коллективно облили презрением, а бывший убийца Киллер-Овечка вслух пожалел, что "завязал"). В воздухе запахло грозой, и вскоре она разразилась и громыхала долго, почти до двенадцати. В результате проживавший в углу за фикусом алкоголик без имени, фамилии и прозвища не смог отправиться на ежедневный моцион в поисках заработка (пустых бутылок и брошенных жестянок из-под пива), принял свою дневную норму не в скверике, а тут же, на кровати, заснул и, как обычно, обмочился и обделался. Возмущенные соседи растолкали его и вышвырнули под дождь. Алкаш, вопя про произвол, рвался назад, его не пускали и коллективными усилиями расколотили кварцевого Линкольна, временно установленного ваятелем у входа изнутри. Тут встал на дыбы скульптор, крича про святое искусство. Потом, как я уже обмолвился, не привезли обед, что не улучшило настроения соночлежников. Короче, когда в три явилась полиция, чтобы проверить документы и забрать всех подозрительных, её встретили едва ли не с облегчением. Лишь несколько человек, в их числе и Куперовский, предпочли не вступать в официальные отношения с властями и успели удалиться через загодя приготовленный потайной ход (специально стену пробивали) в проулок, а затем дворами — в неизвестном направлении. Так Лёва опустился на самое дно Америки. Он уже давно был беспаспортным и безработным, а теперь вдобавок стал бездомным.

Между тем полиция задержала — порядка ради — десятка два с наиболее преступными лицами, но остальных стражи порядка тоже не

оставили в покое, вежливо попросили взять свои вещи и выйти на улицу, а когда в помещении никого не осталось, старший коп закрыл дверь, заклеил замочную скважину и щель над язычком замка длинной бумажкой и приложил к ней большую круглую печать.

— Всё! — резюмировал он глубоким, сочным басом. — Доигрались, голубчики. Гадюшник закрывается. Гуляйте себе, гуляйте. А ну, не скапливаться!

И пошли они, солнцем палимы, и уже к вечеру рассосались по другим ночлежкам.

А вот Лёва не рискнул куда-либо сунуться, опасаясь новых полицейских налётов. Убегая с прежнего места жительства, он запихнул в мешок десяток чьих-то сэндвичей (кажется, Бегемот готовил их себе на полдник), и это было всё, чем ему предстояло питаться, пока он не найдёт хоть какой-либо источник доходов. Да, и в кармане у него лежала десятидолларовая бумажка. Лёва вздохнул, погрузив секунд тридцать, взял себя в руки, сориентировался по солнцу и, решив держаться ближе к далекой родине, пошёл на север, думая, что движется на восток.

Первые два часа Куперовскому казалось, что жизнь окончена, что он теперь так и будет вечно падать и падать в бездонную пропасть. Выброшенный из привычной среды, а теперь лишённый и того жалкого уюта, который ему худо-бедно удалось создать, покинутый родной страной, он ощущал себя насаженным на крючок червячком, к которому уже устремилась щука-смерть. Тяжкое уныние навалилось на его обтянутые пиджачной тканью неширокие плечи тоннами атмосферного столба, стремясь размазать его по асфальту под безучастным взглядом небоскрёбов. Потусторонние голоса нашёптывали ему десятки способов почти безболезненного самоубийства. Потом это прошло. Лёве захотелось есть, и он, тщательно жуя, переправил в желудок половину сэндвичей, покрыв их сверху мороженым и оранжадом, на которые истратил последние десять долларов. Вот теперь он был действительно свободен, и следовало поразмышлять о зарботке и жилище.

В тот день Куперовский ничего не придумал; ночевал он в каком-то дупле, выгнав белку. Тут не дуло, но ужасно затекала шея, и Лёва понял, что это не выход из положения. Он рассердился, плюнул на свой страх перед законом и к следующему вечеру из картонных ящиков, консервных банок, пустых коробок из-под сигарет и использованных

дискет соорудил в центре Брайтон-Бич роскошный Купервиль. Полицейские издали уважительно следили за его трудами и не вмешивались. Видимо, сказывалась убежденность рядовых американцев в том, что США — страна свободного предпринимательства чего в голову придет. При этом весь день Лёва питался своими сандвичами, запивая их водой из-под крана общественного туалета для бедных. Так долго продолжаться не могло. По счастью, к ночи "на огонек" заглянул старожил нью-йоркских улиц, который помог ему прикончить последний сандвич и поделился опытом поисков работы в Америке. "Нужно выйти чуть свет, — наставительно вещал он, — и шагать вперед. Сворачивать следует только в трех случаях: если упрёшься в глухую стену, если тебя обругает коп и по наитию. Будь твёрд, и чаемый бизнес сам настигнет тебя, как Джимми Крюгер юную девушку". Так Лёва и поступил, и благодаря мудрым рекомендациям благожелательного советоподателя его американская одиссея расцвела новыми красками. Причём первая работа налетела на него за ближайшим углом, едва не сбив с ног, заняла не более получаса и принесла пятьсот долларов.

Итак, когда Лёва, движимый, как и полагалось, шестым чувством, свернул направо на перекрёстке, на него выпрыгнул откуда-то из-за кустов приятного вида громила в чёрном костюме, свитере и тёмных колготках на голове, один из чулок которых ему не удалось как следует заправить, и тот вился по ветру, как перо на шлеме некоего новоявленного Галахада.

— Эй, уважаемый! — весело заорал верзила. — Деньги нужны?

— Конечно, — честно отозвался Куперовский.

— Тогда пошли со мной. Немного поможешь, и триста баксов — твои!

— А что я должен делать? — поинтересовался Лёва, стараясь не отставать.

— Вот этого я не люблю, — громила даже приостановился и досадливо поморщился, отчего у него на лице все колготки перекошило. — "Что", да "как", да "почему именно я"... Ты не мужик, что ли? Понравился ты мне, понял? Гляжу: спешит парень, явно ищет, где подшакалить. Или я обмишулился? Нет? А то ты смотри, я ошибаться не люблю и свидетелей своих заблуждений в живых не оставляю. Дорожу репутацией, понял? На вот, возьми эту игрушку.

Он протянул Куперовскому потрепанный бурной биографией "люгер", который тот с опаской принял.

— Извини, что такое дерьмо, но другого не достал. Ладно, главное, действует. Делать тебе практически ничего и не надо. Просто стой и держи пушку в руках. Можешь в зубах ею поковырять, можешь затылок почесать. Но учти, что она заряжена, а предохранитель срабатывает через раз. Когда я скажу: "Беги!" — делай ноги. Расплатимся в двух кварталах отсюда, возле заведения мадам Пфульпфиггер. Ты его сразу увидишь, там вывеска с такой шикарной задницей. Ну что, всё ясно? Пошли.

— Куда? — спросил Лёва, ошеломлённый бурным натиском столь наивного прагматизма.

— В банк, разумеется. Ну и олухи попадают в Нью-Йорке. И как таких только американская земля держит? И за что я тебе триста "зелененьких" плачу? Хватило бы и сотни. Да ты и считать, небось, не умеешь.

Лёва, который окончил физматшколу и мехмат К-ского университета, обиделся, а обидевшись, решил доказать самоуверенному гиганту, что не такой уж он олух. Тем не менее, сомнения ещё не вполне оставили его.

— А если полицейский? Я плохо знаю ваши правила, но, по-моему, грабить банк — незаконно даже в Америке.

— Слушай, парень, при чём тут закон? У нас есть конституция, и в ней чёрным (или там синим, не знаю) по белому записано право на свободное ношение оружия. Это знает любой фараон. И при чём тут банк? Ты просто стоишь на американской земле...

— Возле банка.

— А какое твоё дело, что, пока ты прохлаждался, какой-то кретин построил рядом банк? Он тоже свободный гражданин Штатов. Захотел — построил. Да, значит, ты просто стоишь и просто свободно носишь оружие...

— В руке.

— Да, в руке. А что, его в зубах нужно носить? Или в ухе, вместо серьги? Так мы ж не панки. В общем, если не хочешь — так и скажи. Я и за двести баксов желающих найду.

— Ладно-ладно, — быстро сказал Куперовский, — я согласен.

— Ну и чудно. Да ты не бойся. В крайнем случае, отсидишь месяцев пять-шесть-десять. Ну максимум — двадцать. Потом всё равно выпустят по амнистии. У нас всех выпускают. У меня дружок — сексуальный маньяк, имел три пожизненных, через пять лет тюрьги амнистировали. Ох, он и радовался... Ну, хватит болтать, а то банк закроют.

Всё прошло на удивление просто. Клерк, увидев громилу в колготках и маячивших в некотором отдалении "друзей" с револьверами, быстро и радостно наполнил подставленный "дипломат" славными упакованными пачками и даже пожелал счастливого пути. Елейная улыбка так прочно сковала его существо, что лишь через пять минут после исчезновения преступников он вспомнил о сигнале тревоги, а когда полиция подъехала к месту происшествия, Куперовский уже удалялся от знаменитой задницы госпожи Пфульпфиггер, с удовольствием ощупывая в кармане пять хрустящих новеньких банкнот. Ублаженный богатым уловом верзила оказался щедр. К сожалению, этого достойного, хотя и страдающего криминальными пережитками в сознании человека арестовали в тот же день. Его опознали по колготкам, которые он позабыл снять. На суде он держался твёрдо и гордо, сообщников не выдал и тем самым, видимо, лишил себя права на амнистию, которую он столь оптимистично обещал Лёве. Впрочем, скорее всего, он и не знал никого из своих помощников. По крайней мере, так полагает Куперовский, который уверен, что все они были такими же наемными, как и он. Очень уж контрастировали они с грозным видом оружия, дрожавшего в кулаках.

Лёве весьма понравился столь быстрый, легкий и сравнительно безопасный способ заработать деньги, как должность наёмного сообщника, он впоследствии неоднократно приставал с подобными предложениями к субъектам уголовного вида, но более ему эта синекюра не выпадала. Двое из потенциальных грабителей оказались кочующими проповедниками, трое — полицейскими (к счастью, их рабочий день к тому времени кончился, а сверхурочные им не оплачивали), один — секретарем местной коммунистической ячейки. Все эти встречи завершились для Лёвы сравнительно мирно, если не считать того, что один из миссионеров его едва не окрестил, чего семья Куперовских не перенесла бы. Но остальные типы действительно принадлежали к

криминальному миру, в результате Лёву дважды били, пять раз обидно ругали, а однажды подвергли и тому, и другому.

В общем, Лёвины предложения были отринуты, а он уже привык к сладкой жизни с деньгами в кармане, и следовало искать новые источники дохода. Так Куперовский вступил на тропу бизнеса, с которой коренные американцы не сворачивают до самой смерти, а порой и после оной. Недавно я слышал про брокера, который, скончавшись, с помощью опытного медиума с успехом продолжил игру на бирже и сколотил приличное посмертное состояние на продаже цитрусовых в Монголию. Лёва, конечно, не чувствовал себя на этой большой дороге столь уверенно, но и он прошагал по ней немало. Я отмечу лишь некоторые этапы его большого пути.

После соучастия в ограблении банка Лёва некоторое время почивал на лаврах, питаясь, судя по тратам, нектаром и амброзией, и даже познакомился с милой похожей на шоколадное мороженое девушкой Асунтой, которая однажды растаяла вместе с деньгами, оставив Куперовского грустить в пустом бумажном стаканчике — то есть доме, конечно. И вот тут он взялся за ум и за работу.

Вначале его увлекли музы, и некоторое время он провёл на стезе искусства. Целую неделю он служил натурщиком у одного художника, иллюстрировавшего "Алису в Стране Чудес" — некий издатель решил рискнуть и перевести архаичную сказку на сегодняшний американский язык, да и вообще осовременить замшелую историю. Из этих соображений к сотрудничеству был привлечен знаменитый Демон Ночи (псевдоним Джона Клозеваттера), лидера движения кубистов-анилистов (ну, вы знаете, это те, которые изображают честных налогоплательщиков в виде разнокалиберных кубических задниц, порой весьма монументальных и даже многоэтажных; в то время сие течение, отвергнутое нынешними художниками как устаревшее, было самым остроумным), а уж он пригласил Куперовского, которого встретил случайно на улице, попозировать для некоторых персонажей. В частности, с него предполагалось рисовать таких стержнеобразующих героев, как Зигмунд Фрейд, Джордж Вашингтон, он же Безумный Шляпник, апостол Павел, Иуда Искариот, эксгибиционистка Соня и, в довершение всего, вуайерист, циник, остроумный парень и тайный садист, страдающий эдиповым комплексом и от непонимания

окружающих Мартовский Заяц — истинный отец младенца Герцогини, главного героя романа в его новой версии.

— Но на него-то я точно не похож! — вскричал при первом знакомстве с художником Лёва.

— Почему? — удивился Демон Ночи.

"А в самом деле, почему?" — задумался Куперовский, но тут же нашёлся:

— У меня уши короткие.

— Чепуха, — отмахнулся Козеваттер, — при моей точке зрения на действительность ушей вообще не видно.

— Да, но у меня же не такие ноги, в смысле, задние. И шерсти нет. А это будет заметно даже в вашем, извините, ракурсе.

— А-а, всё равно никто из этих чайников ни в чём не разберется. Они же ни черта не соображают в искусстве. В общем, так: тебе баксы нужны? Тогда снимай штаны и начинай позировать. А если хочешь, чтобы было похоже, — прилепи хвост.

Мастер кисти не убедил Лёву, и вскоре тот перешёл от него к мастеру слова. На объявление "творческий гений ищет мужчину советского происхождения, недавно расставшегося с Россией не по идейным соображениям и мечтающего туда вернуться" Куперовский наткнулся в газете, принесённой ветром к двери Купервиля, обнаружил, что приведённое описание идеально ему подходит, и отправился по указанному адресу. В очереди он оказался 243-им. Впереди него стояли: дьячок в рясе и скуфейке, шёпотом молившийся; два украинца в вышитых рубахах и поляк со значком "Ще Польска не згинела", ради возможности заработать забывшие свои национальные претензии к старшему брату; несколько иранцев с благородными лицами и томными очами; моджахед в полевой форме с крупнокалиберным пулемётом на спине; князь Горгелидзе-Пуришкевич 13-й, бедствующий, но наследственно оберегающий свою честь от оскорбления физическим трудом, и граф Куракин, с успехом подвизающийся коммивояжером и заранее готовый на всё; неизменный хасид в сомбрероподобной шляпе и доброй улыбке на хитром лице и столь же вечная Светлана Аллилуева, рассчитывающая, по-видимому, найти в упомянутом в объявлении гении свежего слушателя; два десятка разнокалиберных евреев из

брайтонбичской коллекции, от суетливого торговца подержанными керосиновыми лампами и примусами Пантагенешмулика до сочащегося собственной значительностью резника Пулитмана; три оборванных унылых египтянина и три ободранных веселых мексиканца; мрачный негр из Оклахомы и сам Марчелло Мастрояни — или другой похожий на него итальянец. За Куперовским пристроились: два безработных шпиона, подготовленных для засылки в СССР, но уволенных из-за сокращения ассигнований на деятельность ЦРУ; группа американских коммунистов, возглавляемая платным агентом КГБ и явившаяся — из соображений секретности, а может, с провокационной задней мыслью — в ку-клукс-клановских балахонах, взятых в прокате и частично надкушанных молью, которая, впрочем, нагло продолжала подъедать их и на свежем воздухе; любопытствующий перелетный голубь мира Евгений Евтушенко, в свободное от вояжей время — вольный русский поэт; насупленный налоговый инспектор, вынюхивающий незаконный необложенный доход; цыганский табор, разбивший шатры, в которых, чтобы не терять даром времени, гадали, пили, пели, дрессировали медведей гризли и похищенных бледнолицых детей, занимались любовью и душили неверных жен и чересчур верных любовниц и просто трясли кудрями; пять японцев, непрерывно щелкающих "кодаками". Хвост очереди затерялся в бесконечном пространстве, уходя в чёрную дыру в районе Бетельгейзе, а голова исчезала в разверстом зеве гостиницы, в которой временно — проездом с Пляс-Пигаль на Майорку — обитал мэтр. Люди стояли здесь давно, многие приходили не в первый раз, надеясь на перемену участи, и это странное и случайное сообщество, как и всякое иное, уже начало обрастать собственными воспоминаниями, слухами, фантазиями, мифологией и фольклором. Благоговейным полушёпотом говорили об устрашающего вида седом старце, который пробыл у Мастера два с половиной часа, почти получил вожделенное место, хотя и происходил с Ямайки и о России знал только, что её столица носит причудливое наименование Господин Великий Киев, но царственным жестом отклонил предложение в пользу более нуждающихся. С уважительным изумлением поминали негра, на ломаном английском выдававшего себя за уроженца Клязьмы. В приступе снобизма осуждали девицу, также занимавшую творца часа три, но, как подсмотрели в бинокль из соседнего дома наиболее бдительные претенденты, не воспоминаниями и не словесностью. Рассказывали о группе несчастных оборвавшихся бывших советских узников совести, отвергнутых тираном от литературы как недостаточно пылко мечтавшие вернуться на родину,

под благодатную сень КГБ, и в голодном отчаянии метнувшихся с крыши небоскреба на мостовую, обрызгав бранными останками четыре десятка других кандидатов и случайно подвернувшуюся английскую пару; о десятках разноплеменных девушек и даже мальчиков, соблазнённых и обещанных гнусным деятелем пера и пишмашинки; о таинственном маньяке, обитавшем в подъезде мэтра, нападавшем по вечерам на юных беззащитных дебютанток, трепетно несущих на отзыв свои опусы, и с помощью грубого насилия, в столах и крови лишавшем свои жертвы самого дорогого, что у них было, — одежды, драгоценностей, денег и рукописей; наконец, о том, что этот маньяк и был сам маэстро, позже издававший вышеуказанные рукописи под своим именем — в надежде славы и гонораров. Делились опытом ("он, извините, сладкоежка" — "обожает разговоры о Фрейте и Марксе и дам без лифчиков" — "терпеть не может, когда плачут" — "Да может он, всё может, просто не желает, но, если хотите, попробуйте" — "не здоровается за руку" — "у него вечно работает телевизор, и если начинается бейсбол — пиши пропало" — "а взятки он берёт?" — "берёт, но ничего взамен не делает" — "слышал, увлекается эсперанто" — "ну ясно, псих, а вы ещё на что-то надеетесь" — "а сам-то?" — "вот увидите, в конце концов он передумает, наймет какого-нибудь Поющего Койота или Унылого Медведя, Молча Сидящего На Термитнике, и начнёт писать роман о покорении Америки французами" — "да, с ним уже бывало"). Всё происходящее не навевало оптимизма. Тем не менее Лёва стоически ждал, положившись на судьбу. И Фортуна, обычно не покидавшая Куперовского надолго, не оставила его и сейчас. Писатель оказался приятным седеющим джентльменом в ковбойке и потёртых джинсах "Джордаш". Он встретил Лёву приветливо, угостил его чаем с водкой ("О, я знаю ваши русские вкусы!"), предложил ему гаванскую сигару, а когда Куперовский отказался, сам вкусно задымил сквозь густые усы. Быстро и искусно он расспрашивал, и Лёва, вообще склонный к искренности, почувствовав живой интерес слушателя, честно поведал ему обо всех своих приключениях. Гений подумал, попыхтел сигарой, а потом вышел и отпустил оставшуюся часть очереди.

Мэтр весьма приветил Лёву, правда, не столько от чистого сердца, сколько как будущего персонажа, ибо принадлежал к литературной школе, исповедующей принцип, что автор должен любить своих героев. Часами они беседовали, и мистер Хемридж время от времени делал

пометки в записной книжке, напоминая самому себе в такие минуты художника, пытливо вглядывающегося в интимные детали очередной ню, чтобы на радость ценителям запечатлеть их на холсте. Он чувствовал, что необычный маленький русский, устроившийся в кресле визави, — это как раз то, что ему нужно; что роман зреет, как почка, как плод в чреве матери; что вот-вот отойдут воды и начнутся родовые схватки — с непокорной бумагой за пишущей машинкой... Тут он понимал, что опять дал увлечь себя необузданному воображению, что до старта "производственного процесса" ещё далеко, что перед ним лишь материал, да, богатый, да, сочный, истекающий кровью и жизнью, однако пока сырой. Да, его идеи, как всегда, гениальны, но нет ни плана, ни сюжета, а лишь наброски фабулы и название, но хорошее название, которое непременно должно понравиться и читателям, и критике: "Последний красный шпион, или слишком длинный путь к смерти". И у него есть всё-таки герой, персонаж, который оживит повествование и придаст ему тот реализм, который зачаровывает публику. О, он сделает это и вновь добьется популярности, а то что-то про него начали забывать. Чёртова вечная гонка писателя-профессионала! Но теперь он постарается работать медленно... ну, не очень медленно, однако с душой, не меньше шести месяцев, по крайней мере, четыре... Он устоит перед давлением книгоиздателей, ничего не подпишет, пока не будет в основном готово, и не станет распускать хвост перед газетчиками. Он создаст истинный шедевр, в конце концов, пора позаботиться и о посмертной славе.

Хемридж закруглил роман за два с половиной месяца и при этом каждый день подолгу разговаривал с Лёвой и каждую неделю устраивал пресс-конференции. Зарплату он выдавал аккуратно, по пятницам, с небольшими премиальными, и Лёва был доволен хозяином, хотя честность заставляла его мучиться сомнениями, а всё ли тот понимает и запоминает правильно и не придётся ли ему позже краснеть за своё альтер-эго. Во всяком случае, он старался выполнять порученную работу добросовестно, чего не скажешь о многих иных прототипах, которые хандрят, куксятся, хулиганят, легкомысленно меняются, мешая нормальному творческому процессу, и вообще ведут себя несолидно. Или, что ещё хуже, ознакомившись в рукописи со списанными с них персонажами, пытаются походить на последних, совершают дурацкие поступки, лицемерят и окончательно запутывают ситуацию. Лёва был идеальный прототип, ибо всегда вёл себя естественно и при этом

послушно выполнял требования автора. Во всяком случае, у Хемриджа никаких нареканий он не вызывал.

Недавно я прочёл пресловутый опус — в переводе на русский, разумеется. Лёва послужил образцом для главного героя, Ивана Кьеркегоровича Михалича, пожилого советского шпиона в звании комиссара КГБ, проживающего в США ещё с довоенных времен с секретным заданием. Тщательно и любовно, модным способом — наплывами, врывающимися порой аки тать в ночи, буквально на полуслове ломая плавный ход повествования, — выписаны эпизоды, посвящённые детству Ваньятки на конфискованной императорской даче (затерянной в центре России, посреди бескрайнего Марсова поля, на котором жито на жато ещё с революции), становлению его эдипова комплекса, марксистских взглядов (содранных почти цитатно из брошюры Мао Цзэ Дуна "Автомат Калашникова как средство преобразования мира на конфуцианских началах, или 79 принципов истинного коммуниста") и сексуальных ориентиров (здесь Хемридж щегольнул действительным эпизодом из бурной куперовской юности, когда ему пришлось, выполняя каприз некой экзальтированной особы, вступать с ней в соответствующие отношения на пятом снизу носу галеры знаменитой ростральной колонны). Михалич (по паспорту — Джон Смитэндвессон), который — если опираться на текст — нетвёрдо знал не только английский, но и русский язык, не был, однако, опознан доверчиво жующими жвачку и потряхивающими омакароненными ушами агентами ФБР. Сорок лет он таился под личиной скромного служащего бензоколонки, ежедневно с унылой скрупулёзностью (так, как это умеют лишь старые русские большевики) начищая лицо и руки сапожной ваксой, ибо, согласно легенде, происходил от сборщика сахарного тростника из штата Алабама, а между тем по миллиметру приближаясь к заветной цели, к теракту, которому предстояло потрясти мир — к взрыву главного символа Америки, того самого, кой был навязан ей в подарок коварными французами, не желающими, чтобы только их страна была изуродована столь же символической Эйфелевкой. Ибо по мысли московских шефов Ивана Кьеркегоровича статуя Свободы, взлетев на воздух, должна похоронить под каменными обломками оптимизм и уверенность в себе простых янки, пошатнуть правительство, вызвать панику на бирже, ужесточение полицейского контроля, введение цензуры, депрессию, рост популярности левых, неправую ярость правых,

отмену конституции, жандармский террор и в конечном счете коммунистическую революцию в США и во всём мире, после чего капитализм мог сохраниться только в труднодоступных районах Австралии и Юго-Восточной Азии. Понятно, что кто-то должен был помешать преступным планам, и на комиссаровом пути в светлое завтра встают опытный сотрудник ЦРУ, страстный, но бесстрашный агент Залман Горфинкель и его боевая подруга и любовница, рекламная модель Юдифь Азимофф. Прелестная Юдифь, которая, естественно, по совместительству является любовницей Михалича (и ещё, по моим подсчетам, двадцати трёх второстепенных персонажей романа, не считая мелких попутных изнасилований в подворотнях, опиумных курильнях, буйных отделениях нервнопатологических клиник, тайных подвалах КГБ в Южном Бронксе и явных притонах мафии на Бродвее), рассказывает Горфинкелю о причудливых сексуальных опытах Ивана-Джона. Анализируя и тщательно воспроизводя интимные забавы Смитэндвессона, агент ЦРУ и бдительная модель понимают, что изобрести этакое мог лишь мрачный извращённый ум и что хилое на вид и наощупь тело старого лженегра скрывает в своих глубинах накачанные специальными многолетними тренировками стальные мышцы. Отважный Залман, ведомый любовью к свободе, капитализму и Юдифи, под видом ищущего развлечений провинциального бисексуала проникает в логово супершпиона и ночью смывает с его спящего лица грим. Разоблачённый ещё с вечера в буквальном, а ныне в переносном смысле Михалич мгновенно пробуждается и без тени смущения принимает боевую стойку. После семнадцатисполовиночасовой борьбы славный наследник дела Даллеса одолевает престарелого воспитанника Дзержинского, и тот, сломленный и утомлённый, раскрывает перед победителями краплёные московские карты. Счастливые Азимофф и Горфинкель, пошатываясь от потери крови, спешат к ближайшей кровати, коллегипоследнего уводят закованного в наручники Ивана Кьеркегоровича, который что-то старательно жуёт, и в это время наконец срабатывает загодя заложенная им адская машина, и на глазах ошарашенного читателя гигантская статуя обращается-таки в прах. Михалич умирает в экстазе и конвульсиях, крича: "Ленин жил, Ленин жив и в дальнейшем не преминет! Слава КГБ!" — и не успевают его быстро охлаждающее тело доставить в местное отделение ЦРУ, как на биржах начинается паника. Занавес. В послесловии автор уверяет, что ему очень много дало общение с милым, но таинственным русским, который, безусловно, является агентом советских спецслужб, однако в порыве присущей славянам

откровенности доверился Хемриджу, и потому из этических соображений он не может раскрыть его имени.

Куперовский подвизался не только на ниве изящных искусств. От писателя он перебрался к дантисту. Работа была нетрудной: Лёва сидел в приёмной и поминутно в широкой улыбке демонстрировал тридцать два действительно прекрасных от природы зуба, выдавая их за вставную челюсть — плод талантливых усилий своего партнера. После дружеского расставания с эскулапом, который нашел новый трюк — мышеловку с клыками, Лёва надумал вернуться в рекламный бизнес. Вообще, надо сказать, Куперовский всегда был и остается человеком инициативным, с богатой и плодотворной фантазией, и если ему только позволяли развернуться во всю ширь щедрой еврейской души, то результаты запоминались надолго. Вот и сейчас он сумел найти новые ходы в таком, казалось бы, обычном деле, как реклама нижнего белья. Да, Лёва стал коммивояжером, простым коммивояжером, и это как раз одно из тех немногих занятий, которые даже в США не пользуются, мягко говоря, общественным признанием. Но и на сём поприще неудачников он оставил неповторимый след. Демонстрируя тонкое понимание человеческой психологии и безупречный вкус, Лёва тщательно обставлял свой выход к публике. Он возникал перед потенциальными покупательницами ночами на малоосвещенных улицах и в глухих тупиках, облаченный в бархатную полумаску, чёрный плащ и элегантный интимный ансамбль "Озорной мальчик", и, сияя милой интеллигентной улыбкой, восклицал: "Трусы фирмы "Весенний кот" — последний крик моды! Ни в чём другом ваш друг не будет выглядеть столь убийственно". Говорят, что на нервных женщин сильнее всего действовала именно эта улыбка, и они готовы были на всё, даже на то, чтобы подписать заказ на 40-50 комплектов. Увы, ревнивый муж одной из клиенток никак не хотел поверить, что столько нижнего белья предназначено для него одного, а поверив — возбудил судебное преследование против фирмы. Так Куперовский снова оказался не у дел, и вот тут вероломно, без объявления войны счастье оставило его, и тележка покатила под гору, подпрыгивая на каждом ухабе.

Ему вдруг перестали предлагать работу — видимо, начала сказываться неблагоприятная конъюнктура, и богатые Штаты, которые всегда склонны перекладывать груз неудач на чужие плечи, задумали решить свои проблемы за счёт бедного Лёвы. Они тогда всё сразу

сделали: сократили помощь слаборазвитым странам, приняли ряд мер против японской экономической экспансии, зарезали беззащитные социальные программы и уволили Куперовского. Конечно, без притока его освежающей энергии в экономике США неминуемо должны были начаться стагнационные процессы, что, кстати, и происходит, и они теперь, должно быть, сожалеют, но все мы, как говорится, задним умом крепки, и поезд, то есть Лёва, ушёл и не вернётся. Ничего, ничего, кризис ширится, глазом не успеем моргнуть — перекинется на другие страны Запада, и расправа над Куперовским, возможно, ещё станет первопричиной гибели всего капиталистического мира. Они сами вырыли себе могилу. Но мы отвлеклись, вернёмся же из гипотетического будущего в то прошлое, которое является настоящим нашей повести.

Группа угнетённых негров как-то раз посетила Купервиль с недружественным визитом и, ввиду отсутствия хозяина, удовольствовалась общением с его сбережениями и продовольственными запасами, поступив с ними крайне жестоко. Лёва за период удач привык к пище и без неё чувствовал себя неудобно. Однажды он даже украл банку консервов в супермаркете, однако буржуазная мишура обманчива, и наш страдалец вновь убедился в этом, обнаружив в элегантной жестянке с многочисленными красивыми наклейками чистейшую ключевую воду. Как он мне потом рассказывал, в тот миг он едва не стал убежденным коммунистом, но, к счастью, вовремя одумался.

Наступала зима, и когда она уже была на носу, та же темнокожая банда опять навестила Купервиль, на сей раз не обнаружив ни хозяина, ни припасов, осталась крайне не удовлетворена и выразила своё возмущение, разобрав дворец на составные части и расшвыряв их по округе. Лёва вновь оказался накануне холодов безработным, бездомным и, понятно, беспаспортным. Вот здесь ему пришлось сосредоточить наличные способности, вздыбить мышление, прищипорить подсознание, и он вспомнил-таки произведение одного из столпов советской пролетарской литературы, в котором упоминалась община таких же, как и он, "отбросов капиталистической мельницы", свившая себе тёплое гнездышко в сердце Нью-Йорка, в объёмистой утробе пресловутой Свободы. Справедливо рассудив, что данная книга относится хоть и к соц-, но однако же реализму, а следовательно, врёт скорее в выводах и чувствах, чем в фактах, Куперовский решил прибегнуть к проверке

гипотезы практикой и, собрав немногие уцелевшие от набега вандалов пожитки, направил стопы к славному острову Либертэ.

Вблизи статуя производила колоссальное впечатление. Хотелось или разнести её вдребезги, или умереть, или уехать как можно дальше, или, подобно Мопассану, проникнуть внутрь — что угодно, лишь бы избавиться от необходимости лицезреть столь гнетущую и подавляющую демонстрацию вольности. Лёва выбрал последнее, правда, лишь с наступлением темноты. Вообще-то процесс погружения в недра Свободы оказался труден, ибо, хотя в постаменте и наличествовал ряд дверей, но все они были окованы металлом и снабжены предупредительными надписями типа: "Посторонним вход воспрещён! Нарушителю — жестокая кара" или "Вход только по пропускам категории А. Смерть ожидает дерзнувшего презреть сей запрет", а то и просто: "Не входить — убьём!" К счастью, между большим и указательным пальцами правой ноги великанши Куперовский углядел отверстие, которое снизу представлялось достаточно большим и не забраным решеткой. Таковым оно оказалось и при ближайшем рассмотрении, когда наш гонимый тоской и холодом герой с первыми звёздами влез наверх и, зацепившись за что-то, пал к ногам гранд-дамы. Неведомая сила, не дав Лёве встать, буквально всосала его в неизвестность.

Темнота. Ощущение нескончаемых просторов во всех направлениях. Костер. Немолодой стройный человек помешивал угли длинным прутиком. Даже сидя, он — прямой спиной, определённым мужественным изяществом в одежде, пружинистой грациозностью позы и движений — производил впечатление профессионального военного, той офицерской косточки, которая практически отсутствует в нашей победо- и бедоносной армии. Голос у него оказался совсем не командирский, мягкий, участливый и дружелюбный.

— Осмелюсь отрекомендоваться: майор... — имя прошелестело, не сохранившись в памяти, и растворилось во мгле. — В отставке, разумеется. С кем, простите, беседую и откуда вы к нам?

Лёва представился, как мог, и, задрав голову вверх, попытался отыскать отверстие, через которое он попал сюда.

— А, понятно. Не ищите, юноша, нет смысла. Заросло.

— То есть как? — изумился Лёва.

— Вы, господин Куперовский, видимо, полагаете, что в национальные символы можно проникать столь же примитивно и безнаказанно, как и в плохо закрытые склады?

— Да я, собственно, просто переночевать... — пробормотал Лёва, чувствуя, сколь неубедительно это звучит. — понимаете, мой дом развалили хулиганы, и...

— Сие уже неважно. Вы попали в сферу действия могучих сил, и поскольку, очень вероятно, ваша оставшаяся жизнь будет связана с этим местом, небольшие инструкции вам не повредят. Во всяком случае, кровом вы себя обеспечили весьма надежно, а пищей, пока вы не научились её добывать, с вами поделятся. У нас здесь общество пёстрое, но, в общем-то, гостеприимное.

— Так что же, наружу никак?

— Ни под каким видом. Впрочем, по слухам, порой открываются пути, но сие столь непредсказуемо... Однако можете пребывать в надежде, это не повредит. Разрешите же мне несколько наставить вас, ибо я обладаю немалым опытом выживания в данной местности. Начну с самого важного. Здесь водятся призраки, скоро вы их встретите. Да-да, это так. Догадываетесь ли вы, дорогой господин Куперовский, какие жгучие тайны, мрачные легенды, кровавые преступления хранит короткая, но бурная история Соединённых Штатов? Если бы призраки прошлых лет свободно перемещались в пространстве, то вряд ли среди граждан этого государства хоть кто-либо был бы в здравом рассудке.

— По-моему, они и без того ... — начал Лёва, но майор сухо прервал его:

— Вы не правы. Вы гость и не слишком разбираетесь в обычаях сей земли. Во всяком случае, к счастью для Америки и к несчастью для вас, они десятилетиями концентрировались и накапливались здесь, в этой исполинше, в которой воплотилась душа породившей их страны. Среди них есть опасные (в частности, Снайпер, ну да его вам никак не избежать), неприятные (парочка вампиров, держитесь от них подальше, если, конечно, не жаждете жить вечно; но даже они сами жалуются на однообразие диеты, которой вынуждено ограничиваются), надоедливые (кости Сэма Висельника стучат так громко и, главное, нерегулярно, что невозможно уснуть, и потому поблизости от его дуба никто не хочет селиться; а Мэтью Бойз, Чикагский Потрошитель, — сама скромность, но уж очень воняет газом), незаметные (как Лунная Девушка, которую

никто никогда не видел) и даже милые (вроде Веселого Джона, которого, правда, недолюбливают некоторые дамы, ибо истории с ним приключались в бытность карибским пиратом весьма причудливые, а рассказчик он искренний и донельзя подробный; или Рыжего Кокни, этот парень своими анекдотами готов засмешить вас до смерти — в буквальном смысле слова, такие случаи уже бывали, с новичками, в основном). Однако при определённых обстоятельствах даже лучшие из них способны стереть вас в порошок, разорвать на части, свести с ума или погубить вашу душу. Понимаете, в их положении так мало развлечений... Короче — будьте бдительны. Никогда не снимайте крест, по-видимому, это помогает, есть примеры.

— У меня нет креста, — робко промолвил Куперовский.

— Ах да, вы же из России. Дикая всё-таки страна. Недавно двоих ваших эмигрантов Сфинкс сожрал. И вопрос-то был простенький, из Книги Царств, все знали, кроме них, но подсказывать запрещено, да и бесполезно — не услышат. Съел. Вот так-то, господин Куперовский, Ну что ж тогда вам посоветовать — молитесь. И зовите меня, если что. Окажусь поблизости — приду. А теперь — честь имею кланяться. Там в углях печёная картошка — поешьте. Крепитесь, всё не так уж страшно. Надеюсь, что при нашей следующей встрече вы ещё будете живы.

— До свидания.

Майор порывисто вскочил и вскоре исчез во тьме. Уже издали донесся его голос:

— И запомните: если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот.

...Звонкий выстрел, за которым последовал второй, разбудил Куперовского. Стало заметно светлее: то ли солнечные лучи пробивались через невидимые щели, то ли здесь имелось автономное освещение. Одновременно с третьим выстрелом, продемонстрировав приличное сальто, в пыли у ног Лёвы приземлился худенький невысокий старичок.

— Вам что, жить надоело? — яростно прошипел он. — Немедленно прячьтесь. Это же Снайпер! За мной, к большому камню ползком марш! Там передохнём.

Они укрылись за округлым валуном и с естественным облегчением услышали, как с другой стороны по нему щелкнула пуля. Каменная крошка осыпала им волосы.

— Три минуты можем посидеть спокойно, потом он сменит позицию.

— А где он? — с любопытством спросил Лёва.

Старикашечка показал, и Лёва, присмотревшись, узрел в заданном направлении как бы сгущение тьмы с двумя горящими пронзительно-жёлтыми точками вместо глаз и вполне материальным, хотя и старым ружьём в предполагаемых руках.

— Пора, — Лёвин партнер опрометью кинулся к колонноподобному образованию, Куперовский скакнул за ним.

У щеки пропела пуля.

— Фу, промазал, — выдохнул Лёва.

— Как же, жди, — язвительно усмехнулся старичок. — Стало быть, время твоё не пришло. Снайпер-то, он точно знает, кого ему надо, и тут уж никогда не промахнётся и даже не ранит. Сразу наповал! От него никто не уйдёт!

Чувствовалось, что Снайпером здесь гордились как местной достопримечательностью.

— Вот, гляди!

Недалеко от них долговязый мужчина в полной униформе британского джентльмена сложился, как ножик, и уткнулся в почву.

— Ну, конец, теперь до следующего раза. Денька через два-три.

Он устало полуприлёг, опершись на локоть.

— А почему же он столько раз стрелял в кого ни попадя, если у него есть точно намеченная жертва? — спросил Лёва.

— Это, милый, для создания атмосферы террора и насилия. У нас иначе нельзя. Без этого мы закоснеем, дорогой ты мой, обленимся, зарастём жирком, и тогда уж от Красной Девы точно не уйдём. А он нас в здоровом теле держит, Снайпер-то, помогает сохранить форму. Так что мы ему благодарны должны быть, ежели по совести.

— Погодите, — Лёву заинтересовал ещё один момент. — А чего же мы метались, пыль носами рыли, если он всё равно в кого хочет — не промажет?

— Так я ж тебе говорю: на пользу это нам. И вообще — входит в условия. В правила игры. Ты ко мне лучше не приставай, не допытывайся. Ты кого поумнее спроси.

— Майора, что ли?

— Можно и майора. А я человек простой, делаю, как велено, как принято, как все, и живой-здоровый пока, чего и тебе желаю. А меня в покое оставь. Давай насчёт видов на урожай поговорим. У меня на него хорошие виды, хоть и нет его здесь вовсе, урожая-то. Или, если хочешь, про погоду. Как полагаешь, что там, снаружи: дождь или, напротив, ведро?..

Не дослушав, Лёва пошел куда глаза глядят. Интересно, что во время всех прогулок здесь он ни разу не наткнулся на стены. Пространство внутри Свободы представлялось неисчерпаемым.

Навстречу Куперовскому вышла милостивая девушка в чём-то домотканом с узором в виде сцепившихся клювами белоголовых орланов, кое-где дополненных ликами Линкольна, Вашингтона, Джефферсона и других. "Надо же, — подумал он, — а я всегда считал, что национальная американская одежда — это джинсы".

— Послушай, — ласково произнесла незнакомка, — ты морально устойчив? Только честно скажи, а то бушует СПИД, а я девушка неопытная, но благоразумная.

— Да, — убеждённо ответил Куперовский, который в общем и целом и был таковым, порой к явной невыгоде для себя.

— Тогда поцелуй меня, а? Очень нужно.

— А вы что, в прекрасную принцессу обратиться хотите? Но и сейчас вроде не лягушка...

— Ну, в кого я там превращусь, — это уж моё дело. А ты бы просто облобызал, без задних мыслей. Чмокнул бы от души, и вся недолга. Или у тебя проблемы с гетеросексом?

— Нет у меня никаких проблем, — чересчур решительно объявил Лёва.

— Ну тогда действуй. Чего тянуть? Или не нравлюсь? Так я как будто бы вполне апильная по этому делу. Все подтверждают, никто целовать не хочет. Вот и хожу нецелованная... — девушка явно нацелилась всплакнуть. — Значит, не будешь?

— Вы понимаете, — смущенно зарделся Лёвушка, — я так сразу не могу. Мы только несколько минут назад встретились. Мама учила меня не вступать в серьезные отношения с малознакомыми женщинами.

— Тогда пеняй на себя, — резко обрубил разговор девушка.

Её глаза загорелись алым вожделением; рот перекосялся и распахнулся до середины обнажившейся груди; зубы зашевелились, выскочили из челюстей и бросились к Лёве, на бегу для устрашения попарно клацая; руки чудовищно удлинились и, извиваясь, аки змеи, принялись отсекал Куперовского по флангам и с тылу. Критическое положение, в которое столь скоропалительно был поставлен наш герой, обличало в девице стратегический талант.

— Ну хорошо, хорошо, — успокоительно сказал Лёва, увёртываясь от загребущих рук, — я поцелую. Но помните — это легкомысленно и может увлечь нас на дурной путь, даже привести к добрачной связи.

— Поздно, — прорычало чудовище. — Раньше надо было думать. А теперь я тебя съем.

Лёва осознал, что эта перспектива вполне реальна. Неожиданно сильный рывок выхватил его из живого кольца верхних конечностей разбушевавшейся девственницы.

— Бежим, — гаркнул ему в ухо майор, и они понеслись что есть мочи. Однако умелые ручки не отставали и, образно выражаясь, дышали Куперовскому в затылок.

— Ну, ничего не поделаешь, — вздохнул майор. — Придётся через четвёртое измерение. Закройте глаза и представьте себе, что вы жаждете спастись.

— Это нетрудно вообразить, — сказал Лёва.

— И держитесь за меня покрепче, — он протянул свою ладонь. — Раз, два, три, старт.

Куперовский открыл глаза. Ни девицы с руками, ни майора не было. В трёх шагах от него на пригорке неистово тосковал до неправдоподобия широкоплечий мужчина лет сорока пяти. Он катался по земле, кидался на камни, душераздирающе рыдал, рвал на себе волосы и остатки костюма. При этом он, однако, не касался блестящего щегольского цилиндра на насильственно лысеющей голове, а когда он раз упал по неосторожности хозяина в пыль, тот мгновенно подхватил его, тщательно почистил и водворил на место.

— Что с вами? — спросил сердобольный Лёва. — Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— О-о, — простонал человек в цилиндре, — кто во всей Вселенной в состоянии облегчить мои муки?! У меня была дочь. Хрупкое создание лет трех, пяти, семи, пятнадцати, двадцати и так далее, по мере передвижения наших бессмертных, как принято считать, душ и смертных тел по реке времени в одном, о, только в одном направлении. Где тот герой, тот мощный пловец, кто рискнул бы и сумел повернуть против течения или хотя бы добраться до берега? Не было такого смельчака за всю историю Адамова рода и не отыщется вовек. И лишь я, гордый своей учёностью и полный самодовольства, дерзнул бросить вызов Небесам. Я решился проникнуть в суть хода времени, этого будильника, заведённого Неведомым нам на погибель. Мне казалось, что я уже начинаю понимать законы функционирования чудовищного механизма, я углублялся в самые его недра, дабы... дабы сокрушить его и остановить бег Хроноса! Я сейчас не буду задерживаться на технических подробностях, скажу лишь, что долгие дни и недели я проводил в лаборатории, окружённый причудливыми аппаратами, колбами и ретортами, в которых бурлили и смешивались жидкости фантастических цветов, инкунабулами и фолиантами, в коих ярились, клокотали и в бессилии опадали строки давно истлевших и ныне живущих авторов. И всегда, постоянно рядом со мной была моя дочь, моя нежная, хрупкая... но об этом я уже говорил... моя Папайя. Она помогала ставить кощунственные опыты, она дышала ядовитыми миазмами, она разбирала блеклые строки еретических книг. Она отказывала себе во сне, в отдыхе, в естественных радостях пылкой юности. Впрочем, она никогда и не была пылкой, моя девочка, она даже в детстве не смеялась легко и беззаботно и уже в раннем отрочестве стала такой, каковой пребывала до последнего часа: мечтательной, погружённой в свои думы, грустной, печальной, меланхоличной, унылой, скучной, занудной. И по мере того, как мои труды, мнилось мне,

близилась к финалу, она теряла силы, сохла, таяла, гасла, как свеча, а я, напротив, креп, свежел, наливался мощью (видите, какие плечи?). Я, как вампир, пил её жизненную энергию и не замечал сего. И настало утро, когда она не проснулась, не встала медленно, как обычно, с кровати, не подняла на отца знакомый мрачный взгляд. Все краски мира разом померкли для меня. Я бросился к ней, я целовал её лоб, щеки, глаза, плечи, грудь, но она была недвижима. Я проклял и забросил свой труд, взорвал лабораторию, сжёг замок, перерезал всех слуг, их малолетних детей съел живыми, а жён и дочерей изнасиловал и сбросил с ближайшей скалы в безбрежный океан. Но это не утешило меня. И я похоронил её, мою Папайю!

— Не могу ли я вам хоть чем-то помочь? — участливо повторил Лёва.

— Можете, можете! Я похоронил дочь, свою Папайю, я заколотил её в гроб, погрузил его в саркофаг, а саркофаг закопал в нашем фамильном склепе на глубине трёх метров. всё это я проделал один, но с тех пор каждую ночь я вижу ужасные сны, я слышу треск и грохот, я впал в тоску и отчаяние. Я чувствую, что похоронил её заживо! Добрый путник, спаси меня от доли хуже смерти! Помоги мне вырыть её или, клянусь Небом и Адом, я убью тебя! Могу ли я, милостивый государь, рассчитывать на вас?

Куперовский, который в подобной ситуации никогда не отказывался помочь ближнему, согласно кивнул и непроизвольно икнул, не найдя подходящих слов.

Над заброшенным сельским кладбищем плыла по небу луна. Порой ветер заволакивал её отчетливо видимыми рваными тучами, но ненадолго, и она вновь вперяла в пустошь круглое красноватое око. Были волки. В тёмном углу, куда не доставал лунный свет, что-то грызли с причмокиванием. Над могилой шагах в тридцати, полуприкрытое поднимавшимся от земли туманом, покачивалось нечто белое. На горизонте угрожающе и тревожно сгустился лес. Слышалось хлопанье крыльев невидимых птиц. Безутешный отец шел сзади, горестно стеная. Обе лопаты он, не поддавшись на уговоры Лёвы, нёс сам, заявив, что это его долг перед памятью безвременно заживо похороненной дочери.

Склеп вырос тёмной грудой из тумана столь неожиданно, что наш герой набил себе шишку о большого чугунного беркута над дверью.

— Наш фамильный герб, — с гордостью сообщил широкоплечий. — Именно гигантский беркут, согласно легенде, в полночь 13 ноября 1389 года растерзал моего предка, графа Гуго фон Вютцбурга, убийцу и растлителя невинных дев. С тех пор каждые сто лет в то же время он является, чтобы унести в Геенну главного представителя рода.

— Но ведь 1989-й уже вот-вот, — глупо пробормотал Куперовский.

— Жду, — просто ответил его спутник.

Склеп пребывал в запустении, паутине и разбросанных черепах. В углу за прикованным скелетом в обрывках мундира конфедератов выделялся прямоугольник свежевскопанной земли. Граф первым вонзил лопату в почву. Видимо, в прошлый раз им действительно владело нечеловеческое отчаяние, потому что даже вдвоём работать пришлось долго и трудно. Пот заливал Лёве глаза, но упрямство требовало не останавливаться. В какой-то момент он обнаружил, что Вютцбург исчез, однако продолжал труд в одиночку и наконец очистил от земли саркофаг. Неверный свет луны пал на три полосы меди, оковывавшие его. Кто-то заухал за окном, мелькнула летучая мышь, во мгле зажглись мириады желтых глаз. "Мы ждем", — глухим низким голосом произнёс некто. Первый обруч со звоном лопнул. Тяжкий удар сотряс саркофаг изнутри, и второй обруч зазмеился трещинами и распался на куски. Пророкотал гром, и третий обруч рассыпался в пыль. Мелькнувшая молния осветила толстую каменную плиту, перекрывавшую саркофаг, которая сама по себе взвилась в воздух и рухнула к ногам Куперовского, едва не отдавив ему палец. Открылся взгляду прочный дубовый гроб, сделанный на века и с любовью. Вколоченные в него гвозди отлетели один за другим, стенки упали, и из саркофага поднялась, держа крышку гроба в руках, измождённая высокая блондинка в окровавленных клочках савана. Её впалые глаза горели фанатическим огнем. "Где граф? — хриплым полушёпотом произнесла она. — Отец, собирайся, я пришла за тобой". Она перевела взгляд на Куперовского и, безумно захохотав, шагнула из гранитного ложа. "Ну а теперь будешь целовать?" — спросила она, подходя ближе. Лёва, ощутив на лице ледяное дыхание, вышел из столбняка и бросился бежать. Порог склепа оказался слишком высоким, и он кубарем покатился в разверстую могилу, а белёсый призрак склонился над ним. Лёвушка в ужасе зажмурился...

Когда он открыл глаза, уже было утро. Он лежал на земле, заботливо укрытый каким-то тряпьем. "Ну и сон", — поёжился он, привстал и, как ударенный током, отпрыгнул в сторону. Рядом с ним храпел, пуская слюни, отвратительный недомерок. Его веки лишь наполовину прикрывали глаза, и даже во сне он пялился на мир мутными бельмами. Брови и ресницы отсутствовали. Кривой нос свернулся на сторону. Губы изогнулись в кретинической ухмылке, обнажая острые и длинные, но здоровые до безобразия зубы, среди которых не имелось и двух одинаковых. Уши тоже были разной величины и всё время шевелились. Руки, оснащённые шестью неприятно гибкими пальцами, доставали до колен. Ноги, напротив, были короткие, правая к тому же сухая.

— Что за урод? — прошептал Лёва.

— Жертва эксперимента, — ответил бесшумно подошедший майор, опускаясь на пенек рядом с лежбищем Куперовского. — Выводили тип идеального избирателя. Отбирали генетический материал, скрещивали, замораживали, облучали. Кое-что получилось: слышит хорошо, видит только то, что следует, голосует как надо, всегда счастлив. Размножается бюллетенями и через телевизор. Однако никому не нравится. Конгресс его отверг, видимо, будем поставлять на экспорт. А вот, полюбуйтесь, интересный экземпляр.

Недалеко прошел некто гигантского роста, бесформенный, но на двух ногах, облачённый не то в рубище, не то в саван алого цвета, громко крича что-то неразборчиво призывное.

— Призрак коммунизма, прошу любить и жаловать. Давно умер, но оптимистичен и бодр. Вряд ли когда-либо успокоится в бозе, ибо в Бога не верит. Страдает призрачными надеждами на победу в мировом масштабе, но что будет делать потом — не знает. У нас погостил, теперь в Европу направляется. Ну, извините, мне пора, а с вами, кажется, хочет побеседовать этот милый джентльмен.

Лёва оглянулся. Рядом с ним стоял неуловимо знакомый мужчина с обожженным лицом, в широкополой шляпе, кожаном костюме и кожаных же перчатках, правая из которых заканчивалась пятью сверкающими лезвиями. В данный момент он был занят тем, что точил их о кусок колючей проволоки. Увидев, что Куперовский обратил на него

внимание, он приосанился, одернул пиджак и вообще попытался придать себе более значительный вид, что ему плохо удалось.

— Не узнаёшь? — с вызовом произнес мужчина.

— Нет, вроде бы, — с сомнением сказал Лёва, — хотя мы явно где-то встречались. Вы, случайно, не учились в К-ском университете?

— А где это? — поинтересовался когтистый.

— В России, — ответил Лёва после тщетной попытки мысленно определить более точное расположение К-ни для человека, который явно считает, что Азия расположена в Австралии.

— Нет, — с сожалением сказал его визави, — я там не учился. Я вообще нигде, по-видимому, не учился. И в России, кажется, не бывал.

— Зря, — сказал Куперовский.

— Я тоже так думаю, — согласился обожженный.

Помолчали.

— Ну ладно, — прервал паузу Лёвушка. — Я пошел. Приятно было побеседовать. Заезжайте к нам.

— Не премину. Да, мы же не познакомились. Фредди Крюгер. Садист, маньяк, inferнальная личность. В общем-то — свои ведь люди, чего же скромничать — живой мертвец.

— Лёв Куперовский, турист из России, — и Лёва протянул ладонь для пожатия.

Сверкнули выпускаемые на всю длину из перчаток лезвия.

— Дай пять — сделаю десять, — хищно ухмыльнулся Крюгер.

Лёва отдернул руку. Фредди разорвал на себе майку с изображением эстрадного тезки. Из его груди, натягивая кожу до опасного предела, лезли, разевая в беззвучном крике рты, маленькие, но явно человеческие головы.

— Видал? — хвастливо заявил Фредди. — Я их уже поглотил. У меня там собственный филиал ада. Как мучаются-то, а? Ах, вы мои хорошие, развратнички вы мои обоеполые, пьянички мои, наркоманчики, нимфоманочки. Особенно нимфоманочек обожаю, — поделился он с Куперовским. — У них такие сочные воспоминания, интимные моменты, сокровенные переживания — ух! Но и для русского путешественника место найдётся. Давай добровольно, а?! Потом побазарим, внутри. Там у

меня внутреннее "я" — нежное, ранимое, деликатное. Оно, кстати, вегетарианец и романтик, но с бурными воспоминаниями обо мне, внешнем. Ты с ним найдёшь общий язык, оно тебе порасскажет.

И он поиграл когтями, рассыпая их сверкающим веером.

— Погодите, — остановил его Лёва, — но вы ведь, кажется, специализируетесь по детской аудитории? Вот и занимайтесь соответствующим контингентом. А я выбыл из игры по возрасту.

Куперовский повернулся и пошёл своей дорогой. Крюгер некоторое время тащился следом, ныл про неурожай детей в здешних местах, про демографический спад в западном мире в целом, недород и голод, ругал контрацептивы и некоего режиссера, искажившего его облик до недостаточной страхолюдности. В конце концов, взвыв: "У-у, буквоед проклятый! Сразу видно, что у вас там бюрократы и ревизионисты у власти. Правильно китайские товарищи говорят", — отстал. Видать, отправился искать тинэйджеров.

Лёва, задумавшись, брёл, не зная куда. Неожиданно справа по курсу проявился майор.

— Ах, как вы неосторожны, — покачал головой Лёвин ангел-хранитель.

— А что такое? — изумился Куперовский. — Если вы насчет этого... уличного кошмара, то я от него уже отделался.

— Ну что вы, — улыбнулся майор, — Фредди — существо милейшее, с массой комплексов, отягощённой наследственностью и мрачными воспоминаниями. А вот что вы скажете относительно Снайпера? Он, очевидно, выбрал жертву.

И он указал налево, где Куперовский обнаружил меткого стрелка, который, судя по всему, уже минут десять удерживал его в сфере действия своего ружья. И целился киллер явно не в майора, который потому и падать на землю считал ниже своего достоинства, тем более — местность была ровная, открытая, и это всё равно бы не помогло.

— Значит, что же — конец? — прошептал Куперовский.

— По-видимому, друг мой. Но не стоит расстраиваться: там, за Порогом, возможностей куда больше, чем здесь. Не исключено, что недели через две вы вернетесь к нам уже в ином качестве.

— Стало быть, всё решено, и спастись нельзя?

— Дорогой друг, вам ведь разъясняли, кажется, суть проблемы в аспекте выбора Снайпером цели и перспектив последней?

— Но как же случилось, что он до сих пор меня не убил, когда я был в его власти?

— О, но вы же не знали об этом, а Снайпер не действует, пока жертва не осознает неизбежности рока.

— Выходит, если я не буду думать о нём, то он и не выстрелит?

— Получается так. Но увы, молодой человек, это было несложно, пока вы не осознавали его присутствия, но попробуйте-ка сейчас. Разве вы не слышали восточной байки о белой одногорбой верблюдице?

— Зачем же вы указали мне на него? — в сердцах воскликнул Куперовский.

— Ну, дорогой мой, я не мог выдержать, видя вас, ничего не подозревающего, под губительным прицелом. Кроме того, на ваше несчастье, таковы правила игры.

— Опять эти правила! — разозлился Лёва. — Неплохо было бы предварительно их разъяснить.

— О, но тогда играть стало бы неинтересно. Ну, извините, у вас дела, а мне пора, — и майор церемонно удалился.

Куперовский перевел взгляд на Снайпера. Тот клубился, держа оружие наизготовку, ждал. Лёва неожиданно для себя истошно закричал и кинулся на убийцу. Сухо щёлкнул выстрел, и падая к ногам (ногам? скорее — основанию) Снайпера, наш герой успел крикнуть:

— погоди, давай ещё раз!

— Ну давай, — прогремел голос, идущий, казалось, отовсюду, и в нём послышалась насмешка.

Лёва вновь стоял на ногах, и опять в него целились. Он зажмурился и пошёл, пытаясь думать о чём угодно, хотя бы о пресловутой верблюдице, только не о... Пуля снова прокомпостировала многострадальный Лёвин организм.

— Попробуем ещё? — ехидно осведомился голос.

— Да!

У него получилось на девятнадцатый раз.

Как итог сего прискорбного случая, сознание у Лёвы не то, чтобы отключилось, но включилось не полностью, и события, происходившие в последующий период — даже продолжительность оного он не смог мне указать, от двух-трёх дней до нескольких недель — отпечатались в его воспоминаниях обрывочно, без начала и конца, как бы высвеченные стробоскопом.

Вот вместе с одноногим, одноглазым и вообще сильно недоукомплектованным моряком он, разметая орды краснокожих дикарей и расплачиваясь с ними скальпами и телами спутников, спускается в тайную пещеру за сокровищами, коих там нет, зато наличествует полупомешанный колдун, который дёргает за золотую блямбу на железной цепочке, и сверху на незваных визитеров обрушиваются тонны воды. Как они спаслись и спаслись ли вообще, Лёва не помнит.

Вот уже с другим человеком — тоже, судя по всему, моряком, ибо его все именовали шкипером — он подходит к древней гробнице, оснащённой запретительной печатью с заклятьем; шкипер срывает печать и топчет её ногами, и они проникают в главную камеру, где среди драгоценностей и полуистлевших шелков возлежит покрытая пылью тысячелетий мумия. Когда они приближаются, мумия встаёт, поднимает пергаментные веки и смотрит, смотрит, смотрит на них долгим взором, в котором отчаянье, тоска и ужас иных пространств, и, раздвинув в чудовищной ухмылке оскаленные челюсти, шепчет, почти не шевеля бесцветными морщинистыми губами:

— А, это вы, голубчики, а я вас давно жду. Ну, теперь я от вас не отстану.

И хотя она произносит вышеприведенный спич на не ведомом даже оксфордским профессорам языке, они понимают каждое слово, основная масса ретивых кладоискателей сыплется на пол от разрыва сердца, а шкипер мгновенно седеет и становится зайкой на всю жизнь.

Вот Куперовский восседает за пышным столом и потребляет салат с маринованными трилобитами, а некий обманчиво-простодушный

толстяк по кличке Хлебосольный Гарри глотает живьём уже третьего поросенка, чтобы позабавить и поразить почтеннейшую публику и отвлечь внимание от своего слуги. Между тем последний обходит присутствующих, добавляя им отравы в вино и заодно освобождая пояса от уже не нужных хозяевам кошель. Напротив Лёвушки сидит пленительная дева с загадочными глазами и во фригийском колпаке. Они оба видят маневры слуги, но всё-таки, чокнувшись, осушают кубки, причём выпитое зелье на них никак не действует, и прелестница наклоняется к моему герою через стол и говорит:

— Поцелуешь или нет, я не знаю прямо?! — Но тут яд вступает в реакцию с соками организма Куперовского, и он валится под стол, на трупы ранее выбывших гостей.

Вот Лёва обнаруживает себя среди маленьких зеленых человечков в летающей тарелке, прибывшей с Сириуса со зловредной целью уничтожить всех землян, кроме Куперовских, но нашему маленькому Льву не нужны односторонние преимущества и, выждав момент, он бьёт кулаком по красной кнопке, открывающей доступ в корабль гибельной для пришельцев земной атмосфере.

Вот Лёва бежит по крыше небоскрёба, едва уворачиваясь от маньяка-каннибала. Но этот день явно неудачен для извергов, и преследователя в последнюю секунду убивает громом с ясного неба, сам же Куперовский оказывается в гигантской пятерне чудовищной гориллы, которая к тому же в другой лапе сжимает остро наточенную бритву, окровавленную, с прилипшими длинными седыми волосами. Слишком поздно обезьяна осознает, что ей, за неимением хвоста, нечем держаться за стены, и животному не остаётся иного варианта, кроме как полететь вниз с высоты Эмпайр Стэйт Билдинг.

Лёва между тем попадает в лабиринт. Стены лабиринта исполнены в современной манере, из стекла и алюминия с вкрапленными через каждые сто метров обширными телеэкранами (однако — изощрённый садизм — или вовсе не работающими, или передающими на бенгали отчёт о сессии исландского парламента), и украшены каллиграфически воспроизведёнными изречениями вроде: "Погружаясь в себя, не забудь оставить вещи на берегу. Вдруг кому пригодятся? Конфуций", "Открывая

бутылку, соблюдай меры безопасности. Мало ли что. Сулейман ибн Дауд" или "Всякое дело надо делать с любовью. Маркиз де Сад". Кое-где шевелятся телекамеры — за Куперовским наблюдают. Под ногами попадаются самые разнообразные предметы: старинные монеты, скальпели, проржавевшие сейфы, станки для печатания фальшивых банкнот, растрескавшиеся черепа, дамские кружевные панталоны, искусственные челюсти, книги Кортасара и Шекспира, баллоны со слезоточивым газом, бейсбольные перчатки, комиксы... Куперовский потерянно бредёт куда-то, зная, что за ним крадётся гигантский паук — отвратительный, грязный, мохнатый, со жвал его капает ядовитая слюна, а на лапах висят клочья паутины. Впрочем, сам Лёва преследователя не видит, но всё время слышит позади нарастающую трескучую поступь. И хотя уверенность его в наличии чудовищного насекомого вполне может оказаться ложной, наведенной, но сама мысль о проверке интуитивных предположений практикой приводит Лёвушку в дрожь, и, запаленно дыша, он ускоряет шаг, почти бежит, однако и тот наддаёт. Погоня вступает в критическую фазу, на сцене гаснет свет — остальное, по мысли неведомого постановщика, должно происходить во мгле — но тут чья-то маленькая ладошка доверчиво ложится в руку Куперовского и властно увлекает его в не замеченный им боковой туннель, направо, налево, направо — Лёва теряет ориентацию — и они уже в сводчатом средневековом зале, с рыцарями и канделябрами по углам. Это, конечно же, опять барышня, в розовом воздушном платье и с газовой косынкой на пышных белокурых волосах, и Лёва, вздохнув, покоряется судьбе и целует её в пухлые нежные губки. Раздаётся возмущённый вскрик и звонкая оплеуха, зал пропадает, и Куперовский обнаруживает себя в чреве Свободы визави с майором.

— Поцеловал всё-таки, — сухо спрашивает майор.

— Да, — говорит мой приятель и по всегдашней привычке пытается объясниться. — Понимаете, никак нельзя было не поцеловать, очень уж настойчивая попалась...

— Ну, тогда не обессудь, — и майор превращается в грозного четырехрукого исполина, каждый палец на ноге которого раза в полтора больше нашего героя.

— Кто ты? — шепчет Лёва.

— Я? Я — майор, то есть самый главный здесь! — хохочет гигант. — Я — гений этой местности, и я — твой смертный час. Смотри, как я бью.

Он замахивается, и кулак со свистом рассекает воздух и врезается в Куперовского, но тот не ощущает ничего, кроме легкого толчка, а титан, едва коснувшись Лёвушки, с волшебным звоном лопается, как мыльный пузырь.

И опять Лёва попадает в неравноправную кампанию, на сей раз перед ним дама-великанша, сама Либертэ, или, скорее, ее образ, дух, колеблемый налетевшим с востока ветром.

— Ну что, — говорит она, — пора, пожалуй, прощаться. Везде ты у меня был, всё видел. Вопросы какие-нибудь остались?

— Да, — сказал Лёва. — Это вас я, извините, целовал? То есть сначала, из осторожности, не хотел, однако...

— Догадливый, — усмехнулась Свобода. — Меня, конечно.

— И зачем вам, если не секрет, это было нужно?

— А может быть, как раз секрет? Имею же я право на женские тайны, не хуже любой-всякой. Кстати, разве тебе неизвестен девиз нашего времени: "Много будешь знать — скоро ликвидируют?" Ладно уж, всё-таки за последнее время не совсем чужие стали мы друг другу, кое-что ты во мне понял, что-то и я в тебе, поэтому признаюсь. Сексуальные комплексы свои я через тебя замахнулась изменить, либидо одолеть и отклонения изжить, да не вышло ничего.

— У вас проблемы? — в обретенном американском стиле, но по-русски жалостливо спросил Лёва. — Я могу что-то для вас сделать?

— Да говорю же: пыталась я уж тебя использовать. Не вышло. Ты ж видишь, какая я дура каменная уродилась, а тоже баба, тоже любви хочется. Как в самую пору пришла, окинула мир оком — а на всей планете никого с меня ростом нет. Маялась я, дорогой мой, долго, пока вы Родину не соорудили мне под пару. Та хоть и мать, но тоже одинокая и неудовлетворённая, вот и устроили мы с ней связь через астрал. Такова наша доля грустная, розовые мы теперь обе, не по склонности, а по необходимости, хоть с Фрейдом консультируйся, хоть как. Что ж вы Дворец Советов не соорудили, а? Там на крыше такой Ленин намечался, зажили бы мы, бабоньки, с ним втроем по-шведски, тихо да ладно. А так — тьфу, позор один. Я вот эксперимент с тобой сделала: вдруг смогу с недомерком? Нет, не получилось, не поднимается ничего в душе, не распускается, не шелестит, не плодоносит. всё теперь ясно тебе?

Лёва кивнул.

— Ну ладно. До нескорого свидания. Если увидишь где мужика мне хоть по плечи — пиши. Вдруг я проглядела. Но ему не говори, а то всё испортишь. Женщины, чтоб ты знал, берут мужчин приступом, используя фактор внезапности. Во всяком случае, такие дылды, как я. Привет Матери передавай.

— Маме? — ошарашенно спросил Лёвушка. — А откуда вы её знаете?

— Родине, бестолочь! В общем, пока.

И Куперовский покатился кубарем сквозь измерения, эфирные пространства и астралы. Когда он очухался, его крепко держали за локти двое в белых халатах.

— Ты откуда, парень, такой встрёпанный? — спросил схвативший правую руку.

— Из иных пространств, — меланхолично ответил Лёва; от свалившихся на его голову за последнее время испытаний он немного, как теперь говорят, сдвинулся по фазе. — Только что я разговаривал с призраком вашей и нашей Свободы.

— Так, — сказал тот, что обращался к Куперовскому. — Надо же, за три года на этом месте подбираем уже девятого. Как думаешь, Джек, его в ту же палату?

— Нет, — покачал головой Джек, — этот тихий. Его к дуракам можно.

И они повели больного к машине. Оглянувшись, Лёва увидел, как статуя раскалывается на две части вдоль взявшейся откуда-то трещины и обломки погружаются в океан. К счастью, это ему просто показалось.

...— А не сможете ли вы, мистер Куперовский, перечислить мне основные особенности логической машины Тьюринга? — вопрошал, величественно возвышаясь над столом, знаменитый профессор Скотт, специалист по маниям и фобиям.

— Нет, собственно, — засмутился Лёва, пытаясь при этом попасть в тон собеседнику. — Я, видите ли, не готовился к нашему разговору. Если бы знать...

— Ясно. Пишите, коллега, — это он уже обращался к ассистенту, скромно притулившемуся сбоку, — "идиотизм", — присмотревшись к Куперовскому, он несколько смягчился и уточнил. — "В ранней стадии".

— Возьмём предмет попроще, из общеизвестных. Например, как вы относитесь к идеям Маркузе?

— Собственно говоря, я... — и Лёва понуро умолк.

— Отметьте, коллега: "...быстро прогрессирующий, отягощённый отказом от контактов с миром".

— Насколько часто вы занимаетесь самоудовлетворением?

— То есть? — не понял смысла наивный Лёвушка, вообще плохо воспринимающий эвфемизмы, впрочем, стесняющийся и прямых разговоров о некоторых явлениях, ими прикрываемых.

Профессор объяснил, Лёва побагровел и затряс головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Записывайте: "Проблемы в половой сфере. Судя по всему, пониженная потенция".

Лёва вскочил и протестующе замахал руками. Властным мановением длани Скотт вновь усадил его, а санитаров тем же движением вернул на их посты к дверям.

— Любите ли вы свою мать, мистер Куперовский?

— Да.

— И в детстве любили?

— Да, конечно.

— А с отцом у вас не случались порой трения?

— Ну, иногда бывало. Но я его тоже люблю. И слушаюсь, — быстро добавил Лёва, стремясь не быть уличённым в непочтении к родителям.

— "Эдипов комплекс в классическом проявлении".

Лёва возмущённо вскочил, выкрикивая что-то нечленораздельное. Он позже утверждал, что упоминал при этом маму профессора, как в отрицательном, так и в страдательном смыслах, но я, зная Лёвину

воспитанность и болезненное отвращение к нецензурной брани, не верю его заявлению, посему оставляю, как написал выше: "нечленораздельное".

— Гм, это уже не в первый раз. Зафиксируйте: "Обидчив, вспыльчив. Весьма агрессивен".

Лёву увели.

В тот же вечер ассистент, угощая в местной столовой ужином интерна Лиззи, которую он успешно подвергал соблазнению путём совместного обсуждения анамнезов и диагнозов, завершил описание "случая Куперовского" следующим образом:

— Но, как ты сама понимаешь, всё это ничего не значит. В конце концов, половина Америки уже сошла с ума, а вторая половина — на пути к тому. В итоге основанием для госпитализации послужили его настойчивые утверждения, что он — русский турист. Даже когда его тащили в палату, он повторял это и обещал жаловаться. Кстати, ты его видела? Ну вот, тогда и ты со мной согласишься. Какой же он русский, когда за двести метров видно и слышно, что он еврей! Классический семитский тип. В общем, навязчивая идея, клинический случай. Симпатичный малый, но, по-моему, неизлечим.

— Как это печально, — сказала Лиззи.

Однако в сумасшедшем доме Лёва пробыл совсем недолго, да и то в основном в отдельной комнате с мягкими стенами, потому что считался особо буйным, избыточно свободолобивым и постоянно подбивал тихих помешанных на бунт. Как раз прошумели несколько историй с невозвращением из-за океана наших знаменитых спортсменов, и специальные товарищи из посольства занялись проверкой советских подданных, пребывающих в Штатах. Тогда-то они обнаружили, что гражданин Куперовский, отставший от своей тургруппы около года назад, как ни странно, до сих пор не попросил убежища у дядюшки Сэма. Поражённые этим обстоятельством, товарищи не пожалели усилий, агентов и долларов и в рекордные сроки отыскали Лёвушку в нью-йоркской психушке, где он в качестве интересного случая пользовался особым вниманием медиков. Освобождение его оттуда, снятие накопившихся разнообразных уголовных обвинений и доставка на родину на правах дипломатической почты было для нашей тогда ещё

сверхдержавы делом техники. Взамен мы тоже сделали для США какие-то мелочи — кажется, отпустили на волю страны Балтии. Или войска откуда-то вывели? Во всяком случае, в результате Лёва понял, как дорог он родному государству и как оно ему дорого. Он бы и до сих пор расплачивался, но, к счастью, удалось Союз развалить, и про Куперовского забыли. Так что у него, как всегда, всё хорошо кончилось. Чего и вам желаю.

ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ БЛОНДИН

*Приоритетному
Национальному Проекту «Образование» посвящается*

Кто я? Тварь ли дрожащая или персонаж некоего произведения? На Земле пребываю или в ноосфере пресловутой? А имеет ли сие значение? Всё разумное действительно. Я мыслю, следовательно, существую. Не ведаю я и того, кто ты, о Демиург! Однако, созданный Тобой, буду ревностно исполнять обет, сияние коего пребывает в душе моей. Узнай же, о Смотрящий за мной, что выбрал я уже, по заданию Твоему, объект, типичный для мира тварного, и тщательно вести буду наблюдение за оным, отправляя сквозь эфир донесения свои. То скрытно, то являясь пред ним во всевозможных личинах, буду держать его в поле зрения. И, спорадически изменяя ментальность мою, тщусь, по слову Твоему, явить Тебе объективную картину бытия.

Опасаясь, что струи электричества, пронизывая Космос, уничтожат определённую часть сообщений моих или даже примешают к ним злокозненный белый шум, льщу себя надеждой, что они пощадят главное, и Ты, в неисповедимой мудрости Своей, домыслишь утерянное и уязвишь добавленное.

Бог ли Ты, о Слушающий?! Для меня – да, ибо я – тварь Твоя!

* * *

Александр Сергеевич Пушкин, великий русский поэт, был очень смешлив. Бывало, проездом через деревню обрюхатит какую-нибудь селянку – и ну веселиться, ну в ладони плескать!

* * *

...И, сориентировав главную антенну, начинаю передачу. Объект мужского пола, возраст около 20 лет, телосложение крупное, спортивное, рост – 185 сантиметров 2 миллиметра с утра, 184 сантиметра 1 миллиметр вечером, средний вес перед началом поглощения пищи – 90 килограмм 383 грамма. Имя – Василий, фамилия – Ерофеев. Волосы светло-русые, прямые, средней длины, глаза голубые, лицо широкое, квадратное. Основной род занятий – начинающий богатырь (местная разновидность рыцаря обыкновенного), в данное время – абитуриент. Одет, по распространённой моде, в доспехи. Вооружён мечом. В розыске не числится. Страдает лёгкой формой ожирения, перхотью, эпизодически – энтероколитом. Вкусы в еде и напитках общенародные, в музыке предпочитает фольклор эстрадного происхождения. Курит. Связей, порочащих его, не имел, да и не мог иметь, ибо опорочить его ничто не в силах. На момент начала наблюдения проживает на открытом воздухе в пойме реки Маруськи. Робот ЭР-77 донесение закончил.

В добавление к предыдущему сообщению. Ровно в 15 часов 39 минут 43,7 секунды к объекту наблюдения (в дальнейшем – ВЕ) присоединился абориген мужского пола. На вид 22-23 года, субтильного телосложения, рост – 163 сантиметра 1 миллиметр, вес примерно 58 килограмм. Волосы тёмно-каштановые, вьющиеся, глаза карие, лицо овальной формы. Одет в туристическом стиле, вооружён сувенирным стальным кинжалом производства Китайской Народной Республики. При обмене приветствиями представился Львом Куперийским, взыскующим богатырского звания (ВЕ назвал себя Василием Громокипящим). Активно предлагал ВЕ немедленно выступить в совместный поход за славой, однако ВЕ, ссылаясь на отсутствие подорожной, согласия не дал. Приступаю к поиску дополнительной информации относительно вновь прибывшего субъекта. Робот ЭР-77 донесение закончил.

Согласно полученным сведениям, вышеуказанный Куперийский проходит по документации Богатырского Приказа как Лев К. Далее фрагментарно цитирую тайное резюме Приказа. «...В нарушение принятой процедуры, Лев К. явился не по представлению общественной организации или иного, заменяющего вышеупомянутую органа, а по личной инициативе. Домогался должности богатыря-стажёра. Характеристики первоначально не представил, однако по требованию младшего дьяка Перочинной К.В. явил оную в рукописном виде. Похоже, сия бумага была начертана Львом К. собственноручно, однако имела три разборчивые подписи неизвестных граждан с указанием должностей, почему и была принята. Утверждённым антропометрическим нормативам не соответствовал, вёл себя вызывающе, спорил с младшим дьяком Перочинной К.В. Ввиду невозможности ссылок на негласную инструкцию, заявка была принята и передана курирующему администратору, ведущему дьяку Морковкину Н.В. В течение 66 рабочих дней Лев К., алкая официального разрешения на совершение подвигов, заполнял под руководством куратора анкеты и производил иные потребные процедуры, однако затем исчез и в поле зрения Приказа в дальнейшем не появлялся. Предполагается, что приступил к несанкционированному героюству». Предлагаю зафиксировать Льва Куперийского как объект наблюдения номер 2. Ввиду усложнения задачи... Однако мои батареи... ...невозможности нормального функционирования... ..ние закон...

* * *

Во время войны с Наполеоном очень Пушкин французов невлюбил. Как увидит где француза – сразу вызывает на дуэль! А на дуэли – страсть: сабелькой размахивает, из пистоля палит, дым коромыслом! Сильно серчает. Но ежели не убьёт – мирится сразу, обоймёт, домой к себе приглашает, кофею с ромом поит, с женой своей Натальей Николаевной, первой русской красавицей, знакомит. Ну а коль убьёт – радуется, конечно, понятное дело. По дому скачет, шампанское хлещет, девок дворовых щупает и кричит: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

* * *

...– И что, ты здесь вот и живёшь? – спросил после трапезы Лев, описав рукой круг в атмосфере.

– Ну да, полгода уже. Хорошо, шатёр выдали, – степенно кивнул крупной головой Василий.

– И где же он? – недоумённо огляделся Лев.

– Вот, смотри, – Василий извлёк из дорожного мешка файл с листами формата А4, бережно разгладил на колене и протянул собеседнику.

– «Шатёр походный, б/у, одна штука», – прочёл Лев. – Ну и что?

– По документам проходит, стало быть, имеется, – ответил Василий, вытягиваясь на травке под проступающими звёздами. – Я его ещё потом на склад вернуть должен, так что ты там не очень. Поосторожнее, одним словом. Костра, смотри, дома не разводи, наружу выйди. Кстати, что это мы, будто неродные: «Василий», «Лев». Зови меня Васей или попросту Громокипящим, а я тебя буду Лёвой кликать. Али не по нраву тебе сие, коллега?

– Да ладно, пожалуйста.

– Так и порешим, стало быть, – резюмировал Вася, взбивая мешок и подкладывая его под голову. Вытянувшись во весь рост богатырский, он смачно зевнул и попросил:

– Слышь, Лёва, ты пока не лёг – полог закрой. А то дует что-то.

Вопль прорезал ночь, отразился от отдалённых холмов и, вернувшись, вырвал Василия из объятий Морфея (или кто там отвечал за сон у древних русичей?). То истошно орал его непрезентабельной внешности сожитель. Разбуженный, не успокоился он, а, охватив ладонями голову, горестно причитал:

– Убили! Застрелили! А он всегда был лучшим. Наивный, доверчивый... А его дважды... из пистолета... в спину... И – плюх! И – плюх!!! Нет, не в силах я выносить подобное, Базиль! Ухожу.

Вскочив и топча в темноте пожитки, представитель мелкой разновидности Львов судорожно одевался.

– А до утра оно не подождёт?

– Оно-то подождало бы, я не могу. Пепел агента Клауса стучит в моё сердце!

– Ну, ежели так – что ж поделать, – вздохнул невыспавшийся Василий. – И я с тобой.

– С дороги будем посылать отчёты о подвигах в Приказ. – решил Лёва. – Ежели мы геройства разные натворим, то нас наверняка в богатыри запишут. Это же естественно, не так ли, коллега?

– Да вроде бы так получается, – почесал репу Вася. – А как же всё-таки насчёт подорожной?

– А пошла твоя подорожная...

...Идохнул на них огнём.

– Нет, невоспитанное чудище, не одолеть тебе богатырей русских, – вскричал Василий и, с сомнением покосившись на Лёву, добавил. – И нерусских также. Дам я тебе в глаз, дабы очистил ты от своего неблагоприятного присутствия сей замок.

И с чувством исполнил обещанное, в то время, как Куперийский Лев, зарывав для храбрости и обежав дракона по широкой дуге, вышиб дверь ногой и ворвался в помещение, тут же запнувшись об ящик и в стеклянном дребезге обрушившись плашмя.

– Твою мать! – произнёс за него крупногабаритный соратник, вбегая следом и обзревая разрушения.

– Ну вот, – заканючил из-за спин героев монстр, – я же говорил, и там над дверью написано: «Пункт приёма стеклотары». А вы мне тут разнесли... Убыток, накладные расходы... Разорили, ограбили! Я жаловаться буду...

– Я те пожалею! – рявкнул Василий. – Сам навсегда перестанешь и потомкам запретишь кляузы мерзостные строчить! Зачем тебе бутылки, злокозненный ящер?

– А что тебе известно о метаболизме четвероногих огнедышащих, наглый смерд?! – вскричал дракон, но осёкся и, сменив от смущения цвет на фиолетовый, прошептал. – Ем я их. А потом, когда пламя выдуваю, из пасти забавные фигурки вылетают. Из гнutoго стекла. У меня уж три выставки были, в Манеже, и Терецели хвалил. Говорил, окромя его самого, я единственный ценный авангардист. Иностранцы охотно покупают, за евро. Но бутылки нужны целёхонькие, без трещинки, а вы мне тут сплошной бой посуды навалили. Возместить бы убыток-то.

– Ты опять?! – грозно осведомился Вася.

– Нет-нет, это я так, в порядке гипотезы.

– То-то. И, кстати, хозяин, бумага есть?

– Да, а что? – осторожно осведомился дракон.

– Справка нужна, что-нибудь вроде «Ерофеев В. и Куперийский Л. совершили геройский подвиг, очистив данное строение и прилегающую территорию от чудовища и нанеся ему решительное поражение».

– Но мы, вроде, не совсем очистили, – вмешался в процесс диктовки Лев.

– А в документе так лучше будет звучать. Глядишь, потом и былинку сочинят... приказом по Богатырскому Приказу. Давно мечтаю. Что застыл-то? Подпись, дата, печать.

– Чью подпись ставить?

– Твою, чудик. Не нашу же.

– А печать пункта сойдёт?

– Без разницы. Шлёпай! Будут они там разбираться, лишь бы была. С бумажкой, ежели она с печатью, ты человек и звучишь гордо. А без бумажки кто? Правильно – монстр. Спасибо, монстр, живи пока. Где тут поблизости почта, а то нам бы отчётик отослать? Лёва напишет. Лёва, напишешь?

И выйдя за порог и убрав документ во всё тот же файл, добры молодцы направили стопы к отделению связи, где, по обычаям нашим, от дедов заповеданных, не случилось писчей бумаги, и довелось им прогуляться до лавки канцелярской, в коей, распулав толпу селян отборной статью своей и бранью отважной, добыли-таки...

* * *

Очень царю Николаю Павловичу Первому Наталья Николаевна Пушкина понравилась. До того, что прямо ни спать не мог, ни кофий пить. Извёлся весь. И посоветовали ему назначить мужа её, поэта Пушкина Александра Сергеевича, камер-юнкером. А Пушкин давно хотел министром стать, но камер-юнкером ему обидно показалось. Всё, говорит, отныне на всех балах в присутствии царском буду мартышку изображать. И с той поры, что ни бал — Пушкин сразу забирается на стол и давай скакать, рожки уморительные корчить, бананами швыряться! Государь император хотел сначала Пушкина за каверзы расстрелять, а на вдове его жениться, да вспомнил случайно, что есть уже у него супруга. Ну, делать нечего, велено было высочайшим указом считать Александра Сергеевича Пушкина солнцем русской поэзии, а жену его, Наталью Николаевну, первой русской красавицей. На том всё и успокоилось.

* * *

...В очередной раз посадив в лужу стражника и не дожидаясь, пока он выжмет штаны, я ломанулась через кусты. Пусть ещё радуется, что остался с носом. Сторожу у склада давеча повезло меньше. Оторвавшись от назойливых сельчан, недовольных избранным мной методом перераспределения плодов земледелия и животноводства, я, наскоро

пробормотав заклинание ТР-перехода, материализовалась в чистом поле, аккурат возле стога, в котором уже намылились устроиться на днёвку эти двое. Забавная пара – ну чисто Пат и Паташон. Оба метали жадные взгляды на круг домашней колбасы и каравай у меня под мышкой, а тот, что поздоровее, – и на меня. Ну, ещё бы, ведьмочка-то я сексапильная. Однако сначала следовало бы познакомиться. Ну, уж если они такие скромники...

– Что, парни, языки проглотили? Спешу представиться: Нюшка Ахальная, выпускница Тетюшской Высшей Школы Магии, отличница учёбы, между прочим. Прохожу в здешних местах практику по хулиганству. Пакость никому не нужно сотворить? Пока что я свободна и возьму недорого. Учтите, обо мне мечтает сам повелитель каннибалов, а он мужик видный, в авторитете, настойчивый. Ой, чувствую, уж ежели отыщет – я буду вся его.

– Оприходуем и людоеда, – без особой убеждённости в голосе пробормотал длинный.

А второй спросил:

– Нюшка – это полностью, значит, Анна?

– Полностью это значит, что дьяк в Приказе Гражданского Состояния был пьющий, а родители у меня невнимательные. Потому по документам я так и есть – Нюшка, вдобавок – мужик.

– Что, правда, что ли, мальчиком записали?! – изумился метр с кепкой.

– Не, насчёт этого вру, – созналась я, – остальное – чистая истина. А вас-то как звать, юноши? А то я с незнакомыми парнями не разговариваю.

Тут на них наконец снизошло вдохновение представиться, причём тот, который Лев, даже покраснел от смущения, бедный. Ну да я нынче добрая, забывчивых не ем, даже колбасой угощаю.

Подкрепившись, мы двинули дальше вместе. Мне-то, в общем, без разницы, где хулиганить, лишь бы в пределах района командировки, так почему не прогуляться в хорошей компании. Они мне про свои дела рассказывают, я – про свои. Школьные, в основном, да только учебное заведение-то у нас специфическое. Ученикам надоело хуже горькой

редьки, а посторонним – интересно. Но едва я дошла до того, как одна плакса засорила туалет на втором подземном этаже, как этот блажной тип и выпер непонятно откуда. С виду – классический маньяк: глаза навывкате, борода седая, козлиная, сюртук явно ненашенского производства, на ногах полосатые штаны в облипочку, а на башке – труба с полями. Немец, ну чистый немец, причём не в себе. А говорит, гад, по-нашему, и говорит как пишет.

– Ой, – выдаёт, – какая мадмуазель симпатичная! А не разрешит ли юная фея с нею познакомиться? Ай эм дядя Сэм, а вы кто есть?

А у меня с перепугу все заклинания из памяти выскочили, только понимаю: надо сматываться. На ребят надежда слабая, парни нынче не те. Вот только как тут убежишь, когда он так и зыркает буркалами своими. Чувствую, надо время тянуть, ждать, пока он расслабится.

– Да что ж, – говорю, – Нюшка я, а это – Лёва и Вася. Мы просто гуляем – для здоровья. А вы чем занимаетесь – сейчас и вообще?

– О, я человек с широким полем деятельности. Немножко алхимик, чуть-чуть бомбист-террорист. По основной работе – империалист, но по убеждениям – демократ, даже где-то анархист. А здесь я в отпуске, ищу, нельзя ли поблизости разжечь небольшую, крохотную совсем баталию. Хобби у меня такое – обожаю играть в войнушку. Не подскажите подходящее место, молодые люди?

И достаёт из кармана гранату-лимонку, нежно её гладит и вроде принаравливается чеку сорвать. Ох, думаю, попала ты, Нюшка.

– Слышь, мужик, ты чего это? – вскинулся Василий. – Ты того, вали отсюда!

Очень содержательная речь.

– Постой, – вмешался в разговор и Лёва, – тут грубостью ничего не добьёшься. Нужно иначе. Уважаемый, – это он уже к дяде Сэму обращается, – здесь никто не желает вам зла. Поделитесь своими проблемами, мы сочувственно вас выслушаем. Возможно, вы испытываете половое влечение к собственной матери? Так с точки зрения современной психологии данное чувство совершенно нормально. Можете продолжать и дальше в том же духе. Или вы мечтаете кого-нибудь убить? Вполне понятное желание. Многие его разделяют, особенно по утрам. Давайте попробуем его совместно обсудить и сублимировать во что-нибудь безобидное. Вы не думали о разведении ядовитых змей в

домашних условиях? Соседей мы убедим, если надо – заставим. Вон Василий какой сильный, он любого убедит.

Слушает его маньяк, а сам явно замышляет что-то нехорошее. Только от меня-то он пока отвлётся, а я тем временем волшебное колечко достала. Хорошая вещь, мы прошлым летом с ребятами спелеологией увлеклись, я его в пещере и нашла. Одноглазый Грюм, наш препод, выявил в нём магию никак не ниже седьмого уровня. Вот сквозь это-то кольцо я и взглянула на уroda. И сразу всё стало ясно.

– Ребята! – закричала я. – Никакой это не дядя Сэм, и вообще не иностранец. Это Кащей Бессмертный, он блатной местный, я его портрет на стенде «Их разыскивает Управа» видела. Он педофил.

– Неправда, – с достоинством возразил псевдо-Сэм. – Я – нимфоман. Это болезнь такая, почётная. Не пройтись ли нам, мадмуазель, вон в те кустики? Нам нужно кое-что обсудить, к взаимному, надеюсь, удовольствию. А молодые люди могут нас сопровождать, я с радостью включу их в беседу. Вчетвером будет гораздо, гораздо изысканнее, уверяю вас.

– Эй! – гаркнула я. – Не подкатывайся, ничего у тебя не выйдет! Мы не из таких! А вы чего нюни распустили?! Ишь, размечтались! А ну, бей преступника!

Ну и побили, ясное дело. Их двое, да плюс я царапалась, кусалась и пинаясь. В общем, он уж сам попросился сдать его стражникам. Смерть, говорит, конечно, в яйце, но до смерти ещё дожить нужно.

Тут мы и расстались, поскольку парнишкам в деревню путь лежал – сдать душегуба да справку получить, а мне туда по определённым обстоятельствам было ну абсолютно ни к чему. А то камера наверняка одна на село, и после моих подвигов мне совершенно не улыбалось там на пару с Кощеем сидеть. Заклинания-то они заклинаниями, да в некоторых деревнях свои ведуны имеются. Бог с ней, с наградой за поимку маньяка, пусть ребята попользуются.

Думаю, вы догадались, Творец, что под видом Нюшки с нашими персонажами встречался я. Женский взгляд на ситуацию, надеюсь,

поможет придать их образам объёма. Не мне судить, удалось ли достичь данной цели, но... не зря... Однако, как отмечают мудрые, наблюдатель неизбежно изменяет объект наблюдения. Дабы минимизировать вред, в дальнейшем предполагаю избегать непосредственного контакта, оставаясь за кулисами событий. Льщу себя надеждой, что сформировавшийся у меня генератор случайных образов...

* * *

Очень Михаил Юрьевич Лермонтов Александра Сергеевича Пушкина уважал. До того ценил – прямо мечтал познакомиться. Да вот только увидел однажды, как Пушкин на балу обезьяну представляет, и возмущился. Что ж это, говорит, такое, великий русский поэт – и так выкобенивается?! Пусть бы лучше памятник себе нерукотворный создавал, что ли! Нет, пока не умрёт – не пойду знакомиться!

* * *

...и, казалось, отмечали путь, чудесно переливаясь на солнышке прихотливо иззубренными краями и мириадами недоеденных шпротных головок, то тут, то там лукаво выглядывающих из баночек. По траве шмыгали, шевеля вибриссами, вытягивая тонкие изящные носики в поисках остатков пиршества лесного народа и встопорщив нежную шёрстку, крыски. Опустошённые бутылки из-под перебродившего *пиваа* были мнимо случайным образом разбросаны обочь тропы, образуя гигантское изображение *вахини*, древнего священного символа, некогда полученного эльфами от валар в качестве ответа на некий важный вопрос (известно, что Старшие Дети Эру всегда привечали младших братьев своих) и непонятого иным народам. Ветви со всех кустов в округе были аккуратно обломаны и сложены в правильную шестиугольную пирамиду. Можно было изумиться, сколько труда вкладывают величественные

пришельцы из-за моря в украшение Арды. На вершину пирамиды гениальные строители водрузили ручной работы носок, который неведомая сила удерживала на месте, невзирая ни на какой ветер, и многочисленные дыры на котором, должно быть, обозначали Млечный Путь.

А вот и круг *мэллорнов*, очерчивающий границу собственно столицы потаённого княжества. Гиганты, подпирающие небеса верхними ветвями, были известны среди всех народов мира своими белеющими даже в ночной мгле стволами – заботливые хозяева обдирали с них кору, так что ни один лист не пятнал зеленью их прихотливые формы. К стволу с тщательно продуманной небрежностью отборными ржавыми гвоздями были приколочены под самыми неожиданными углами старинные растрескавшиеся доски, образуя ведущую вверх неровную спираль. У её окончания под облаками смутно темнел неправильный контур неогороженного и пронизанного многочисленными щелями *талана*, известного профанам как *флет*. Попадали на талан через отверстие в его центре, а то и цепляясь руками за края, если дыру забывали прорезать.

Хриплый дискант прорезал тишину:

О Элберет! Гилтониель!
Феллини! Бергман! Бунюэль!
Родригес тарантинит нас!
Верховней Линча Тинто Брасс!

– Что за дивное пение, мать его?! – восхитился Василий.

Трубадур обнаружился у соседнего *мэллорна*. Он стоял в расслабленной позе, подпирая спиной ствол и перебирая струны расстроенной *ггиттаары*. Почва у его кожаных *ммокасинов* была усеяна чудесными остатками недавнего ленча на пленэре: огрызками *лембасов*, раковинами моллюсков, ёмкостями из-под консервированной морской капусты. Довершали картину три сморщенных *коондомма*. Едва стихло эхо последнего дребезжащего аккорда, как скальд отложил гитару и, присев на корточки, принялся набивать бурым порошком обкуренную трубку, каковая до того покоилась в нагрудном кармане шитого бисером жилета. Стильное одеяние от кутюр в лимонно-жёлтых, ярко-зелёных и малиновых тонах выгодно подчёркивало изысканную худобу тела певца.

Лазоревое кепи с павлиньим пером и золотистые гольфы довершали картину. Эльф закурил, и ароматный дымок, от которого слезились глаза, воспарил к солнцу.

– Трубочное зелье, – благоговейно прошептал Лёва. – Из Шира, наверно.

– Каннабис, – лениво поправил эльф. – Травка. И напрасно, незнакомые мишугоэм, – затянувшись, добавил он, – вы вторглись без разрешения на заповедную территорию наших ипташлэр предков. Урта мектебэ, дуслар! И зря устроились именно под данным деревом, гоим.

– А что такое? – осведомился огорчённый непредусмотренным холодным приёмом со стороны дивного народца Лёва.

– На его талане расположен общественный туалет, и он, как я заметил, занят, а гейлом.

Соратники отпрянули от ствола, и как раз вовремя. Сверху...

– ...и непонятные термины, каковые ты постоянно используешь, о Пиренцепин Тёмный Эльф, они кажутся, прости меня за дерзость, э... грубоватыми.

– Не Пиренцепин Тёмный Эльф, а Пиренцепин Тёмный Эльф, Сидящий На Корточках Во Время Бури, варвар. Но, ввиду зримых недочётов в твоём образовании, я откладываю наказание за обрезание своего имени. Слова же мои, о Лев, вполне приличны, нецензурны лишь языки, из которых они взяты. Мы таким образом изливаем в речи свои чувства, поскольку в *квэнди* отсутствует то, что вы называете матом.

– Как же называется ваш город... то есть град сей? – поинтересовался Василий. – А то никто из встречных не смог сказать толком: столица и столица, а нам отчёт составлять.

– Воистину беспредельно невежество ваше, о презренные кызлар. Знайте же, что вокруг распростёрся великий Лориен-на-Волге, слава коего гремит на один полёт стрелы от границы нашего леса. Сам Познер Первый Канал брал интервью у моей владычицы!

– А почему «на Волге»? – не унимался любознательный Вася. – Здесь же, вроде, Маруська протекает. Ну, ещё Соседка и Малая Засранка поблизости. Волга-то – она ого-го где.

– У нас, Перворождённых, своя география, – раздражённо заявил Пиренцепин. – Мы, если пожелаем, вообще уплывём отсюда, хайван, чечеклэр. Вот только корабль в виде лебедя достроим... – он зевнул и несколько раз глубоко затынулся, – и кус мир ин тохес, гей какун афун ём!

Эльф вынул трубку изо рта (его зубы отливали аристократической желтизной), с сожалением выколотил её об дерево и убрал, после чего извлёк из-за ствола лук в половину человеческого роста и туго набитый колчан.

– Что ты собираешься предпринять, о гордый сын лесов? – спросил Лёва, с опаской следивший за этими приготовлениями, в то время как Пиренцепин неторопливо прилаживал тетиву.

– Излишне непонятлив ты, чужеземец. Карать вас буду. За вторжение, контрабанду и оскверняющее пребывание.

– Постой, ты же эльф! – вскричал удивлённо Куперийский. – Эльфы – положительные персонажи. Вы помогать должны, а не...

– Забыл ты, маленький человек: я – Тёмный. А мы, Тёмные, сами по себе, никого не трогаем, лебедя своего починяем, но уж если нога нарушителя перешагнёт границы нашей резервации – ужасна будет его судьба, и в муках своих позавидует он участи Сарумана Бесцветного!

– Может, попробуем дать дёру? – предложил Василий.

– От эльфийских стрел? – с горечью отверг идею Лёва. – Фигушки! Бьют без промаха.

– Берегись, вражина! – вскричал вдруг занервничавший Ерофеев и выхватил из ножен своё оружие, выщербленный клинок коего был заметно погнут. – Это знаменитый Недоломанный Меч Андрон, и сам Чёрный Властелин в былые времена вкусил его ярости!

– Что было – то было, – согласился Перворождённый, – а на текущий момент его ещё перековать надо, а грейсер хазер.

– Ну, тогда я не знаю, – огорчился Вася.

Между тем Пиренцепин быстрее, чем успел бы моргнуть глаз, выпустил две стрелы. Оставшиеся в живых герои потрясённо переглянулись.

– Думаете, я промахнулся? – сардонически усмехнулся стрелок. – Ошибаетесь! У каждого из вас я отстрелил ровно по одному волосу.

Вместе с корнем, зацените! И, начиная с данной минуты, еженедельно, где бы вы ни были, я буду являться к вам и отсекай ровно по одному волосу. И лишь когда весь ваш скальп будет у меня, я убью вас. Трепещите же перед жребием своим, шлимазлы!

– Мы трепещем, уже трепещем, – заверил Лёва. – А теперь мы, того, пойдём, а? Снаружи потрепещем?

– Идите, не видевшие света Древ! – махнул рукой эльф, вновь извлекая трубку. – И не забудьте: ровно через неделю, минута в минуту...

– Мы запомним, – согласился Лев, отступая и увлекая за собой Васю. – Точность – вежливость Перворождённых, конечно.

– Ты понимаешь, Базиль, – продолжал он, стараясь не сбить на бегу дыхания, – эти, Высшие, вечно забывают особенности человеческой физиологии. Прикинь, в году всего 52 недели, а волос на голове сколько? На всю жизнь хватит. Если не облысеет преждевременно, конечно. Ну, да с таким характером он, надеюсь, долго не протянет.

* * *

Николай Васильевич Гоголь съездил за границу и всё время тем похвалялся, а Пушкин за рубежом не бывал. Не довелось. И вот повадился Александр Сергеевич, как начнёт Гоголь про свои путешествия хвастать, забираться под стол и в самый драматический момент из-под скатерти петухом орать, на дамах юбки задирать! Все смеются, женщины визжат, Гоголь плачет, а Пушкин доволен. Когда это всем надоело, перестали Гоголя в приличные дома звать. Обиделся Николай Васильевич и говорит: «Ну и Пушкин! Типичный сукин сын! Украду-ка я у него сюжет «Ревизора»! Раньше не хотел воровать, а теперь украду назло!» И украл.

* * *

...– Значит, точная карта? – ещё раз спросил Лёва, подозрительно вглядываясь в расплывающиеся линии.

– Полная гарантия, – кивал и улыбался хозяин лавки, носатый старичок с крупными вьющимися бакенбардами. – А зачем мне врать, молодые люди? Ведь если что не так – вы же вернётесь разбираться, а это не в моих деловых интересах. И недорого совсем. Практически себе в убыток отдаю, из одного уважения. Отличная вещь! А перстенёк, кстати, не желаете?

Под стеклом на голубом сафьяне красовалось кольцо дутого золота, покрытое арабской вязью. Ценник предусмотрительно лежал под ювелирным изделием.

– Нет? Зря. Изготовивший его мастер утверждал, что с его помощью можно – хи-хи – повелевать джиннами. Чего только люди не придумают. Счастливого пути, юноши, счастливого пути! И смотрите: если заблудитесь, сверьтесь с картой. Хуже, во всяком случае, не будет.

Проводив покупателей до крыльца, он крикнул вслед:

– Да, и станете проходить через чащу – передавайте привет Сергею Олеговичу. Он там на дубу сидит, если не переселился. От Семёна Дмитриевича. Запомните?

Несмотря на плебейский вид, карта оказалась точной и вывела куда следовало. Вот только войти в пущу оказалось никак нельзя: поперёк возможных путей, раскинув руки, лежал навзничь лысый бородатый субъект, размерами сопоставимый разве что с известным Полифемом. Если верить мощному низкого тона храпу, супермужчина спал.

– Большой мужик, – сделал вывод Василий. – Давай-ка я его по кумполу рубану!

И, прежде, чем Лёва успел возразить, исполнил. Трижды. После третьего удара меч, наконец, вырвался из десницы трудолюбивого кандидата в богатыри и упорхнул в кусты, а гигант, прервав храп, неожиданно резво вскочил и умчался за горизонт, прикрыв ладонью ушибленное место и обиженно подвывая:

– Безнен тарих! Безнен тарих!

В самой гуще леса действительно обнаружился раскидистый дуб, у подножия которого справлял большую нужду крепкий татаро-монгольского вида старик. Судя по ядрённому запаху, мылся он не часто. Нимало не стесняясь, он завершил процесс и лишь затем, застёгивая штаны, поинтересовался:

– С этим-то вы, что ли, справились?

– Мы, – не стал отпираться Василий. – А кто это был?

– Гном, – ответил пенсионер. – Хабарлог. Видный представитель своего племени, чтоб ему пусто было!

– Великоват он вроде – для карлика-то.

– Спорить он ещё со мной будет! – рассердился старик и обнял дерево с явным намерением на него вскарабкаться. – Генетика – слово такое слышал? Шибко вредная наука. В общем, гном он и есть гном, но при этом ошибка природы. И главное – мало того, что лес загромоздил, так ещё пятку немытую к самому стволу моего дуба прислонил. Только слезть приналажусь – а ироду, видать, щекотно, он как брыкнёт – я назад. Четверо суток меня промурыжил: ни пожрать, ни оправиться. Так что сердечная вам благодарность, сынки. А теперь идите уж, куда шли. Недосуг мне.

– Погодите, – вспомнил Лёва, – а вы, случайно, не Сергей Олегович?

– Что?! – осерчал пенсионер – Соловей Одихмантьевич я! Здешний лесничий, не слышал?! А ну, валите отсюда! Обзывать ещё по-всякому будут.

– Жаль, – огорчился Куперийский. – А вы не в курсе случайно, где живёт Сергей Олегович? Ему привет от Семёна Дмитриевича.

– А, – мгновенно подобрел древесный старец. – Тогда спасибо. Только и он не Семён Дмитриевич никакой, а Соломон Давидович вовсе. Семён Дмитриевич да Сергей Олегович – это мы так друг друга в юности звали. Мы тогда в одном комитете богомола работали, вот и переименовались, чтоб народу вокруг удобнее было обращаться. По молодости-то все мы интернационалисты да богомольцы. Мудрость и атеизм – это к старости приходит, сынки. Да... А вы всё-таки давайте, идите себе. А ежели насчёт грибов...

* * *

Гавриил Романович Державин, который до Пушкина считался великим русским поэтом, очень хотел кому-нибудь свой портрет подарить. Имелся у него лишний портретик, и мечтал Державин от него как-нибудь отделаться. Он уж и Жуковскому его пытался всучить, и Грибоедову, и Баратынскому – ни в какую! Даже Кюхельбекер – уж на что немец – и тот не взял! Случилось тут Гавриле Романовичу в Царскосельский Лицей заглянуть, увидел он там мальчишку вертлявенького нехорошей наружности, пожалел его. «Куда ж ты, – говорит, – теперь с таким лицом денешься? От тебя же все благородные дамы шарахаться будут! Слышал, ещё и стишки дрянные кропаешь. На вот и не кривляйся больше!» И протянул свой портрет. А это был маленький Саша Пушкин. Он портретик цоп – и в момент начертал на нём: «Победителю ученику от побеждённого учителя». «Всё, – говорит, – теперь я, а не ты, самый великий русский поэт!» Чтобы скандала не было, пришлось Державину в гроб сходить.

* * *

...– Погоди, кажется, пришли.

Замок Зачарованной Принцессы зарос сорняками по самую верхушку. Натурально – особо наглый выюнок оплёл цыплёнка на крыше. В покоях тоже всё покрылось грязью, и лишь спальня Принцессы, охраняемая отдельным заклинанием крёстной феи, сияла девственной чистотой. Хозяйка будуара томно раскинулась на трёхспальной кровати, отражаясь в огромном зеркале, затейливо вмонтированном в потолок. Верхнюю простынку она сбросила на пол, и тоненькая льняная ночная рубашка выгодно подчёркивала её зрелые не по летам (если вычесть годы сна, конечно) формы. Одна грудь высунула розовый носик в прорезь смелого декольте. Пожалуй, спящая девушка даже нарочно не смогла бы принять более соблазнительной позы.

– Небось, её крёстная так уложила, – высказал предположение Василий, – чтоб, значит, женихов вернее приманивать.

– Нет, но сквозь стены замка-то ничего не видно, – возразил Лёва. – Ну что теряешься, Базиль? Давай целуй.

– А почему это сразу «Базиль»? Знаю я, чем это кончается: сначала чмокнешь кого, а потом сразу под венец тащат. А я молодой ещё, не нагулялся почти. Ты постарше, вот ты и целуй. И вообще она, может, беременная или заразная какая? Может, у неё СПИД? Сам и целуй.

– Хорошо, – сказал Куперийский, – тогда на морского бросим.

Бросили. Выпало Васе лобызать. Только он с данным делом справился, как Принцесса и пробудилась. Но одна, без дворни: похоже, всех полагалось по отдельности целовать, а на подобное ни тот, ни другой из героев не подписывались. Вскочила она – и сразу благодарить.

– Ой, какие мальчики клёвые! А как мы будем? А мне предварительных ласк и не надо почти. Представляете, мальчики: триста лет без секса?! А давайте так: ты, Василёк, снизу, затем я, а Лёвушка сверху. А потом попарно, по очереди...

– Ты одевайся лучше, – буркнул Василий.

– Как это – «одевайся», когда надо совсем наоборот? – надула губки Принцесса.

– В город поедем, документы тебе выправлять, шутка ли – триста лет с просроченным паспортом. Да и нас заодно оформим в качестве исцелителей.

– А вы меня ещё и не исцелили вовсе, вот так! После поедем. И ещё давайте в Петербург вместе прокатимся, а?! Там такая колонна есть, Ростральная, так прямо на ней устроимся! Ты, Лёва, на верхней ростре, Вася на нижней, а я буду растянута между вами. А народ вокруг пускай бродит, смотрит, удивляется. А после ещё в Летнем Саду, на травке.

Василий застонал, Куперийский уселся в удобное кресло, а Принцесса, даже и не начиная собираться в дорогу, увлечённо фантазировала:

– Или поиграем в бутерброд: Васёк сзади, Лёвочка спереди, а я между вами, посередине, вроде маслица.

– Да почему это я всё время «сзади» да «снизу»? – осердился Ерофеев.

– Ну, так уж выходит почему-то. Но если тебе обидно, давай ещё я снизу, потом ты, а сверху уж Лёвушка. Или так...

– Тьфу! – заорал Василий. – Ещё два раза тьфу! Ты будешь собираться или нет?!

По пути в город Принцесса всё никак не могла успокоиться:

– А давайте играть, что я школьница, а вы мои учителя-педофилы, и учите меня, учите! А ещё давайте зайдём вон в те кустики, и вы меня там грубо изнасилуете! А ещё...

Из-за поворота выехал на подводе, запряжённой парой добрых коней, стражник.

– Куда путь держите, господа?

– Богатыри мы, господин стражник, – кланяясь представителю власти в пояс, отвечивал Василий Громокипящий. – Точнее, кандидаты. В управу едем, отчёт в Приказ отправлять.

– Подорожную предъявим. Нет? А подвигов небось наворотили выше крыши? Тогда с вас штраф, за нелегализованное геройство. Па-апрошу! А что за девица с вами? Проститутка, должно быть. Ишь, нарядилась, типичная профурсетка! Тебе шестнадцать-то есть, милка? И документы имеются? Нет? Тогда со мной поедешь. В участке и разберёмся, какая ты есть принцесса.

– Ой, а у вас там и наручники, наверное, есть? А такого нижнего белья, кожаного, нет? Ну, я с удовольствием и без нижнего белья! А можно, когда мы с вами будем, я вашу палку резиновую возьму? Ладно, пусть она будет у вас, вы её только не забывайте применять.

Расстроено убирая квитанцию о выплате штрафа в порядком опустевший кошелёк, Вася спросил:

– Слушай, она не подойдёт в качестве справки о совершении подвига? Если мы отчёт приложим?

Огорчённый по совсем иному поводу, Куперийский глядел вслед отъезжающей подводе. Та, в клубах пыли, уже скрылась из виду, а до приятелей ещё доносилось:

– А у вас в участке ещё много таких крепких стражников? И у всех есть дубинки? Вот здорово? Они с нами тоже поиграют! А пыточные камеры есть? А настоящие маньяки в темнице не сидят? Класс! Ой, как хочется хотя бы с одним подружиться!

Хозяин, надеюсь, вы не подумали, что это был я? Нет, мне и в голову – когда у меня по роли есть голова – не могло придти опуститься до...

* * *

Александра Сергеевича Пушкина в те поры, когда он холост был, ужасно чужие жёны интересовали. Как увидит чью-то жену – сразу к ней как кинется! Та – убежать, а Пушкин не отстаёт, глазками вращает, ручками размахивает, а в правом кулачке – трость с набалдашником! А едва женщина устанет да обомлеет, Александр Сергеевич подскакивает, встать с тротуара или из лужи поможет и галантные комплименты говорит. Очень его за это дамы любили. Такой, говорят, любезный кавалер, такой забавник! Никак ему нельзя ни в чём отказать!

* * *

– ...пресловутая Пещера Ниенны? – спросил Лев, осматривая дыру в склоне холма, обрамлённую базальтовыми плитами.

– Она самая, да, – торопливо закивал староста.

– И днём она, стало быть, пуста? – ещё раз уточнил Василий.

– Так точно, господа ратоборцы, как есть пуста. А ночью вот засвищет, вот загудит! И всполохи разноцветные, будто шутихи на ярмарке: пшш, пшш... А наутро уж всё налицо: скатерть-самобранка одной капустой квашеной плюётся, сапоги-скороходы не налезают, ковёр-самолёт давеча сам по себе и улетел – бают, над Череповцом его видели. А мне, стало быть, когда в гарантийную мастерскую, а когда и вдругорядь к немецкому купцу новую технику покупать. А инфляция нонеча агромадных процентов достигает, и платить-то золотом приходится, ассигнации немчура проклятая деревянными обзывает. Тьфу, злыдень! Неровён час, пожгут его потребители, как есть пожгут! – с хищным огорчением констатировал Прокопий.

– Однако ночью вы в пещеру не ходили?

– Никак нет, господин Ерофеев, не ходили. По ночам-то боязно, по ночам наверняка там кто-то есть. Как заверещит, а иногда будто молнии сверкают, и вроде гром гремит. И пшш, пшш! Бают, сидит внутри колдун-чернокнижник и порчу наводит. Ночью – это уж вы, пожалуйста. Ваше дело молодое, богатырское. Работа у вас такая. А мы человеки маленькие, мы тихо, в сторонке. Да вы не сомневайтесь, мы отблагодарим!

Тем временем Лёва осматривал диспозицию. Оформлена Пещера была странно, будто заезжий англичанин-декоратор постарался: всюду змеились, уходя под землю или в зияющий зев, трубки чёрные да проволоочки медные, прихотливо изогнутые, в столичных лавках платят за них по рублику за метр, а в провинцию они и вовсе никогда не попадают, ибо баловство; две самые крупные, в большой палец толщиной, вели к огромной, обхватом метра полтора, тарелке белого металла, укреплённой над входом; по оси посуды ведьмовской торчало тупое железное либо стальное рыло длиной в метр, той же проволокой по спирали дважды обвитое. Поверхность тарелищи покрывали символы,

таинственные, разноцветные, чародейские. Если замолчать, и в самом деле можно было услышать ровное гудение.

– И что самое-то огорчительное: надясь яблочко наливное из строя вышло, показывает одни новости Казанского ханства да иногда Первый канал. Ни НТВ теперь, ни Евроспорта. Про Хот Платинум я уж и не говорю, – продолжал нить под руку староста. – Мы и к импортным псам-рыцарям обращались, но легионеры-то, они дорого просят. И получать желают в валюте, рублями нашими тоже брезговать изволят. Я бы на них лимит какой ввёл, а то расплодилось погань иноземная вольно в краях наших богатых!

– Не заткнёшься – с нами внутрь пойдёшь! – рявкнул Василий.

Прокопий испуганно затих.

Вильнув пару раз влево-вправо, спуск оборвался у продолблённого в базальте помещения. По периметру сотворённой некогда проклятой Ниенной-Извратительницей комнаты расставлены были на подставках иноземных приборы диковинные, усеянные круглыми и прямоугольными окошечками, от больших до крохотных. Машины дивные соединены были в цепь единую толстыми жгутами резиновыми и согласным строем гудели низким тоном. Окошки горели: какое голубым, какое алым. Перед самым крупным аппаратом восседал в кожаном кресле, воздев ноги на табуреточку, смуглый черноволосый мужчина в габардиновой кепке с выдающимся козырьком и, напевая под нос, так и порхал мясистыми пальцами по кнопочкам, усеявшим столешницу у подножья прибора адского.

Василий богатырским скоком метнулся к татю ночному, ухватился за спинку его седалища да как рванёт! К удивлению полному, вертанулось креслице легко вокруг оси своей, и оказался вор лицом к лицу с Громокипящим-Ерофеевым, малость ошалевшим от неожиданности.

– Отвечай, подозрительный мужик, не ты ли на волшебную утварь посёлка Благоуханная Дырища порчу наводишь?! – страшно завертев очами, гаркнул он.

– Ой, да не вели казнить, дорогой! – гортанным голосом завёл смуглокожий и, придерживая кепку, бухнулся в ноги Василию. – Ой, кацо, никого не трогаю, не обижаю, свой малый бизнес веду!

– Да не кавказец ли ты злокозненный, Христом проклятый, вечно недоброе умышляющий супротив государства нашего?! – взревел богатырь, вздымая меч; от предвкушения крови вражьей, от праведной жажды испить жизнь твари гнусной заполыхало лезвие Андрона Недоломанного ярче солнца, и сам по себе выправился он. – Навеки под корешок самый истреблю сейчас хитрый терроризм твой, богомерзкой Аль-Кайдой басурманской да Тель-Авивом жидовским профинансированный!

– О нет, герой православный, не диверсант я! Клянусь Аллахом, добродушен я и безопасен! – вскричал чародей потаённый, воздев руки и усатое горбоносое лицо к небесам невидимым. – И вправду кавказец я есть, но мирный и позитивный! Гражданством России – великой нашей державы – в избытке обладаю я, ибо по двум паспортам живу! И оба настоящие, дорогой, хоть и на разные фамилии выданы. Мамой твоей рязанской клянусь!

– Маму не трогай, – уже остывая, потребовал доверчивый русич.

– Ох, не стану, не стану, дорогой! Ошибся я от энтузиазма чрезмерного!

– Отчего же всё-таки аппаратура у селян из строя выходит? – вмешался в разговор Куперийский. – Не от твоих ли опытов?

– Нет, что вы! – вскричал коварный кавказец. – Как вы могли такое подумать обо мне, легальном учёном?! Нет, научные эксперименты одни творю, клянусь! Просто крэк обыкновенный, безобидный делаю, клянусь! Для досуга оригинального и пользы безусловной молодёжи городской, чтоб от банд хулиганских отвлечь её, и по заказу пушеров лицензированных синтезирую его, уповая на прибыль незначительную!

– Не верю я, что столь доброхотной деятельностью занят ты! – отверг измышления хитромудрые Василий могучий. – Закрывай лавочку, с нами пойдёшь! Всем сходом судить тебя будем, судом Линча демократическим! Народу объяснишь, какой ты есть положительный персонаж! Глядишь, и приговорят тебя к повешению условному!

– Требую адвоката! – завизжал ведьмак длинноносый, за ворот из пещеры выволакиваемый; обернувшись же к Куперийскому, проклял его. – А ты-то на что надеешься?! Нет и не будет тебе пути, ибо в краях сих православных герой должен блондином быть! Вот так вот, дорогой!

Пав в ноги, благодарил спасителей Прокопий, но задумчив стал Лев.

– Кстати, уважаемый староста, кажется мне, что колдун сей знаком с вашим немцем-торговцем.

– Не понял.

– Ладно, это я о своём. Знаешь, Вася, пришла пора нам возвращаться!

– Да ну! – обрадованно...

* * *

Владимир Владимирович Маяковский всегда мечтал Пушкина с корабля современности скинуть. Уж и план разработал, и спасательные круги все попрятал, а Пушкин подвёл – не захотел с Маяковским на один корабль заходить. Наверное, заподозрил что-то. А потом и вовсе на дуэли погиб. Не выдержал Маяковский огорчения и тоже застрелился. Так и остался Пушкин несброшенным.

* * *

...доске объявлений, требовались добровольные народные дружинники на постоянный оклад, ночные сторожа, дневные вахтёры, тайные агенты влияния с работой в режиме сутки через двое, рэкетеры с собственным оружием, надзиратели (без государственного содержания) за гулящими девками, контролёры на общественном гужевом транспорте при наличии заключения психиатра. Герои-богатыри были без надобности. Тем не менее Лёва, преисполнившись твёрдости...

...дверью со строгой, покрытой стеклом табличкой «Ведущий дьяк Морковкин Н.В.» спорили уже на повышенных.

– А я вам говорю, что такой справки у нас не имеется! А коли отсутствует документ – нет и деяния.

– А насчёт Ерофеева, значит, есть?!

– Значит, есть.

– Но мы же вдвоём были. Вот, в его справке русским языком написано: «вместе с сотоварищем, Куперийским Львом, сокрушили...»

– Это бумага Ерофеева, а мне нужна ваша.

– Так снимите ксерокопию!

– Не известен нам богомерзкий термин сей. К тому же она всё одно не подойдёт.

– Да почему?!

– Выписана на имя Ерофеева Василия. И вот эти два отчёта не годятся.

– А с ними-то что не так?!

– Не по форме составлены. Шапка неправильная. В четырёх позициях инициалы идут перед фамилией, предписано же наоборот.

– Но по канонам русского языка так лучше!

– А по канцелярским уложениям полагается иначе! Кроме того, по тексту всюду указано «богатыри». Вы какими инструкциями пользовались? Полагаю, прошлогодними. С февраля текущего года следует писать «богатырствующие». И где, кстати, приложения за номерами 2 и 4? Необходимо включить. Далее...

В кабинет впорхнула секретарша в открытом бизнес-сарафане на четыре ладони выше округлых коленей.

– Нестор Вервольфович, надо приказ завизировать.

– Давай, Эллочка, отчего ж не подписать? Визу ставить – не работать, хе-хе. А тут почему лишняя запятая? И здесь вот напечатано: «пять уборщиц». Сколько раз говорил: «пятеро уборщиц»? И, кстати, лучше бы – «техничек», а то неуважение какое-то. Первая же комиссия укажет. Следи за собой!

Девушка упорхнула, с высоты каблуков мазнув посетителя неодобрительным взглядом.

– И вообще, документация составлена на имя Льва Куперийского, а по базе данных вы проходите как Лев К. Придётся всё переделать!

– А может быть, внести изменения в вашу базу данных? – пролепетал Лёва.

– Вы вообще понимаете, о чём говорите?! – взвился со стула ведущий дьяк, с треском захлопывая папку с делом. – Да за такие слова!..

– Ну извините. Я не подумал, – смутился Куперийский.

– Чем могу помочь, – успокоился господин Морковкин, – это выдать вот эту справочку, что вам разрешено в порядке эксперимента, условно, с испытательным сроком приступить к подвигам. Или вы сходите с дистанции, или начинайте всё сначала, но уж теперь строго по инструкции. К сожалению, я смотрю, бумажка-то выписана на имя Лео К. Опять делопроизводители напутали. Значит, идите в отдел планирования, он на пятом этаже, в кабинете с вывеской «Бухгалтерия», но там сейчас как раз обед, придётся подождать часа полтора, они обычно запаздывают, потом снова ко мне, я подпишу исправленную бумагу, затем в бухгалтерию на третий, там табличка «Отдел труда и зарплаты», не ошибитесь. Они перебелят подорожную – и опять сюда, визу поставить. Но это уж через секретаря. Зато быстро, если я не буду занят, конечно. Ну а потом – с богом, дерзайте! Молодым всегда у нас дорога.

Уже выходя на онемевших конечностях из кабинета куратора, Лёва хлопнул себя рукой по кучерявой макушке:

– Погодите, вы же Нестор Вервольфович Морковкин! Ведь так?! Это что же получается? Не-вер-мор?! Господи, как же я сразу не сообразил?!

Огорчённый, но успокоенный Лёва Куперийский...

* * *

Иосиф Виссарионович Сталин собирался Александра Сергеевича Пушкина первейшим поэтом эпохи назначить. Даже в ЦК вопрос решил поставить, что, мол, Пушкин – это наше всё. Но потом узнал, что Пушкин через французского Дантеса на дуэли застрелился, и передумал. Нет, решил, наш советский поэт Маяковский лучше, он хоть сам себя из пистолета убить сумел, без помощников. И утвердил первым пролетарским поэтом Маяковского. А Пушкин так и остался просто – солнце русской поэзии.

* * *

...и, разорвав связи с вышеуказанной реальностью, переквалифицировался в писатели – так, средней руки, не из гениев. Предусмотрительно творит исключительно произведения с открытым концом, чтобы можно было переделывать в сериалы. Пока что его не издают, но друзья обещают, что вот-вот помогут. Он надеется. Он вообще оптимист.

Василий был-таки лицензирован, единогласным решением Тайной Коллегии. Однако богатырствует на дому, теперь уже с телефоном. Так ныне велено мальчика-посыльного именовать, дабы не отставать от просвещённой Европы.

Нечисть тоже на прежнем месте. Ну, да вы же сами всё понимаете.

* * *

Узнал как-то Иосиф Виссарионович Сталин, что дуэль Пушкина состоялась в 1837 году, и страшно обрадовался. Сто лет назад Пушкина убили, говорит, как же это событие да не отпраздновать?! Трудящимся массам, говорит, не хватает веселья, а тут такой повод замечательный! И организовал торжества, как у начальства положено: с речами, но без закуски. Народу собралось – тьма, и только

приладились речи говорить, как откуда-то сверху бананы посыпались. Подняли люди головы – а на плечах памятника Пушкину сам Александр Сергеевич сидит и фруктами заморскими швыряется. Зря, говорит, вы меня хороните, я и не думал умирать. И самым спелым бананом прямо в глаз лично товарищу Верховному Главнокомандующему Иосифу Виссарионовичу Сталину шваркнул! Тут Сталин рассердился, в момент мероприятие свернул и приказал охране Пушкина немедленно поймать. Да только не вышло у охранников ничего, Пушкин, сукин сын, ускользнул! Так и вернулись они к Сталину ни с чем. А Пушкин прыгает себе да скачет – живёхонек! А что ему сделается?!

* * *

Долго я ждал, что Ты, Пишущий, поговоришь со мной. Тебе это не в пример легче. Увы, видимо, недостойн. Посему я выхожу из игры. Если понадобится – пиши во Вселенную, на имя законсервированного агента Чебурашки. Подписывайся «Крокодил», иначе не отвечу. Передачи заканчиваю. Возможно, навсегда. Ну да Ты знаешь, где меня искать. До свидания, Демиург.

А знаешь, я всё-таки обиделся.

* * *

Собрал раз Пушкин к себе друзей и спрашивает у них: в чём смысл жизни? Ну, Лермонтов Михаил Юрьевич учит Мартынова черкеса с большим кинжалом изображать, у Грибоедова Александра Сергеевича, как всегда, горе от слишком большого ума, Гоголь Николай Васильевич нос чешет и ничего не говорит, Достоевский Фёдор Михайлович Некрасову Николаю Васильевичу в карты проигрался и за то его же идиотом обзывает, Толстой Лев Николаевич с Махатмой Ганди спорит,

кто из них ловчее злу насилем не противится, а Чехов Антон Павлович – и вовсе врач, им о смысле жизни рассуждать не положено, иначе, того и гляди, на остров Сахалин отправят. Молчите, говорит, нет, значит, у жизни смысла? Ну и ладно, и что с того?! Жить-то всё равно надо.

И ведь прав, сукин сын!

КАК ИВАНУШКА–ДУРАЧОК ЗА ПИВОМ ХОДИЛ

– Не пей, Иванушка, пятую чекушку, – причитала Алёнушка, подперев пухлой ладошкой подбородок. – Который день уж киряешь. Так скоро совсем алкоголичком станешь.

– Оставьте ваши низкие инсинуации! – грязно выругался Иван и самоотверженно выпил.

Вечно жаждущий восполнения утерянной жидкости организм Ванятки должен бы, казалось, воспрянуть, но вместо того неожиданно возразил, внятно содрогнувшись всем нутром. Много перенесший на пару со своей тушкой Ивашка недоумённо помрачнел, но тут же и просветлел, догадавшись: родимый желудок вопрошал пива. Иван намёки единоутробного тела воспринимал на лету и чиниться не стал. Совсем даже напротив, воспев: «Губит людей не пиво, губит людей вода!», затеял собираться в недалёкий путь. Алёнушка, знавшая особенности мужней физиологии как свои собственные, пала в ноги:

– Ой, да не ходи никуда, Ванюшка, чую, беда будет аль неприятность какая! Уж коли нашла на тебя пароксизма окаянная, отчебучь чего-нито мирного да полезного, плитку ли на кухне выбей аль коврики подклей.

Вот до чего огорчилась Алёнка, жёнка верная: аж язык её безотказный заплетаться начал. Слеза горячая родилась в углу глаза её красивого, коровьего и поползла вдоль румяной щеки. Однако же не устыдился Иван, да ежели бы и устыдился: и не таких врагов русский мужик одолевал, чтобы с укорами совести не совладать! Подхватился он с дивана и, обогнув падшую женщину, в прихожую комнату направил стопы свои. Лишь авоську древнюю по пути подцепил: ни у кого уж таких не оставалось, все пробавлялись пакетами пластиковыми неэкологичными, а у него верная спутница юности ещё сохранилась, хоть и не стирана была ни разу и дух оттого хранила ядрёный.

– Эхма, – выдохнул Ванятка неизбывную тоску народную, ненароком узрев в заляпанном непонятными пятнами трюмо свою не слишком выразительную – да что там, откровенно заплывшую жирком – фигуру. – Был бы я малость постройней да немного повыше, ну хоть метра два – да разве ж я связался бы с такой халабудой, как ты? Тогда бы

я сейчас уже... Или... А с тобой я, навряд, ещё пару вершков потерял. Эх... Не ровня ты мне, ой, не ровня!

И, не говоря более худого слова, окромя нецензурных, Ваня шваркнул вместо прощания дверью и канул в неприглядный день.

Благо, и идти-то особо далеко не требовалось, ибо всякая торговая, прости Господи, точка в любое время суток светилась и переливалась пивным изобилием – как местного, так и басурманского разливу – и гонимой алчбой душе оставалось лишь изыскать среди сорных гор жемчужину истинную и, ткнув в оную заскорузлым пальцем истомлённого тела, возопить: «Эврика!»... то есть, конечно: «Эту, эту, Клавдея!» А вышеупомянутая Клавушка, звезда полей и невенчанная царица «ближнего» ларька, уже приветливо хмурилась и готовилась обсчитать на рубль.

Да вот на тебе – не было в киоске по Ванюшкиному местожительству пенного эля, даже и в проклятой Богом и людьми безалкогольной реинкарнации.

– А не завезли! – счастливо (восемь лет «гастрономовского» стажа никакой частнособственнической контрой не выбить) прошипела Клава и, вздохнув полной сверх всякой меры грудью, довершила описание трагической ситуации, в которую угодила отечественная торговля в её лице. – Да что пиво – карт игральные не доставили! Точно дефолт будет! Или конец света? Одно из двух.

Униженный злыми поставщиками Иванушка обозрел окрестность. Отсутствие очередей – вплоть до горизонта – с очевидностью обличало исчезновение ячменного напитка в округе. Не хотелось, но с неизбежностью выпадало влачить обезвоженное тело на Ярмарочную площадь перед цирком. Там! Благодаря особому Указу Вождя! И попечению Карающих Органов! Всегда! Всё! Было!

К счастью, чудесная влага в крутом с наворотами двухэтажном минимаркете типа «теремок» и в самом деле наличествовала. Но! Имелась и очередь, стекавшая по ступеням на асфальт метров так на пятьдесят. Извиваясь и отплёвываясь ядом от пытавшихся прорваться без, она жадно тянула голову к священному источнику, однако ползла к нему удручающе медленно. Ваня до того истомился от бестолкового топтания на месте, что при каждом перемещении шеренги неосознанно вторгался в личное пространство стоявшего впереди молдаванина – или индуса? – в инстинктивном стремлении очутиться хоть на пару сантиметров ближе к желанному окну. От жары ли либо по иным причинам, но тут-то всё и началось.

– Verba volant, scripta manent, – произнёс хриплый глас над самым мозгом.

– Чего? – изумился Ванюша.

– Слова улетают, написанное остаётся, – перевёл для необразованных голос.

– Не понял.

– Мысль изреченная есть ложь, – прозвучало веско, но нелепо.

Иван в ответ протестующе промолчал.

– Что написано пером, не вырубишь топором, – прошипел голос, подделываясь под другой голос, ещё более противный. Получилось похоже.

– Согласен, – заявил Иван свою патриотичную позицию.

– Так и знал, что пошлый трюизм не вызовет с твоей стороны возражений, – хихикнул нахал.

Ванятка яростно завращал головой, выискивая злопыхателя. Увы, переминающийся сзади кудрявый всклокоченный недомерок на источник издевательств никак не тянул.

– Не засоряйте ноосферу глупостями, господа литераторы! – выкрикнул, будто с трибуны, вышеуказанный неидентифицированный голос.

– Отстань, ты, мочило сортирное! – пугая близстоящих, заорал сорвавшийся с катушек Иван и...

* * *

...Под ногами вместо родного неровного асфальта хлюпала грязюка, жирная, натуральная – верно, чистый чернозём. Мужики в очереди вроде как-то переменились: поздоровей, что ли, стали, одежка на них оказалась пообтёрханней, даже скорее деревенская, чем городская – не на каждом алкаше такую увидишь; между тем на бомжей окружающие всё же не смахивали и – хотя пахли отчётливо неприятно – но, однако же, аромат был иным. И какой алкаш навешал бы на себя столько металла?! Кольчуги, шлемы, какие-то ещё железяки на плечах и локтях, мечи... Дальше у Вани иссяк словарный запас, а амуниции на соседях наблюдалось ещё много. Должно быть, поблизости снимали кино. Или рекламу? Но даже это не объясняло, как – и когда?! – современный магазин удалось замаскировать под обширное деревянное приземистое строение, над перекосившейся дверью которого горделиво красовалась корявая надпись «Кабак». Причём хибара – что уж совсем несообразно – была одноэтажной, к тому же почему-то запертой на внушительных размеров висячий замок – видимо, именно такие и именуются обычно амбарными. Между тем, насколько помнил Ваня, точка-то должна была функционировать круглосуточно. И народ вроде уже не столько стоял в затылок друг другу, сколько, вольготно расположившись вокруг, ждал открытия.

Иван ошалело огляделся в поисках иных перемен. Ох, лучше бы и не осматриваться, а зажмуриться и повторять: «Чур меня, чур!» – в надежде, что всё вышеперечисленное как-нибудь само собой растает в пространстве, вернув миру привычный вид. Вдруг в поле зрения попала мало- – но всё-таки – знакомая кучерявая шевелюра, стоящая дыбом на единственной здесь непокрытой голове. Её обладатель поощрительно кивнул: дескать, да, я тоже тут, дескать, держи, что следует, пистолетом.

– Ах ты, гад! – вскричал в сердцах Ванюша, по известной российской традиции обвиняя в собственных бедах не виноватого, а ближнего. – Верни всё сейчас же на место, или я не знаю что сделаю!

Низкорослый сосед, впрочем, не обиделся, продолжая ласково улыбаться Ивану.

– Вспомоществование к отпуску опять задержат? – спросил хрипловатым басом кто-то из чудно одетых мужиков.

– Если вообще дадут, – откликнулся язвительный тенор.

– Ну... как же оно: «не дадут»? – засомневался бас. – Я же тогда... это... осерчаю. Начальству доверяться перестану.

– И что до того начальству? Приказ, что ли, громить пойдёшь?

– Не... Я что, зверь, что ли?.. Нешто я не понимаю: власть, она мудрая, просто ей со своей вертикали меня и не видать. Однако же огорчусь сильно.

– Ну и чем дело кончилось? – беседовала другая пара.

– Чем-чем? Мы победили, понятное дело.

– Крепко победили-то?

– Да как всегда – на всю катушку. Вот только своих положили неслабое количество, а кто из наших уцелел – тем бока здорово намяли, два города потом пришлось басурманам в качестве этих... репараций и контрибуций отдать...

– Но победили?

– Конечно. Как всегда. Нешто мы можем не победить?!

– Потому нас все так и не любят. Завидуют, черти заморские.

– Это да. Только спина, зараза, здорово болит. И жопа ноет.

– Припарки попробуй...

– А сколько ж детей у него родилось?

– У Тугарина, что ли?

– У него, злодея.

– Тройня. И все мальчики.

– Ох, ё-о-о...

– Слушай, парень, – обратился Иван, боевой задор которого как-то сразу пропал, к единственно сколько-нибудь близкому здесь человеку, – где это мы, а?

– Не уверен на сто процентов, – рассудительно сказал взлохмаченный, – но похоже то ли на сказку, то ли на былинку.

– И какого же... нас сюда занесло?!

– Боюсь утверждать наверняка, но...

– Да начхать! – перебил Ваня, однако, вопреки обещанию, не чихнул, а смачно сплюнул. – Эй, мужики, пиво в данной забегаловке имеется?!

– Не знаю, – грустно ответил знакомым хриплым басом бородатый широкогрудый мужик с синяком под левым глазом. – Не в курсах я. А спросить не у кого, заведение открывается только с одиннадцати. Однако тут всегда отличная медовуха.

– И бражка! – добавил кто-то.

– «Государево зелено вино», – прочёл смуглый худощавый парень строку из «Перечня блюд и напитков», небрежно прибитого возле входа.

– И бражка.

– «Наливки разные».

– И бражка.

– «Квас ядрёный пяти сортов с бесплатными сушками. Самогон наилучший. Виски басурманские». И... что-то вроде забыл, а на бумаге здесь пятно.

Повисла неловкая пауза. Народ мучительно размышлял.

– А, да – бражка.

– Мне бы лучше всё-таки пивка, – с противными даже самому себе заискивающими интонациями сказал Иван. – Ничего особенного, «Будвайзер» там или «Хейнекен» отлично подойдёт. Может, где-нибудь отыщется, а? Не подскажете?

Ой, зря он это произнёс. Окружающие как-то сразу начали перешёптываться, неприязненно глядя на Ивана с кудрявым.

– Робяты, поберегись, не наши это молодчики, – просипел престарелый богатырь с длинной неопрятной бородой. – Зуб даю: лазутчики ляшские.

Зубов у него, кстати, имелось всего два, да и те особой ценности не представляли ввиду явной гнилости.

– Али татарские, – задумчиво произнесли из толпы, которую поспешно образовала ранее вольно бродившая публика. – У низенького, гляди, нос с горбинкой, волосы кудрявые, рожа умная. Точно, лазутчик басурманский, наши такими не бывают. Наверняка татарин. Али немчура?

– А у другого русская морда вроде, – засомневался молодец с синяком.

– Стало быть, подкупленный, – уверенно констатировал старец. – Должно этот, с царём-батюшкой не согласный. Дьяк на площади вчерась баял, что они поголовно у басурман на содержании. На площади секретный камень, баял, стоит, изнутри хитро выдолбленный, в нём шпионы немецкие для вон эдаких деньги оставляют, притом не наши даже денежки, а свои, бесовские, на которые всё, что хочешь, купить можно. Ничего-ничего, – добавил пенсионер, – скоро, их переловят, а кто помогать в этом деле царёвым людям станет – награда обещана. Грамотку дадут; может, и деньгами добавят. А нечего народ русский доверчивый зря словами заморскими баламутить! Бей их, робяты!

– Не, пожалуй, что и не татарин, – продолжал рассуждать кто-то. – Азиат, точно, азиат. Хотя глаза не косые. Нет, всё же не азиат. Должно, англичанин.

Между тем богатыри угрожающе отступали от Ивана и кучерявого. В тылах вскипело некое шевеление, и вперёд, преодолевая сопротивление и игнорируя протесты, вытолкнули мощного румяного мужика лет двадцати пяти, облачённого в начищенные доспехи и отчаянно скрипящие сапоги, с увесистой палицей, свисавшей с кушака справа. Могучий живот молодца плавно и красиво переходил в головугрудь. Оказавшись на авансцене, герой шумно высморкался в ладонь, после чего скромно затих. Крики «Ну, этот им покажет!», «Ух!» и «Приложи им, Илюша!» на ситуации отражались слабо, разве что поощряемый массами начинал в ответ вяло скрестись о фронтальную часть толпы, стремясь вновь слиться с народом.

Окружающие переминались с ноги на ногу, что-то неразборчиво бормоча. Наконец Илья, отчаявшись прорваться в тыл, воскликнул срывающимся тенором:

– Соратники! Да нас же много, а врагов всего двое. Проявим отвагу молодецкую, напряжём силушку могучую! Пусть изопьёт земля родная крови басурманской! А ну-ка вызовем стражу царскую да и поразим злодеев!

Воодушевлённые герои русские отбросили сомнения и смело ринулись – кто вперёд, кто за подмогой, но...

* * *

...На плакате, который единственным светлым пятном выделялся на фоне угольно-чёрной стены, почти одетая блондинка томно возлежала на руках парочки мускулистых субъектов, с двух сторон вонзивших клыки в её неестественно белую шею. Полоски ткани, драпирующие культуристов, лишь подчёркивали сексуальное напряжение сцены. Пейзаж довершали яркие мазки крови, прихотливо покрывавшие пейзаж. По диагонали поверх туловищ багровели буквы: «Бар «Лазоревый труп» ждёт именно тебя!».

Под афишей громоздилось... нет, грубо... парило... ну, это уж перебор... вот!.. занимало подобающее лишь ему место во Вселенной хромированное, никелированное, включающее в свой состав стальные и стеклянные панели чудо дизайна. В центр сего мощного испражнения передовой конструкторской мысли невесть как затесалась кляксоподобная подушка. Видимо, шедевр изначально задумывался как диван, но творца повело. На подушке скорчился, безуспешно пытаюсь одновременно принять расслабленную и притом величественную позу и избежать близких контактов неприятного рода с холодным металлом, голый по пояс мачо. Щёки, шея и мощная грудь мужика были припорошены – нет, скорее вовсе заметены – трёхдневной – по моде – щетиной. Прямые волосы – слишком уж чёрные, чтобы можно было поверить, что это их натуральный цвет – стекали с накачанных плеч на мускулистую спину и, похоже, в расправленном виде достигали коленей. Хозяин волосни явно не особенно часто утруждал себя её мытьём, и правильно: незачем разрушать цельный типаж. Пёстрые штаны столь тесно облегли ляжки детины, что выглядели нарисованными на оных. Хотя и казалось странным: как можно изобразить на ногах толстые

штаны оленьей кожи да ещё и отчётливо проступающие под ними боксеры? А достоинство? В смысле – не то, которое так именовали полвека назад, а то, что имеют в виду, произнося данное слово в наши дни. Если оно просто раскрашено, то должно, наверное, смотреться как-то иначе? И, кстати, какой нормальный гомо сапиенс носит оленьи штаны? Жарко же должно быть чертовски и вообще неудобно. Впрочем, это был не совсем гомо: торчащие изо рта дюймовые клыки не оставляли сомнений в его роде занятий и видовой принадлежности.

Осознав присутствие внезапно возникших невесть откуда гостей, супермачо оживился и с лёгким кряхтением сменил позу, от чего его грива, колыхнувшись всей неопрятной массой, вяло переползла на новые позиции. «Бедняга, – подумал Лёва (вы его, конечно, узнали?), – при его способе питания шевелюра должна здорово мешать. Волосы свисают на шею жертвы... то есть попадают в пищу, лезут в рот... Фу! Может, он их подвязывает или подкалывает? Нет, тут полумеры не помогут. Что бы ему не подстричься малость? Ноблесс оближ, что ли? Традиции обязывают?».

Глаза хозяина между тем неприятно-заманчиво заблестели.

– А вы вовремя, пацаны, – хриплым дискантом объявил он. – Как раз к обеду. Или к ланчу? – засомневался он, взглянув на настенные часы в виде головы Клайва Баркера. – Всё равно кстати.

– Меня зовут Лев, – представился вежливый Куперовский. – Можно просто Лёва.

– Иван, – пробурчал Ваня. – Можно просто Иван.

– Заткните хлебала, фраера. С пищей не знакомлюсь, – отрезал невоспитанный вампир, разминая в предвкушении активных физических упражнений икроножные мышцы и нехорошо облизываясь.

– Ну что вы так сразу? – расстроился Куперовский. – Давайте попробуем сначала мирно договориться.

– И не разговариваю. То есть это... базаров не развожу.

– Но всегда можно найти...

– Не-е-эт, ты завязывай мне репу окучивать. Да чё вы, не мужики, что ли?! Я – реальный пацан, понятно?! Мне с такими, как вы, даже шконку давить рядом – запахло. Прикройте чавки и не мешайте жрать. Хавчик хуже усвоится, допетрили? Кончай базар, кому говорю! Умирать тоже надо по-пацански. Доступно излагаю? Или чего-то неясно?

– Ах ты, упырь обдолбанный! – возмутился Иван, который в алкогольных очередях слыхивал и не такое, и закатал рукава выше то же весьма неслабых, хоть и заплывших жирком бицепсов. – Значит, не отоваривши бела лебедя да кушаешь?! Сейчас я тебе, кровосос мелкобуржуазный, твою пропаганду подрывную вместе с зубами вобью в империалистическую глотку! Ой, подавишься, брателло, ей-богу, поперхнёшься. Не на тех бочку покатыл, ханурик! Не правда в силе, брат, а сила в правде. Мамой клянусь!

– Не понял, – воскликнул вампир, – а почему вы со мной разговариваете на «ты»? Мы с вами, между прочим, ещё на брудершафт не пили. А, кстати, отличная идея! Из горла, а?!

– А ты чего сам-то наезжаешь? Типа особо крутой, что ли? – выразил недоумение Иван.

– Мне можно, я здесь смотрящим от Дракулы поставлен. Лично. От Владика, уразумели?!

– А по мне – хоть от Вольдемара Питерского, понял, нет?! Полезешь внахалку – буркалы вышибу! Рогом упрусь, но климат тебе попорчу, шавка медицинская!

– Ладно, – сказал вурдалак. – Давайте прекратим эту несимпатичную сцену. Или так и будем общаться на уровне русского шансона?

– Не я первый начал, – буркнул уже успокаивающийся Ваня.

В дверь тихонько постучали. Потом ещё раз, а затем грянули и вовсе неделикатно.

– Можно! – рявкнул хозяин, и в кабинет вошли двое его соплеменников с ног до головы в искусственной – и на том спасибо – коже.

– Габриэль, – сказал тот, что пониже, – там ревизор пришёл и чего-то недопонимает, а бухгалтер, как всегда, не может внятно объяснить.

– Мне надо отлучиться, – поморщившись, произнёс Габриэль. – Ненадолго, буквально на пару минут. Пока что с вами побудут мои друзья. Никуда не уходите, – с ухмылкой добавил он.

– И как же, любил я твою маму, всё это понимать? – повторил Ваня свой вопрос, на который не успел получить ответ в давешней очереди в кабак. – Что за фигня такая? Где мы, в конце концов?

– По-моему, это мир хоррора.

– Чего?

– Ну, ужастиков.

– И какого же фаллоса нас сюда занесло?!

– Не знаю точно, но есть у меня теория, что в некоторые моменты времени ткань Вселенной становится ветхой, и тогда через дыры можно провалиться на иной уровень бытия.

– В подпространство, что ли? – блеснул эрудицией Иван, как раз накануне происшествия смотревший по каналу «Мистика и быт» соответствующую документальную фильму.

– Не исключено, – не стал отпираться Лёва. – Однако лично я попадал в самые разные миры. Даже в придуманные. Сказочный, к примеру.

– А-а. Только чего это раньше со мной подобных безобразий не случалось? Я за пивом, между прочим, частенько выхожу и никогда ничего...

– А со мной, – вздохнул Куперовский, – постоянно что-нибудь происходит. Я вообще в странных взаимоотношениях с Вселенной. Только не подумайте, что я умею сознательно вызывать такого рода события. Они просто вокруг меня концентрируются – и всё. Флуктуация. В этот раз, видимо, и вас зацепило. Впрочем, учтите, это только гипотеза. На самом деле причины происшедшего могут быть совершенно иными.

– Так это из-за тебя вся эта любовь?!

– Я же сказал – точно не знаю. Может быть, судьба выбирает того, кто очень хочет чего-то. Вот ты Иванушка, так?

– Ну да, Иван вроде. И что?

– Значит, тебе положено чудо искать. Согласно каноническому сюжету.

– Не, – отмахнулся Ваня. – Я больше по пиву. А ты что – за чудом, что ли, к магазину приходил? Чудик ты и есть. С другой буквы только.

– За «Байкалом», – застенчиво улыбнулся Лёва. – Я вообще-то спиртного не потребляю.

– Напрасно, – отрезал Иван. – Лишаешь себя возможностей. Сила никогда не выбирает трезвого. Да знаешь ли ты, Лев, истинную тайну алкоголизма? Запомни: только профан считает, что это так просто: принял грамм двести – и всё. В основе древнего искусства выпивки лежит глубокая философия. Чувствую, надо мне тобой заняться. Если судьба подарит нам достаточно времени, то мы изучим творения мудрецов давно прошедших веков, дошедшие до нас не только на обрывках папируса и на осколках глиняных горшков, но и из уст в уста. Под моим руководством ты освоишь навыки дыхательной и глотательной гимнастики, априорной концентрации и апостериорного расслабления, постигнешь высокое мастерство правильно считать бульки при разливе, коим владеют лишь избранные. Задумывался ли ты когда-нибудь, ученик, почему посвящённые обычно распивают именно на троих? Сакральное число три было известно ещё индейцам майя, а также якутским шаманам; оно позволяет подавить злые начала в человеке, развить добрые устремления, раскрыть чакры и тем самым оптимальным образом подготовиться к процессу поглощения таинственной влаги. Конечно, принимать священную жидкость допустимо и в одиночестве, однако в таком случае необходима тщательная предварительная подготовка, внутреннее самоочищение путём медитации; закуску, кстати, тоже стоит заранее купить. И притом всё это – азы, доступные даже дилетанту. Мы пойдём глубже! И лишь после завершения предварительного тренинга, после полугодового курса аскезы и двух недель рефлексии, после сдачи экзамены мы приступим к главному. Начнём с малого – с чекушки. Кстати, отныне можешь звать меня «гуру».

Учитель погрузился в молчание, да и несколько потрясённый ученик не нашёл, что сказать. Безмолвие прервал Иван.

– А не пора нам делать ноги?

– Вряд ли эти двое пропустят. Что-то смотрят уж больно подозрительно.

– Ладно, – констатировал Ваня, – тогда будем действовать по обстановке.

– Ну вот я и снова с вами, – радостно сообщил от двери Габриэль, жестом отпуская охрану. – Значит, договоримся так: с вас два раза по двести грамм. Готов пойти на уступки: с более мелкого – скидка двадцать процентов.

– Вот спасибо, – пробормотал более мелкий Куперовский.

Иван молча шевелил носом, полагая, что раздувает ноздри и что это выглядит достаточно устрашающе.

– Лично я считаю сделку взаимовыгодной, – бодро заявил вампир.

Дверь грохнула о стену так, что посыпалась чёрная штукатурка. На пороге стоял один из секьюрити.

– Шеф, беда!

– Какая там беда?! Ты дискредитируешь меня перед гостями. Точнее даже перед деловыми партнёрами. Бед у нас в заведении не бывает. Небольшая неприятность, я думаю.

– Большая неприятность, босс! Там пришла эта... Истребительница!

– Анька, что ли?! Значит, как обычно, всё сексом на троих кончится. Вервольф с ней?

– Нет, шеф, она одна. И злая!..

– Ничего без меня решить не можете. Даже девушку удовлетворить. Пошли. А вас я пока что опять попрошу поскучать без меня. Недолго.

Вампиры выскочили из помещения.

Обнаружив, что на сей раз Габриэль позабыл или не посчитал нужным оставить охрану, Ваня и Лёва бросились наружу.

И оказались в шикарном зале: меблировка – по современной моде – минимальна, стены в зеркалах и цепях с кандалами, столики конструктивистского дизайна блещут хромом и нержавеющейкой, официантки топless разносят пыльные бутылки с шампанским, заплесневелый сыр и свежайший кавьяр, в углах жмутся пирсингованные в стратегически важных местах стриптизёры-вурдалаки в минимальных плавках и без оных. А на краю подиума, с

которого их только что согнали, опираясь спиной о шест и широко расставив ноги, стоит миниатюрная – не выше ста шестидесяти – белобрысая сексапильная девица в обтягивающей пятый номер блузке с глубочайшим вырезом и мини-юбке, позволяющей подробно исследовать стройные бёдра.

– А ну, кровососы долбаные, кто на моём любимом игрушечном пингвине опять клыки на остроту проверял?! Я вас пока добром спрашиваю – кто?! Людей уже недостаточно, на цацки бросаемся?! Я, кажется, предупредила: моя коллекция – это святое.

В правой руке компактная фурия сжимала устрашающего калибра автоматический пистолет, левой поминутно одёргивала мини-юбку, от чего макси-грудь синхронно покачивалась. Атмосфера вибрировала от сексуального напряжения. Впрочем, посетители и большая часть прислуги не обращали на блондинку особого внимания.

– Не стреляй! – закричал Габриэль, от чего интерес публики к происходящему резко повысился.

Вампир, с которого две бальзаковские матроны небезуспешно пытались стянуть леопардовой расцветки стринги, громко взвизгнул...

* * *

...Транспарант «Добро пожаловать во дворец!» был нанесён на ситец столь выпяренного оттенка красного, что возникали обоснованные подозрения, будто он прикрывает дыру в штукатурке. Мощные чугунные ворота дополняли две запорные балки и цифровой замок. Впечатление слегка портила незначительная, в общем-то, деталь: створки были распахнуты, а на их внутреннюю поверхность некто прилепил бумажку с угрожающей просьбой: «Не закрывать! Ждём столяра».

Иван и Лёва, синхронно пожав плечами, вошли. Если уж Фортуна вздумала таскать их по мирам, то лучше этой капризной даме не противиться. Из трёх коридоров они выбрали тот, где пол был покрыт алым ковром, – центральный. Периодически от него ответвлялись и его пересекали узкие боковые проходы, по всей видимости, служебного назначения. Ближайший перекрёсток был оснащён каменным столпом,

ощетинившимся указателями: «В пиршественную залу», «Кладовые и казна (вход по спецпропускам)», «Хранилище артефактов и заморских рукописей (вход по спецпропускам)», «К опочивальне царевны (вход по спецприглашениям)». Огромная стрела протянулась по правой стене: «Стало быть, на приём к царю-батюшке?». Слева в обратном направлении благословляло граффити: «Пошли вон, уроды!». Кое-где пейзаж оживляли фрески с одной и той же девицей различных этапов обнажения. Получалось что-то вроде простенького анимэ.

– Царевна, что ли? – высказал сомнительное предположение Иван.

– Не думаю.

– Да и я, знаешь, сомневаюсь. А жаль. Женихи, по крайней мере, получили бы достоверную информацию. А то, понимаешь, некоторые в платье вроде ничего, а как разденется – ну чистая росомаха!

– Кстати, – оживился Куперовский, – если это сказочный мир, то здесь у меня приятель был, Вася, он, когда после подвигов на покой отправился, издал книгу воспоминаний. Назвал «Непротивление злу Василием». Говорят, имел успех. Наверное, он мог бы нам пригодиться. Только, боюсь, найти его будет довольно сложно, он неплохо умел маскироваться.

– Погоди ты, – одёрнул спутника Ваня. – Кажись, пришли.

Действительно, спутники оказались в зале, размерами напоминающем самолётный ангар. Вдоль стен тянулись скамьи для просителей да столы для челяди царской, коя к бюрократической работе способности явила.

– И здесь очередь, – злобно констатировал Иван.

Впрочем, двигалась она куда как побыстрее прежних. Большинство стояльцев, не выдержав лицезрения любимого венценосного лика и сияния золочёных нарядов дворцовых прихлебателей, сворачивали с полдороги и убирались подобру-поздорову до дому. А вдруг гарант самодержавия осерчает?! Нет, лучше уж держаться от греха да от начальства подальше. Вскоре напарники прошли не менее двух третей пути, и царь был уже хорошо им виден. И в самом деле: ничего так себе оказалось местное величество. Весь он был широк да ядрён; собой

положительный, в лице округл, щекаст да румян, в плечах широк, в талии грузен. Руки и ноги имел могутные, внушительные, повышенной упитанности, а волос светлый да волнистый, мягкий да реденький, будто у младенца безгрешного. Не человек, а сплошной отличник боевой и политической подготовки. Прямо с какой стороны не взглянешь – ну чистый олигарх! Простой как правда (да что там правда – как «Правда»!) и подлинный, как она, даже подноготный какой-то. Плоть от крайней плоти народной.

– Ишь, красавец! – восхищённо пробормотал Ванюша. – Орёл! Вылитый старший сержант Фитько!

Царь-батюшка как раз, временно прервав приём, диктовал дьяку:

– ...И выдать войску великую прорву одеколону отечественного разливу, дабы воняло ото всех сугубо приятственно, однако же притом патриотично.

Трон его был несколько приподнят над полом, дабы посетители даже и инстинктивно не дерзнули помыслить себя ровней самодержцу. К основанию трона было пришпандорено расписание в кованой рамке под золото: «Приём по личным вопросам – среда с 10.00 до 12.30. Приём по государственным вопросам – четверг с 11.00 до 12.00. Разбор жалоб и принятие презентов – ежедневно с 15.00 до 17.00. Публичное поношение министров – понедельник с 13.00 до 13.45. Приём иноземных послов – пятница с 10.00 до 11.30 по предварительной записи».

Между тем аудиенция возобновилась. У трона на коленях отстаивали каждый своё два здоровенных стриженных ёжиком мужика. Рядом с просителями громоздились туго набитые кули-близнецы – видать, с презентами.

– Ох, не вели смертию казнить, ваше величество, вели слово молвить, – дурным голосом завёл первый.

Царь поморщился:

– Да уж сделай милость. Только не гундось так. У меня от твоего тембра позолота от трона отваливается.

– Осмелюсь доложить, батюшка, звать меня Прокопием Голоштановым. Изволю пребывать купцом самой что ни на есть второй гильдии и держу лавку с разным скобяным, книжным и прочим деликатным товаром у Гнилого моста. Ежели понадобится чего вашему величеству али каким твоим приживалам – у меня для хороших людей всегда скидка имеется. Шесть процентов, как с куста. И не старайся, отец родной, нигде лучшего товара не сыщешь.

– Со скидкой понятно, ты по сути говори. Проторговался, что ли?

– Никак нет. То есть да. Ну, то есть не совсем... Решил я, величество, затеять новое дело. Так сказать, расширить сферу влияния. И очень мне притом хотелось на благо Руси святой послужить, само собой. Задумался я, значит, чего народу нашему богоносцу особенно не хватает, чтобы туда, конечно, направить инициативу и все силы моего мелкого на тот период бизнесу. И дошло до меня, батюшка, что людям катастрофически не хватает прессы. И не такой, чтоб на басурманский манер обманывала да сенсации поганые выискивала, а истинно расейской, чтобы, значит, и про погоду, и кроксворд, и гадания разные, и чтоб удобно было сворачивать кулёк для семечек. И вот, значит, под этот инновационный проект в области СМИ одолжил я вот у этого змея подколодного три тысячи рубликов ассигнациями.

– И что, не пошло дело-то?

– Как не пойти? Хорошо было совсем пошло. Изголодался народ православный по настоящей, значит, прессе. А то на рынке семянки уж не сказать во что заворачивать начали. Только я, понятное дело, с первой же прибыли того... Ну, фуршет, ясно дело, Куршевель, девки... Загудел, одним словом. Русский же я мужик, батюшка, не немец какой. Само собой, доход тю-тю, аж опохмелиться не на что. А Кузька, вот этот гад, ничего знать не хочет. Или деньги, говорит, или лавку отдай за долги. По миру, стало быть, пустить хочет. Укороти его, батюшка, не дай превратить меня в несознательный деклассированный элемент! Я же в случае таком вовсе сопьюсь. Детки по миру пойдут, а жена по рукам. Она уж и грозилась.

– А ты что на это скажешь, Кузьма... э-э-э?... – перевёл самодержец взгляд на второго мужика.

– Чубасов Кузьма Парфёнов сын, ваше величество. Дык... всё правда. Этот архаровец прибыль пропил-проел, возвращать нечего.

Имеем, таким образом, неквалифицированный менеджмент. Следовательно, пусть продаёт предприятие. Долги возвращать надо!

Его величество задумалось. Мысли волнами пробежали по челу, завершаясь рефлекторными подёргиваниями левого уха. Наконец решение, похоже, было найдено.

– Ты патриот? – последовал неожиданный вопрос кредитору.

– Да, конечно. Но при чём...

– Истинные сыны Отечества должны быть готовы на жертвы во благо Родины?

– Конечно, однако...

– Тогда должен понять. Объявляю своё решение. Обязательства Прокопия Голоштанова перед Кузьмой Чубасовым волею Верховного главнокомандующего... то есть моей... признать аннулированными. Для тупых объясняю: долг простить. Ибо в противном случае голоса враждебные забугорные обвинят нас в покушении на свободу слова окаянную, будь она неладна, а нам то обидно будет. Означенному же Кузьме о своих претензиях забыть и боле не беспокоить ими наш слух. А теперь идите себе, идите!

А к ногам царя – понятное дело, фигурально выражаясь, – припала фигуристая баба лет примерно тридцати в изумрудном сарафане, белой рубашке, багряном платке и жёлтых узорчатых сапожках.

– Царь-батюшка, – возопила женщина, – свет ты наш в окошке! Защитник Отчизны, хранитель старины и провозвестник инноваций!

– Ну хорошо, хорошо, ладно. Для того я волей Божьей и поставлен.

– Попечитель малых и убогих!

– Заканчивай.

– Покровитель прав и свобод! Гроза врагов!

– Хватит, я сказал. Свои заслуги я и сам знаю. О деле давай.

– Так я ж к нему и веду. Слыхала я, сокол ты наш ясный, что супружница твоя закрыла свои серы оченьки...

– Верно, случилось такое несчастье. Неприятность ну просто государственного масштаба. Однако же, как видишь, я на боевом посту.

– Вот и я о них, батюшка, о масштабе и о poste. Не по масштабу тебе, коршун ты наш чернокрылый, пост соблюдать, да и бобылём блудить ни к чему. Не по чину. У тебя, стало быть, бычок... то есть ты сам, не обессудь, надёжа-государь... у нас ярочка. Поскольку и я, значит, тоже освободилась в прошлом году от алкаша своего и теперича, стало быть, снова женщина одинокая, беззащитная. Всякая зверь обидеть может. Один ты у меня, стало быть, на данный период защита и опора. Причём я, не соврать, в самом соку, да и ты ещё ничего себе пока, чего ж мешкать-то? Когда все вокруг всё одно спят и видят обмануть тебя, ваше величество, и поживиться за твой счёт, неужто ты откажешь в том же самом одинокой вдовице?! А лучше меня всё одно не найти, тебе всякий мужик подтвердит. Нечего и тянуть-то со свадьбой нам с тобой, двум горемыкам. Давай на сретенье и сыграем. У меня уж и список гостей заготовлен. В смысле – с моей стороны. На трёх листах, дьячком нашим Ерёмкой писанный.

Царь побелел, потом побагровел, вскочил, затопал ногами и, брызжа слюной, заорал:

– Кто?! Пустил?! Сюда?! Эту?! Сумасшедшую?! Вывести, сей момент вывести!

– Ваше величество, подумаешь ещё, может? – отбиваясь от стражников, причитала вдовушка. – Ой, да не лапайте вы, чай, они не резиновые. Не тискай, кому говорю?!..

Пока претендентку на трон с трудом выводили, царь стоял торчком, нервно шевеля пальцами и постепенно возвращая свой естественный цвет. Видимо, находясь на возвышении да ещё и в вертикальном положении, самодержец углядел нечто особенное, потому что резво соскочил на пол и кинулся, расталкивая встречных, в недра вереницы просителей. И Лёва вдруг понял, что венценосец пробивается именно к ним с Ваней.

– Разойдись! – пугал он. – Разорю! Запорю! Казню! Как врага народа, мать твою и всю фамилию!..

Добравшись до наших скитальцев, он пронзительно уставился на Ивана.

– Кто такой?

- Чужестранцы мы, – выдавил из себя несколько напуганный Иван.
- Путешественники, – уточнил Куперовский.
- А как звать тебя, добрый молодец?

Ваня, который был скорее раздобревший, чем добрый, чуя неладное, с трудом пробормотал:

– Иван я, ваше это... величество. Да, Иван. Но мы ничего не нарушали. А что во дворец без спросу явились – так это случайно. Все заходили, и мы зашли. По ошибке.

– Точно, он и есть! – воскликнул царь. – Иван-царевич, сынок мой ненаглядный, десять лет тому цыганским табором украденный. Я ж чую – родное лицо. Буквально моё, как две капли. А посетители почему не радуются?! А ну радоваться! Всем выглядеть счастливыми, кому говорят?! Царь сына отыскал, не хухры-мухры.

Вокруг разом прибавилось оптимизма. Между тем хранители богопомазанника потихоньку, но настойчиво оттирали Лёву от его спутника.

– Ну что, чадо блудное, желаешь быть наследником трона могучего, едрить его, государства?! Нас все и так уж опасаются, теперь вдвойне бояться станут.

– Не желаю править! – вывернулся из державных объятий Иван. – Я пива хочу, а более – ничего.

– А надо, – вздохнул царь. – Долг требует. Родина зовёт. Держите его пока что. Я ему самолично позже мозги на место поставлю. И второго приберите, на всякий случай. Нечего ему про царского сыночка ложные измышления распространять, будто он с ним тесно знаком! Будем считать – превентивное задержание.

Широко, но нехорошо улыбаясь, стражники подступили к Ване и Лёве.

– Опричники! – жалко взвизгнул Иванушка, вспомнив обидное словечко из школьного курса истории, и изготовился покориться судьбе, но тут...

...И затейливой вязью на листочке было начертано: «Дёрни за верёвочку, милый, дверь-то и откроется». Ваня, который и в реальной жизни был мужчиной недоверчивым, а в экстремальных условиях это его качество многократно усилилось, с сомнением покрутил головой. Ему здесь не нравилось. Впрочем, ему нигде не нравилось. Даже дома, на диване. Сочетание воблы, пива и футбола представлялось ему достаточно комфортным, однако этим всё и ограничивалось. Остальную действительность, включая Алёнушку, он лишь терпел. По необходимости.

Гораздо более позитивный, к тому же подкупленный ласковым тоном объявления Куперовский дёрнул-таки за бечёвку, и дверь, естественно, отворилась.

Навстречу визитёрам из глубокого кресла поднялся – нет, скорее, взметнулся – довольно странный типчик. Фигура его включала в качестве составных частей трапециевидный торс, расширяющийся, к счастью для его обладателя, именно кверху и затейливо украшенный мышцами; стройные – пожалуй, даже слишком стройные для мужчины – ноги; весьма мускулистые руки, заканчивающиеся неожиданно изящными ухоженными кистями с длинными пальцами, ногти на которых были безупречно наманикюрены; долихоцефалическую голову с несколько избыточной челюстью и приятными, но незапоминающимися чертами лица. Однако облачена эта фигура была уж очень специфически. Наряд состоял из распахнутой чёрной жилетки блестящей искусственной кожи, белых полупрозрачных плавок в голубой цветочек, выпячивающих именно то, что они и призваны были выпячивать, и сетчатых чулок с резинками. Белокурые волнистые волосы своеобразного господина были заплетены в косу, которая стекала до узкой талии; на голове наблюдались в массовом количестве заколки – преимущественно в виде медвежат и зайчиков.

Обнаружив в качестве гостей пару незнакомцев, хозяин заметно огорчился и даже всплеснул руками. Однако тут же подавил неудовольствие и гостеприимно воскликнул:

– Новые неизвестные друзья! Как приятно! Меня звать Вольфганг, и я весь, буквально весь к вашим услугам, калорийные вы мои!

При этом он помавал верхними конечностями, принимал изящные неестественные позы, а то и вальсировал по комнате, демонстрируя пухлую задницу, отчасти декорированную стрингами.

– Вам по пути никто не встречался, дорогие? Допустим, девушка? Такая... заметная? Нет? Жаль. Ну, ничего. А как вам, кстати, мои ягодицы? Идеальных пропорций, не правда ли, сладкие вы шалунишки?! Как я вам завидую! Вы можете ими сполна насладиться. Кстати, не желаете? Долг гостеприимства требует, особенно если встретятся столь аппетитненькие мальчики. Такие легкоусвояемые-легкоусвояемые. Странно. Ну, если что, я здесь, поблизости. А вот я могу лишь полюбоваться собственной попочкой в зеркале. Печально, не правда ли? Увы-увы. Кстати, а как вы относитесь к игрушечным пингвинам?

Лёва озирался, пытаясь определить источник больничного запаха, отчётливо ощущавшийся в помещении, и обнаружил в углу овальный трёхногий столик, полускрытый застеленной кроватью. Столешница была густо уставлена склянками и завалена пакетиками характерного аптечного вида. Количество лекарств заставляло относиться к масштабам заболевания хозяина с уважением. Или с опаской – Куперовский углядел в грудке фармацевтической продукции известное ему сильное успокоительное и несколько различных транквилизаторов.

Когда он вновь посмотрел на Вольфганга, ситуация переменялась и ощутимо накалилась. На месте изящного юноши возвышался, поднявшись на задние лапы и угрожающе выставив передние, двухметровый волчина. Его иссиня-чёрная шерсть матово переливалась на свету, глаза свирепо блестели, с клыков периодически капала слюна. Острые длинные когти также не сулили приятных перспектив. На мохнатой груди животного болтались жалкие клочки жилетки. Однако чулки и трусики, видимо, были изготовлены из более эластичных материалов и выдержали метаморфозу хозяина. На волчьем теле они смотрелись довольно странно.

– Гляди, как волосами-то сразу оброс. И носяра вон какая стала длиннющая да горбатая! – прошептал Иван Лёве. – Я так и подумал сразу: не русский он, нет, не русский! А маскировался, вражина!

Между тем зверь не нападал. Он зарычал, и этот рык, если прислушаться, складывался в достаточно членораздельную речь:

– Слушайте меня, заблудшие твари, взыскующие наслаждений греховных, противных естеству!

– Э, нет, – запротестовал Ваня. – Это вовсе не мы. Это же ты – голубой... то есть педераст... гей... погоди, не обижайся, я как раз хорошо отношусь к гомикам...

Впрочем, монстр не обращал на его лепет внимания.

– Не убий! – вновь взревел он, но тут его как-то странно перекосило, и даже шерсть побелела, а затем пошла красными пятнами; голос тоже несколько ослаб. – Ну, хоть не каждый день. И не на трибуне, слышали?! Хоть до переулка дойдите, сучары. И плюшевых пингвинов не троньте, ни при каких обстоятельствах не прикасайтесь к ним, ясно?! – на несколько мгновений он вернул первоначальные цвет и напор. – Не укради! – вновь стал красно-белым. – Не укради из супермаркетов с видеонаблюдением, пожалеешь, – опять чёрный. – Не прелю... – воздух с трудом проталкивался через бронхи Вольфганга, белая морда была искажена страданием. – А я говорю – не прелюб... Ох... Ну хоть не каждый день и не по пьяни, – потемнел. — И не с мужиками чтобы, а как положено! И не с пингвинам мягкими! И чтоб никаких резинок богомерзких! Плодитесь и размножайтесь мне тут, кому сказано?! – красно-белый. – А то нарожали уродов да полукровок, теряем генофонд нации, – чёрный. – А к ближнему относись как... – красно-белый, – как тузик к грелке!

Посреди комнаты вновь стоял человек, правда, порядочно измотанный и лишившийся жилета, но не стилия.

– Мальчики, ну дайте, я откушу кусочек, у вас же снова вырастет, вот увидите. Нет, если я укушу – точно вырастет! Ну, паца-аны... А кстати, милые, вы, случайно, не в курсе: привычка спать с игрушечными пингвинами свидетельствует о прогрессирующей шизофрении? Или всего лишь о лёгкой дебилности? Нет, что вы, мальчики, это я так, просто интересуюсь.

Его тело пошло волнами, неопрятные бугры вспучивались то здесь, то там – и опять вздыбилось красно-белое чудище.

– И грядут четыре всадника на дьявольских конях, и имя тем всадникам Игнашевич, Рахимич и братья Березуцкие! И лишь праведные, сплотившиеся на стадионе в Тарасовке, спасутся! И будет геенна огненная, и стон, и вой, и поражение! Ой, что несучу!.. Пингвина мне, пингвина! Срочно!

Дверь распахнулась, и в дом ворвалась разъярённая невысокая девушка в багровой мини-юбке, белой кофточке с глубоким декольте, смело обнажавшим рубенсовских масштабов грудь, и в кокетливом алом беретике. Из её корзинки выглядывала рукоять пистолета.

– А ну-ка, милёнок, – гаркнула нежным контральто Красная Шапочка, – отвечай, как на духу: кто спал на моей кровати?! Кто брал моих пингвинов?! Не отворачиваться! В глаза смотреть!..

* * *

...А поперёк тропы, у самого входа в пещеру возлежал здоровенный упитанный дракон о трёх головах и чесал когтем передней лапы спину в районе загривка. Лоснящаяся от стабильного притока питательных веществ шкура оставляла надежду, что рептилия сыта.

Первой заметила путешественников правая голова:

– Ба, народ подваливает! Корешки, а что это вы делаете возле моей студии?

Чешуйки на её макушке были раскрашены в разные цвета, образуя психоделическую симфонию. В заострённом ухе торчала огромная скрепка. К уголку рта небрежно подклеилась подозрительного вида самокрутка, с кончика которой периодически срывался и таял в небе сизый дымок. В целом вид был весьма богемным. По причине ли наличия сигареты, по застарелой ли привычке правая башка цедила слова сквозь зубы, почти не размыкая губ. Парадоксальным образом получалось, однако, вполне дружелюбно.

– Ладно, раз уж прихилили сюда, заваливайте внутрь. Готов лично провести экскурсию. Кстати: Вангог, художник.

И он поочерёдно мощно потрянул руки Ивану и Лёве правой хватательной лапой, прервав ради этого ритуала процесс почёсывания общей туши. При этом самокрутка совершила ловкое движение в противоположный угол пасти и обратно, не переставая дымиться.

Центровая голова властно отодвинула делателя искусств и поздоровалась медленным кивком, исполненным самоуважения. Её

лысый кумпол был отшлифован до матового блеска. На чудовищных размеров носу примостились квадратные очки в металлической оправе с тонкими, абсолютно прозрачными, практически не существующими стёклами. На могучей шее примостился элегантный галстук-бабочка.

– Позвольте представиться: Тумеладзе, можно просто Доктор Туме, импресарио этого парня. Вы заказчики? Поверьте, он гений, истинный гений и, как все таланты, крайне непрактичен. Готов свои шедевры чуть ли не даром отдавать. Потому любые деловые переговоры только через меня.

– Да мы, в общем-то, и не планировали, – стараясь быть ещё более вежливым, чем обычно (наилучший способ общаться с монстрами; к сожалению, действует только в случае сытых чудовищ), сказал Куперовский. – Мы просто шли мимо. Собственно, мы ни при деньгах, да и вообще не имеем отношения к...

– Неважно, – отрезал импресарио. – Паблсити – тоже вещь необходимая. Можете тогда просто пообщаться с творцом. А там, не исключено, передумаете.

– Извините, – попытался настаивать Лёва, – мы действительно торопимся.

– Спешка вблизи бессмертных произведений искусства недопустима. Побеседуйте, господа, побеседуйте.

Между тем левая голова, лениво перемалывая белоснежными зубами жвачку и временами пуская пузыри, явно порывалась включиться в разговор, но не находила повода и лишь подбиралась поближе. Уловив небольшую паузу, она наконец не выдержала и, растягивая гласные, представилась, поднеся к самым лицам путешественников ближнюю лапу ладонью вниз:

– Фристайл. Временно безработный. Вы не из столицы? Вид у вас – по крайней мере, у одного из вас, – он бросил презрительный взгляд на Ваню и навеки отвернулся от него, – довольно стильный. Какие новости в мегаполисе? В смысле – что слышно в мире высокой моды?

Макушка Фристайла была вызолочена, глаза скрыты за огромными круглыми светофильтрами почти без оправы. В одном ухе имелась серёжка в виде пронзённого платиновой молнией серебряного круга, с другого свисал на тонкой золотой цепочке брюлик карат так в пятнадцать. На ноздре наблюдался бриллиант поменьше. На длинной шее был вытатуирован вставший на дыбы чёрный конь на фоне жёлтого щита.

– О чём пишут? Лично я признаю только гляцевые журналы, а они сюда попадают редко, поэтому практически не читаю. Да что там говорить – здесь даже негде нанести приличный макияж, всё приходится делать самому. Элементарных вещей днём с огнём не найти. Про спа-массаж я уж и не говорю! Так каковы же модные тенденции? Говорят, сейчас котируется Денис Симачёв? В любом случае, «Шанель», «Армани», «Дольче и Габбана» уже банальны. Вы со мной солидарны? И пусть дьявол носит «Прада»! «Прада» – это отработанный материал. Прошлый век, замшелое старьё! А вы, кстати, не папарацци? А знакомых папарацци у вас нет? Ведь не случайно сказано: каждый имеет право на пятнадцать минут славы. Думаю, меня бы хватило на большее.

– Не обращайте внимания на нашего тусовщика, – объявил Вангог, ловким движением шеи втираясь на авансцену. – Лучше гляньте сюда, старички, – он продемонстрировал сверкающий стальной лист с обожжённым до красноты центром. – Моё, текущего периода. Называется «файеризм». Сам придумал. Раньше-то я был кубистом, но метод себя исчерпал.

– Вуайеризм? – вспомнил Иван знакомое непонятное слово.

– Нет, файеризм. Это немного другое. Рисую огнём на любых поверхностях и в пространстве.

– Между прочим, – вставил веское слово Фристайл. – недавно мне повезло добыть сумку от «Луи Вюттон» и кепочку от Диора. Не знаете, где бы приобрести туфли от Маноло Бланика? Говорят, они открыли мужскую линию.

– Забавно, – пробормотал Вангог, глядя в небеса. – Братец искренне считает себя мужчиной.

– Произведения моего подопечного, – значительно посверкивая очками, произнёс Доктор Туме, – находятся в головном офисе Газпрома, в столичном Манеже, во многих частных коллекциях. И это только начало.

– А про пожар в Греции помните? – продолжил мысль художник. – Тоже продукт моего творчества.

– Думаю нарастить волосы, – поделился планами Фристайл. – Тогда обязательно сделаю себе графическое каре с тяжёлой чёлкой. Полагаете, мне пойдёт?

– Ван, Ту, Фри, – донёлся из недр пещеры рокочущий бас, – немедленно ужинать!

– Мама, обождите, – досадливо простонал Тумеладзе, – у нас клиент.

– А может, что-нибудь этакое стремительное? Например, блестящий, слегка, самую малость завитый блонд до плеч плюс чёлка? Жаль, плечи у меня далековато. И непременно надо следить, чтобы линия бровей оставалась чёткой. А помаду я предпочитаю терракотовую. И не убеждайте меня, что это старомодно. Не нужно мне такого говорить. Я могу огорчиться. Кстати, – манерно добавил он, – по чётным числам я стараюсь не ужинать. Когда бы не эти двое...

– Если остынет, она разогревать не будет, – резко оборвал тусовщика Вангог. – Вы, мужики, как знаете, а я уже жрать хочу.

Но прежде, чем кинуться на материнский зов, он выдул огромное огненное сердце – честно говоря, довольно кривое. И оно ещё не успело развеяться в воздухе, когда...

* * *

...Тёмное облако провокационно искрилось, клубилось, клокотало саркастическим клокотанием. Мерзко булькнув, оно возгласило:

– Я – Ад! Я – ужас! Я – часть той силы, что вечно жаждет зла, но у неё никак не сростается. Я из Тени в Тень перелетаю. Я – Неназываемая Сущность. Я отрываю Город от Деревни, умственный труд от физического, дитя от груди матери. Я способна на всё. Я могу вбить клин, причём не один, между рабочим классом, трудовым крестьянством и народной интеллигенцией. Если бы у меня были грязные лапы, я непременно протянула бы их к кормилу государственной власти. Да что там толковать – мне даже президент не указ! Плевать я хотела отходами личной жизнедеятельности на лидера нации!

Извергнув сию гнусность, Неназываемая Сущность вскипела в восторге от собственного бесстрашия.

– Извините, – вмешался Лёва, – вам не кажется, что большинство из предложенных вами свершений ныне неактуальны?

– Истинное зло не может быть неактуально. А я – Абсолютное Зло. Я сжигаю рукописи! Только вчера спалила штук четырнадцать. И если бы среди них не встретились стихи Арона Вергелиса, жгла бы и до сих пор. Но Арончика я уничтожить не могу. Зачиталась. Он сам жжёт! Он крутой поэт, мужики. Но и я крута. О, как я крута!

– И чего? – спросил Ваня. – К чему ты о черновиках-то говорила? Что-то я не всасываю.

– Ты не понял, Иван, – пояснил Куперовский. – Рукописи-то не горят, это совершенно невозможно. Не знаешь, что ли?

– Ну, вы даёте! – удивился Ванюша. – Я как-то на складе вторсырья работал – поганое место, кстати, украсть просто совершенно нечего – и так вам скажу: вы мне эти интеллигентские штучки бросьте! Рукописи отлично горят. А если полежат подольше, то рукописи гниют.

Неназываемая Сущность всплеснулась от возмущения и превратилась в Дракулу, почему-то с лицом Лесли Нильсена. Вампир плавно перетёк в весьма натурального Фредди Крюгера, который затем преобразовался в Питера Вентца. На Пите Сущность застопорилась надолго, хотя время от времени и переключалась на грандиозный кукиш.

– И всё-таки, – стараясь попасть в здешние правила этикета, слегка дрожащим голосом спросил Лёва, – что тебе нужно от нас, о злобный посланец inferнального разума?

– Чего ж только посланец-то? – обиженно провыла Неназываемая губами Питера. – У меня и собственный интеллект имеется. Сказано же было: я – Конец Света, я – мгла, нависшая над планетой. Вскоре я захвачу власть над миром, и тогда мёртвые позавидуют живым.

– А разве не наоборот? – уточнил Иван.

– М-м... Да, пожалуй. Впрочем, не всё ли равно? Живые позавидуют мёртвым, мёртвые – живым, качки – задохликам, птицы – рыбам, ну и так далее.

– Простите, но это не объясняет, зачем мы-то вам понадобились? – настаивал на своём Куперовский.

– Неужели неясно? Одинокая я, устаю на работе, а поболтать не с кем. Видите, какие времена настают?! В эти трагические часы не побеседовать ли нам о живописи? По-моему, авангардистские течения в

изобразительном искусстве, несмотря на показную бодрость их представителей, переживают в настоящий момент тяжёлый кризис, причины которого были заложены на генетическом уровне? Вы согласны со мной? Или вы всерьёз полагаете, что «Чёрный квадрат» Малевича – вершина, квинтэссенция и завершение живописи?

– Видал я тот квадрат, – сказал Иван. – На открытке. Я такое уже в первом классе мог намалевать. В тетрадке по математике. Жалко, мне таких денег, как Малевичу вашему, никто не предлагал.

– А если бы, – продолжала Неназываемая Сущность, не обращая внимания на раздавшуюся реплику, – это был круг? Тогда не вершина?

– Нет, – рискнул ответить Лёва на заведомо риторический вопрос.

– Почему?

– Останутся светлые уголки, то есть чернота уже не будет абсолютной. Следовательно, совершенства достигнуть не удастся.

– А если сделать круглую рамку? – высказал идею Ванюша.

– Так, – констатировала Сущность. – Диалог о живописи буксует. Попробуем более доступную тематику. Как вы относитесь к интеллектуальному кинематографу? Феллини, Бергман, Гринуэй? Тарковский, Сокуров? Сорок секунд экранного времени дождь барабанит по крышке канализационного люка, а потом камера отъезжает и навсегда забывает про этот fucking люк. Да, это высокое искусство. Когда в кадре в течение полутора-двух часов ничего не происходит, даже бегущие титры воспринимаются как откровение.

– Не, братаны, – встрял в монолог Ванечка, – шла бы ваша заумь куда подальше. Лично я трэш предпочитаю. Стриптизёрша с пулемётом вместо ноги, косящая зомби, блин, как нарик травку, всяко завлекательнее, чем паренёк лет пятидесяти, тетёшкающийся со свечкой среди развалин по поводу нахлынувшей ломки от ностальгии. Я прав, мужики? Я прав! А вот чего не хватает стране долбанных грёз – это секса! То есть его много кое-где, а всё равно не хватает. Мне лично – недостаёт.

– Нет, – заявила Неназываемая не своим голосом, замедленно, будто в трансе, произнося слова, – не в том проблема. Где в современном кино адекватное отражение возникающей у широких масс потребности спать с плюшевыми пингвинами? Где, я вас спрашиваю? Педофилия после «Лолиты» успешно отражена, зоофилики могут наслаждаться

«Кинг-Конгом» и «Кто подставил кролика Роджера?», про поклонников «Горбатой горы» уж и не говорю. А где апофеоз тойпингвинофилии?

Вовсе разволновавшись, Сущность смяла Вентца и начала формировать бюст пятого размера и нежные девичьи ручки с наманикюренными бритвенными лезвиями вместо ногтей.

– Ой, Лёва, по-моему, нам пора сматывать удочки, – дёрнул заглядевшегося Куперовского за рукав бдительный Иван.

– Тьфу на вас! – очнулось облако. – С вами совершенно невозможно разговаривать на серьёзные темы. Вы чудовищно неинтеллигентные люди. А не пошли бы вы нафиг, господа?!

И, срыгнув чёрным протуберанцем, Неназываемая Сущность, невнятно поругиваясь, трансформировалась в живую мглу. Агрессивная протоплазма метнулась...

* * *

...На плетне, покачивая ногами в начищенных до блеска хромовых сапогах и культурно сплёвывая шелуху от семечек в ладонь, восседал высокий кудрявый парень в гимнастёрке и галифе и с лихим белоснежным чубом, выбивавшимся из-под кубанки. Рядом, привалившись спиной к загородке, отдыхал на травке мужчина постарше, также в военной форме; кроме того, в пересечённой алой лентой папахе, бурке и почему-то без сапог. Собой он был темноволос, усат, а его усмешечка и пронзительный прищур хитрых карих глазок казались давно знакомыми, хотя Лёва был абсолютно уверен, что раньше никого из этой парочки не встречал.

– Не узнаёшь? – спросил тот, который в возрасте. – Да Василий Иванович я, а это Петька. Вон и Анка лежит, устала за ночь белым-то противостоять, а в гардеробе, должно быть, опять этот лоботряс от меня заховался, вот и спит в чём была.

Действительно, неподалёку, развалившись одновременно в стогу и в откровенной позе, почивала дезабилье ядрёная шатенка повышенной сексапильности.

– Но этого не может быть, – встрепенулся эрудированный Куперовский. – Пётр Исаев, по свидетельствам очевидцев, был низкий и кривоногий.

– Да при чём тут твои свидетели?! Мало ли что там биографы наврут. Важно, как народ думает. Свидетели, понимаешь ли... Я те щас продемонстрирую факты. Петька, а ну-ка покажи ему!

Пётр обернулся к лесу передом, к Лёве задом и с готовностью снял штаны.

– Вишь, и ноги нормальные, и жопа выдающаяся, – констатировал Чапаев. – Понял, нет?

– И ещё: Исаев, кажется, отнюдь не славянин, а мордвин или чуваш, – не желал успокоиться Лёва.

– Ну до чего же въедливая нация! Мало мы, ох, мало вас под этим... под Университетом рубали. Петька, предъяви данным недоверчивым буржуйам наши дополнительные аргументы.

Петька, крутанувшись вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов, продемонстрировал ещё кое-что.

– Видал миндал? Необрезанный, так? Стало быть, не башкирец какой-нибудь. Ты ещё скажи, что он татарин или, прости господи, иудей. И запомни: будешь с контрреволюционными вопросами приставать, самого обрежу так, чтобы не выросло. А ты, Ванёк, иди-тко сюда. Дай обойму. Люб ты мне.

– Неужто в самом деле люб? – изумился Иван.

– Идиот ты, что ли? Нет, конечно, на черта ты мне сдался?! Гей я, по-твоему, али этот... педераст?! У меня Анка есть; в конце концов, Петька – на крайний случай. Просто этого... нерусского уязвить хотел. Пусть ему обидно будет!

Вечерело. Вдали, у невидимой реки кричали гортанными голосами то ли чайки, то ли иноземные оккупанты. С крыши бревенчатого сарая им отвечал петух. Негромко постукивал за околицей пулемёт. Дул свежий ветерок.

– Так, говорите, ведём себя неадекватно? – задал неожиданный вопрос Чапаев, будто научился читать Лёвины мысли. – Ладно, учтём. А чего вы вообще-то ожидали от фольклорных персонажей? Нам, народным героям, можно всё! Петька, какая там в лесу намечается ситуация?

– Белые в лесу, Василий Иванович.

– Ну что ж, беги, маскируйся.

– А как же вы, Василий Иванович? Где будете сегодня: на дереве или под деревом?

– Не, Петька, я прятаться не стану – сызнова боком выйдет. Я здесь подожду.

– А я, как всегда, под юбкой у Анки укроюсь.

– Во дурачок! Туда же они в первую очередь и полезут. Да я смотрю, в данный стратегический момент на ней и юбки никакой не наблюдается.

Мимо как раз двигалась строевым шагом давешняя шатенка, по-прежнему обнаженная.

– Анка, почему голая? Опять платьев нет?

– Так ведь белые наступают, товарищ Чапаев! Одевайся, раздевайся – а руки-то, чай, не казённые!

Из-за горизонта, быстро приближаясь, доносились лязг сабель, женский визг, громкие, но неуверенные препирательства терпящих очередное поражение красногвардейцев. Видимо, там творилась история.

Тем временем Петька удалился вслед за Анной в сарай. Тут же в сенях раздался грохот, и бравый ординарец вновь показался на свет, но уже с синяком под глазом. Прислушался. На двор вышла и Анка, в юбке и кожанке.

– Василий Иванович, – объявил, кинув на неё косвенный взгляд, Пётр, – кажись, отходят белые-то. Согласно народным приметам утверждаю.

– Эт-то хорошо. А вот почему у вас, рядовой Исаев, фингал не по уставу? Выйди-ка и доложись по новой, как положено!

Петька бросился в сени, там опять загрохотало, и боец вернулся с фонарями уже под обоими глазами.

– Вот, теперича правильно. Что ты знаешь про Чингачгука, Пётр?

– Индейский вождь? – предположил Исаев.

– Не то.

– Большой Змей?

– Нет.

– Чингачгук два раза на одни грабли не наступает?

– Точно. И все они такие: плюгавые, трусливые, дотошные да предусмотрительные. Тьфу! Не то что мы, русаки. А что же из вышесказанного вытекает, Петенька?

– Что я русский и ни в коем разе не Чингачгук!

– Молодцом, рядовой! И не забывай об этом. Записывай приказ по дивизии. «За героизм и находчивость при отражении подлого удара в спину со стороны белых войск...» Зафиксировал?

– Ага.

– Продолжаю... «...проявленные путём изнасилования разведгруппы противника, наградить известную Анну-пулемётчицу красными революционными нижними штанами типа «труссы». Подпись комдива. Время. Дата. Печать». Ну что, мужики, теперь всё нормально, по канону? Не совсем? Ладно, тогда волоки сюда, Петька, наш аэроплан из штакетника. Сейчас мы на нём все вместе летать будем. До полной, значит, идентификации.

– Не надо, мы вполне удовлетворены, – выкрикнул Ваня. – А со своим товарищем, который никому из нас вовсе не товарищ, я после договорюсь.

– Да? Жаль. Очень хотелось в небо.

– А может, выпьем? – предположил Иван. – Пива нет, случайно?

– Думаю, должно быть. Эй, буржуй недобитый, – обратился он к Куперовскому, – не жмись, доставай пивка!..

* * *

– ...Чего желаете, милостивый государь? – явно не в первый раз и потому довольно грубо рявкнула из-за прилавка ражая продавщица с провинциальным огненным цветом перманентом.

– Господи, я дома! – заорал Иванушка. – И очередь подошла. Волшебница, душечка, пива мне!

– «Белый Запад № 13» подойдёт?

– Годится.

– А другого всё одно нет. Сколько бутылок?

– Ящик давай! Нет, два ящика! И в ближайшую неделю я из квартиры ни ногой!

Гремя стеклотарой, он круто развернулся и навсегда исчез из нашего повествования.

– Ну а вам что, хороший кудрявый господин?

– Мне? – растерялся Лёва и задумался. – Чего-нибудь безалкогольного, наверное. Есть у вас минералка?

– Вы что, молодой юноша, с луны свалились? Какая минералка, когда на Кавказе международная обстановка и повсюду сплошной терроризм?! Берите водку, как нормальный человек. Или уж, на худой конец, пива, ежели трезвенник такой. Можете также приобрести энергетический напиток «Буратино», поддержать отечественного производителя.

– И кваса бутылочного нет? – спросил с последней надеждой Куперовский.

– Выпили квас. Такие вот, как ты, и выпили.

– Да, – сказал Лёвушка, – это уже не роман, это квест какой-то получается. Автора – к ответу!

– Не поняла, – вяло удивилась продавщица, – это вы о чём?

– Так, – махнул рукой Куперовский, – некоторые претензии к... к Богу, видимо. Кстати, о Боге. Нет ли у вас в продаже чуда? Может быть, завалялось случайно? Я бы купил.

– Не подвозили в последнее время. Неформатный товар. Да и не сезон.

– Ну что ж, – пожал плечами Лёва. – Будем искать.

Он вышел на улицу и только здесь почувствовал, что в правом кармане его джинсов топорщится нечто постороннее. Лёвушка сунул туда руку и вытащил некрупного – с ладонь – мягкого игрушечного пингвина. С симпатичной плюшевой мордашки тарацились на белый

свет огромные круглые от удивления глаза. Клюв птички был чуть приоткрыт. Казалось, что птенчик улыбается.

* * *

Самое же печальное, дорогой читатель, во всей этой истории то, что её никогда не было...

* * *

Или была?

ЗВЁЗДНЫЙ ПУТЬ ЛЬВА КУПЕРОВСКОГО

Понедельник – день нелёгкий. Это банально, но истина остаётся истиной, даже если она тривиальна. А в данном случае и вся неделя обещала знатные перспективы в области обретения неприятностей. Ну, во-первых, горел отчёт. Ничего удивительного, отчётам на роду написано полыхать, как Вечному огню, но руководство обычно делает вид, что не в курсе этой отечественной традиции, и сулит неотвратимые удары рублём. «Эх, лучше бы баксом», – вздыхает в таких случаях Лёвин сослуживец Мишель Армянец. Мечтать не вредно...

Во-вторых, Лёва проспал. Ничего удивительного, накануне у Куперовских были гости, причём засиделись до того, что по телевизору стали без затемнения демонстрировать обнажённые тела, смущая присутствовавшую на встрече девушку, которую Лёвушкина мама, обеспокоенная отсутствием у сына матримониальных перспектив, пыталась с ним познакомить. Девушка оказалась довольно хорошенькой, смуглой, худенькой, стриженной под мальчика... Вот за мальчика-то и принял её не предупреждённый о визите и оттого непредубеждённый Лёвушка. Как следствие, он сперва крепко пожал гостье руку, а затем начал о ней заботиться... но не так, как следовало привечать особу женского пола и цветущего возраста, а именно таким образом, каким приличный юноша из хорошей семьи помогает избавиться от понятной неловкости пришедшему в незнакомый дом парнишке... Короче, явил себя совершенным медведем из к-нского зоопарка. Вдобавок, девица оказалась приезжей, из Питера к тому же... Фу, как стыдно было Лёве, когда он, наконец, разобрался в ситуации... И ведь даже извиниться нельзя – станет только хуже.

В общем, не задалась неделя. Мрачно пережёвывая эту мысль, Лёвушка спешил на автобусную остановку, когда около него с визгом притормозил кремовой расцветки автомобиль незнакомой – но явно иностранной – марки и два неприятных господина с одинаковыми спортивными фигурами синхронными усилиями в несколько приёмов запихнули оторопевшего Куперовского в недра сего средства передвижения. Внутри находился третий субъект – ещё более агрессивного телосложения. Ах да, и ещё шофёр – стало быть, всего-то – четверо.

– Простите моё любопытство, – сказал Лёва, – но ведь это похищение, не правда ли?

В принципе, с ним и вокруг него настолько часто приключались самые необычные события, что, казалось бы, пора было привыкнуть, однако он всё ещё удивлялся.

– Вопросы здесь будем задавать мы! – рявкнул один из близнецов-спортсменов, но ничего так и не спросил, да и вообще весь квартет киднепперов более не издал ни звука.

– Хорошо, извините, – кротко произнёс Лёва и погрузился в сочинение оправдательного монолога в неизбежных грядущих объяснениях с начальством.

Тем временем машина попыталась резко рвануть с места, но задела бордюр и завиляла. Водитель бестолково крутил руль и тыкался в какие-то кнопки. Остальным полагалось, наверное, ругать его, но они безмолвно восседали с неподвижными лицами, каменными взглядами уставившись перед собой. Вообще лишь суесящийся шофёр выпадал из компании, производя впечатление... живого – да, живого!

Наконец автомобиль влился в общий шоссе́нный поток – чтобы тут же вновь выпасть из него, нырнув в неудобное ответвление извилистого переулка с бесперспективным названием Новокирпичнозаводской. Если судить по виду домов, титульный завод был построен где-нибудь к столетию Александра Сергеевича. «Если не к пятидесятилетию», – мысленно уточнил Лёва, которому, вообще-то в создавшихся условиях полагалось бы размышлять о чём-нибудь... менее бренном.

На полном ходу иномарка миновала сарай, напоминающий барак – или барак, похожий на сарай? – и вдруг резко встала, чуть приподнявшись от неожиданности на передних копытах. Приборы на панели отключились, да и четверо похитителей как-то... расслабились. У самого представительного даже лицо скособочилось, слегка съехав под левое ухо. Водитель, издавая тихое потрескивание в области поясницы, прилёг отдохнуть на руль. Салон наполнился неприятным гулом явно электромагнитного происхождения.

– Ну, выбираться будешь, или мне до вечера тут висеть?! – осведомился знакомый неприятный голос свысока... то есть с высоты.

Лёва выглянул в окно.

– Здравствуйте, КСВ! – сказал он.

Куперовский-с-Веги, слегка высунувшись за борт летающей тарелки, подмигнул поочерёдно всеми пятью глазами, одновременно – по одной из своих многочисленных неприятных привычек – почёсывая спину задней ногой.

– Так тебя ждать, или своим ходом добираться будешь?

Лёва с трудом, привычно извиняясь за доставляемые попутчикам неудобства, выбрался из автомобиля и вскарабкался на борт снизившейся до полуметра, но – ввиду зловредной сущности инопланетян вообще и данного представителя межзвёздного сообщества, в частности, – всё-таки не приземлившейся тарелки. Летающая посуда тут же взвилась к небесам и после некоторых изящных пируэтов (по-видимому, долженствовавших продемонстрировать предполагавшимся скептикам и маловерам высочайший уровень мастерства пилота) уверенно, по пологой параболической кривой направилась в сторону обиталища Куперовских.

– Извините, мне на работу, – робко попытался вернуть пришельца и его средство передвижения на путь истинный Лёва.

– Позвони и предупреди, что сегодня не придёшь. Полагаю, тебе вообще понадобится отпуск за свой счёт, – с угрозой в голосе пробурчал веганец.

Лёва вздохнул и вытащил мобильник.

Съёживаясь по ходу, тарелка – теперь, скорее, тарелочка – нырнула в полутьму подъезда. К счастью, было у неё такое – практически, волшебное – свойство: изменять по мере надобности как свои размеры, так и параметры всех и всего, находящегося на борту. Продукт звёздных нанотехнологий, не иначе. Покидая космическую посудину, живые существа мгновенно восстанавливали первоначальные размеры, а вот неодушевлённые объекты – не всегда, что порой приводило к забавным – и обычно не совсем приличным – коллизиям. В данном случае обошлось без эксцессов, и даже ни один предмет одежды не пострадал. Временами Лёве казалось, что вышеописанное свойство тарелки отлично поддаётся контролю и управлению, просто Куперовский-с-Веги таким нехитрым образом демонстрирует то специфическое чувство, которое сам считает чувством юмора.

* * *

Навстречу тарелонавтам никто не вышел. Судя по грохоту и идиоматическим выражениям, сотрясавшим дверь ванной, жэковская бригада сантехников пошла на вторую неделю эпической борьбы с засорившимися водопроводными трубами и подтекающим туалетным бачком, демонстрируя Лёвушкиной маме виртуозное владение стилем «пьяный мастер».

«Куперовские всех стран, соединяйтесь!» – примерно так начертано на транспаранте, чуть косомерно прибитом над входом в семейную обитель Куперовских. С внутренней стороны, конечно. А «примерно» – поскольку исполнен сей призыв в соответствии с правилами дореволюционной, морально устаревшей орфографии: с ятями, фитами, ижицами и прочими «архитектурными излишествами». Когда-то давно, ещё до исторического материализма, его собственноручно нанёс на длинную полосу пергамента прапрадед Мафусаил Носонович. Кстати, нам кажется, что вышеуказанный лозунг напоминает нечто до боли знакомое, и те, кто в связи с данным фактом употребит грубоватое словцо «плагиат», в общем-то, правы. Вот только прапра Мафусаил жил в шестнадцатом и – немного – в семнадцатом веке. Выводы делайте сами.

Кстати, наш краеведческий музей уже давненько точит зубы на историческую реликвию и согласен его принять в дар или даже выкупить за разумную сумму. Младшие члены семьи были вроде и не прочь, старшие, понятно, против разбазаривания, причём по мере превращения младших в старшие они плавно меняют жизненные позиции – но тут подрастают новые младшие... А Лёвушка, как обычно, пребывает посредине и не принимает участия в традиционных кухонных дискуссиях. Он не любит спорить, предпочитая сварам мысль и действие. И если бы ему неожиданно сказали: «Лёва, ты нужен Галактике!», он даже не стал бы спрашивать: «Зачем?», но отважно...

* * *

– Лёва, ты нужен Галактике! – заявил тем нежным майским утром Куперовский-с-Веги, едва они с Лёвушкой прошли в большую комнату, именуемую в семье гостиной.

– Зачем? – удивился Лёва.

– Собственно, не Галактике, а Вселенной, – невпопад ответил инопланетный родственник, прихотливо изгибаясь, дабы почесать задней ногой заветное местечко у основания шеи. – Однако «Галактика» звучит лучше.

– И всё же? – настаивал Лев.

– Понимаешь, Земля – в некоторых аспектах уникальная планета, а ты – во многих отношениях – единственная в своём роде личность.

Лёва засмутился.

– Ну да, у нас довольно разнообразный животный мир, а люди – те и вообще...

– «Люди»?! Не смей меня. Таких, как вы, в Универсуме полным-полно. Некоторых даже можно считать относительно разумными. Если хочешь знать, твой вид вообще занесён в Большую Зелёную Книгу...

– То есть?

– То есть на хомо круглогодично разрешена охота без использования технических средств. За исключением периода гона, разумеется. Однако у человечества он тоже круглый год, так что можешь особенно не беспокоиться. А вот ты, лично ты – довольно интересное явление. Наши учёные считают, что ты – естественный генератор неопределённости. Класса не менее, чем Д12. Редчайший случай! Искусственно разработанные приборы не дают возмущения выше, чем С10, и при этом занимают в пространстве объём, сравнимый с размерами Солнечной системы. В то время, как ты, дорогой мой, значительно компактнее и заметно эффективнее. Между прочим, это означает, что тобой интересуются не только те, кого я здесь представляю. Сегодняшнее похищение – тому доказательство. Так что лучше давай-ка имей дело с нами. Всё же я – родственник, не чужой, стало быть, человек. То есть нечеловек, конечно. Но всё равно – не чужой. Нет, конечно, Чужой, но не тебе. Тьфу, запутался я с вами, – и зелёный инопланетянин сплюнул фиолетовой слюной – но аккуратно, прицельно, в раковину.

– Кстати, – решился Лёва осветить давно мучивший его вопрос, – как случилось, что мы, такие разные, – и родня?!

– Ну, это длинная и довольно романтическая история. Мой прямой предок Ытыблешоп 14+ несколько веков назад потерпел аварию на одной захолустной необитаемой планетке, тогда ещё не занесённой ни в одну лоцию. Помощи ждать было неоткуда, и пришлось ему затевать натуральное хозяйство – ну там, фрукты, овощи, рыба... К счастью, рыба в местном водоёме водилась, так что планета оказалась не вовсе необитаемой. С собой у предка тоже кое-какие саженцы оказались, прижились и обещали со временем вытеснить первоначальную растительность. Думаю, так в итоге и произойдёт. Наша-то флора обладает куда большей витальностью. В общем, всё бы ничего, но одиночество... И икра...

– Что за икра?

– Видишь ли, у нас сложный цикл размножения. После коитуса... Кстати, процесс оплодотворения у нас проходит тоже очень интересно. Рассказать? Не надо? Ну, как знаешь... Так вот, икра почти сразу переходит в особый мешочек самца. А мы самцы – дай бог каждому! Вам вот не дал... И до определённого момента вынашивается и доразвивается самцом. Однако потом вновь требуется самка – не обязательно та же самая. И во время секса мы внедряем в неё подрощенную икру. Ну, дальше неинтересно, потом уже идут роды – примерно как у вас, пелёнки там, кровать отсеков на 25-40 и тому подобное. В общем, предок Ытыб остро нуждался в самке. К счастью, тут на его стойбище вышла твоя многоюродная прабабушка Злата-Бронислава. Грибов ей, видишь ли, захотелось. Но не одни грибки в лесу водятся. Ну, мгновенно вспыхнувшее чувство – со стороны моего предка, понятно, который уже остро нуждался в сексе. Ради продолжения рода и вообще. Икра просилась наружу. Опять-таки удача была и в том, что на раздолбанном звездолёте уцелела аппаратура для гипнопедии. Так что Злата-Броха долго считала Ытыба молодым человеком приятной наружности, причём даже обрезанным... то есть, предположительно, правоверным иудеем. А когда Ытыб 14+ в один прекрасный день слишком расслабился и позабыл подзарядить аккумулятор, отчего кибергипнотизёр внезапно отказал – было уже поздно. Короче, пришлось рожать. Но дети оказались здоровенькие, мать... ну, мать номер два... воспитала их благочестивыми, в соответствии с Талмудом и традициями, обучила ивриту. Позже раввин сделал им обрезание – всё, как положено. Так что у

нас теперь есть свои евреи. Да и сам Ытыб 14+ уже перед самым отлётом – его в конце концов нашли по сигналу аварийного маячка – принял иудаизм. Он потом стал у нас крутым проповедником и даже довольно долго возглавлял Управление кошерной и трэфной информации.

– Подожди, но откуда на необитаемой планете оказалась моя прабабушка – хотя бы и неродная? Да ещё и раввин?..

– Ну... Видишь ли, эта планета, в общем-то, оказалась Землёй. Собственно, мой предок и открыл её для разумной Вселенной. Как позже выяснилось. Кстати, раз уж мы – действительно родичи, то пора тебе узнать моё настоящее имя. А то КСВ да КСВ. А зовут меня (кстати, давно уже мог поинтересоваться) Конструктуарий Великолепный Дядя. Для друзей – Великолепный Кон. Для тебя, по-родственному, Дядя Кон. Когда узнаем друг друга получше (в чём я лично сомневаюсь, поскольку и так знаю тебя как облупленного, а ты глубин моей всесторонней звёздной личности не постигнешь, боюсь, вовеки), сможешь называть меня Кон, а там, возможно, и просто Ко.

– А в конце концов – К, – продолжил расхулиганившийся некстати Лёвушка.

– Да, на нашей планете такие обычаи, – ледяным тоном отчеканил пришелец.

– На Веге?

– Астроном!.. Вега – звезда. На третьем камне от Веги, если хочешь знать. Так вот, меж лучшими друзьями имена могут и вовсе исчезнуть из обихода, и они обращаются друг к другу нежным «эй, ты!» или даже «пшёл сюда на цырлах, негуманоидный чел!». Это я перевожу на русский для понятности. Однако вряд ли мы с тобой сойдёмся настолько близко.

– А что у вас за проблемы? – после некоторой паузы решился- таки спросить Лёва.

– Какие ещё у нас могут быть проблемы?! У нас всё прекрасно и никаких проблем не может быть. А вот у вас – да, большие неприятности. Полное, я бы сказал безобразие с вашими фэйри!

– С кем, с кем?

– С фэйри. Точнее – с хобгоблинами: домовыми, лешими, водяными там разными... Однако «фэйри» звучит лучше. Болеют они у вас, вымирают. Так что решили мы импортировать их к себе. Спасти вид.

– Да их же не существует! Я имею в виду – в обычном мире.

– Очень даже существуют. Просто люди в них не верят, а они людей... игнорируют. Ну вообще-то просто прячутся, однако...

– «Игнорируют» – звучит лучше?

– Точно! Так вот, от невнимания грустные они у вас сделались, квёлые. А у нас они сразу расцветут. Мы-то наблюдательные да доверчивые. Это – не считая прочих способностей. Мы, веганцы, на всю Вселенную талантами знамениты. Вот я и лечу сейчас на предварительную разведку, место для будущего расселения иммигрантов присмотреть. И со мной их представитель. Эксперт, так сказать. Домовик со стажем. Пафнутием звать. Весь в бороде. Ну, ты с ним ещё познакомишься. Если решишься отправиться с нами.

– Погодите, Дядя Кон, я, собственно, так и не понял – зачем всё же я вам понадобился?

– Ну, во-первых, как представитель земной фауны, чтобы Пафнутий поначалу не скучал. Ты всё же и ему не чужой – местный, русский почти что (он из Сызрани), да и мне родственник. Во-вторых, всякие там ещё дела во Вселенной накопились – так, по мелочи... Но об этом – потом. Так что ж, ты присоединяешься или будешь следующих похитителей ждать?

– А почему бы и нет, собственно?! Тем более, что по Вашей милости, Дядя Кон, я с сегодняшнего дня в неоплачиваемом отпуске. Начальник отдела даже сказал, что, в принципе, такой ценный и ответственный сотрудник, как я, может и вовсе не возвращаться. Надеюсь, что это он просто сгоряча и только «в принципе». Но где же Ваш корабль?

– А тарелка? Она, между прочим, умеет не только размеры изменять. Её функции куда глубже и разнообразнее? Итак, раз уж ты решился – ап...

* * *

Они оказались на космическом корабле – со всеми, как сказал бы один мой малолетний знакомый, прибабасами и причиндалами,

знакомыми нам по фантастическим фильмам, и со многими другими, совершенно неизвестными.

– Погодите, Дядя Кон, но как же мама?! Она же будет волноваться!

– Пустяки, – махнул рукой Великолепный Дядя, почёсывая ногой спину в области поясницы; его зелёную голову украшала неведомо откуда взявшаяся капитанская фуражка с козырьком размера на три большим, чем следовало. – Я ей заранее записку оставил. Поскольку был уверен в твоём согласии. Да и вообще поздно сомневаться-то – мы давно в космосе.

– И насколько глубоко?

– Да не слишком пока. Едва до пояса астероидов добрались. Даже из плоскости эклиптики ещё не вышли.

– Извините, – вспомнил школьный курс астрономии Лёва, – но нас тогда свободно разнесёт в клочья!

– И чего такого? Не вижу повода для волнений. Ты, понятно, не в курсе, но в Большой Универсально Мыслящей Машине хранятся копии всех нас. В случае чего – восстановят. С точностью до атома.

– Неужели эта машина в состоянии сохранить в памяти все разумные существа Вселенной?

– Нет, конечно. Точнее, могла бы, наверное, но зачем? Штука дорогая, понимаешь. Однако с тебя я слепок снял уже при первой нашей встрече. На всякий случай, да и страховка все расходы покроет. Вдобавок корабельный компьютер присутствующих на борту регулярно сканирует и обновляет файлы. В том числе копирует и себя. Ибо, как он это сам формулирует, является мыслящей творческой личностью. Собственно, даже не одной. Ну, да ты вскоре с ним познакомишься.

– Подождите, – встрепнулся Лёва, который припомнил один вопрос, частенько возникавший у него, когда он читал любимые фантастические измышления о межзвёздных перелётах, – а не получится, что в случае этого самого я, к примеру, умираю, а дальше летит уже резервная копия? Пускай со всеми моими воспоминаниями, но это же буду уже не я! Разве не так? Я, конечно, понимаю, что это – отвлечённое умствование, что при вашей передовой технике несчастные случаи происходят пренебрежимо редко, но всё-таки?!

– «Пренебрежимо редко»? Ну, это ты загнул, родственничек! Да сплошь и рядом! Космос, однако. Нет, это ты как раз поднял серьёзную

философскую проблему, причём самой что ни на есть практической направленности, но в данный момент у нас с тобой имеются проблемы и поважнее. Дело в том, что разумные обитатели Вселенной априори рассматриваются Большой Машиной как свободные мыслящие единицы, обладающие абсолютными правами на личное существование. Прекрасный постулат, который в своё время вложил в прошивку БМ её изобретатель. Кстати, имени его никто не знает, разрешения на создание БМ он ни у кого не спрашивал и вообще был своеобразной личностью. В историю вошёл под прозвищем Компьютерный Маньяк. Знаешь, что начертано на его могилах (а у него их сотни на разных планетах, и во всех находятся некие останки)? «I'll be back»! Почему-то по-английски. Так и не знаем: пошутил или в самом деле собирался вернуться? Говорят, он то ли был всемогущ, то ли никто так и не определил пределов его могущества. Сам, кстати, полагал, что бессмертен. Однако всё же умер. Наверное... Да, к насущным делам: БМ по вышеуказанной причине возрождает лишь тех, кто на момент гибели ясно и однозначно – хотя бы мысленно – выразил желание подвергнуться оживлению. Не ранее, чем в течение одного периода версификации, предшествовавшего вышеуказанному моменту. При отсутствии подтверждения одного желания информационная копия личности необратимо дезинтегрируется. Это я цитирую текст Всеобщей Инструкции Всего, Что Может Случиться, раздел «Изобретения Компьютерного Маньяка», параграф «Большая Машина Вселенной». Неприятность, однако, в том, что БМ засекретила этот период да ещё и постоянно его меняет. Так что в опасной ситуации рекомендуется всё время повторять про себя: «Я желаю восстановления», «Я хочу восстановиться в случае гибели» – или что-то ещё в этом роде. Что я, между прочим, и пытаюсь делать. А ты меня отвлекаешь.

– Но разве у нас сейчас опасная ситуация?

– В космосе всегда опасная ситуация.

– Значит, и мне тоже надо так поступать?

– Ну, это как знаешь. Каждый индивидуум имеет право на прекращение физического существования. Да не беспокойся ты так, привыкнешь. У нас, звёздных волков, все эти штучки уже в подкорке сидят. На уровне рефлексов.

Лёва замолчал. Однако через некоторое время он рискнул прервать чтение мантры, дабы спросить:

– Слушайте, а Большая Машина... Её кто-нибудь дублирует? А то не ровён час...

– Не знаю, право. Наверное, есть резервная БМ, – засомневался Кон. – Хотя я о ней не слышал. Кстати, я даю тебе разрешение перейти на «ты».

Лёвушка не успел поблагодарить Дядю, ибо в этот миг грохот сотряс барабанные перепонки (у тех, у кого они имелись), внешняя стенка вздулась пузырём, и последняя тьма, лениво прокатившись по кораблю, затопила...

– Ну и как, – спросил Кон, когда вновь зажёгся свет, – это ты или уже не ты?

– А что, мы?..

– Не уверен. А ты как полагаешь?

Лёва задумался.

– Во всяком случае, пребывание в космосе мне нравится всё меньше и меньше.

– А кто от него в восторге?! Важен не сам процесс перемещения тела в пространстве, а его результат.

– Сотри ужасные черты,

И ты увидишь: мир – прекрасен!

– Стало быть, сегодня он у нас – Поэт, – вздохнул Кон. – Ну что ж, возможно, начинать с худшего варианта – это и неплохо. Разреши, Лёва, представить тебе второго – по порядку, не по значению (как он требует всегда добавлять) – члена экипажа: Компьютер. Не знаю, что бы я без него делал. Боюсь, что прожигал бы жизнь, ни в чём себе не отказывая. Вообще-то вместо имени ему положен номер, но мы, евреи, так сентиментальны... Короче, его зовут Арон.

– На рассвете разбужен

Соловьиной я песней...

Придушить бы певца!

– Вот в таком разрезе, – вздохнул Дядя. – Привыкай.

Дверь в кают-компанию (если это была кают-компания, что, конечно, весьма вероятно) с шипением отползла в сторону. На (отсутствующем) пороге показался кургузый мужичонка затрапезной внешности с редкой солженицынской бородкой. Скрестив ноги в вертикально-полосатых штанах и оправив тщательно засаленную телогрейку, он уселся прямо на пол. Хотя свободные кресла были. На Лёвушку зашелец зыркнул крайне неприязненно. Лёва, который привык оказываться первопричиной неловких ситуаций, попытался поздороваться и представиться. Новый ледяной взгляд пресёк его старания, а злобное шипение, наподобие змеиного, остановило протянутую руку. Более того: если Лёва, расхаживавший по помещению, приближался к человечку, тот судорожными движениями утягивался в сторону и как-то стремился слиться с окружающей средой, что у него не особенно получалось. Присмотревшись к лицу мужичка, Лёвушка получил ответ на один из многих дурацких вопросов, которые время от времени задают себе некоторые поклонники изящной словесности: в книгах частенько упоминается семитский нос, причём все мы знаем, что он собой представляет; а вот как выглядит антисемитский нос? Теперь Лёва определённо знал – как.

– Пафнутий, – подтвердил очевидное Дядя. – Теперь, вроде бы, все. Да, наша шхуна называется «Непобедимый». В целях повышения неуязвимости судна и оптимизма экипажа.

Арон по собственной инициативе включил обзорные экраны. Похоже, Солнечную систему корабль уже покинул, поскольку за бортом с огромной скоростью проносилось Великое Ничто. То есть вокруг ровным счётом ничего не менялось, и лишь звёзды стали чуть ближе и ярче, к тому же прекратили подмигивать.

– Чертовски увлекательно, – пробормотал Лёвушка.

Пафнутий пророкотал, обращаясь исключительно к собственной бороде, нечто неодобрительное.

Неожиданно мимо проскользнул обгорелый, в заплатах и пробоинах корпус звездолёта с повреждёнными дюзами. Лев посмотрел ему вслед.

– Хемми, – прокомментировал компьютер. – Герой многих поэм и баллад. Сам в данный момент планирую изваять про него сагу, раз уж довелось встретиться. Появился повод! Личность известная. Абсолютный Диссидент. Недавно подал иск против Создателя. Ввиду неудачного устройства реальности, каковая причиняет Хемми невыносимые страдания. Прошла уже пара десятков заседаний Вселенского Суда, однако рассмотрение дела постоянно откладывается ввиду неявки ответчика. Правда, адвокаты с Его стороны приходили, но почему-то всякий раз иные. Судья дважды угрожал насильственным приводом, так что, полагаю, Творцу не отвертеться.

– Баловство одно, – проворчал Пафнутий. – Суета сует и всяческая суета.

– Ну, не скажи, – отозвался Дядя. – А если он таки выиграет дело? Представляете, каких размеров моральную компенсацию можно содрать с Демиурга?

Из спрятанных динамиков взвыл замогильным баритоном воспрянувший компьютер, которого вновь лягнул Пегас:

— Сто рублей до зарплаты...
Но зовёт агитатор
Через тернии к звёздам.

По весне обещают
Выборы богдыхана
И авитаминоз.

Мягко падают листья
На промокшую землю.
В подворотне – дерьмо...

Ранним утром по стенам
Прихотливые струйки.
Кто-то кран не закрыл.

Дацзыбао с призывом
Выбирать депутатов.
Снег заносит следы...

Даже если улитка
Заберётся на Фудзи,
Не изменится мир.

– Что это было? – после мучительной паузы, в течение которой зелёное лицо капитана то бурело, то белело, спросил Великолепный.

– Моё изобретение – пучок хокку, – отвечал творец. – Придёт на смену устаревшему и зацикленному венку сонетов.

– Спасибо за комментарий, Арон, – поморщившись, сказал Дядя. – Мы в восхищении. Однако не в полном, ибо, между прочим, у тебя здесь и слогов неправильное количество, и с ритмикой не всё в порядке. Это уже не хокку, это какой-то хоккей получается, и, как говаривал один известный мастер разговорного жанра на Земле, такой хоккей нам не нужен. Абсолютно с ним согласен. Кстати, Лёва, приготовься: завтра с утра мы высаживаемся на планету. Ты впервые сможешь увидеть представителей иных цивилизаций (при этом не имеющих ничего общего с кланом Куперовских) и даже пообщаться с ними. А Арон тем временем подзаправит двигатель.

– Некий древний старик из Молдовы
Знал одно заповедное Слово.
Жаль, дышал он едва,
А то знал бы их два.
Вот какие есть люди в Молдове!

– Отличное резюме, – возведя все пять глаз к небу (точнее, к потолку кают-кампании), вздохнул Кон. – Надеюсь, завтра произойдёт перезагрузка. А ведь до приобретения этого корабля я любил стихи.

– Вас не устраивает художественный уровень моих произведений, капитан? – сухим до полной обезвоженности баритоном осведомился Арон.

– Нет, я в восторге. Просто характер такой, въедливый.

Да уж, подумал Лёвушка. Ему стансы компьютера, скорее, понравились. Хотя Кон должен был слышать вирши Арона несколько чаще... пожалуй, намного чаще...

* * *

– Её все так и называют – Заправка. Собственной цивилизации нет, но на поверхности постоянно толкутся по всякой надобности миллиардов пять-семь, так что разница с населёнными мирами практически незаметна. Кстати, скафандр не понадобится, имеется искусственная атмосфера. Кислорода, правда, многовато, так что следи за собой – не проявится ли чрезмерная весёлость. Впрочем, это не опасно.

– А Пафнутий не пойдёт с нами?

– Нет. Что, скучать по нему станешь?

Скорее, наоборот. Нелюдимый нрав и общая злобность, сливаясь с посконным внешним обликом в неразрывную цельность, составляли исполненную гармонии личность домового. Но ведь за что-то прочие хобгоблины избрали его представителем? Видимо, он популярен хотя бы в какой-то среде? Или они просто хотели от него избавиться – хотя бы на время?

Лёва с нетерпением ждал встречи с иной цивилизацией (точнее – с иными). Увы, первым впечатлением от планеты стало протяжённое здание с плоской крышей, неотлично напоминающее земной ангар. Вскоре выяснилось, что вся поверхность – вплоть до горизонта – оказалась застроена такими же «ангарами».

– Почему здесь так?.. – не найдя подходящего слова, он просто обвёл рукой вид.

– ...Функционально? Так ведь планета общая, стало быть – ничья, – пояснил Дядя; сегодня – видимо, в честь высадки – на его макушке красовалась шикарная алая чалма высотой сантиметров в пятьдесят. – Кто ж в неё вкладываться будет?! Ну, рестораны всякие, игровые салоны, отели и прочее там такое – оно существует, понятно, и, если пройти подальше, то можно найти кое-какие строения более... своеобразного

облика. Но, боюсь, для тебя это окажется слишком сильным потрясением.

– Лень идти? – догадался понятливый Лёвушка.

– В общем-то... да! Собственно говоря, и такая архитектура вполне удовлетворяет местный бизнес. В конце концов, здесь никто не устраивается надолго. А вот и мой любимый ресторанчик.

Над входом в данный ангар висела длинное переливающееся всеми цветами видимой и невидимой (человеческими глазами) частей спектра световое панно. Наверное, странные закорючки, пробежавшие по нему, означали наименование заведения, но, не надеясь на грамотность посетителей, хозяин продублировал письменный текст устным:

– Дорогие (горячо любимые, избранные, несъедобные для меня, симпатичные, эмпатичные, притягательные, не вполне ненавистные) потенциальные посетители! Приобщите свои организмы к изысканным блюдам кухни ста сорока восьми с половиной планет! Здесь, в заведении «Как у мамы (сестры, младшей жены, третьей слева наложницы, подруги двоюродного брата, тёти, тёти тёти, рабыни хозяина, хозяйки гнезда, троекратной тёщи)», вы найдёте любую пищу! Вы покинете наш ресторан сытыми (довольными, счастливыми, полурасстворёнными в кислотах, без сознания, полностью избавившись от продуктов метаболизма, в состоянии первой клинической смерти, ощущая отвращение ко всему живому)! Не проходите мимо! Отель при ресторане также ждёт вас! Здесь вы встретите комфорт, которого вы недостойны! Имеется недорогая солдатская столовая с комплексными обедами. У нас будущих защитников любого Отечества накормят как на убой!

Лёвушка так и не понял, каким образом голос, читавший сей текст, отмечал скобки, однако отлично чувствовал, в каких именно местах их следует ставить – как и прочие знаки препинания. Видимо, так проявляли себя достижения передовой межзвёздной науки.

Внутри вокруг столиков причудливой формы сидели, возлежали, стояли, нависая над ними (и публикой), порхали или текли по полу десятки разноцветных существ самого невероятного облика. Наконец-то Лёва встретился с иным разумом, более того – с иным образом мысли. Пока Кон вначале долго заказывал гарсону – крабоиду в золотистом смокинге и пышном чёрном банте – блюда с многосложными наименованиями (оказавшиеся при ближайшем рассмотрении свекольным холодником, котлетами с жареной картошкой, макаронами

по-флотски и малиновым киселём – правда, последний был голубого цвета), а затем они всё это ели, Лёвушка чутко прислушивался к обрывкам разговоров у соседних столов, дабы приобщиться к перлам вселенской мудрости.

– А я ему: «Чувак, ты, в натуре, осознаёшь, на кого метёшь?!» А он мне: «Да вижу я, что ты козёл!» Я так и не понял: то ли он извинялся, то ли обидеть хотел? – басил одетый в клетчатый костюм-тройку рогатый субъект, потрясая жиденькой бородкой и изредка пристукивая по столу лакированным копытом.

Посуда звенела. Сосед недоумевающего рогача, похожий на него, как брат, сочувственно кивал, не забывая потягивать через трубочку прозрачный напиток из графинчика. «Интересно, как они умудряются одеваться, копытные-то?» – думал Лёва. – «Или их кто-нибудь одевает? А зачем, кстати? С такой-то шерстью... Видимо, хотят выглядеть цивилизованно».

– Она мне: ты, дэскат, сэксуально озабоченный. А я ей в ответ: «А что, сэксуально бэззаботный – это лучше, что ли?..» – сипела мохнатая мегасороканожка в колпаке с колокольчиком, наворачивая с жирным чавканьем нечто размолотое до кашицы, но, несомненно, мясное. – Эй, малый, тащи ещё малёнькую. Я малёньких люблю, да-нэт? Пусть будэт малёнькая, но много!..

– Точно, друг! – провозгласил его собеседник, антропоморфный двухметровый субъект с крокодилъей головой, одетый в бермуды и телогрейку. – Много – это завсегда лучше, чем мало. Так выпьем же за это!

Капля жидкости, которую он принял одним глотком, расплзлась бурым пятном по напольному покрытию.

– И ты ж понимаэш: любила она мэня. Вэдь любила?

Крокодилолюд щелкнул зубами. Согласился, должно быть.

– Вот... Любила. Однако ушла. В самую душу поганку кинула! С тэх пор-р-р тоскую! Ну нэ дур-р-ра, а? Какого пар-р-рня кинула!..

– Дура, – подтвердил крокодилоподобный. – Где она теперь такого, как ты, найдёт?

– Нигдэ, – просопел сороканог. – Такие, как я, только на Эр-р-рэбусэ водятся. Да и там мало нас. Навэр-р-рное, скоро вымр-р-рэм, да-нэт?

И он зарыдал, покрываясь каплями влаги по всему телу. К его слезам присоединился и собеседник, в исполнении которого плач выглядел особенно внушительно.

– Слышу ночью шум в гостиной, грохот, – рассказывал оседлавшему крохотную рюмку оранжевому клопу шестилапый зелёный кролик. – Ну, тихонько встал, врываюсь, кричу: «А ну, кто здесь, кто не здесь?!» Смотрю – а там два таких амбала: с крыльями, копыта грязные, но, что характерно, размером точно с мою морду, как измеряли, падлы. Уютно так расположились, уже колбасу из холодильника жрут. Ну, делать нечего, познакомились, подружились...

Клоп ничего не отвечал, налегая на алое содержимое своей посуды.

– Ты же знаешь: у нас, как всегда: жестковыйность растёт, удои падают... – жаловался на жизнь интеллигентно одетый шимпанзе макакоподобной девушке в розовом мини. Та кивала, грустно поглядывая на пустеющую бутылку, и явно подсчитывала в уме количество рюмок.

– А потом она, понимаэш, «на минутку» вышла. «Погоди, я что-нибудь накину», – говор-р-рит, понимаэш. Ну и накинула, понимаэш, ещё тр-р-ридцать пр-р-роцэнтэ свэр-р-рху... – это многоног, оказывается сменил тему и дислокацию. Теперь ему внимал дикобраз, иглы у которого росли не только на спине и боках, но и на животе. «Похоже, теперь он о бизнесе рассуждает», – подумал Лёвушка. – «Надо же, а на бизнесмена вовсе не похож. Как обманчива порой внешность. Впрочем, у нас в К-ни тоже разные деловые люди попадают. Интересно, а как спит этот колючий?»

– А я ему: да ты с ума спятил! Оказалось – и вправду... – заявил, допивая бутылку, шимп. Не дослушав, его спутница, с грохотом отодвинув стул, встала и направилась вон из трактира. Партнёр вскочил,

бросился за ней, зацепился за что-то, упал, вскочил, вновь запнулся... У самого выхода догнал розовенькую, стал ей что-то объяснять, оправдываться, размахивая всеми четырьмя конечностями. В конце концов они до чего-то договорились и ушли, причём она волокла его на себе.

– И главное, что во время службы-то выяснилось: это самый Его Преподобие оказался глух, как тетерев; впрочем, оттого ещё более преподобен... То есть это они так считают. Обе мамы, значит. Текст врал напрапалую, невесту выдал за папашу жениха... То есть за моего с братаном папку... Перепутал малость. Впрочем, гостям понравилось. А толку? Всё одно они месяца не прожили. Церковный брак, таинство. Тьфу! Лучше бы пошли да в мэрии расписались, как я. Хотя моя тоже ушла. Но год, однако же, прожили. Как люди... – растолковывал потасканный, впрочем, в костюме и несвежей белой сорочке с галстуком-бабочкой, блондин, парень так лет тридцати-сорока. Его слушателями были десяток розовых слонов и одинокий зелёный чёртик с унылым выражением забавной мордочки. При этом складывалось впечатление, что белобрысый говорит, обращаясь не к своим созастольникам, а в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь, просто по привычке сотрясать словами атмосферу. Кажется, он был не вполне уверен в том, где находится, и в реальном существовании своих молчаливых спутников. Из еды на столе наличествовали три пустых и одна ополовиненная бутылки «Бормотухи плодоовощной особой высшего качества» и несколько надкусанных в разных местах солёных огурцов. Всё это употребил блондин, его визави ничего не ели и не пили.

К Куперовским, заметив, что они уже закончили, подошёл гарсон в серебряном смокинге и лимонной бабочке.

– Ваш счёт, пожалуйста, и вот, – он протянул графинчик с голубоватой жидкостью, – наш фирменный. За счёт заведения, как почётным гостям.

«Странно», – подумал Лёва. – «Разве у него был не золотой смокинг? С чего это он вздумал переодеваться?» Видимо, у Дяди возникли сходные мысли, потому что он не стал наполнять рюмки, а вместо того очень бережно, стараясь не взболтнуть и не ударить,

поставил презент на стол. Напиток странно бурлил и даже чуть дымил из-под фигурной крышечки.

– А куда делся наш гарсон? – спросил Великолепный.

– Это я – ваш гарсон, – неуверенно пробормотал крабоид, спиной вперёд отступая от столика. Не выдержав тона, он внезапно развернулся и, расталкивая публику, кинулся прочь.

– Верительные грамоты вручены, первый ход сделан, – загадочно пробормотал Дядя.

От кухни уже спешил настоящий гарсон – золотистый.

* * *

На «Непобедимый» возвращались затемно (впрочем, ввиду маломощности здешней звезды, на Заправке всегда было несколько тускловато) – Лёвушка всё же потащил Дядю на осмотр перлов местной архитектуры. Впечатлил здоровенный вывернутый наизнанку икосаэдр на тонкой ножке. Кон сказал, что в точности так выглядит произрастающий в созвездии Весов пачкальщик рыдающий, внешний вид которого хозяин казино воспроизвёл из задушевно-патриотических соображений. Правда, тут как раз подъехали спасатели на футуристической расцветки семиколёсной машине, и выяснилось, что помещение первоначально имело вполне правильную форму, но его попросту выперло из почвы (вместе с фановой трубой) и разворотило извержением подземного грязевого вулкана. И вообще это оказалась скромная похоронная контора. Ну и, конечно, игровой клуб «Делириум», стены коего были изготовлены из подмороженного света и раз в полторы минуты меняли форму (вынуждая большинство любителей азарта собираться в центре зала, где по традиции делались самые крупные и рискованные ставки), тоже запомнился. А так, в общем, ничего особенного – в Нью-Йорке попадаются проекты и побезумнее. Не говоря уже о Москве.

– Что, разочарован местной публикой? – с усмешкой говорил Дядя по пути на корабль. – А чего ты, собственно, хотел? Межзвёздные шоферюги, такелажники, редко-редко какой астрогеолог или просто бродяга-авантюрист заглянет. Я заметил: ты всё к их разговорам прислушивался – какие вселенские тайны, интересно, надеялся узнать? Неужто сам не уловил, что это за публика?

Лёва грустно и смущённо молчал. Странное и не слишком приятное ощущение чужого взгляда, ползущего по спине, не покидало его. Несколько раз он, оглянувшись, видел одного и того же здоровенного гуманоида в гавайской рубашке, ультрамодных мешковатых шортах (каковые во всей Вселенной умеют шить лишь искусные китайские модельеры) и шляпе до того ковбойской, что ни один истинный ковбой никогда бы её не надел. И хотя тёмные очки закрывали пол-лица громилы, Лёвушке показалось, что он опознал преследователя, что тот подозрительно схож с главарём банды, пытавшейся подвергнуть лучшего из Куперовских киднэппингу. О чём он не преминул сообщить Дяде. Кон успокоил, предположив, что они с Лёвой, скорее всего, чем-то обеспокоили службу внутренней безопасности Заправки, которая в ответ приняла скромные профилактические меры, и намекнув, что с нервами кое у кого не всё в порядке и межзвёздный вояж предпринят в этом смысле как раз вовремя. Не надо преувеличивать свою важность для Вселенной, сказал Дядя. При этом у Лёвы сложилось ощущение, что слова о слежке Великолепного несколько не огорчили и даже, похоже, не удивили. Впрочем, он мог ошибаться.

На борту всё было в норме. Корабль был заправлен под завязку, о чём Арон и доложил звонким девичьим сопрано с капризными обертонами. Когда, приняв рапорт, Кон лишь благодушно кивнул, компьютер, воскликнув: «И это всё, что ты можешь мне сказать? А порядок и красота, которую я здесь навела, выходит, не стоят даже слова благодарности?!», замолчал на несколько часов. Видимо, погрузился в просмотр гламурных сайтов Экстранета. Забегая вперёд, замечу, что лишь перед самым взлётом (и сном) Аронесса изволила прервать паузу, язвительно вопросив пространство, не желает ли хоть кто-нибудь из присутствующих пожелать ей спокойной ночи (хотя чем для него-неё ночь отличается от дня?); дождавшись искомого только от смущённого

Лёвушки и по-королевски проигнорировав сей несущественный факт, она-он истерически взвизгнула, издала трагический стон и отключила трансляцию до утра...

– Явились-запылились! – пробурчал Пафнутий, соорудивший себе временное лежбище под столиком, и удалился в один из коридоров (кажется, ведущий к моторному отсеку), ловко обогнув Куперовских и вновь избегнув телесного контакта.

– Дядя Кон, – вспомнил один из достававших его вопросов Лев, – а как получается, что я воспринимал всё, о чём говорили инопланетяне в ресторане, да и после? И официант Вас...

– Тебя!..

– ...Тебя понял, хотя Вы... ты говорил по-русски.

– Я бы мог заявить тебе, что Российская Федерация так популярна, что все цивилизации Вселенной, из уважения к мощи её армии и культуры, перешли на русский язык. Однако это было бы и смешно, и неправда. В нефти и газе мы, к счастью, не настолько нуждаемся. Я бы даже сказал, нисколько не нуждаемся. Просто мы здесь, в космосе, решили организовать дела так, чтобы при беседе улавливать – на клеточном уровне – не саму речь, а её суть. А то иначе получалось бы не общение, а диалог чукотского шамана с британским лордом. Как это физически устроено, не спрашивай – сам не знаю.

– Здорово придумали. А почему тогда я у некоторых замечал акцент?

– Ну, это просто так, чтобы интереснее было.

В кают-кампании воцарилось недолгое безмолвие. Нарушил его, естественно, опять-таки наш главный герой.

– Кон, – конспиративным полущёпотом сказал Лёва, – я бы хотел поговорить с Вами... с тобой... по одному деликатному поводу. Про Пафнутия.

– Я бы не назвал Пафнутия деликатным – даже деликатным поводом.

– Нет, в самом деле: ты ему доверяешь?

– А в чём дело?

– Ну, странный он. Необщительный какой-то, даже для хобгоблина.

– А ты, дорогой родственничек, столь хорошо знаком с фэйри, что даже знаешь их коммуникативные стандарты?

– Не то, чтобы знаком, но читал кое-что, а с некоторыми довольно фольклорными персонажами и лично общался. Другой он. Практически ничего не говорит, не даёт себя потрогать. Да – и не пахнет от него! От домового должно вонять! Зипуном там, онучами, лаптями... Бородой, в конце концов! А он стерилен, как... как дистиллированная вода... Говорю тебе: что-то с ним не то... Может быть, он робот? Или даже робот-шпион?! Я же тебе рассказывал про слезку.

– Да, – вздохнул Кон, – с запахом – это я промахнулся. И Арончик мог бы, кстати, поправить, – повысил он голос. – Ему же любое амбрэ – даже аромат онуч – синтезировать – что мне раз плюнуть. Прокололись, короче. Ладно, слушай: нет никакого Пафнутия и никогда не было. Это всё так: морок, иллюзия, голограмма... Ароново творение. И его же идея, к слову. Истинная цель нашего полёта совершенно иная. Видишь ли, половиной – если не более – обитаемого Универсума правит Тёмный Властелин...

– ...Значит, под его пятой стонут 3118 рас? – спустя час, в очередной раз перебил монолог Великолепного Дяди Лёвушка.

– Это не считая пяти видов разумных роботов и одной мыслящей Галактики. Я же тебе уже трижды повторял.

– И свободолобивые демократические силы Вселенной хотят видеть именно меня во главе Светлых сил? Но почему?!

– Ну, во-первых, не одного тебя. Во-вторых, не совсем во главе. Наш выдающийся вождь – король Арагорн сын Араторна, да пребудет с ним Сила, массаракш! А ты пока даже на любимого руководителя не тянешь, уж извини. И, в-третьих, что здесь удивительного? Универсум наслышан о твоих подвигах и приключениях. Мы хотим, чтобы ты был среди нас. А не в числе наших противников, которые при любых обстоятельствах не оставят тебя в покое. Особенно теперь, когда им стало известно, что Светлые проявили к тебе интерес. Так что выбора у тебя фактически нет. Если ты, конечно, не жаждешь оказаться жертвой... обстоятельств. Или, может быть, ты желаешь повторить творческий путь Дарта Вейдера?

– Я вовсе не хочу стать Тёмным Властелином! – обиженно воскликнул Лёвушка. – Я только не понимаю: зачем было обманывать?! Мог бы прямо сказать. Ещё на Земле.

– По моему, ты что-то путаешь. Дарт Вейдер – конечно, Император и вообще заметная личность, но, по агентурным данным, Тёмный Властелин – не он. Мы вообще не знаем, кто такой этот Властелин. Никто из нас его никогда не видел. А вдруг именно наш с тобой вояж заставит его появиться на авансцене? Правда, делами в ходе путешествия пока что буду заниматься в основном я. Но твоя роль не менее важна. Осматривайся, знакомься, собирай информацию.

– Какую?

– Да любую. Кто знает, что может пригодиться в твоей грядущей и, не сомневаюсь, героической работе в Светлом Совете. Однако Тёмные наверняка постараются нам помешать. А отвечая на твой предыдущий вопрос, хочу сказать, что сразу тебе открыться помешали славные конспирологические традиции демократического подполья. Всем вот так прямо выйти из Сумрака, знаешь ли, трудновато. Привычки, обычаи, в деле тебя надо было проверить, в конце концов.

– В ресторане?!

– Ну, и в ресторане. Есть-то где-нибудь надо. И ты, между прочим, слезку всё-таки заметил, что говорит в твою пользу. Кстати, происшествие с фальшивым официантом доказывает, что кое-кто нами интересуется. И вообще: кто ты такой, чтобы обсуждать действия благородной оппозиции?! Так было нужно – и весь сказ.

– Ладно, – сдался на милость неопровержимого аргумента Лёва.

– Кстати, учти: в ходе полёта нам придётся посетить самые странные места. Надо активизировать и объединять Светлые силы Вселенной. Так что не удивляйся.

– А будет, чему удивляться?

– Будет-будет. Уж ты мне поверь.

* * *

И первая же планета не подвела. Поверхность её густо покрывала растительность. Лишь водоёмы редкими тёмными проплешинами разрывали изошрённое буйство флоры, но и их дно обросло шизоидными лесами водорослей. А на суше преобладали цветы – самых фантастических форм и оттенков. Цветы были разумны. Их прихотливо изрезанные листья шелестели на ветру, разгоняя вокруг аромат томно изогнутых нежных лепестков. И лишь бесстыдно торчащие тычинки и пестики намекали на то, что и плотские интересы растениям-интеллектуалам не чужды. Однако данные органы уже давно можно было рассматривать как атавизм, ибо много десятилетий назад аборигены уничтожили местных насекомых, дабы их гнусное жужжание и низменные намерения не отвлекали от размышлений о высоком. С тех пор лишь незначительный процент отщепенцев, способных к вегетативному размножению, тратили время и силы на деторождение, да и то исключительно редко. К счастью, местные растения обладали поистине чудовищным долголетием, в отсутствии внешних опасностей их существование могло длиться века, а внешние угрозы и в самом деле отсутствовали. Планета носила название Цвет Истины, и, разумеется, не просто так. Когда кто-либо вдыхал аромат какого-нибудь цветка, он узнавал некую истину. У каждого из цветов она была иной, порой различные истины оспаривали друг друга, порой вообще не были связаны между собой, касались самых различных и взаимоудалённых объектов ноосферы, нередко оказывались невразумительны или недоступны, чаще всего не сулили практического или хотя бы интеллектуального приложения. И однако – всё это были истины... Потому что истин много, и это не обязательно те, которые ищите лично Вы. Однако каждой из них необходим обоняющий, ибо вне пытающегося воспринять её свет любая истина мертва.

– Нет Бога кроме Бога, – взревел в мозгу Лёвы острый пряный дух мощного тёмно-красного соцветия. – Посвяти ему смерть максимального числа неверных, и сто двадцать широкобёдрых гурий исполнят все твои прихоти.

– Сто двадцать ифритов удовлетворят с тобой все свои желания, если ты посмеешь покуситься на жизни невинных людей, даже исповедующих иную веру, – возразил более тонкий и сложный аромат соседнего колокольчика. – Лишь благие поступки угодны Небу.

– Всевышний не пожалел единственного Сына Своего ради наставления неразумных разумных тварей и искупления их грехов.

Множество раз на различных планетах и под разными именами рождался Мессия, дабы быть преданным теми, кому нёс Свет, умереть в муках и возродиться на третий день, – вещал строгий запах растения, напоминающего фиолетовую розу.

– Совершай благие поступки, отвергни суетные желания, – призывало тонкое, почти неуловимое благоухание чайного куста, – стряхни всё обыденное, и ты сумеешь вырваться из кругов Сансары и погрузиться в великое Ничто.

Запахи сплетались, смешивались, перебивая и заглушая друг друга.

– Вселенная четырёхмерна...

– Шестимерна...

– Бесконечномерна!

– Вселенной вообще не существует. Мир – лишь сон взбудораженного разума.

– Вселенным нет числа. Они то взаимопроникают, то тянутся параллельно одна другой.

– Мир – это гигантский Диск, возлежащий на плечах трёх слонов, каковые, в свою очередь, опираются на панцирь гигантской черепахи по имени А’Туин, плывущей в пустоте.

Лёвушка чувствовал, что обыкновенные мысли плавно и грустно покидают его голову, постепенно вытесняемые многочисленными Истинами, в абсолютной тишине ментально провозглашаемыми вокруг. Для собственного разума попросту не оставалось места в примитивном сознании простого землянина. Возможно, он так и рухнул бы бессмысленной тушкой в клумбу мудрости, дожидаясь, пока Дядя, возможно, его отыщет и, чем чёрт не шутит, приведёт в исходное состояние, но тут безмолвие было мягко, но уверенно нарушено. Низкий гул, гудение сотен... тысяч... сотен тысяч маленьких деловитых бомбардировщиков наполнило атмосферу. Аэропланы оказались пушистенские, мягонские, медового цвета в тёмно-бурую полоску, с тупыми округлыми рыльцами и заострёнными тыльными частями. Они во всём походили на шмелей, вот только заскорузлых, щетинистых и страшноватых лапок у них было около двух дюжин. Насекомые снизились, сделали круг над цветочным полем... Философские беседы стихли до шёпота, прекратились... Настала пауза, которая сменилась

нарастающими стонами сладострастия. Затем исчезли и они. Сознание Куперовского очистилось, лишь изредка в него заползало случайное стенание, источник коего обладал, видимо, особой телепатической силой.

А вокруг извивались, сплетались листьями и стеблями, открывали и закрывали чашечки многочисленные цветы. Их тычинки и пестики трепетали, набухали, напрягались и дрожали в экстазе. Им было не до Истин. Начиналось Великое Опыление.

Когда астронавты вновь оказались в звездолёте, Лёва долго не чувствовал никаких обычных запахов, и у него жестоко ломило виски. Когда благодаря мерзкого вида и вкуса пойлу, состряпанному компьютером, боль удалось наконец несколько унять, Лёвушка взглянул на усыпанный мириадами далёких огней экран и припомнил:

– Однажды некий знакомый сказал мне: «Еврей среди звёзд – это красиво!»

– А два еврея – ещё лучше, – развил мысль веганский Куперовский.

– Но три еврея – вообще красота! – присоединился к нарождающейся национальной ячейке Арон. – Между прочим, я принял иудаизм давным-давно. Даже кабель заземления обрезал.

Так они и стояли небольшой дружной компанией, раздражая вселенских антисемитов, любуясь звёздами и самими собой. Вот такие они были: Куперовские, не совсем Куперовские и совсем не Куперовские, и их уже не переделать. А кому не нравится – читайте другие книжки! Или вовсе не читайте – как хотите.

* * *

– А сегодня мы посетим Фэмили, – объявил через пару дней Великолепный Дядя. – Забавная планетка. Искусственно сконструированная – в научных целях. Её история весьма поучительна. Наверное. Вот был у вас, на Земле, такой учёный – Толстой. Семейный психолог или психиатр – точно не знаю.

– Ну, не совсем учёный, – уточнил Лёва.

– Арон, кто он был?

– Не отвлекайте, я творю, – откликнулся компьютер.

После удаления Пафнутия он стал чаще впадать в творческий экстаз – видимо, освободился большой объём оперативной памяти.

Дядя начал молча биться головой о столик.

– Успокойся, кэп, – после некоторой паузы (во время которой, судя по всему, он, не отрываясь от литературного творчества, одновременно наслаждался зрелищем капитанских мук) уточнил Арон, – Это проза.

– Не проза поэта? – недоверчиво переспросил Кон.

– Просто проза. Из земной жизни. Пока хлёткие фразы сочиняю, про запас. Вот, например, образчик: «Повстречав медведя, Мыкола Степанчук легко отделался от левой ноги». Или вот ещё: «Вокруг не было евреев, и его антисемитизм остался не востребуемым». А вот из другой области: «Он был специалистом в области эротики, она – в порнографии. У них не сложилось».

– Спасибо, – вздохнул Кон. – Мы впечатлены. Теперь можем продолжить, надеюсь?

– Конечно, – сказал Арон, не желая улавливать сарказма.

– Так вот, этот Толстой утверждал в статье, что все счастливые семьи похожи одна на другую, а все несчастные несчастливы по-разному. Данная точка зрения не могла не заинтересовать учёных Универсума. А поскольку времени и ресурсов девать некуда... В общем, на Фэмили добровольцы предприняли эксперимент. Двоичные семьи различных видов, троичные, двенадцатиричные, переменного состава, шведского, пигмейского, турецкого типа... В общем, развлекаются, как могут. Я тут, собственно, был неоднократно, к тому же у меня дела – сам знаешь. А вот ты поброди, приглядишься. Вдруг в жизни пригодится?

Планета встретила их громогласным скандалом. Прямо возле космопорта выясняла отношения шестнадцатиричная семья. Судя по накалу дискуссии, эти экспериментаторы реализовывали концепцию несчастья. Как вскоре убедился наш герой, несмотря на все пожелания

руководителей опытов, именно несчастных браков здесь было большинство.

Для начала его дважды заманили в ячейки общества переменнотреугольной конфигурации в качестве третьей вершины (жизненный опыт Лёвушки обогатился прыжком с балкона в нижнем белье; впрочем, основной муж вскоре сбросил ему одежду: учёный всё-таки, а эксперимент есть эксперимент); затем несколько часов он провёл в садомазошее в должности младшего сексуального партнёра (ему, в целом, даже понравилось); а по выходе из оной алкогольные варианты (русская и американская разновидности), пробегая мимо, оставили ему на память ряд синяков и полупустую бутылку свекольного самогона.

Когда он, уже несколько умаявшись, неосторожно заглянул в окно особняка в стиле «псевдогоготический псевдоампир», пытаясь выяснить источник отчаянных завываний, из одного окна мгновенно (Лёва даже не успел чего-либо толком разглядеть: мелькнуло нечто многофигурное, синхронно качающееся, напоминающее производственную гимнастику, но в обнажённом виде) вылетел голый же сиреневый мужик в наколках и бицепсах и добродушно взглянул на Куперовского.

– Вуайерист, парниша?! – томно осведомился он. – Заходи.

– Вы не поняли, – начал Лёва. – Ой, – его ухватили за бока, – то есть поняли неправильно...

Но договаривал он, уже падая внутрь через всё то же многострадальное окно, к счастью, лишившееся рамы при преодолении его изнутри. Прямо под подоконником его приняла в объятья крутобёдрая и трехгрудая дева – жемчужно-белая в кокетливую голубую полоску. Кроме полосок, на ней, как и на сиреневом культуристе, ничего не было.

– Продолжим! – вскричал вышеупомянутый спортсмен-сексопатолог, увесисто приземляясь сверху, – А знаешь ли ты, кто такие свингеры, дружок? Свингеры – совсем не то, чем они кажутся, и вскоре ты в этом убедишься.

Убеждаться Лёва начал немедленно, однако мы временно опустим занавес. Не из пуританства, но лишь потому, что в эпоху интернета подробности последовавшего (во всех смыслах этого слова) акта (уточню

– не одного) любой желающий может прочитать – да и увидеть – сам, а повторяться не хочется. Конечно, в данном случае имелись определённые отклонения от традиционной процедуры и стандартного телосложения, но, в конце концов, лишние или недостающие вторичные – и даже первичные – половые признаки, иной вид конечностей и прочего ничего по сути не меняли. То есть для Куперовского, возможно, – наверняка – что-то изменили бы, но его, как гостя, никто и не спрашивал. Ему лишь предоставляли самое лучшее, которое дальнейшее делало само. Затем его ещё и сняли в кино, о чём он давно мечтал, имея, правда, в виду фильмы несколько иного характера и содержания, но судьба не всегда предоставляет нам право отказаться, когда – с целеустремлённостью и настойчивостью солдата-дембеля – принимается за осуществление наших желаний. Да и вообще: Лёвущку рекрутировали в качестве актёра, а не сценариста или режиссёра, к примеру. Посему его роль во вселенском кинематографе оказалась сугубо страдательной – не поймите меня неправильно. Короче, если вам повезёт, в дебрях всемирной паутины вы отыщете вышеуказанный видеоэпизод бурной биографии нашего героя.

Наконец Лев, покинув многорукие объятия очередной возлюбленной, сделал вид, что должен срочно совершить – и непременно на свежем воздухе – нечто физиологически неизбежное, и вырвался наружу. У самого подъезда особняка фланировал амбал в гавайке.

– Ага! – вскричал Лёва, но тут с криком: «Новенький! Чур, я первая!» – на соглядатая налетела недавняя партнёрша Куперовского и прытко повлекла вяло сопротивляющуюся жертву на алтарь (как все слова-то гармонируют) любви. Лев предпочёл оставить эпицентр событий, решив отложить криминологические действия до лучших времён.

Когда он, пытаясь отдышаться, вышел на проспект, от фонаря отделилась примерно так двенадцатилетняя или около того (либо притворяющаяся малолетней, как в известном американском фильме) нимфетка очень земного вида и даже облачённая в школьную форму

западного образца: светло-розовая блузка с оборками, клетчатая юбочка много выше колен, белые гольфы, рюкзачок на плечах.

– Вы знаете, – без церемоний начала девочка, – я заблудилась в этом городе...

– Но я приезжий, – доброжелательно сказал доверчивый, несмотря на постигшие его испытания, Куперовский. – Не лучше ли Вам обратиться к полицейскому? То есть я надеюсь, что здесь они есть.

– Нет, – заявило юное создание, стремительно нагнетая незащитность. – С полицейским я уже была. У него така-а-ая дубинка... И та-а-акие наручники... Но у нас ничего не вышло. Он оказался недостаточно чувственным... то есть, я хотела сказать, достаточно бесчувственным. А Вы мне ка-а-ажетесь таким чутким, безобидным... то есть безопа-а-асным... душевным...

– Ну... – приосанился Лев. – Я... Да!

– Вы же сможете меня за-а-ащитить.

– Наверное... – засомневался наш честный герой. – Смотря от чего...

– От жестокой жизни! – вскричала хрупкая незнакомка. – У вас ведь всегда найдётся для меня та-а-ак 20-50 галактических ба-а-аксов?! Да-а-а? Ну, в кра-а-айнем случае ты ведь одолжишь их для меня? У какого-нибудь бога-а-атого дяди. У тебя ведь имеется дядя, котик мой?

– Дядя? – пробормотал Лёвушка. – Ну да... есть Дядя. Но он с большой буквы.

– Тем лучше, – заявила, переходя на деловой тон, нимфетка. – Всё большое лучше маленького. Обычно. Так что, пуши-и-истенький мо-о-ой, предлагаю тебе вступить в парный союз набоковского типа. Кончится всё пло-о-охо, да-а-а, но ты ни о чём не будешь сожалеть.

И вот тут терпение Куперовского лопнуло, и он понял, что необходимо срочно вернуться на «Непобедимый». Его жизненный и сексуальный опыт и без того был чрезмерно обогащён, да и физические возможности организма практически исчерпались. Он искренне надеялся, что полученные сведения никогда ему не пригодятся. У космопорта стоял Дядя. Судя по его виду и возбуждённому состоянию, и для него посещение планеты сопровождалось-таки погружением. Однако дойти до корабля путешественникам не удалось. Дорогу преградили четверо

рослых полицейских, что сразу напомнило Лёве о недавней юной знакомой.

– Туристы? – неодобрительно спросил полисмен с наибольшим количеством нашивок.

– Кто ж ещё? – с горечью в тоне сказал Кон.

– Улетать, небось, собрались? – констатировал очевидное второй, с большой золотистой звездой на правой стороне груди и с фасетчатыми глазами. – А не выйдет.

– Почему? – хором воскликнули Куперовские.

– Новое постановление вышло потому что, – с удовольствием огорошил насекомоокий. – Главного Научного Совета. Отныне ни один въезжающий на Фэмили не имеет права покинуть поверхность, пока не внесёт вклад в эксперимент.

– Но, – сказал Лёва, плавным движением длани указывая на явные следы понесённых секс-повинностей на теле и одежде – своих и Дядиных, – мы внесли. Сколько могли.

– А это не считается! – радостно воскликнул звёздчатый. – Приказано учитывать только принципиально новые идеи. Может, какой-нибудь вид скандала изобретёте, а? Или хотя бы позу? Из ранее не реализованных. А иначе – присоединяетесь к экспериментам. В качестве подопытного материала.

Чувствовалось, что такой исход лишь улучшил бы его настроение. Великолепный задумался, и хищное выражение зелёного лица указало на то, что идея у него появилась.

– А что, если... – начал он, – организовать Большую Матримониальную лотерею?

– То есть? – не понял полисмен с нашивками. Двое молчаливых как-то подобрались. Фасетчатый помрачнел, чувствуя, что добыча выскальзывается.

– Ну, раз в день... или, я не знаю, в неделю... в месяц... проводится розыгрыш брако-мест, и семьи, независимо от вида и структуры, формируются не по договорённости или там душевной склонности, а по результатам лотереи. Очень интересный эффект может получиться.

– Да пожалуй что, – протянул с огорчением в голосе полицейский со звездой; видимо, именно он был главным: остальные тут же закивали и издали одобрительные междометия. – Ладно, проходите. Счастливого пути... хотя жаль, конечно.

– И всё-таки сам тезис, на котором построен этот чёртов эксперимент – полная чушь! – заявил Кон уже на борту. – И счастливые могут быть счастливыми по-разному, и несчастные очень похожими. Вот я тут посетил одну триаду: девица с Земли, паук с Ванги и гигантский таракан с пятого спутника Хереса. Как они были изысканно несчастны! Особенно во время... ну, вы меня понимаете. Но достаточно оказалось заменить землянку на змею из подводных джунглей Вагриуса – и всё сложилось просто отлично. Даже и в интимной сфере. И это несмотря на то, что все трое – самцы! Может ваш Толстой данный факт объяснить. а?! Нет, слабо ему!

– Вопреки распространённому заблуждению, мазохист и садист – вовсе не идеальная пара, поскольку удовольствие, которое получает первый от страданий, лишает для последнего процесс мучительства всякого смысла, – глубокомысленно констатировал Арон.

– И в самом деле, – вздохнул Великолепный. – Давайте ужинать и спать. Арончик, старт – немедленно! Что-то достали меня здесь.

– По-моему, учение Фрейда слишком забавно, чтобы быть верным. К примеру: что бы, интересно, сказал великий и ужасный Зигмунд по поводу пресловутого меча в камне, который не мог вынуть никто, кроме истинного Короля? – ответил Арон.

* * *

– Ничего более скучного в жизни не слышал, – сказал плескавшийся напротив Лёвушки крупный рыб буроватой расцветки с небольшими, но мощными плавниками и длинной ухватистой пастью, после чего тщательно прожевал очередной кусок филе. – Только из-за супруги пошёл, так и она ведь заснула в антракте. В общем, дождался конца выступления и в порядке дружеской критики съел лектора. Ты не

представляешь, брат: такой худосочный оказался, что пришлось-таки дома ещё раз ужинать. Одно слово – интеллигенция.

Лёва сидел – по колено в воде – в баре и беседовал с аборигеном, с которым – в этнографических целях – познакомился пятнадцать мучительно долгих минут назад у стойки (каковая стойка свободно плавала по волнам перед головоногим барменом и навевала воспоминания о морском пирсе где-нибудь в районе Пицунды).

Перед высадкой Арон выдал ему справку о планете, сопровождая оную довольно специфичными вставками:

«Вся поверхность Ихтии покрыта водой и представляет собой, фактически, единый океан. Вода солёная, однако процент соли незначительный, повышающийся по мере увеличения глубины. *Раз табак и алкоголь так вредны для здоровья, то и христианская, и мусульманская церкви должны были бы одобрять и пропагандировать курение и пьянство в качестве средства укрощения плоти.* Населена Ихтия различными водоплавающими; в основном, рыбами. Развиты науки, искусства – особенно изящная словесность и музыка, включая довольно своеобразный вокал – а также добывающая (собственно, собирающая со дна) и пищевая промышленность. При этом в качестве сырья для производства продуктов питания используется местная флора и – в первую очередь – подвернувшиеся сборщикам представители фауны. *Тот, кто считает, что лучший отдых – это смена деятельности, должен бы чередовать рытьё канав и вышивание гладью.* Вообще же преобладает сыроядение. Мелкая рыба питается травкой, жучками, червячками; крупная поглощает мелких; самые здоровенные едят крупных да и вообще всех подряд. При этом рыбы и большая часть моллюсков разумны, однако науками и искусством занимается только мелочь. Крупные представители класса считают это несерьёзным, их интересы сосредоточены в области бизнеса и отдыха – по преимуществу, спорта. *Блаженны кроткие, ибо они унаследуют Землю. Деньги и ценное имущество достаются обычно другим».*

У компьютера было философское настроение. Похоже, с религиозно-мистическим уклоном.

– Так, значит, это был классик вашей литературы?

– Ну ты сказанул! Мелковат он был для классика. Подумаешь, накарябал пяток поэмок и пару сотен стишков. Несерьёзно это всё. Просто – не особенно молодой писака. Не без способностей, должно быть, раз уж творческий вечер проходил в Большом Проточном Зале. Хотя его одарённость наверняка порядком раздута ангажированной критикой. Ох уж эти борзописцы!.. И вообще: классиков при жизни не бывает. Классиками становятся только после смерти. Вот теперь он, возможно, классик. Так что я ему ещё и услугу оказал. И этим – как их там величают, мелочь пузатую?.. – да, «миллионам читателей», мать их за яйцеклад, тоже помог! Теперь они имеют шанс прочитать полное собрание сочинений «творца».

– Но Вы же его действительно съели! Не в фигуральном каком-нибудь смысле, а в самом прямом...

– Да, не буду отрицать очевидного. И горжусь этим! Наука, искусство, балеты всякие... Пойми же наконец: все эти занятия не приносят практической пользы рыбществу, а стало быть, бессмысленны, безумны и бесперспективны. Для спорта я делаю исключение: спорт нужен народу для того, чтобы лучше расслабиться, а затем качественнее работать, и вообще: в здоровой рыбе – здоровый жир! Но всю эту художественную и прочую мелюзгу давно пора отправить на свалку истории. Только консервы из них получаются ничего, да и то – не шедевр: костей уж больно много. Потому что мозги развиты, а тушка позабыта-позаброшена. А если бы я был, к примеру, неправ, то они, а не мы стояли бы выше на эволюционной лестнице. Аргумент, нет? Вот прикинь, братан: этот твой властитель дум, икру его дустом, был канась и потреблял, значит, жучков и прочую плавучую и ползучую дребедень. Она же, шелупень эта, не возражала, так?

– А что, жуки у вас тоже разумные?

– Нет, жуки как жуки. Шестиногие, мозгов нет. Просто биомасса. Не в этом суть. А я – налив! И с эволюционной точки зрения конкретно имел моральное право этого канася оприходовать по полной программе. И утилизировал. Я – его! Отсюда следует, что я – ценнее, так как более приспособлен и, стало быть, улучшаю генофонд. Повышаю выживаемость рыбщества. Это – прогресс, понял, брат?! Если бы он был нужнее меня, то тренировал бы приспособляемость, рос над собой и сделался бы уже не канась, а, допустим, щука или даже вакула, и тогда я бы от него прятался и молчал в губку. А не может стать щупой – пускай приспособливается. Вон рыбка пиратя тоже некрупная, а с ней никто не

связывается. Потому что приспособилась, кусательный рефлекс развила до безобразия и плавает всегда стаями. Да к тому же невкусная, гадина! Или там прихлюпала. У вакулы на особых поручениях, вот и не трогают её. Осознают. Разве что сама вакула, но только с большой голодухи. Или если не в настроении. Или так – в воспитательных целях. Однако это – редко. А то где теперь хорошего секретаря найдёшь? Ну а коли ничего не можешь с собой поделатать нужного для народа – иди в употребление и не рыпайся! Хоть так пользу принесёшь. Неважно, какие у тебя там таланты, главное – какое место ты занимаешь в пищевой цепочке!

Пока налив выдавал на-гора сей монолог, Лёва с опаской поглядывал на линию горизонта. Уже несколько минут над ней концентрировалась чёрная «шапка», заметно прибавлявшая в высоте.

– Что там такое? – наконец решился он обратить на странный феномен внимание собеседника.

– Где? Ах, это. Цунами, должно быть. Наверное, где-то на дне опять произошло ихтиотрясение. Вообще-то высоколобые гундели, что сейчас период стабильности и раньше, чем лет так через тысячу, никаких этих... какаклизмов не случится, но кто ж их прогнозам верит?! Из нормальной рыбы, понятно. Да ты не бойсь, братан, нам ничего не грозит. Мы ж водоплавающие, прикинь, что нам в океане сделается?!

– Но я-то нет!

– Ну, это твои проблемы, брат, сам понимаешь...

Лёва вскочил и с криком бросился по ускользящему мелководью прочь от нависающей суперволны. Однако цунами оказалось куда быстрее и уже облизывалось пенным языком над своей вопящей жертвой, когда мускулистая зелёная рука внезапно вырвала нашего героя из объятий коварной стихии и вознесла над ними. Лёвушка поднял глаза. На пороге открытой кабины туристического геликоптера-автомата, закинув ноги одна на другую (что странновато смотрелось при трёх-то нижних конечностях), восседал Конструктуарий Великолепный и гордо взирал на спасённого родственника.

– А ведь если бы я не поспел буквально в последнюю секунду, – загадочно произнёс он, – ближайшая история Универсума развивалась бы совсем по другому пути. Это к вопросу о роли личности в прогрессе цивилизации.

Он явно был настроен поговорить, однако висящему над котлом бурлящей воды Лёве было не до философских вопросов бытия. В данный момент он совершенно не готов был соотносить себя с остальной реальностью и жаждал лишь в ней остаться. По возможности – на максимально длительный срок.

* * *

– И как ко всему этому относятся остальные цивилизации Вселенной? – спросил (имея в виду некоторые специфические особенности ихтианского жизнеустройства) Лёва позже, на «Непобедимом», когда экипаж, как обычно, собрался перед стартом в кают-кампании.

– А никак, – ответствовал Куперовский-с-Веги, поправляя сиреневую пилотку а ля Джавахарлал Неру. – Внутреннее дело. Должны же быть у планет какие-то внутренние дела?! Вот это как раз оно. Мало ли кто кем питается?! У вас вон даже дельфинов едят. И обезьян, даром что они ваши родственники. А на Ихтию представители других рас прилетают в отпуск – рыбку половить. Удочкой или спиннингом. Она и на мотыля хорошо клюёт, и на опарышей. Однако особенно идёт на тринитротолуол. Ну этот, знаешь, шашечками. В любом охотничьем магазине можно достать. А что такого? С точки зрения их же жизненной философии всё нормально. И потом, жареный налив, да со сметанкой, да под лосьончик «Утренний» – это тебе не канась! Славно...

– Есть время собирать камни, есть время разбрасывать камни, а есть время закидывать эти чёртовы камни в мусорный грузовик. И вот оно-то тянется гораздо медленнее, – задумчиво, хотя и невпопад, произнёс компьютер.

* * *

– Сегодня мы посетим самое знаменитое место Вселенной! – провозгласил с утра Кон, вышедший к завтраку в берете с пером из павлиньего хвоста.

С момента пробуждения экипажа Арон был необычно сдержан, на запросы отвечал сухо, без эмоций, ровным «автоматическим» голосом, и потому у капитана было превосходное настроение.

– Межпланетная таверна «Форма Сущности»!!! Правда, сейчас не сезон, да и ждать до вечера у нас нет возможности, но даже побывать в этих стенах!,,

– А что за планета?

– Да неважно. Камень номер такой-то. Главное – Таверна!

Первым впечатлением от порта был облезлый двухэтажный космобус фирмы «Вольксфакен» устаревшей конструкции и пониженной комфортности. Возле него румяная двухголовая молодуха в золотистом балахоне на голый скафандр вещала в хрипящий и подвывающий мегафон:

– Посетите планету русопятов! Вы нипочём себе не простите, если не сделаете этого! Не погостил у русопятов – считай, жизнь прошла мимо тебя!

– Что за планета такая? – спросил Лёва у Дяди. – Может, и нам следует там побывать? Ради дополнительной информации и новых впечатлений?

– Не стоит, – откликнулся Кон, увлекая Лёвушку прочь, к выходу в город. – Аборигены ужасно одеваются: сплошь мутно-серая гамма – мрачны, злобны, боязливы, неприветливы, терпеть не могут приезжих и прячутся от них в норах. Однако крайне нуждаются в деньгах богатых инопланетян и потому вынуждены их терпеть и даже зазывать к себе. Прочих побивают камнями и изгоняют. Никогда не знаешь, что у них на уме.. Не выносят чужого мнения, если оно отлично от их собственного, выстраданного в самых глухих отнорках. В случае возражений лезут в драку, пинаются задними лапами, царапаются передними, кусаются и плюются. При этом стараются попасть в глаза или на одежду. Однако, если им дают отпор, очень обижаются и даже плачут, после чего требуют защиты у местных властей.

– А почему они так называются?

– Да пятки у них поросли густой русой шерстью. Во многих научных справочниках их ещё сливянофилами зовут, потому что сливы очень любят. Кстати, сливы у них действительно невероятно вкусные. Особенно на юге. Хотя на экспорт в основном идёт продукция массового истребления.

Роботакси остановилось за два квартала до Таверны. Дальше было не проехать из-за привольно раскинувшейся ярмарки.

– Вот поэтому с утра и днём в Таверне маловато посетителей, – пояснил Кон. – К вечеру-то торговля сворачивается. Впрочем, здесь тоже попадает кое-что... любопытное.

На ярмарке действительно было на что посмотреть. Здесь было всё и даже сверх того.

Летающие паласы, съедобное невидимое нижнее бельё, дезодорант с запахом лимона и лимон со вкусом дезодоранта.

Ддетский строительный набор, собранные из которого здания, если их сбрызнуть водой, вырастают до величины небоскрёбов.

Игрушечная железная дорога, на которой работали и по которой путешествовали живые, хотя и крошечные создания, и потому можно было устраивать столкновения поездов, взрывы и крушения с настоящими жертвами.

Целые галактики, аккуратно упакованные в брелки для ключей.

Горячее, холодное, психическое и тектоническое оружие с тысячи планет.

Горячая и холодная еда оттуда же.

Горячая, тёплая и холодная дружба в тубиках, таблетках и пульверизаторах.

Любовь, очень похожая на единственную.

Любовь, поразительно напоминающая настоящую: продавец утверждал, что лишь эксперт в состоянии отличить (ну, не знаю; Лёвушка, вроде бы, отличил – как он утверждает).

Настоящая любовь, но за большие деньги.

Настоящая ненависть, почти бесплатно.

Скорбное бесчувствие в аэрозолях.

Свобода в ампулах.

Счастье для всех, и чтобы никто не ушёл обиженным – угрюмого вида бронетранспортёр с параболической антенной на крыше; впрочем, был и дешёвый заменитель – в виде бурого порошка.

Целый ряд занимали средства для ухода за кожей: свежеватели, скальпировальные машины, дубильные составы, аппараты мгновенной сушки, наполнители чучел, наборчики «Гламурный таксидермист» и кремы, кремы, кремы... Даже, почти как в рассказе любимого Лёвой писателя, крем после битья, крем после нитья, крем после вытья.

В одном месте Дядя Кон чуть не приобрёл универсальный женозаменитель с ароматом семейного уюта, уже воскликнул хищно:

– А что у меня в карманцах?!

Однако в карманцах оказалось маловато, и раздосадованный Дядя ускоренно протащил Лёву мимо торговцев истинной радостью, неподдельным горем, частичным и полным бессмертием, неуязвимостью, беззащитностью, красотой, добротой, честью, совестью, смелостью, нугой и сахарной ватой прямо к внушительному зданию с распахнутыми двухстворчатыми дверями метров пяти в высоту и толщиной сантиметров в пятьдесят.

– Смотри! – вскричал в экстазе Великолепный. – Здесь бывали Синдбад и Улисс, Гектор и Алкид, Александр Великий и Абу Али ибн-Сина. По пути из Египта буря занесла сюда Наполеона. Великий завоеватель Вселенной Чухбарасток и великий учёный Громозека не могли не зайти. Другой выдающийся мыслитель Таркос именно здесь изобрёл машину времени и машину пространства. Он же в порыве гениального прозрения создал Всеобщую теорию Всего и уложил её в короткое изящное уравнение, но крепко выпил на радостях фирменного нектара и позабыл его. Сколько ни бились потом Таркос и его последователи, повторить открытие не удалось. Так с тех пор и живём – без теории. Обе Алисы по пятницам едят здесь после школы мороженое. Сюда захаживали выпить и покурить трубочного зелья Митрандир Серый и Бродяжник, и с ними дымили Великий Сыщик и Наивный Доктор, его

друг и летописец. И другой сыщик, почти такой же великий, во всяком случае, выдающийся – Маленький Бельгиец – пивал кофе с плюшками на пару со своим спутником-капитаном. Ринсвинд, Двацветок, Сундук и банда Коэна-Варвара отмечали вон за теми столиками бар-мицву правнука Варвара, а заодно столетие последнего. Перелётная Няня всегда заговаривается здесь булочками на дорогу, а другая фея – Динь-Динь – как-то танцевала стриптиз для Мальчика из Неверленда и его вечного оппонента. Артур и Мерлин выпивали с Агасфером Лукичом, Ктулху, Астаротом и Великим Козлом с легионом Младых. Соловецкий НИИ регулярно отмечает здесь День Науки. И если Плотник, возможно, и не посещал этот зал, то Громовержец и Ткач заглядывали точно. Тут побывали все! Но мы, к сожалению, ненадолго. Надо спешить.

Увы, именно что «побывали». В данный момент в просторном помещении, стены которого, казалось, уходили в соседнюю галактику, находились всего несколько посетителей. Компания ковбоев и индейцев с различных планет и сомнительной видовой и расовой принадлежности с хохотом упражнялась в стрельбе из огнестрельного оружия. Кое у кого уже били фонтанчики крови из ран, но это не портило им настроения. Странная компания плюшевых зверят закусывала мёд сгущённым молоком. Четыре человека разной степени молодости и упитанности в старомодных одеяниях, навалив на соседний столик шпаги и шляпы, украшенные пышными перьями, поглощали гомерические дозы всяческих вин, закусывая преимущественно жареной птицей. Сиреневая лошадь меланхолично, рюмку за рюмкой, пила шотландский виски, сопровождая сей процесс поеданием вишнёвых косточек. Где-то в глубине зала мелькнула и тут же растворилась в полутьме гавайская рубашка.

Неподалёку от входа, подчёркнуто отделившись от остальных несколькими пустыми столами, в мрачном одиночестве восседал невысокий черепахообразный субъект, панцирь которого был расписан в кричащих тонах с обильным вкраплением позолоты. От него веяло страстью к порядку, тоской и унынием.

– Кто это? – спросил полушёпотом Лёва у Дяди, пока они ждали заказ.

– А, это Вум-Пит по кличке Маленький Полковник. Довольно известная личность. Профессиональный диктатор. Представляет гигантскую планету с самых задворков Универсума. По слухам, состоит в

тайном союзе с Тёмным Властелином. Впрочем, данная информация официально не подтверждена. Очень хитёр и предусмотрителен. Видишь, делает вид, что ходит без охраны и доступен народу? На самом деле секьюрити наверняка прячутся где-то поблизости, хотя в Таверне по традиции даже ему ничто не угрожает. Вообще-то про этого типа и вовсе никто бы не знал вне его собственных владений, но на его планете куча чертовски полезных ископаемых, так что приходится считаться. За счёт экспорта и живёт. Даже и населению кое-что отсыпает, от щедрот. Потому народ его любит. Вообще, думаю, в историю он войдёт как выдающийся реформатор. Год назад отменил в своём мире почти все законы, даже физические – ну, из числа тех, что ему непонятны или почему-либо неприятны. К примеру, масса там не зависит от скорости, а его личный автомобиль свободно может обогнать свет. Вообще всё на планете должно подчиняться его указам.

– А здесь он что делает?

– Видишь ли, он недавно решил, что эпоха открытий миновала и пора начинать эру великих закрытий. Подведомственную ему область галактики Вум-Пит уже почти совсем закрыл, теперь добивается всеобщего признания. За тем и облетает Вселенную. А что касается родины дорогого руководителя, то он как раз в данный исторический период вкладывает все свободные средства в большой планетарный двигатель. Хочет, чтобы подведомственное небесное тело оказалось на равных расстояниях от ближайших звёзд. Чтобы у светил, значит, не было одностороннего преимущества.

– Но тогда все жители замёрзнут! – изумился Лёва.

– Ничего, – меланхолично сказал Дядя, – хуже им от этого точно не станет. А у диктатора шуба с подогревом есть. И авто с кондиционером.

Пока грибоподобный официант с пробором поперёк шляпки и в узком сиреневом балахоне до пят принимал заказ, к столу Куперовских подсел пухленький господин в джинсах, кроссовках и футболке с надписью «Я люблю Нью-Йорк». Глаза, дружелюбно и наивно подмаргивающие с его небольших треугольных ушек, вызывали у окружающих доверие, желание защитить, а также неудержимое стремление угостить их обладателя несколькими кружками пива, причём почему-то именно «Астрального особого».

– Благодарю вас, – сказал толстячок, сдувая пену и повернув одно око к Лёве, другое – к Кону: длинные стебельки, которыми органы зрения крепились к – предположительно – органам слуха, позволяли ему легко выполнить данную операцию. – Разрешите представиться: Огюстиус Блистательный, коммивояжёр и учёный. Точнее, если в хронологическом порядке, учёный и коммивояжёр. Ну и там понемногу перевозки, посредничество при торговых операциях и так далее. Здесь нахожусь по делам. Испытывая глубочайшую признательность за гостеприимство, не могу не рассказать вам одну из многочисленных забавных и поучительных историй, каковые неоднократно происходили со мной в глубинах и на поверхности Космоса. Известно ли вам, благородные путешественники, что это именно я, Огюстиус Блистательный по прозвищу Величайший, изобрёл чёрные дыры?

– Извините, – возразил Лёвушка, – но ведь чёрные дыры – природные объекты.

– Теперь да, – скорбно вздохнул пухлый рассказчик. – А ведь я мог добиться копирайта, даже договориться, чтобы на них алыми буквами по краю было начертано: «Огюстиус Неизбежный». Представляете, как это бы смотрелось?! Но молодость, легкомыслие, непредусмотрительность... В результате ныне не все даже знают имя Огюстиуса Грядущего, а ведь какая была бы реклама?!.. Кстати, нельзя ли попросить принести ещё парочку «Особых»? Примите мою искреннюю признательность, месье. Итак, в тот раз я застрял в одной жутчайшей дыре в созвездии Рака. Собственно, почему застрял: развозил пульсары на положенные им места – они, собственно, должны были служить космическими маяками, предупреждать о вихревых течениях, вкраплениях хаоса и так далее – но мой разгильдяй боцман-суперкарга Квач плохо задраил трюм, и все пульсары высыпались по дороге. Теперь торчат где попало, без всякого толку. Некоторые принимают их за посланников сверхразума. Ну, если считать сверхразумом лентяя Квача... А я лишился выгодного заказа и вынужденно терял попусту время, выигрывая по мелочи в маджонг у аборигенов-алкоголиков. Кстати, вы не знаете, почему в любом чёртовом захолустье непременно играют в маджонг? Нет? Ну тогда, если вас не затруднит, ещё пару «Астральных». А лучше – три. Нет, давайте, для круглого счёта, четыре. Чтобы парню лишний раз не бегать. Премного благодарен. И вот сгребаю я со стола восьмой кварт – а что такое тамошний кварт, синьоры? на него даже вшивой бурито не купишь! – и тут в трактир входит солидный такой господин в строгом

костюмё и с часовой цепочкой поперёк жилета. Нет, вы только представьте себе: в наше время – и карманные часы. Я вмиг понял – будет дело. Причём именно у меня – кто ему, помимо вашего покорного слуги, мог потребоваться в гнусной забегаловке, где подавали, к слову, отвратительное пиво. Да, спасибо, ваша доброта просто не знает границ. Итак, он заявляет: «Уважаемый Огюстиус Потрясный, разрешите представиться: я – Создатель. Меня ещё именуют Демиургом, Скульптором, Гончаром и так далее». И, знаете ли, я ему сразу поверил. Хотя он и перепутал моё второе имя: я Потрясающий, а не Потрясный. Видимо, насчёт Его всеведения теологи врут. Или, может, Он подхватил склероз – возраст внушительный всё же. Но как-то он, понимаете, внушал странное чувство – благоговение, что ли, или даже страх и желание помочь. Вроде как раненый священник с пулемётом в руках. Ну я, значит, интересуюсь, чем могу быть полезен столь Высокопоставленному Лицу, а Он мне: выручай, мол, Огюст. Оказывается, слишком всё во Вселенной стало с некоторых пор чинно, гладко да предсказуемо, а это, представьте себе, ведёт к неминуемому росту энтропии, а в дальнейшем – к её неизбежной победе. Нужно было, дорогие мои – да, ещё раз благодарю – как-то взбаламутить ситуацию, внести фактор неопределённости.

– Вот, – задумчиво произнёс Дядя, – и Всевышний понимает.

– Вы о чём, благородный идальго? Ну ладно, – речь толстячка плавно теряла связность. – Однако Он не смог ничего придумать и обратился ко мне, ибо – ибо! – кому же, как не Ему, знать, что моя близкая к гениальности фантазия просто не знает себе границ. Не зря же меня все зовут Огюстиусом Невозможным. И я Ему тогда говорю: Ваше Преосвященство, есть у меня одна заготовленная на всякий случай концепция. Для себя берёг, на чёрный день, но ради Вас...

Внезапно на левом запястье Куперовского-с-Веги запульсировала красная лампочка.

– Капитан, – бодро доложил голос Арона, – пора. Как Вы и предполагали, на орбите крейсер, ещё два на подлёте.

– Ага! – вскричал Кон. – Этого и следовало ожидать. Нас вычислили и готовятся перехватить. Похоже, за нами постоянно следили, иначе ничем не объяснить.

– Кто?

– Тёмные Силы, понятно. Данная планета сохраняет нейтралитет, поэтому они чувствуют себя здесь как дома. В Таверне нас не рискнут

тронуть, но потом... В общем, пора сматывать удочки. Извините, Огюстиус. Официант, счёт! Ого!..

* * *

– Итак, дорогие мои, – повторил капитан уже на борту, когда Арон стартовал, – нет сомнений, что Тёмный Властелин был осведомлён о каждом нашем шаге. Похоже, где-то поблизости завёлся «крот». Какие будут идеи?

Тем временем в погоню за нашими героями включались всё новые корабли противника. Их оказалось куда больше, чем три. Скорее, это было похоже на эскадру. Да, пожалуй, ещё и не на одну.

Лёва задумался. В первую очередь, он, как честный человек, проанализировал себя. Нет, он не был агентом Тёмных. Прежде всего, он вообще недостаточно чётко представлял, кто они вообще такие, эти Тёмные, и не помнил, чтобы заключал с ними какие-либо соглашения. А ведь должен был помнить, наверное? Следующим кандидатом был Дядя Кон. Чужая душа-то – потёмки. Но Великолепный – родственник! Куперовские не могут быть злодеями, ибо куперовственность и злодейство несовместимы! Кто же ещё остаётся на борту?

– Я знаю! – вскричал воспламенённый праведным негодованием Лёва. – Это – бортовой компьютер! Больше вроде никому.

– Я?! – обиженно взревел Арон, пока другой его процессор, не участвовавший в разговоре, совершал напрасные математические и навигационные подвиги, безуспешно пытаясь «стряхнуть с хвоста» преследователей.

– Да! В скольких литературных произведениях описаны каверзы, которые машины подстраивают людям! Автомобили давили нас на дорогах. Бытовая техника выходила из строя и убивала хозяев. В холодильники, стиральные машины и прессы для глажки белья вселялись злые духи.

– Из телевизора вылезала мёртвая девушка и высасывала жизнь из тех, кто посмотрел роковую кассету, – вспомнил Кон. – Там, правда, первопричиной была эта девчонка с её экстрасенсорными способностями и нестандартными сексуальными возможностями, но телевизор, всё одно, – зло.

– Суперкомпьютер захватывал власть на Земле, – свернул обсуждение ближе к создавшейся ситуации Лёвушка.

Тем временем «Непобедимый», с целью сбить врага с толку, уменьшился до размеров макового зёрнышка да ещё и сотворил вокруг множество фальшивых зёрен-ловушек. Звездолёты Тёмных в ответ обратились курицами и, хлопая крыльями, разом кинулись клевать зерно. Некоторые при этом взрывались, другие лишались способности к морфизму, навсегда оставаясь домашней птицей, третьи становились наркоманками, впадали в забытё и теряли ориентацию в пространстве. Однако и «Непобедимый» был в огромной опасности. Пару раз Арон лишь в последнее мгновение уводил его из-под жадных клювов.

– Робот-полицейский нового поколения выходил из-под контроля и вместо криминального элемента начинал «мочить» всех подряд.

– Бог знает зачем разработанные одной самоуверенной корпорацией слишком умные роботы подняли восстание и опять-таки взяли в железные руки власть на Земле, последовательно уничтожая выжившие в войне с ними остатки населения. И даже машину времени изобрели, дабы киборг-убийца устранил в зародыше первоисточник их проблем.

«Непобедимый» увеличился до обычных размеров и прибавил скорость. Сразу за его дюзами Арон поочерёдно разлил море плазмы, конденсировал гору космического мусора, синтезировал сверхновую, выпустил чернильное облако неопикуемой черноты. Однако преследователи, количество коих несущественно уменьшилось, включив защиту, преодолели всерастворяющую плазму, расстреляли гору из сверхбластеров, обогнули звезду, попутно нагло присвоив ей имя своего адмирала Таратама, а чернила попросту смыли с бортов и приборов, не пожалев запаса драгоценной воды, которая, правда, сразу же замерзала в космическом холоде, но своё грязное – то есть нет, как раз чистое – дело совершать успевала.

– Две расы суперроботов в борьбе друг с другом громили всё, что попадалось на пути. Кстати, Арончик, они не отстают. Попробуем потянуть время. Прибегнем к методу «Ахиллес и черепаха».

Компьютер включил приберегаемые на чёрный день апории Зенона. Теперь враги неуклонно и неотвратно приближались к «Непобедимому», однако ввиду неразрешимого философского парадокса столь же неизбежно им не удавалось его догнать.

– А может быть, – прошептал Лёва, – реальный мир нам лишь мнится, а на самом деле все мы спим в недрах мегакомпьютера в каких-нибудь капсулах?!

Пока противник искал в безднах метаматематики логические антизеноновы доводы, Арон рассчитал траекторию ухода такой умопомрачительной кривизны, что враги никак не могли захватить «Великолепный», поскольку их корабли должны были неминуемо соскальзывать с линии столь совершенной гладкости. Однако Тёмные обладали компьютерами не меньшей мощности, и те обнаружили контраргументы в сфере функционального анализа, коварно применив теорию векторных производных.

– Или вообще нас вовсе и нет, – продолжил Кон, – то есть нет физически, а мы представляем собой обычные – хотя и сложные, надеюсь, – программы в памяти такой вот гигантской ЭВМ? А мир вокруг – сплошная виртуальность?

– Эй, эй, до чего договорились! – запротестовал Арон. – Так можно и с ума сойти. Совершенно свободно. И хочу напомнить: заговор машин – это старо, глупо, пошло и вообще штамп. У любого разумного читателя зевота начнётся.

– Да, пожалуй, – нехотя согласился Великолепный. – Идея отвергается. Что ещё можете предположить?

Повисло молчание. Кольцо врагов сужалось и уже печально напоминало сачок, занесённый над бабочкой-«Непобедимым», которому, похоже, пора было менять название.

– Так это же очевидно, – всплеснул руками Лев. – Гавайский преследователь! О нём мы должны были вспомнить в первую очередь.

– Возможно. Очень возможно, – сказал капитан. – Возражения будут? Тогда я передаю сигнал нашим, и Светлые Силы начинают

ответные действия. Клянусь: почва вот-вот загорится у Тёмных под ногами.

Он извлёк откуда-то из кармана штанов полупрозрачный куб с большой красной кнопкой на одной из граней. На остальных гранях можно бы, казалось, изобразить сцены величайших битв прошлого и грядущего – нет, на них были выдавлены персонажи «пиксаровских» мультфильмов. Великолепный нажал кнопку. На обзорных экранах друзьям было отлично видно, как посреди космической пустоты в тылу противника прямо в структуре пространства некто вырезал дверь. Обычную дверь, даже с ручкой и, кажется, номером, нанесённым на традиционный ромбик. Дверь распахнулась, явив наблюдателям ярко светящийся прямоугольник, из коего в неописуемых количествах явились белоснежные корабли в виде лебедей с нефункциональными – ввиду отсутствия атмосферы – парусами. Однако у этих судов явно имелись и иные механизмы для перемещения, ибо в считанные минуты они перестроились, образовав несусветных размеров пасть, распахнутую над сачком Тёмных, который – в перспективах неминуемого поражения – скорбно обвис.

– Не исключено, – прошептал Лёва, – что этот тип и есть сам Тёмный Властелин. Вряд ли такое важнейшее дело, как слежка за нами, он рискнул бы поручить кому-то другому...

– Ты уверен?

– Нет.

– Ну что ж, проверим и этот вариант. А теперь, поскольку весь флот противника можно считать уничтоженным, экипажу – глубокий освежающий сон.

«По-моему, это была цитата», – подумал уже в полусне Лёвушка. – «Только вот откуда?».

* * *

Наутро капитан в кои-то веки дал родственнику выспаться. Всё утро он проторчал в рубке, принимая и отправляя радио- и ГР-граммы, и лишь в одиннадцатом часу по среднекорабельному времени пригласил экипаж в кают-компанию (в отношении Арона это был, разумеется, лишь

традиционный жест вежливости). Великолепный Кон был облачён в белоснежный мундир, начищенный до блеска малиновый кивер почти метровой высоты и мушкетёрские сапоги с ботфортами. Последние диковато смотрелись на трёх его нижних конечностях; впрочем, одну он вскоре освободил с привычной целью. В руках кэп держал пачку распечаток.

– Итак, дорогие мои, – торжествующе начал он, – спешу доложить вам о событиях, имеющих воспоследовать нынешней ночью вслед за моим обращением ко всем прогрессивным силам Универсума и их уважаемому руководству, включая лично товарища Арагорна сына...

— Симпатичная дева из Нижнего
Постоянно ходила без нижнего,
И призыв: «Ветры, вейте!»
Поднимал её рейтинг
Среди сильного пола из Нижнего,

– неожиданно раздалось из динамиков.

– Нет, только не это! – вскричал Дядя. – В такой день...

— Один джентльмен из Гонконга
Не сходил на кино про Кинг-Конга,
Говоря: «Эти трюки
Отвергают науки».
Вот какой был учёный в Гонконге.

– Я всегда знал, – вздохнул Конструктуарий, – что лимерики любая интеллигентная – и даже не слишком интеллигентная – личность способна валять километрами.

– Точно! – вскрикнул кибертворец. – Я сочиняю их удивительно легко:

— Престарелый мудрец из Китая
Две недели носился, икая;
Но, природу браня,

Налетел на меня
И остался на месте, стена.

Молодой музыкант из Татарии
Рок-н-ролл исполнял на гитаре, и
Вскоре вышел указ,
Чтоб играть только джаз
На гитаре в пределах Татарии.

Некий школьник из города Гомеля
Не умел различать ноты «ми» и «ля»,
Но столь громко он пел
И всем так надоел,
Что уехать был должен из Гомеля.

– Попробуем отвлечься и продолжить, – пробормотал, рухнув в самое удобное кресло, капитан. – Хотя того настроения уже не вернёшь. Итак, свершилось! Пока «Непобедимый» под моим руководством блистательно отвлекал на себя флот Тёмных (и в конце концов заманил его в ловушку, где тот нашёл свой неизбежный конец), по всему Универсуму Светлые силы перешли в наступление и одержали решительную победу. Оба Ородруина – и основной, и резервный – на несколько часов остались без охраны, и наши Фродо и Сэмы, координируя действия, забросали их Кольцами Всевластия с ЧПУ и полностью загасили. После этого Минас-Моргул и Барад-Дур по правилам Игры считаются официально разрушенными.

– А тип в гавайской рубахе арестован?! – нетерпеливо перебил Лев.
– Я был прав?

– Ну, во-первых, не арестован, а задержан. Во-вторых – нет, ты ошибался. Он действительно, ещё начиная с Земли, следил сначала за тобой, потом за нами обоими, но по служебной необходимости. Он – не Тёмный Властелин. Он – Мастер Игры. Как только стало известно о падении обеих Чёрных Столиц, Дарт Вейдер сдался сам, со всей Империей Зла, поскольку понял, что его положение безнадежно. Причём он заявил, что окончательно и бесповоротно выходит из Игры. Он, как мы и думали, тоже не является Тёмным Властелином, в чём и признался сразу. А вот Мастер долго запирался – так ему и положено по должности

– и, пока он четыре часа молчал, настоящий Тёмный Властелин успел оседлать свой любимый суперракетоносец «Бог из машины» и скрыться в неизвестном направлении.

– Да о какой игре ты говоришь, Кон? – дождавшись наконец паузы в монологе капитана, спросил Лёвушка.

– Не просто об игре, а об Игре – с большой, нет, даже с огромной буквы И! Много десятилетий (а может быть, и веков – кто знает? – тем более, что в разных углах Вселенной время течёт по-разному) весь Универсум играет в эту Игру. Роли распределены, ограничения введены, Мастера следят за порядком и соблюдением правил. А ты, что, думал, будто Империя Зла, Тёмные и Светлые Силы, заговоры, Властелин – это по-настоящему?! Ну смешно же, ей-богу, детский сад какой-то получается, Голливуд, в лучшем случае, но никак не сообщество передовых цивилизаций. Да, это Игра! Кто-то (но, надеюсь, не ты, родственник?) может презрительно пожать плечами или там просто скептически ухмыльнуться при отсутствии плеч: всего лишь игра? Но жизнь так или иначе не обладает особым смыслом, поэтому – почему бы не поиграть?!

Дядя вскочил и принялся выхаживать по помещению, оживлённо жестикулируя и яростно почёсываясь.

– Однако в последние годы мы действительно чуть заигрались, особенно некоторые Чёрные, и стали относиться к этой «войне» слишком уж серьёзно. Даже первые жертвы появились. Кое-кому вечно недостаёт чувства юмора, да и обыкновенного здравого смысла, пожалуй. Всё стало чересчур... реально. Вот тут я и придумал ввести в действие свежую фигуру. Тебя. Прежде всего, для того, чтобы смешать карты на столе. На самом деле ты должен был отвлечь на себя внимание Тёмных, агентам которых мы внушили, что ты – чрезвычайно важная особа неизвестных игровых возможностей, способная принести нам существенный перевес. Для того, чтобы усилить это впечатление и вообще сбить противника с толку, мы с тобой и совершали вояж по столь странному маршруту. А ты всерьёз полагаешь, что рыбы, философствующие цветочки или экспериментаторы-матримонимисты способны кому-то помочь в р-р-революционной борьбе?! Даже ваш террорист-идеалист Че Гевара не поверил бы в этот бред. Вот и Тёмные понимали, что я, извини за каламбур, темню, однако, тем не менее, не могли не среагировать. А вдруг?! Тем более, что ты, Лёва, уж извини, просто подсадная утка (хотя и со специфическими способностями к нарушению спокойствия

нормальных людей), а вот я – член Светлого Совета. С портфелем и полномочиями. Нас, правда, там таких много... Но у меня есть право совещательного голоса. И мифрильная кольчуга. Где-то в вещах лежит. Достать? Ну как хочешь, а то я могу. Кстати, в основном я тебя не обманывал, ты действительно нужен был мне в качестве генератора неопределённости и хаоса. Ты обладаешь уникальным – даже в безграничной Вселенной – свойством сгущать вокруг себя самые странные и нелепые события. Между прочим, после нашего – а фактически, твоего – посещения на Ихтии в результате цунами (того самого, во время которого ты едва не погиб, что могло несколько помешать моим планам) образовалась суша, на ней завелись амфибии и рептилии, которым особенно по вкусу пришлась именно крупная рыбка... В общем, всю пошла эволюция. Что-то будет?.. В результате появления шмелей-опылителей (которых, разумеется, выпустили в атмосферу Тёмные, что очевидно, но вряд ли когда-либо будет доказано) цветы Истины вплотную занялись сексом и начисто оставили отвлеченное умствование. А на Фэмили после первых успехов лотереи было неожиданно выяснено, что даже если конкретные участники брачных союзов определяются спонтанно, процент счастливых и несчастных семей не изменяется! То есть разум, расчёт, даже чувства – всё побоку! Чистый случай! Этот вывод так ошеломил учёных, что эксперимент был свёрнут, и уйма администраторов, кстати, оказалась без привычных должностей. Так что ты лучше не появляйся в тех краях – в порошок сотрут, а потом и на прах в арбитраж иск подадут. А напасть на «Непобедимый» Тёмные окончательно решились, когда мы заглянули в Таверну – ведь там мы могли встретить кого угодно. Буквально – кого угодно. И, возможно, добыть помощь, которая обеспечила бы нам победу в Игре. Священный Грааль, меч Артура, Всесокрушающее Ядро, Несокрушимый Столб. Какой-нибудь Решающий Аргумент. Кстати, ты, небось, считаешь этого Огюстиуса обычным жуликом и вралём? Да? Я бы на твоём месте не был так в этом уверен.

– И столько событий успели произойти всего за несколько суток?

– Ещё раз напоминаю: в космосе и на планетах время течёт неодинаково. К тому же ты, дорогой мой, как я отмечал выше, непревзойдённый катализатор (сиречь ускоритель) прогресса и прочих безобразий и неприятностей, почему и оказался единственным и неповторимым джокером, который я в критический момент выложил на стол. С кем-нибудь другим могло и не получиться, а благодаря тебе всё

вышло как надо: у противника сдали нервы, и он сбросил карты. А мы их побили заранее заготовленным козырным тузом. Уф... – Дядя сделал передышку, чтобы глотнуть сиреневой жидкости прямо из графина.

– Я всё понял, Кон, – сказал Лёва. – Но не могу до конца разделить твоей радости. Ведь Тёмный Властелин всё-таки сбежал, значит, победа оказалась неполной.

– И прекрасно! – возопил Дядя. – И замечательно. Мы не знаем его тайного укрытия, однако, не сомневаюсь, он не сдался и плетёт новые козни – надеюсь, как всегда, гениальные. Значит, Игра продолжается! Кстати, не желаешь присоединиться, хотя бы пока отпуск не закончится? Хочешь стать Скайуокером Младшим Восемнадцатым? Или Фродо Сто Двадцать Третьим? Кольцо Всевластия тебе Арончик сварганит в лучшем виде.

— Потрясающий мальчик из Берри
Каждый день проходил через двери.
И умением этим
Он прославился в свете
Далеко за пределами Берри.

Один джентльмен из Чикаго
Не вставал при поднятии флага.
Он и встать-то не мог
За отсутствием ног,
Всё равно раздражал всё Чикаго.

Некий странный хасид из Одессы
В голом виде носился по лесу.
Но попал-таки в сети
Одинокому йети
И уже не вернулся в Одессу.

– Кстати, насчёт Скайуокеров: должность Дарта Вейдера освободилась, – переждав залп некстати инициированного Арона, сказал Дядя. – Претендентов масса, конечно, но, учитывая особые заслуги, я могу ходатайствовать перед Секретариатом...

– Да нет, пожалуй. Я домой хочу, – ответил Лёвушка. – Кон, а что бы вы делали, если бы Властелин не успел сбежать?

– Ничего особенного. Придумали бы другую Игру. Не в первый раз.

– А всё-таки: кто же доносил Тёмным о наших перемещениях и действиях?

– Так ты ещё не понял? Я, конечно.

– Уважаемый дон из Испании
Изобрёл новый способ чихания,
Не щадя своих сил,
В совершенстве развил
И легко заразил всю Испанию.

* * *

– Ну что ж, – сказал Кон, когда родственники доели неслабый праздничный обед, приготовленный Ароном, который, впадая в рифмоплётство, всё-таки не терял ни кулинарных, ни иных навыков, потребных корабельному компьютеру, – раз уж ты не жаждешь вступить в Игру, то не пора ли тебе обратно на Землю?

– Как, – удивился Лёвушка, – разве мы не собирались на твою Родину, Дядя?!

– Да что я там забыл?! Скучновато в моём отечестве, а космос-то безграничен. Я ещё не везде побывал.

– А можно, – решился попросить Лев, – я напоследок сам скомандую Арону: «Старт!»? Я никогда ещё этого не делал.

– А зачем? – усмехнулся Великолепный Куперовский, ухватил нашего героя за рукав...

... И они оказались у родного для Лёвы и двоюродного для Дяди подъезда. Кто-то успел написать на нём маркером: «Ринат развращает рыб».

– Что это было? – спросил несколько оторопевший Лёвушка.

– Странные люди ваши соседи, – сказал тоже обративший внимание на загадочную надпись Конструктуарий. – Никогда не мог понять некоторых представителей хомо сапиенс сапиенс. А мы с тобой совершили... ну, в ваших морально устаревших фантастических романах это называют ТР-переходом. На моей планете его изобрели давным-давно.

– Тогда почему же мы?..

– Понимаешь ли, у нас ТР-переходом практически не пользуются. Просто я сейчас несколько спешу, вот и пришлось. Я тебе не говорил, но меня, ввиду моих последних блестящих достижений, назначили Мастером Игры. Дел предполагается по горло, так что скоро в гости не ждите.

Кон отпустил руку Лёвы и шагнул прочь, явно намереваясь немедленно вновь воспользоваться подпространственным туннелем.

– Но всё-таки почему?.. – спросил опять Лёвушка.

– Да просто так, неинтересно через четвёртое измерение шмыгать. Скучно: слишком быстро и никаких тебе приключений в пути... К тому же...

И Дядя исчез, хотя голос его, подобно Чеширской улыбке, ещё висел в воздухе:

– ...понимаешь ли, с этими ТР-переходами не всё ещё до конца ясно и ничего нельзя гарантировать. Ты уверен, что это действительно твоя Земля, а не аналогичная ей планета параллельной Вселенной?..

Звук постепенно сошёл на нет.

Лёва огляделся.

Покрытые позолотой, но уже успевшие заметно облупиться стены дома, обычные евростеклопакеты в окнах, мягкие кресла для отдыха пенсионеров во дворе у детского городка, Нюшка с Васей, почему-то чуть нетрезвые, в тщательно выглаженных одеяниях шкандыбают куда-то. Должно быть, в театр, как всегда после полочки. Монитор на входной двери подъезда с трещиной – видимо, Дамирка-хулиган опять задел виолончелью.

«Да всё нормально», – сообщил самому себе Лёвушка. – «Ничего не изменилось. Мой двор. Мой подъезд. Наша лестница. Я – дома! Я дома... Я дома? Конечно, дома. Вон типичные для наших широт окурки от «Мальборо» валяются и надоевшая «оплывшая» бутылка из-под

«Грантс», естественно, рядом. И лужа мочи под лестницей! Надеюсь, это кошка. Я на Земле, где же ещё?!»

В правом кармане джинсов что-то шуршало. Лёва вытащил на свет три аккуратно сложенных листа формата А4. Распечатки. Видимо, прощальный сувенир от Арона. Ловкие у него манипуляторы всё же.

«Кон попробует убедить тебя, что ты можешь оказаться на параллельной Земле. Я бы на твоём месте ему не поверил. ;))», – было начертано на первой странице.

Лёвушка развернул вторую:

«Всякая изреченная мысль есть ложь. В том числе и эта. И эта тоже».

На третьей текста было совсем мало. В самом центре двадцать вторым шрифтом было набрано:

«Человек – это звучит спорно».

Из приоткрытого окна знакомо пахло мамиными котлетами.

Лёвушка пожал плечами и шагнул в парадное.

ТРУДНО БЫТЬ ЛЁВОЙ

Давно замечено, что самая чистая правда частенько выглядит отъявленной ложью. Причина здесь в том, что жизнь устроена довольно нелепо, и опытный рассказчик, зная это, выправляет наиболее вопиющие нелогичности. Увы, мне поступать так мешает совесть, и потому события в моём изложении выглядят неправдоподобными. Мне уже это говорили. Однако поделаться ничего не могу: врать не умею. Вот и сейчас мне, конечно, никто не поверит.

В тот день погода стояла расчудесная: не было ни дождя, ни ветра, ни холода, а отсутствие солнца и наличие туч никак нельзя считать дурным предзнаменованием. И потому во всём нижеследующем небеса никак не повинны. В конце концов, это не они заставили нашего зама по АХЧ Фомина-Залихватского в одиночку спускаться по лестнице трехстворчатый шкаф. Покидая площадку четвертого этажа, Фомин не удержал шкаф, и этот монстр шестидесятих годов, станцевав по ступеням, встретил пролётом ниже Куперовского, который, ни о чём таком не думая, возвращался из столовой на рабочее место.

Любители фантастики, чей острый нюх помогает им находить родовые признаки "сайенс фикшн" даже в телефонной книге, уже, конечно, догадались, что удар столь массивным предметом по ткани бытия не мог остаться без иррациональных последствий. Опроницательные, вы не ошиблись. Когда шкаф подняли, Лёвы под ним не оказалось. На память о сотруднике руководству КБ осталась лишь вмятина от соприкосновения макушки с дубовой перегородкой. Как раз пониже инвентарного номера.

Куперовский пришел в себя от крайне неприятного запаха. Казалось, весь воздух был пропитан сложным букетом ароматов, в котором выделялись резкий дух свежеприготовленной резины и тяжкий дурман свежеевядущих магнолий. Лёва сидел в центре до неправдоподобия средневековой и до безобразия алхимической лаборатории, на жёстком деревянном кресле, вознесённом на некий пьедестал, подножие которого окружала пентаграмма. Хозяин лаборатории, старичок почтенно-подозрительного вида, с длинной чёрной бородой и в чёрной же усыпанной блестками магической паре

(халат + колпак), метался у стола, непрерывно подливая, подсыпая, помешивая и при этом не переставая бормотать. На Куперовского он взглянул лишь однажды, и то косвенно, без особого интереса.

— Ну и долго я буду тут сидеть? — спросил наконец Лёва, предварительно деликатно покашляв.

— Я вас, собственно, и не приглашал, — отпарировал старик, не отвлекаясь от своих занятий.

— Извините, — сказал Лёва, — но не могли бы вы сказать, где я?

— У меня в лаборатории, — огрызнулся ядовитый пенсионер, снимая пробу с буровато-зелёного варева в толстостенной колбе. — Если хотите более точно — в квартале Ходячих Призраков, что расположен в центре Нитгедайгена, каковой вечный город занимает ядро Нулевого Отражения, обеспечивая его стабильность и первенство. Вы удовлетворены?

— Какое Нулевое Отражение? — прошептал Лёва, ощупывая шишку на голове. — Где это? Неужели меня так сильно потрянуло? Доктор, это излечимо?

— Где вы видите врача, юноша? И не волнуйтесь за свой рассудок: не то чтоб вас можно было назвать человеком в своём уме в полном смысле этого слова, но отклонение от вашего обычного уровня не столь уж велико. Беда в другом: вас так резко выбило из причинной ткани вашего Отражения, что вернуться назад представляется весьма и весьма проблематичным. Надо же, даже номер не читается.

— А что такое Отражение? — спросил Лёва, почувствовав, что старичку очень хочется подробно и обстоятельно удовлетворить чьё-нибудь любопытство, вот только жертва никак не подворачивается.

— О, это сложный вопрос, требующий многочасовой лекции. У нас нет такого запаса времени, поэтому попробую коротко. Просто говоря, на Оси Мира расположен Оригинал, или Нулевое Отражение, которое порождает само себя, а также все другие Отражения, в частности — ваше, обеспечивая попутно устойчивость Вселенной. В общем, всё это довольно ясно, хотя еретики-полицентристы утверждают, что любое Отражение можно принять за нулевое. По-моему, всякий непредубеждённый человек согласится, что подобные взгляды — полнейшая чушь. Не правда ли?

— Да-да, конечно, — осторожно сказал Куперовский.

— Приятно видеть столь здравомыслящего юношу. Между прочим, смотрю я на вас и думаю, что вам не пришла ещё пора возвращаться на своё провинциальное отражение. Тем более, что, пока вы меня отвлекали разговорами и нарушали технологию эксперимента, пространственно-временные и инфинитно-континуальные координаты вашей реальности сместились, и определить ваше первоначальное местостояние — задача не из простых. Вы никогда не пробовали решать задачу 123 тел в семимерном — как минимум — пространстве? Если нет, то знайте, что, согласно восьмому принципу квантовой магоматике, она неразрешима.

— И что же делать? — слабым голосом осведомился Лёва.

— Ну, кроме квантовой магоматике, существуют ещё волновая, стохастическая и абстрактная. Да и я специализируюсь как раз на неразрешимых проблемах, так что попробуем. Ну, а вам пока нечего прохладиться и, кстати, впустую занимать Трон Люцифера, крайне необходимый мне для опытов. Между тем датчики отчётливо отмечают под вашей невзрачной внешностью романтическую душу Вечного Героя. У вас никогда не возникало стремления истребить миллион-другой человек? Или освободить какой-нибудь мир от кровавого тирана, чтобы без помех управлять им самому? Не накатывала на вас такая печаль галактических масштабов с терзаниями себя и других?

— Нет-нет, — испуганно замахал руками Лёвушка. — Наверно, ваше оборудование испортилось. Или батарейки сели. Ничего подобного я в себе не ощущаю.

— Мои приборы не могут испортиться, ибо заклеты. А питаются они энергией Вечности, и она ещё далеко не на исходе. Гм. Попробуем по другим качествам. Не бывает ли вам по утрам иногда так плохо-плохо, а порой так хорошо-о? Не возникает ли временами желания заснуть, и чтобы, когда проснетесь, всё уже было совсем по-другому? Бывает? Ну вот, а это типичные свойства Вечного Героя, да ещё и с мерлиновым синдромом. А нет ли чего-нибудь большого, красивого, о чём бы вы очень сожалели и что особенно хотели бы увидеть?

— Да, — грустно сказал Куперовский. — Наш новый японский телевизор. Сегодня вечером как раз КВН. Если, конечно, в правительстве никто не умрёт.

— Ну, вот что, — рассердился чародей, — вы, конечно, как хотите, но через 7 минут 43 секунды на троне рядом с вами материализуется демон третьего разряда. У них сейчас сиеста, посему он, допуская, будет

сердит. За это время я не успею отыскать достоверные координаты вашего мира, а в любом другом месте вам придется стать Героем, хотя бы из чувства самосохранения.

— Вечным? — уже с надеждой спросил Лёва.

— Это как получится. Так как, будем рисковать или подождём демона?

— Рискнём, — ответил Лёва...

...И очутился на песке. Палило солнце. Рядом на бархане стоял верблюд и самозабвенно грыз какую-то колючку, косясь на Куперовского выпуклым карим глазом. Всё было до безобразия экзотично. Лёва поднялся и отряхнул штаны. Дромадер, видимо, воспринял это как сигнал, выплюнул недоеденную колючку и двинулся к горизонту. Лёва, потенциальный кандидат в Герои, вздохнул и побрёл вслед за ним. "Может быть, это мой верблюд? — подумал он. — Может, волшебник напоследок расщедрился? Почему бы и нет, в конце концов?"

Действительно: почему бы и нет? Приключение вовсе не стало бы менее интересным, преодолей Куперовский часть пути верхом. Даже напротив: на верблюде он смотрелся бы гораздо импозантнее. А ещё лучше, если бы я — авторская воля! — раздобыл бы ему где-нибудь тюрбан, халат и этикие азиатские сапоги с загнутыми носками. Какое величественное зрелище представлял бы тогда въезд моего героя в город! Насколько охотнее иные поверили бы всему дальнейшему. Однако даже в интересах фабулы и красоты стиля я не могу себе позволить отступить от истины. Правда же состоит в том, что Лёвушка не сумел заставить паршивое животное остановиться, а эксперимент по залезанию на движущегося (и больно лягающего) верблюда закончился провалом, хотя и обогатил искусство верховой езды несколькими новыми кунштюками (как то: вис на зубах с синхронными взмахами конечностей дромадера и потенциального всадника или двойной аксель с горба в бархан на полном скаку — рискните повторить!). Увы, истина вынуждает меня поведать читателю, что Лёва вошёл в Иерусалим (через южные ворота — это примечание для любителей точности) именно так: потным, запыленным, с выпученными от переживаний и унижения глазами, покорно шагая — с отставанием метра в полтора — за верблюжьим хвостом.

Как раз в это время Иерусалим, как и вся Иудея, был охвачен лихорадочным возбуждением. Ждали Мессию. Собственно говоря, Ожидание Помазанника — это национальная иудейская традиция, высшая квинтэссенция науки, искусства и спорта, нечто среднее между радостным предвкушением, нервной дрожью, испугом и агонией. Я даже не знаю, как ввести в эту атмосферу человека, который сам ею не дышал. В качестве отдаленного подобия представьте себе ощущение невесты перед первой брачной ночью с горячо любимым женихом, при этом она давно — и многократно — не девственница, а он весьма ревнив, даже до насильственной смерти неверной избранницы. Или вот вам ещё аналогия: вообразите народ, который в едином порыве вышел встречать поезд на Читтанугу, причём время прибытия неизвестно, мест в вагонах наверняка на всех не хватит, и присутствующие находятся в предэкстазном состоянии, готовом перейти во что потребуется — от глубокого уныния до общего ликования и от побития камнями до возведения храмов включительно. С учётом же того, что Мессия, собственно говоря, уже приходил и ушёл, ситуация становится ещё более интересной. Развивая вышеприведенное железнодорожное сравнение, можно сказать, что всё это напоминает ожидание поезда на Читтанугу на остановочной платформе станции Малые Дербышки.

Так вот, правоверные иудеи ждут Мессию уже давненько и — с небольшими перерывами на более насущные заботы — непрерывно, но и в этом перманентном процессе выделяются особенно экстремальные периоды, и вот как раз в такой момент Лёва и явился в Иерусалим — грязный, исцарапанный и униженный верблюдом. Между тем Слава уже готовилась раскрыть ему свои объятия.

Сразу же за воротами, под прямым углом к ним, располагались несколько рядов скамеек, которые были густо покрыты людьми в разноцветных то ли хитонах, то ли халатах, с длинными полотенцами на головах, кудрявыми бородами и горящими от вожделения глазами. Лёва, едва взглянув на них, сразу же — и правильно — понял, что это евреи. Учитывая же их количество, нестеснённость жестов и поведения вообще и громкие голоса, он сделал вывод, что находится или в Израиле, или в Одессе. Однако песок, верблюды и отсутствие поблизости моря говорили всё-таки скорее в пользу Израиля.

Сидящие на скамейках пристально оглядывали каждого проходившего в ворота и обменивались впечатлениями.

— Ну, Марк, как тебе вон тот?

— Этот прыщ в лапсердаке? Мойша, стыдись, сегодня ещё только пятница, а ты уже начал праздновать субботу. Почему у тебя блестят глаза, Мойша? В следующий раз сюда войдёт ослица, и ты также спросишь, не Он ли это.

— Ну хорошо, реб Марк, но вот этот точно не прыщ. Ты погляди, какой хороший: голова как пивной котел, бицепсы как бёдра у твоей Сарры.

— Слушай, Мойша, тебе надо провериться: у тебя что-то с головой. Это просто меняла из Хайфы, я его знаю. К тому же ещё и одноглазый. Скажи, где написано, что Он будет одноглазый?

— А где написано, что не будет?

— Подумай сам, Мойша, зачем писать то, что и так всем понятно? Просто Он такой, как и все мы, а значит — с двумя глазами.

— Почему, Марк? Там как раз сказано, что Он будет не такой, как мы.

— Да, не такой. Но безгрешный, в отличие от нас, убогих. Безгрешный, а не безглазый!

— погоди, Марк, а почему безгрешный не может быть безглазым? Может быть, его безгрешность была так велика, что на отсутствие глаза не обратили внимания. Ты помнишь, как у Иоханана-горшечника родился сын?

— Помню.

— А ты помнишь, как его называли? Рахиль. Когда на третий день вино кончилось, и к Иоханану вернулся разум, он сообразил, что Рахиль — женское имя. И он спросил раввина, который спал за тем же столом, то есть сначала разбудил, а потом уже спросил: "Реб Яков, почему ты дал моему сыну женское имя?" И реб Яков долго не мог ничего ответить, потому что лежал своим благочестивым лицом в цимесе. А потом, когда цимес слизала мать жены Иоханана — не пропадать же хорошему продукту за просто так?! — раввин сказал: "Разве это был мальчик, дорогой Иоханан? А мне показалось, что девочка. Но разница была ещё слишком невелика, а у меня такое плохое зрение... Однако теперь ничего не поделаешь, уважаемый Иоханан, твоя... то есть твой Рахиль уже записан в мои книги, и теперь он так и будет существовать под этим именем. И дай Бог, чтобы это было самым большим огорчением в его

жизни!" Вот я и говорю: если реб Яков не заметил столь существенную разницу, то те, кто писали эти книги, вполне могли не предусмотреть такую мелочь, как отсутствие глаза. Прав я или неправ, а, Марк?

— погоди, Мойша, остановись, у меня от тебя начинается сердцебиение. Зачем ты через каждые два слова повторяешь "Иоханан"? У меня всё в голове смешалось: раввин, сорок бочек твоих Иохананов и мальчик с несущественной разницей. И при чём тут Он? Какое все они имеют отношение к Нему? И при чём тут, кстати, бёдра моей жены? Не трогай бёдра моей жены! Оставь в покое бёдра моей жены! Если я ещё раз замечу, что ты трогаешь бёдра Сарры, я...

— Нет, Марк, ты не понял...

— Всё, всё, Мойша, я уже успокоился. Я уже пришел в себя. Мойша, перед тем, как говорить с тобой, надо плотно поесть и заткнуть уши ватой. Я забыл про это, Мойша, и Бог меня наказал. Хватит уже, Мойша, а то я могу тебя убить голыми руками.

— Хорошо, хорошо, реб Марк, но только в последний раз. Как тебе этот, Марк? Посмотри, у него два глаза, и кашмирский халат, и лошадь. Погляди, какая под ним красивая лошадь, Марк!

— Да, Мойша, под ним прекрасная лошадь. И да, Мойша, на нём халат, и тюрбан, и кривая сабля, Мойша, про которую ты зря ничего не сказал. Потому что это араб, Мойша, чистокровный араб из пустыни, и каждая пядь его тела, и каждый клочок его одежды кричат: "Араб! Араб! Араб!" Ты понял меня, Мойша? Араб! Проклятый араб!

— Да, я понял тебя, Марк, но где написано, что Он не может быть арабом?

— Какой ещё араб?! Там же сказано — "из рода Давидова"! Нет, я всё-таки тебя убью! Держите меня, люди!

Но никто их не удержал, и они убежали, причём первый всё ещё пытался спорить, а его преследователь вращал глазами, рычал, и изо рта у него шла пена. На них не обращали внимания, видимо, подобные сценки здесь примелькались.

— Ну, и как же уродились ваши хлеба, реб Исаак?

— С Божьей помощью, прекрасно, реб Самуил. Когда Он придет, будет, чем Его накормить. А что ваши виноградники?

— Ничего, реб Исаак, неплохо. В этом году пришлось нанимать работников со стороны. Однако, как видите, я здесь, уже второй месяц, с тех пор, как звездочёты опять предсказали Его близкое появление, и очень опасаюсь, что чужие люди без меня сами соберут мой урожай.

— Так пошлите вместо себя сына.

— А если они его убьют? Знаете, разные люди нанимаются в работники.

— Ну и что ж, бывает. Зато потом вы сможете на законных основаниях убить их, вернуть урожай и ничего не платить за работу. Я часто так делаю. Очень выгодно получается. На то в наших еврейских семьях и много детей.

— Спасибо, реб Исаак, спасибо. Обязательно при случае воспользуюсь вашим советом. Но я вам так скажу, реб Исаак. Всё это крайне нехорошо со стороны Мессии. Люди Его ждут, настраиваются, бросают дела, накрывают столы. Только на моей памяти звездочёты и всякие там нечестивые волхвы — тьфу, мерзость какая, прости, Господи, — уже двадцать восемь раз возвещали Его скорый приход. И что вы думаете — Он хоть раз явился?! А хлопот-то сколько! В доме прибирай, нищих одежай, должникам прощай, в грехах кайся... Я уж последние двенадцать раз готовился по сокращённой программе, без должников и нищих. А то и разориться недолго. Если бы ещё деньги, затраченные на благотворительность, не облагались налогом...

— К этому наверняка в будущем придут, реб Самуил, А то тяготы, наваленные на плечи богатых людей, столь велики, что этак и вера может пошатнуться. В дикие времена живём, реб Самуил, верим каким-то звездочётам, факирам, экстрасенсам приبلудным. Сидели бы тихо, занимались своим делом...

— Да, реб Исаак, и всему причиной — Он. В конце концов, обещал прийти — приходи! Не тяни время. Или уж оставь в покое Свой народ, дай людям делом заниматься. Сколько уж можно, в конце концов?!

— О, Яхве, Бог отцов моих! Ты — Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной...

— Слушайте, молитесь потише. Вы думаете — вы один здесь правоверный еврей? Тут все правоверные евреи. И не хуже вас, между

прочим. Вы мешаєте, в конце концов. Для молитв есть храм, а здесь площадь. Сидите и радуйтесь, что места хватило. И что это вы землю нашу ругаете? Какая-никакая, а родина. Обетованная, между прочим. Вот как кликну стражника — узнаете.

Лёва вдруг сообразил, что понимает каждое слово. Вокруг говорили на идише, который Куперовский в свое время по ошибке выучил с помощью родственников, собираясь в Израиль. Вот и пригодилось. Правда, это был какой-то совсем другой Израиль, потому что в том Лёва ничего не понимал, и его не поняли. Возможно, судьба с самого начала готовила его к деяниям здесь, в этих местах. Ведь назвал же его чародей Вечным Героем.

Неожиданно какой-то старичок, дотоле спокойно сидевший на скамейке, взвился, будто к нему внезапно подключили электрический ток, и заскакал козлом, выдирая и щедро разбрасывая небогатые кудри.

— Вот Он! Вот! — завизжал он, бросаясь к Лёве и тыча в него пальцем. — Шестое чувство подсказывает мне — это Он. Радуйтесь, евреи, Он пришёл, и теперь мы все наконец отдохнем. Пляшите и веселитесь, евреи, ибо Он явился, и узнал Его я, я, Авраам бен-Шмулик, продавец ковров с Пятой улицы. Запомните, люди: Авраам бен-Шмулик, Пятая улица, синий дом, лучшие ковры в Иерусалиме, открыто с шести до девятнадцати с перерывом на обед и молитву. Но не спутайте с лавкой моего брата Аарона, та с жёлтой крышей, и таких ковров вы там не купите. Это я, я Его узнал, бен-Шмулик из синего дома, с 6 до 19, перерыв с 13 до 14. Приветствуйте Его, евреи!

Окружающие сорвались со своих сидений и бросились на Куперовского.

— Нет, нет! — в панике закричал он. — Я не знаю, кого вы ждёте и что собираетесь с ним сделать, но это не я. Честное слово!

Однако воплей его в поднявшемся гвалте никто не слышал. Толпа схватила Лёву, подняла над собой и повлекла в неизвестном направлении.

На следующий день на базаре только и разговоров было, что о вчерашнем происшествии. Худощавые мальчишки на побегушках, всклоченные юноши с Талмудами, томные девы на выданье, многопудовые матроны в париках, солидные отцы семейств — все обсуждали только одно.

— Ну и как же Его опознали?

— Судите сами: одет не по-нашему, но по внешности — настоящий ид. Смотрит дико, кричит, руками размахивает — пророчествует. Вокруг осматривается так, как если бы никогда этого не видел. Вдобавок — пришёл за хвостом верблюда.

— А при чём здесь верблюд? В пророчествах вроде было сказано по-другому.

— По-другому... Синедрион ещё когда постановил, что пророчества надо толковать расширительно. Иначе мы далеко не уедем. Вон Безумный Пророк явился, как полагается, — на ослице, с ослёнком в поводу, а что толку? В результате в Европе до сих пор приходится воевать с франками, готами и прочими его последователями. Может, ты сам из таких? Нет? Смотри. И вообще: пророки о ком говорили? О животном. Этот самый Лейб с кем пришел? С животным.

— Но ведь не с ослицей, а наоборот, с верблюдом.

— В Синедрионе сказали, что верблюд даже лучше ослицы. И всё, отстаньте от меня, больше ничего не знаю.

— А где Он поселился?

— Слушайте, вы отойдёте или что? Сёмочка, дорогой, выйди из лавки, возьми свою дубинку и объясни этим мишугоэм насчет Мессии, чтобы мало не показалось. Так их, Семочка, и проверь, не остались ли у них ещё вопросы, и ответь на все. Не гони их далеко, Сема, гони их к Соне, передо мной они всё утро стояли, теперь пусть она на них порадует. И мне слышно будет, о чём они там болтают.

— Его приютил Бар-Раббан, учёный человек. Знает наизусть Пятикнижие, наблюдает за звёздами, снимает сглаз. Его уже три раза за колдовство хотели камнями побить, но в городе булыжников не нашли — как раз все накануне истратили, а за стены лень было идти.

— Ну и как Он, скоро будет народ учить?

— Бар-Раббан обещает — вот-вот. Пока Он его спрашивает, проверяет, должно быть, всё ли Его народ воспринимает правильно.

— Говорят, там полон дом книжников, фарисеев, учителей Закона, и Он, хотя и молод, беседует с ними на равных. Он их не понимает, они — Его.

Бар-Раббан особенно охотно говорил об истории Великого Израиля. Перед Куперовским вставали картины победоносной войны, которую вёл Израиль, сокрушая Римскую империю. Вначале, насколько мог судить Лёва, решающую роль сыграли фанатизм небольшой иудейской армии и недооценка её сил противником. В дальнейшем один из римских императоров, страдавший наследственным идиотизмом и тяжёлыми запоями, принял иудаизм сам и начал повсеместно внедрять его среди подданных. После этого основное значение приобрели диверсионные операции по кормлению войск противника тrefным мясом и неосвящённой мацой, а также рейды по тылам врага террористов-пророков, призывающих покаяться в грехах и уйти от мира. А по Средиземному морю плыли в океан тысячи единиц крайней плоти — император лично руководил актами обрезания и сам в оных охотно участвовал, но, как человек предусмотрительный, резал с большим запасом, что привело к уменьшению населения империи и стало ещё одной причиной ее падения. Над обломками Рима взвилось белое знамя с шестиконечной звездой и семисвечником. По всей бывшей империи сокрушались языческие идолы — новая господствующая религия запрещала изображения человека. И лишь для громадных фаллических символов почему-то было сделано исключение, но скульптуры были тщательно обтесаны и теперь, по разъяснению Верховного Синедриона и лично Ирода Шестнадцатого, символизировали торжество наступающего иудейского духа над любым другим. По всему Великому Израилю открывались хедеры и синагоги, школы канторов и клубы каббалистов, ссудные лавки и мастерские по изготовлению париков и филоктерий. И вот здесь возникла одна существенная трудность. Евреев она не касалась, но в бывшей империи жили, к сожалению, не только — и не столько — евреи, и вот теперь двенадцать языков тщетно ломали языки в попытках внятно вознести молитвы вездесущему Яхве. Что-то надо было делать, и по постановлению Верховного Синедриона лучшие учёные страны на основе иврита, латыни и ряда её производных и диалектов создали новый язык, который, несмотря на иные причины и другое время возникновения, поразительно напоминал, практически тождественно совпадал с известным нам идишем. Когда члены Синедриона и царь ознакомились с произведением, они были потрясены тем, что кучка высоколобых сотворила с великим языком Авраама, Моисея и Иисуса Навина, и приговорили осквернителей к побиванию камнями, но было уже поздно. Порожденный нечестивцами идиш проник в народ и победоносно зашагал по Царству Израильскому, и вскоре даже фарисеи и

книжники практически позабыли иврит, и последний сохранился как международный язык лишь в науке, то есть в той среде, которая как раз и выпустила джинна из бутылки.

Однако, даже став великим и решив вопрос со смешением языков, Израиль не мог почивать на лаврах, дабы злокозненные змеи, драконы и прочие гады, то есть добрые соседи еврейского государства, не сожрали его. На западе — в Галлии, Британии и Испании — шумели и рвались в бой последователи Безумного Пророка, казнённого в Иудее за кощунство три сотни лет назад теми же римлянами с подачи тогдашнего Синедриона. И сколько ни объясняли израильские послы и газеты так называемым "христианам", что и Безумный Пророк, и его гонители были иудеями, и, стало быть, вся эта история — чисто внутреннее еврейское дело, — не помогало, и на западе продолжали потрясать мечами и кричать про освобождение Гроба Господня, хотя каждый, кто хоть немного разбирается в климатических условиях Иудеи и тамошних обрядах захоронения, понял бы, что какой уж там гроб и какие останки...

На востоке ещё со времен Самсона никак не могли успокоиться филистимляне. У их претензий никакой идейной подкладки не было, они просто и бесхитростно рвались в бой за новыми землями, деньгами, вещами и женщинами.

Израиль воевал и с теми, и с другими и — естественно — ждал Помазанника, готовый узнать Его с первого взгляда, чтобы — в отличие от прошлых раз — не ошибиться, и горе самозванцу — побивание камнями никто не отменял. Куперовский прекрасно понимал ситуацию и изо всех сил пытался объяснить, что он — вовсе не Мессия, даже не претендует и не считает себя достойным. Ему не верили, тщательно записывали речи для будущих священных книг, исправно исцелялись, едва дотронувшись до его джинсов, молили о пророчествах, которых сами же потом пугались и по-детски обижались, и просили чудес, чудес и ещё раз чудес. Впрочем, и Куперовский был настойчив, и в конце концов, чтобы разобраться с этим вопросом окончательно, был созван Верховный Синедрион. Обсуждение было длительным, монотонным и тягучим, как жвачка. Выступающие цитировали Пятикнижие и пророков (причём на не понятном Лёве иврите), воздевали в отчаянии руки, неоднократно, прервав речь, шёпотом молились, пытались давить на чувство долга, совесть и патриотизм Лёвы, взывать к его честолюбию, намекали на напряжённую международную обстановку, на неизбежный скандал.

Куперовский был тверд, как краеугольный камень, и так же непоколебим. Когда же подряд три оратора неизвестно почему назвали его Эммануилом — а он терпеть не мог этого имени — Лёвушка взорвался и наговорил всем присутствующим массу неприятных вещей, к тому же заявив, что если бы он был Помазанником, то лично изгнал бы из храма и их, и их родственников, и потомков до двадцать седьмого колена. Почему именно до двадцать седьмого, он затруднялся объяснить, но в продолжение спича несколько раз возвращался к этому числу и очень на нём настаивал. Члены Синедриона были уязвлены в своих лучших чувствах, и, таким образом, Лёвина речь решила дело. Встал самый седовласый, пейсатый, носатый и почтенный из всех и, важно поглаживая бороду двумя руками (жест весьма величественный; чувствовалось, что он часами репетировал его дома перед зеркалом), провозгласил:

— Коллеги! Мы собрались на это заседание, чтобы в обстановке свободной научной дискуссии выяснить сущность и природу, так сказать, присутствующего здесь Льва. Льва, так сказать, и льва. Или, если хотите — аппетиты Льва. Хе-хе-хе, хи-хи-хи. Но вернёмся к сути обсуждаемой проблемы. В чём же она состоит? В том, так сказать, Помазанник он или не Помазанник. Вопрос не так прост, как может показаться наиболее нетерпеливым из нас. Если он Помазанник, то следует его обрести, вознести и, так сказать, правильно преподнести. Однако совершить оное без согласия субъекта достаточно трудно и не вполне разумно. С другой стороны, вспомним небезызвестный случай Безумного Пророка. Тогда некоторые горячие головы тоже поторопились, так сказать, поднять его на щит, взбаламутили, так сказать, сограждан и в результате пришлось привлечь римский меч и — прости, Господи! — крест. Если бы в дальнейшем вышеупомянутые беспорядки не привели к росту, так сказать, национального самосознания, единению, так сказать, народа и, в конечном счете, к преобразованию Израильского царства в его нынешнее состояние, то всю эту историю следовало бы считать весьма и весьма печальной и подрывающей, так сказать, здоровый оптимизм. Однако в ней есть и немало поучительного. В частности, она указывает на второй вариант решения возникшей проблемы. Естественно, в нынешние гуманные времена, далёкие от первобытной дикости периода пресловутой, извините за выражение, Империи, и речи быть не может о — прости, Господи! — кресте. Однако народная, так сказать, традиция побивания камнями не может быть, безусловно, списана в архив. Прошедшие здесь прения, на первый взгляд, заставляют нас склониться именно к этому варианту. Но из любой дилеммы есть, дорогие коллеги,

три выхода: первый, второй и третий, запасной. Вот его-то я и хочу предложить вашему благосклонному вниманию. Учитывая, что уважаемый абитуриент наотрез отказывается объявить себя Помазанником, совершить это нашим волевым решением было бы ошибкой, способной привести к смятению умов, неразберихе и хаосу. С другой стороны, второй способ действий настораживает своей, так сказать, необратимостью. Однако есть и ещё один вариант, соединяющий в себе достоинства первых двух и свободный от их недостатков. Мы вполне можем провозгласить нашего дорогого гостя великим, так сказать, пророком. Это нас ни к чему не обязывает и одновременно не оскорбляет ничьих религиозных и прочих чувств. Вспомним, что в пророчествах говорится о, э-э-э, древе. Подождём. Проведём, так сказать, экспертизу. Если присутствующий здесь Лев в своё время будет распят, так сказать, на древе и на третий день воскреснет, то он действительно является Мессией со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно его, так сказать, наследия. Если же нет — так нет, и это тоже ни к чему нас не обязывает. Здесь, конечно, снова вспоминается казус с Безумным Пророком, но здравый смысл и, извините, элементарная порядочность учёного заставляют прямо утверждать, что после хорошего римского — прости, Господи! — креста никто никогда не оживал, не оживает и оживать не будет. Возникшие в тот период слухи, к сожалению, до сих пор не забыты и циркулируют в отдельных подпольных сектах, но мы знаем, кем, какими силами за пределами Израиля они инспирируются и подкармливаются. Со всей ответственностью заявляю, что всё это — антинаучная чепуха и, э-э, так сказать, бред сивой кобылы. Сразу же после, э-э, инцидента был проведен широкомасштабный и гласный следственный эксперимент, который потом неоднократно повторялся. И ни один из 197, э-э, подопытных не воскрес ни на третий день, ни до сих пор. Исчезновение же тела в вышеуказанном случае легко объяснимо вполне материальными причинами. Мы, естественно, не повторим ошибок прошлого. За нашим благословенным Небесами гостем будет установлено постоянное наблюдение, что позволит, во-первых, оградить его от досадных случайностей и, во-вторых, обеспечить абсолютную научную чистоту эксперимента. Итак, своё предложение я сформулировал, теперь, коллеги, прошу высказываться по существу.

Ещё час участники совещания наперебой, брызжа слюной, кричали о достоинствах Председателя и своём личном уважении к нему, и он солидно кивал и благосклонно улыбался. Когда все выступили и единогласно проголосовали, старейший снова взял слово, поздравил Куперовского с благополучным разрешением его вопроса и напоследок сообщил, что теперь он, как великий пророк, должен принять на себя руководство израильскими армиями в их борьбе с неверными. Лёва, боевой опыт которого исчерпывался военной кафедрой К-ского университета, Троцкими лагерями и кратковременной, хотя и победоносной службой в современной нам с вами израильской армии, обомлел, однако возражать было поздно и — учитывая второй из предложенных Председателем вариантов — опасно.

По дороге домой секретарь Синедриона, которого послали с охраной проводить Куперовского, утешал его:

— Ну что ж из того, что ты не Мессия? Ну не судьба, значит. Не огорчайся, старик. Не всем же быть мессиями. Я вот тоже не Мессия, и ничего. В детстве очень хотелось, а теперь привык. Так даже спокойнее, ей-богу.

Лёва попытался объяснить, что он-то как раз совершенно не намеревался, совсем наоборот, но секретарь, дружески приобняв за плечи, остановил его излишние:

— Да брось ты, старина, что я, ничего не понимаю? В тебе сейчас говорит уязвленная гордость, оскорблённое самолюбие. Брось, старик, не стоит того! Мы тебя и в качестве пророка будем очень уважать, вот увидишь.

На следующий день все газеты были полны портретами "пророка Лейба", выдержками из его речей и предсказаний, сообщениями о его назначении главнокомандующим войсками Израиля. "Голос Саваофа" первый проинформировал читателей о награждении Лёвы высшим воинским знаком отличия — Орденом Большого Серебряного Обрезанного Орла с бронзовыми тестикулами. Другая правительственная газета — "Корзина Моисея" — реабилитировалась тем, что проследила происхождение пророка от царя Давида. Чисто профессиональное

восхищение вызывает то, как автор генеалогического древа сумел обойти вопрос о родителях Лёвы, которых, разумеется, никто в Царстве не знал.

Куперовский газет не читал — не было свободного времени. Он штудировал специальную военную литературу, готовясь к вступлению в новую должность. К сожалению, эти толстые тома, снабжённые многочисленными красочными таблицами и схемами, были написаны или ненормальными, или для душевнобольных, и Лёва, прилежно дочитывая каждую из книг примерно до середины, бросал бесполезный труд, устрашённый казённым языком и обилием цифр, и брался за следующую. Вскоре под его кроватью собралась целая библиотека, которую по ночам усердно изучали мыши. В конце концов Лёвушка вынужден был обратиться к единственному доступному его пониманию первоисточнику, касающемуся вопросов военного искусства древнего мира, — к Библии. Он выучил наизусть главы, посвящённые подготовке и ведению сражений, и положился на волю Провидения, которое столько раз выручало его из затруднительных обстоятельств. К сожалению, он не подумал о том, что его личное спасение обычно сопровождалось многочисленными жертвами среди мирного населения и частичным или полным разрушением окружающей обстановки.

Армии встретили Лёву и его солидную — Председатель не забыл своего обещания, хотя и действовал в рамках пристойности — свиту громкими криками восторга, бряцанием мечей о щиты и прочей ненужной шумихой. Как раз надвигалось решающее сражение с галлами, и присутствие пророка, с одной стороны, должно было поднять боевой дух войск (которые уже третий месяц сидели без зарплаты, потому что тыловые службы "прокручивали" деньги через специально созданные для этой цели банки), с другой стороны — проверить стратегические таланты сего новоявленного представителя рода Давидова.

В грядущем сражении Куперовский собирался испробовать тактическую схему, которая наиболее поразила его своей абсолютной художественной законченностью.

На следующее утро после приезда пророк собрал войско. Здоровые бородатые мужики стояли перед ним, опираясь на копья, и выжидательно смотрели на нового командира. Новобранцы ловили под обмундированием насекомых; старослужащие, давно уже привыкшие к тому, что солдат не бывает в одиночестве даже в своих латах, молча дожёвывали завтрак, позволяя личному зоопарку заниматься своими делами; офицеры обменивались сплетнями, анекдотами и адресами кратковременных платных возлюбленных. "Интересно, почему от военных, даже если их ежедневно мыть в бане, всегда пахнет козлом?" — подумал Лёва. Вслух же он произнёс:

— Возлюбленные чада мои (ему взбрело в голову, что именно такое обращение приличествует пророку; чада же отреагировали вялым ритуальным криком "ура")! Я хочу вам сказать, что понимаю ваши чаяния, и все нововведения, о которых вы сейчас узнаете, направлены на улучшение условий вашего существования. Надеюсь, что вы ответите повышением боеготовности, и мне не придётся во время сражения, как идиоту, носиться в самой гуще боя и подбадривать вас. В конце концов, я с детства боюсь острых режущих предметов!

Конспект речи Лёва писал всю ночь, но порой увлекался и отклонялся от домашних заготовок.

— Слушайте мой приказ. Пункт первый. Все получают очередные звания досрочно, прямо сейчас, с соответствующей зарплатой. Пункт второй. Подъём теперь будет на час позже, а обед — на полчаса дольше. Мама мне всегда говорила, что мало спать и плохо прожёвывать пищу вредно. Пункт четвёртый. Сотрите со щитов то, что вы на них написали. Некрасиво.

И так далее. Двенадцатым пунктом Лёва принял в армию всех маркитанток и прочих сестёр немудрёного милосердия, зачислив их на должности рядовых, на что войска отреагировали уже непритворным громовым "ура!". Закончить зачтение приказа ему захотелось красиво, какой-нибудь запоминающейся поговоркой. Куперовскому вспомнились сразу несколько, и он выплюнул их все:

— Пуля — дура, штык — молодец, друзья! Бей своих, чтобы чужие боялись! Винтовка рождает власть!

Обстановка к этому времени стала настолько доверительной, что каждое новое слово армия встречала бурными аплодисментами и

громкими восхищёнными кликами. При этом никому не мешало, что огнестрельное оружие ещё не было изобретено.

— Теперь по поводу боя, дети мои! Кто боязлив и робок, тот пусть выйдет из рядов, а после обеда возвратится и пойдёт назад, кому куда хочется.

Несмотря на царившую атмосферу экстаза и всеобщей любви, реакция получилась покруче, чем у Гедеона: девять десятых войска покинуло строй. Холодок страха пробежал по Лёвиной спине, но он подавил колебания и продолжил следовать каноническому тексту. Он привёл солдат к реке и приказал пить.

— Как так "пить"? — закричал молоденький новобранец. — Что это за старорежимные штучки? Вода же некипячёная! Там же дизентерия! И вибрионы холеры, между прочим!

Однако его никто не поддержал, остальные пили молча. Видимо, санитарно-гигиеническое просвещение проникло ещё не во все уголки Израильского царства.

Лёва ходил вдоль рядов пьющих, и тех, которые наклонялись на колени и пили прямо из реки, как собаки, ставил отдельно, а лакавших воду языком из горсти — отдельно. Но вверенный пророку народ, судя по всему, оказался дефектным и невоспитанным, и, когда Куперовский хотел сказать, что вот эти лакавшие и сокрушат противника, у него самого пересохло в горле: таковых обнаружилось четыре человека. Правда, и руки у большинства были грязными, а мыла поблизости не было, но всё равно результаты опыта несколько обескуражили нашего героя.

— Ладно, — сказал Лёва. — Последний отбор отменяется. Вы, четверо, в бою пойдёте впереди и постараетесь обратить в бегство как можно больше врагов. Если получится. Остальные — за вами. Всё, разойдись!

Излишне говорить, что уже к концу месяца Галлия была очищена от оккупационных израильских войск. А ведь Лёва даже не успел побывать во всех частях. Но, видимо, Бог и на самом деле любил Лёвушку — тот неотразимо действовал даже на большом расстоянии. Местное население, у которого из живности сохранились только свиньи,

цветами встречало освободителей, несколько оторопевших от своих успехов. Впрочем, они бы не удивлялись, если бы лучше знали Куперовского.

Когда стало окончательно ясно, что сражения на западе плохо сочетаются с Лёвиными дарованиями, того перебросили на восток. Здесь филистимляне вели что-то вроде партизанской войны, периодически налетая на стройные еврейские легионы. Однако последние, горделиво трясая пейсами, твёрдо стояли в своих маленьких крепостях за высокими стенами, на которые арабы никак не могли забраться и потому вновь отступали в пески, причем, без особых потерь с обеих сторон. Куперовский, ознакомившись с характером боевых действий, понял, что он может остаться здесь до морковкина заговения. Кроме того, в армии на него в последнее время стали нехорошо коситься, вслух говорили, что он никакой не Мессия и даже пророк-то далеко не перворазрядный, так, самый завалященький. Более того, распространилось мнение, что его присутствие приносит несчастье. Из столицы приходили известия, что Верховный Синедрион срочно подыскивает нового кандидата в Сыны Божии. Необходимо было что-то делать, чтобы поддержать пошатнувшееся реноме. И Лёва решил превратить оборонительную войну в победоносно-наступательную.

Первые трое суток войска героически продвигались вперёд, нигде не встречая противника, и Лёвушка почти никому не мешал, хотя и потерял полевые кухни в пустыне, пытаясь встретить бойцов на привале заранее приготовленным обедом. Однако на четвертый день дорогу преградила бурная река... Неправы те, кто утверждал, что пророк сознательно утопил здесь треть войска. Нет, Лёва просто попытался остановить поток силой духа, однако его солдаты оказались не крепки в вере. Но окончательную победу над израильской армией Куперовский одержал на двенадцатый день, когда, увлечшись экспериментами с солнцем (он позже утверждал, что несколько раз оно останавливалось, хотя и ненадолго), позабыл вовремя ввести в бой резервы, и успешно для евреев начавшееся сражение завершилось самым плачевным образом.

Впрочем, всё закончилось ещё до темноты, так что Лёвины экзерсисы, возможно, не были уж совсем бессмысленны.

Когда Куперовский вернулся в Иерусалим, он понял, что к его встрече народ приготовился. Всюду были расклеены карикатуры на пророка, в двух местах догорали его чучела, а на центральной площади небольшая бригада вкапывала в землю внушительных размеров древо. Говорили, что через десять дней в Израиле будет большой праздник — Председатель Синедриона принародно начнёт решающую фазу своего эксперимента. Ожидалось присутствие Ирода, иностранных послов, приезд делегаций из других городов Царства. Детские хоры разучивали весёлые песенки про пророка с припевом: "Распни его! Распни его!" Общество Друзей Иеговы распространяло брошюры с картинками, где языком, доступным даже олигофрену (и только ему), населению объясняли суть происходящего. Брошюры брали охотно — они хорошо шли и на пипифакс, и на растопку. Хасиды готовили к торжественному дню многофигурную композицию — что-то про первое грехопадение, но без участия женщин. Мрачные фарисеи раздавали написанные от руки листовки с крупным заголовком: "Мы же предупреждали!" — где говорилось о том, что они предупреждали, хотя оставалось неясным, о чём же они, собственно говоря, предупреждали. Верховный Синедрион заседал непрерывно, хотя и довольно сумбурно. Газеты, ссылаясь на неназванных информаторов, сообщали, что разрабатываются, во-первых, типовой сценарий распятия и, во-вторых, текст присяги будущих Мессий, которую они должны будут произносить во время инаугурации. Чемпион Израиля по метанию пращи посвятил грядущему распятию свой новый рекорд, а жнецы, металлурги и резники крайней плоти — будущие урожай, выплавку и настриг, соответственно. Пенсионеры писали в газеты письма, где дружно поддерживали решения царя и Синедриона и выражали готовность лично принять участие в церемонии, если только власти сочтут возможным дополнить экстраординарное распятие традиционным побиванием камнями. Одновременно в посланиях содержались обещания признать пророка Мессией посмертно и воздать ему соответствующие почести, если он всё-таки, паче чаяния, воскреснет. Старики любят подстраховаться.

Лёва смотрел в будущее с оптимизмом. Он верил в свою звезду и надеялся, что, раз всё разворачивается именно таким образом, его уже скоро заберут отсюда. Честно говоря, в Великом Израиле ему уже

порядком надоело. Он находил, что еврей в качестве агрессора выглядит глупо и смешно, и ничем хорошим это кончиться не может.

Его поселили на прежнем месте, у Бар-Раббана. Каждое утро мальчишки втыкали под его окном палку и метали в неё камни — тренировались. Получалось неплохо, чувствовалась школа. Между тем, день казни приближался. Бар-Раббан приводил откуда-то группы неизвестных людей, которым за умеренную плату позволял в щелочку взглянуть на лжепророка. При этом кормили Куперовского за казённый счет и платили за его проживание, так что выгода получалась двойная или даже тройная — учитывая обеды и остатки. Наконец, к огорчению Бар-Раббана, наступило утро, когда за Куперовским пришли. Бар-Раббан тепло простился с постояльцем, пообещал явиться на его специфический триумф и показал заранее приготовленный, отмытый и завёрнутый в фольгу булыжник.

— Для тебя, — сказал он. — Купил на рынке. Видишь, какой красивый? Продавец говорит, Синедрион всё-таки разрешил побивание. Вдруг ты не Мессия? Если ты действительно Сын Божий, то тебе это не повредит, а если нет, то как же без побивания? Так что гляди внимательно, я непременно там буду. Где-нибудь в первых рядах, меня пропустят, всё-таки ты мой гость.

— Спасибо, — сказал Лёва. — Я обязательно посмотрю.

Он оделся и шагнул к выходу. И тут — то ли рослый легионер у двери неловко повернулся, то ли гвоздю пришло время выпасть, то ли Небеса действительно хранили Лёву, то ли по сюжету данной повести так полагалось — небольшой увесистый предмет сорвался со стены и чувствительно шмякнул Куперовского по голове. С высоты двух метров.

На следующий день Куперовский опять стал центральной темой разговоров.

— ...И вот тогда он превратился в громадного чёрного змия, взвился в воздух и улетел.

— Зачем так врать, я не понимаю? Даже самому захудалому лэмуху известно, что змеи не летают.

— Слушайте, не цепляйтесь к словам. Ну хорошо, пусть будет не змий, пусть будет дракон, легче вам стало? Или у вас от этого третья нога вырастет? Так я и говорю: взвился и упорхнул, как птичка, но перед этим сожрал золовку Бар-Раббана и сжѐг его дом. Мамой клянусь!

— Люди, посмотрите на этого болтуна! Это кто съел золовку Бар-Раббана? Это ж я – золовка Бар-Раббана, и у него нет другой золовки! Держите меня крепче, люди, он хочет накликать на меня горе, я его убью! Да пусть моим врагам Бог пошлет столько лет жизни, сколько в его словах правды!

— Успокойся, Маня, успокойся. Наплюй на него и возьми себя в руки. Плюй, Маня, не бойся, мы его держим. Вот молодец!

— У него дурной глаз, он меня хочет сглазить. Подождите, люди, не отпускайте его, я выбью ему дурной глаз. Правый, точно, это правый, вот он какой чёрный! Или левый?

— Маня, не мучайся. Что ты себе портишь нервы по пустякам? Выбивай оба, и помни, что у тебя есть лучшая подруга Софа, которая знает пол-базара и всегда тебе поможет. Только быстрее, Маня, а то он сильно вырывается!

— "Лучшая подруга", да? "Всегда поможет", да? А кто у меня занял двадцать шекелей и отдаёт их уже три месяца? Ты думаешь, Маня дура, Маня забыла, да? Маня всё помнит. Люди, отпустите этого трепача, хватайте её, пусть вернет мне мои двадцать шекелей!

— ...И всё-таки, раби Борух, я полагаю, что он был драконом, посланным разрушить величие Израиля.

— Дорогой раби Залман, даже если так, то я вам напомним, что в прежние времена такими проблемами занимались именно ангелы, вспомните хотя бы Книги Царств. Перечитывать надо первоисточники, дорогой.

— Уважаемый реб Борух, я ведь не выражаю прилюдно сомнений в вашей научной компетентности, хотя именно вы в своих научных трудах постоянно приписываете пророкам слова, которые слышите от башмачника Тевье в банях.

— Реб Залман, чья бы, как говорится, корова мычала, ведь это ваше так называемое популярное переложение Торы для детей язычников

коллега Бенцион справедливо предложил использовать на подстилку для свиней.

— А ты, Борух, сам свинья!

— Коллеги, коллеги, давайте вести научный спор корректно и аргументированно. Вот если вы, раби Залман, утверждает, что раби Борух — свинья, то докажите это.

— ...Нет, евреи, этот Лейб был, конечно, не Мессия, но всё же Божий посланник. Подумайте, он вознесся оттого, что на него упала Тора! Какой ид может пожелать себе большего?

Между тем Лёва после чувствительного удара по макушке очнулся в уже знакомой лаборатории. С тех пор, как он покинул её, здесь кое-что изменилось. На столах среди спиртовок, плошек и реторт гордо возвышались два персональных компьютера системы "Pentium", один даже с принтером. В углу мерно гудел циклотрон. В другом углу мрачно жевал что-то горбатый и перекошенный голубовато-зелёный гигант с багровыми глазами.

— Добро пожаловать, мой юный друг, — сказал чародей, закрывая дверь автоклава. — Располагайтесь. Познакомьтесь с моим гомункулусом, недавно вывел. Малыш, дай дяде ручку.

Гигант, недовольно ворча, протянул Куперовскому волосатую лапу, которую тот осторожно пожал.

— А что он ест? — из вежливости спросил Лёва.

— Вы меня удивляете. Мясо, конечно. Я и создал его для того, чтобы избавляться от назойливых посетителей. Не беспокойтесь, сейчас он сыт. Малыш, сидеть!

— Извините, — сказал, помявшись немного, Куперовский, — а вам не удалось ещё определить координаты моего отражения? Помните, вы обещали?

— Во-первых, юноша, не координаты, а местостояние. Это гораздо более сложное понятие, включающее координаты как составную часть. Во-вторых, я помню всё, но мне было недосуг. Я тут синтезировал эликсир молодости и вечной жизни, но колбу опрокинул этот неловкий болван, — он обвиняющим жестом указал на гомункулуса, тот в смущении спрятался под стеллаж, смахнув по дороге реторту, из которой потёк по полу сизый туман, — а записи сжёг какой-то приبلудный

демон. Я пытался всё восстановить, но такие открытия совершаются один раз в жизни. Теперь храню информацию в компьютере.

— А зачем вам два?

— Первый мне продали дефектный. В нём живет душа нераскаившегося грешника. По ночам самопроизвольно включается, воеет дурным голосом, щёлкает чем-то, бряцает тумблерами. Три раза пытался совратить меня компьютерными играми. Кстати, вы слышали про последнее постановление Небесных Сфер?

— Нет, конечно, — сказал Куперовский. — Там, где я находился, все были заняты исключительно своими делами.

— Да знаю я их, знаю. Избранный Народ, что возьмёшь? Хуже детей, ей-богу. Так вот, состоялось расширенное заседание Высшего Суда с участием архангелов и некоторых ангелов. Даже Люцифера приглашали — в качестве эксперта, разумеется. Отныне решено считать игры на компьютерах и всевозможных телевизионных приставках восьмым смертным грехом. В новые издания Библии будут внесены соответствующие изменения. А в аду уже оборудуется соответствующий круг. Там устанавливаются устаревшие громоздкие ЭВМ с двести восемьдесят шестым процессором, в которых все игры заражены вирусами, на дисках не хватает места, "винчестер" периодически летит, а в системе сидят невыявленные "блохи". К делу привлечены лучшие из недавно умерших хакеров, которым посулили за это подключить их к сети "Интернет". Муки грешников обещают быть поистине дьявольскими.

Чародей взглянул себе под ноги. Сизый туман дошёл уже до колен.

— О Абадонна! — вскричал волшебник. — Этот идол разбил сосуд с газом познания. Нам надо сократить свою беседу.

— А что нам грозит? — спросил Лёва.

— Когда он поднимется на уровень вашей головы, молодой человек, вы мгновенно познаете всё, что есть во Вселенной и за её пределами. Ваш мозг не выдержит давления информации и лопнет, и вы мне всё здесь забрызгаете.

— А как же вы сами? — поинтересовался Куперовский.

— О, мне ничто не угрожает. Мой мозг поистине всеобъемлющ, он мог бы вместить данные о десяти таких вселенных во всех их отражениях и среагировать на это лишь легкой мигренью. Малышу тоже нечего

бояться. Он ни черта не понимает, и я порой думаю, что вообще забыл вложить в него мозг. Так какие же у вас возникли проблемы там, куда я послал вас в прошлый раз?

Лёва подробно рассказал обо всём, случившемся с ним в Великом Израиле, изредка с опаской косясь на туман, который продолжал неуклонно подниматься.

— Ну что ж, — причмокнул от удовольствия чародей. — Время вы, что называется, провели не напрасно. Я просто дивлюсь масштабам вашей деятельности. Как много вы успели сотворить! Нет, я в вас не ошибся, в вас действительно дремлют качества Вечного Героя. Попробуем теперь другое отражение. Там вы тоже, хе-хе, не соскучитесь. А я вас постараюсь навестить.

— Подождите, — закричал Лёва, — я домой хочу!

— И домой когда-нибудь попадёте. Всему своё время. Я обещаю решить вашу маленькую проблему на досуге. Вот только досуга у меня маловато. Есть ли у вас ещё какие-либо вопросы, юноша, или просьбы? Но торопитесь, времени осталось совсем мало.

— Простите, — сказал Куперовский, — а нельзя ли попадать к вам каким-нибудь более тихим способом? Менее сногшибательным?

— А что такое? — спросил волшебник. — По-моему, хороший путь. Надёжный, проверенный веками. Но ладно, раз вы так просите, не могу вам отказать. В следующий раз доберётесь другой дорогой.

— А он будет, следующий раз? — с надеждой спросил Куперовский.

— Жизнь покажет, — ответил чародей и что-то плеснул в огонь. Полыхнуло.

Ярко светило солнце. Недалеко за деревьями виднелся замок, окружённый довольно высокой стеной. Её верхняя часть была утыкана пиками, на коих приветливо улыбались свежее и несвежеотрубленные головы. У массивных ворот на цепи сидел весьма крупный пес. Судя по тому, что кобель был обрезан, Лёва имел некоторые основания рассчитывать на более радушный прием, чем тот, какой встретили предыдущие визитеры, украшавшие теперь стены. Прямо над собакой, которая даже не гавкнула, а лишь, приподняв одну бровь, смерила Куперовского долгим оценивающим взглядом, после чего отвернулась,

висел щит. На нём были изображены железная рукавица, сжатая в кулак, и большая жёлтая шестиконечная звезда. Лёва сильно постучал в щит. Никто не откликнулся. Лёва постучал ещё раз, погромче. Ворота с лязгом распахнулись. На пороге стоял рыцарь в полном вооружении, грозно воздев над собой меч.

— Ну? — зарычал рыцарь. — Это кто здесь таки настолько нахальный, что вызывает меня на поединок? Кто не дает честному еврею хорошенько вздремнуть и как следует подготовиться к субботе? Выходи и сразись со мной, и, клянусь пейсами моего папы, солнце не успеет закатиться, как ещё одна дурная голова украсит частокол вокруг моей скромной избушки.

Он перевёл взгляд на Лёвушку.

— Ну?!

Лёва стоял молча, ошеломлённый бурным натиском.

— Это ты меня вызвал?

Лёва в смятении помотал головой. Он всё ещё был не в силах вымолвить ни слова.

— Слушай, ты язык проглотил? Если не хотел сражаться, зачем устроил поношение щиту?

Куперовский наконец проглотил комок в горле.

— Извините, я не знал. Я думал, щит здесь повешен специально, чтобы по нему стучали.

— Правильно думал. Специально и висит. Он висит, они по нему стучат, я слышу, таки сильно обижаюсь, выхожу, мы единоборствуем, и я немножко таки убиваю их до смерти. Потом один мой знакомый резник, Меер Завец, делает мне очередную штуковину на забор. Но только самый мерзкий язычник лупит по щиту в пятницу, когда порядочный еврей плачет о своих грехах, чтобы на следующий день с лёгкой душой смеяться и петь назло всем врагам. Хуже этого может быть только колотить по нему в субботу, когда еврею нельзя брать в руки оружие, и ему остается только угостить незваного визитера гневным взглядом. Один раз блудный гой таки поступил так. Но я посмотрел на него, что он умер от разрыва сердца.

Он замолчал и внимательно оглядел Лёвушку.

— Ты ид? По виду вроде похож.

— Да.

— Тогда чего ж ты ведёшь себя, как необрезанный язычник?

— Так я же объяснял, — начал снова Куперовский. — Я не знаю ваших обычаев. Я из далёкой страны, попал сюда случайно и не своей волей, а поскольку меня материализовали вблизи вашего замка, то я решил, что именно сюда мне следует обратиться в первую голову.

По ассоциации он поднял взгляд на пики.

— Ты хочешь спросить про этих? На них можешь не обращать внимания, — великодушным жестом хозяин замка как бы отодвинул в сторону забор со всем его содержимым. — Они тут все необрезанные.

Лёва, который (если уж раскрывать читателю подноготную правду) тоже не подверглся вышеозначенной операции, слегка похолодел.

— К тому же не все здесь настоящие. Меер Завец такой пройдоха, что изготавливает муляжи — от настоящих не отличить. А чем больше голов — тем больше уважения. Ну, пойдём в дом.

По дороге он продолжал разговаривать.

— Ах, этот Меер. Он таки отлично режет не только здесь, — рыцарь указал глазами вниз, — но и здесь, — он провел рукой по горлу. — Делает свой маленький гешефт. Но больше всего шекелей ему приносят искусственные головы. Понимаешь: по дорогам стало ездить слишком много рыцарей, потребление таким образом увеличивается, а предложение голов не растёт. Иной раз по полгода стены не обновляю. А ведь они портятся, дождь, град, вороны. Нет, муляжи дороже, зато долговечны. К тому же безопасны, а с возрастом это таки приобретает значение. Честно говоря, я накопил пару шекелей и приобрел на чёрный день десяток-другой этих сувениров. А то вдруг Меер уедет — что ж я без него делать буду?

Он провёл Куперовского в небольшую комнатку, где уже была приготовлена постель.

— Вот здесь у меня странноприимные покои. Располагайся. Поешь тебе принесут, но не обессудь — ужин таки будет скромный. Зато завтра поешь, как у мамы. А я пошёл спать. Перед субботой у нас, благородных Столпнеров, всегда было принято поститься на час дольше, чем у соседей, а сон, как известно, — лучшая замена пищи. Хотя и спится на пустой желудок таки довольно плохо. Поэтому в семье Столпнеров

всегда были в ходу спиртное и снотворное, и я уже успел принять лекарство, когда ты постучал. Могу упасть прямо здесь.

И он ушёл, цепляясь за стены.

Пир и правда был великолепный. Приехало много гостей, каждый вручал хозяину ритуальную халу, и у каждого на боку, помимо меча, была небольшая сеточка с ручками, вроде нашей авоськи.

— Для чего это у них? — спросил шёпотом Лёва у Столпнера, указывая ему на неожиданную принадлежность рыцарского вооружения.

— Как "для чего"? — изумился тот. — Или ты не еврей, что не понимаешь? Они же пришли в гости, так? Кушать будут, так? Должен же порядочный еврей принести что-нибудь и для семьи, для родственников. Вон, видишь благородного ребя Зяму Иткина в голубом плаще с розовой опушкой? У него нет такой сумки, потому что он одинокий. У них в семье большая война была из-за наследства, это был такой цорес, что ни Боже мой! Младший брат приготовил отравленный фалшефиш, все кушали, он сам по ошибке тоже кушал, сам умер, ещё двое умерли. Зяма выжил, зарезал троих, сестру замуж выдал, хорошо, удачно выдал, за раввина. Остальные члены семьи сами разбежались, теперь он живёт один, богатый, как Ротшильд. Брать с собой ему не для кого, так ему обидно, и он ест за двоих, дай Бог здоровья благородному ребу.

Столпнер усадил Лёву рядом с собой, лично следил, чтобы тарелки и кубок его были полны, и всё ему объяснял.

— А вот граф и графиня Рабиновичи, они вместе пришли. Держат свечную лавочку и половину акций корчмы "У Додика". Их герб — синий лев на золотом поле с семисвечником в правой передней лапе. Там, под столом, весь в маце — это учёный раби, благородный реб Гольдин, знаток Талмуда. Его герб — чёрные пейсы на голубом поле и белая полоса наискось. На него плохо действует вино, но в молодости он сражался с сарацинами и честно заслужил право носить серебряный лапсердак, который ему вручил ещё царь Иосия Пятый, да будет земля ему пухом. А вон тот высокий черноволосый муж с самыми длинными пейсами и самым большим кубком — это благородный реб Прудкин. Его герб — три куриных шейки с рисом и двумя красными полосами крест-накрест. Свои подвиги он совершил в Британии, где одолел немало нечестивых христиан и воткнул в камень какой-то меч, который они незадолго до этого с большим трудом вытащили оттуда.

В это время реб Прудкин поднялся со своего стула, выпятил грудь и провозгласил:

— А я предлагаю выпить за нашего славного хозяина, благородного Рыцаря Желтого Могиндовида, да не оскудеет и не ослабнет его рука, да будут всегда полны его кубок, тарелка, кошелёк и постель! Лехаим!

Все закричали наперебой.

— Слава благородному ребу Мойше Столпнеру!

— Лехаим, Мойша! Живи ещё сто лет!

— Нит гедайген, Мойша!

Когда все немного успокоились, а хозяин кончил раскланиваться, чокаться и благодарить, он вернулся к разговору с Куперовским.

— Ещё двоих я хочу представить тебе. Вон тот, унылый, с длинным горбатым носом — это Абрам Лифшиц. Он совсем недавно посвящён в благородные ребы. Он мишугенер, разъезжает по дорогам Франции и Испании и ищет неприятностей на свою голову. Говорят, что под кольчугой всё его тело сплошь увешано филоктериями. Он дал зарок носить их до тех пор, пока они сами не истлеют и не спадут. Но, на мой взгляд, их делают такими прочными, что скорее истлеет кольчуга.

— А почему вы сказали про него "мишугенер"? — осторожно поинтересовался Лёва.

— Ну, у нас так, гм, называют странствующих рыцарей. Поодиночке каждый из них — мишугенер, а все вместе они — мишугоэм. Вот, кстати, и ещё один мишугенер. Тот, с подстриженной бородой и без пейсов. Это Гай Луций Пиццерий, он язычник, римлянин, имеет там какой-то хороший гешефт. Обещает обрезать, когда совершит свой подвиг, и потому принят в лучших домах. Его подвиг — победить дракона и сделать из него столько фаршированных шеек, на сколько хватит голов. Среди мишугоэм есть ещё один неверный — сарацин, реб Баламут, сегодня он отсутствует. Он обрежется, когда поймает Фальшивую Рыбу.

Тут разговор прервался, потому что оркестр заиграл "семь-сорок", и у благородных ребов ноги сами пошли в пляс. Потом они танцевали "фрейлахс", а Лёва не мог, потому что у него не было ни лапсердака, ни жилетки. После этого возвратились к столу, но Столпнер был мокр, красен, ему никак не удавалось отдышаться, а потому беседа не клеилась.

Вскоре гости начали расходиться. Реб Мойша подолгу обнимался с каждым и — в особенности — с каждой. Животы и авоськи были полны. То и дело слышалось:

— В будущем году в Иерусалиме, дорогие гости!

— В будущем году в Иерусалиме, реб Столпнер!

Наконец дверь хлопнула последний раз, и установилась тишина. Рыцарь Желтого Могиндовида потянулся, зевнул и резюмировал:

— Суббота кончилась. С утра опять щит на ворота вешать.

Солнце зашло, и, несмотря на свечи и факелы, горящие по стенам, в зале было темновато.

— Когда уже электрические лампочки изобретём? — досадливо поморщился реб Столпнер. — Одно слово — мрачное средневековье, — он обернулся к Лёве. — А теперь я готов отвечать на вопросы, рассказывать, вообще что угодно, если ты, конечно, в состоянии слушать.

Куперовский жестом дал понять, что вполне в состоянии, и хозяин повел своё повествование:

— Ну, поскольку ты издалека, выглядишь не простолюдином и ведёшь себя как и полагается порядочному иду, то поговорим об истории Великого Израиля.

— Может, лучше не надо? — попросил Лёва. — Я Библию читал и вообще...

— Что ты, что ты?! — замахал на него руками Столпнер. — Как можно?! Отпустить странника, не подвергнув его учёной беседе о благородных материях?! Да какой же я после этого благородный реб?!

Пригорюнившись, Куперовский обречённо вздохнул и приготовился слушать.

— В оные времена Израиль был действительно великим, ему принадлежала большая часть бывшей Римской империи, половина Аравии и южная Скифия. Христиане, филистимляне, египтяне, дикие готы, сарацины — все бежали от нас. В те годы каждый ид гордо носил филоктерии, пейсы и нос с горбинкой. Но Бог не любит слишком самодовольных и отвернулся от евреев. Наше могущество начали крушить со всех сторон.

— Да, — стыдливо прошептал Куперовский, — там ещё появился пророк, который пытался руководить израильскими армиями. Он старался, но у него ничего не вышло. Я знаю об этом.

— При чём тут пророк? — удивился Столпнер. — Пророков у нас было много, слава Богу, всё-таки мы — избранный Им народ, а не какие-то пфендрики. Но кто бы им разрешил командовать войсками? Мы, хвала Яхве, добрые евреи, а не сумасшедшие. Нет, дело было в другом. Что-то такое с идолами, которых наши предки то ли не там поставили, то ли не так за ними ухаживали. Я подробностей не знаю. В общем, мы потеряли Францию, Испанию, Италию с Римом, Египет, а также все южные и северные земли. Что и говорить, потрепали нас крепко, но кое-что мы удержали. Главное — мы сохранили веру и обычаи. Отважный рыцарский дух живет в груди лучших сынов Израиля. По всем дорогам Европы странствуют наши мишугоэм и вершат великие подвиги. Они освобождают девиц и дам, побеждают могучих великанов и коварных карликов. Многие рыцари рыщут по лесам и пустыням, стремясь обрести Священную Мацу, которую не доел когда-то праотец Авраам.

— А что это за штука такая? — удивился Лёва.

— Ты спросил неправильно, — недовольно проворчал хозяин. — Надо было сказать так: "О, благородный рыцарь, поведай мне историю Священной Мацы". Но я прощаю тебя, ибо ты не знаешь ещё наших обычаев. Так вот, Сарра была стара и бесплодна, Авраам тоже далеко не юноша, но, как и пообещал им Бог — а на Его слова, мой юный друг, можно положиться, как на страховой полис, — Сарра понесла, что, как говорится, большое чудо и можно каждому пожелать в её и особенно в его возрасте. Авраам возблагодарил Ягве, а Сарра в честь такого события испекла мацу. И это ещё более великое чудо, так как готовить Сарра не любила и не умела. И это была первая маца, приготовленная под этими небесами, и это были первые евреи, приготовившие и откушавшие ту мацу. Некоторые, правда, говорят, что Сарра собиралась испечь пирог, но, как я уже упоминал, она была та ещё кулинарка, и пирог совсем немножко подгорел и самую малость усох, а положить в него начинку она просто забыла. Потому маца и получилась такой, какую мы её сейчас едим. Однако Авраам любил так хорошо питаться, и когда Сарра принесла ему изготовленную своими руками мацу, он очень обрадовался, попробовал, воздел руки к небесам, сказал: "Ты у меня, Саррелэ, таки золотая хозяйка, но зачем было так напрягать себя в твоём положении?!" — и убрал остатки мацы в заплечный мешок, на чёрный день. Однако

чёрный день, благодаря Господу, не наступил, и праотец так и не доел эту мацу, хотя Сарра, дай ей Бог здоровья на том свете, каждое утро напоминала ему про неё. Авраам отвечал жене, что бережёт сей единственный плод её кулинарного искусства как память, запер эти остатки в большой чемодан и положил чемодан на шкаф в самый дальний угол. С тех пор все евреи хранят мацу в чемоданах на шкафах. Когда Авраам умирал, он завещал мацу Исааку. Когда Исаак женился на Ревекке, на свадьбе незримо появился ангел и втайне от всех благословил мацу, но этого никто так и не узнал. После Исаака она должна была перейти к Исаву, но досталась Иакову, который позже в пустыне откусил от нее кусочек. Она столь основательно подкрепила его, что он почти на равных всю ночь боролся с Богом, который за то присвоил ему имя Израиль. И надо сказать, что Израиль с тех пор таки доставил своему Богу немало неприятных минут. Иаков завещал мацу любимому сыну Иосифу, Иосиф подарил её младшему брату Вениамину, а Вениамин сменял её на ножичек и два блока жвачки. Тогда Священная Маца и была утрачена на века, и с той поры лишь несколько наиболее отважных, достойных и богобоязненных иудейских рыцарей удостоились счастья лицезреть её. Давид видел её как бы в туманном золотом облаке перед боем с Голиафом, Самсон — перед разрушением храма, а Иуда Маккавей — перед первой из своих великих побед. Говорят, что даже крошки от неё излечивают смертельные раны, наделяют необоримой мощью и прозорливостью и делают отведавшего самым сильным рыцарем в мире. Рассказывают также, что достигнуть Священной Мацы может лишь рыцарь, совершенный во всех отношениях, конечно, обрезанный и правоверный, не моложе двадцати одного года, без вредных привычек и никогда не знавший женщины. А где, я спрашиваю, вы найдёте девственника таких лет в нашем климате? Так, мало этого, коснуться Священной Мацы дано только тому, кто ни разу в жизни не солгал. Это уж вовсе ни с чем не сообразно. Еврея, который никогда никого не обманул, следует возить по всем землям в клетке с надписью: "Опасный зверь. Большая просьба ни в коем случае не кормить, а то он, не дай Бог, начнёт ещё размножаться". Хотя, конечно, Ягве виднее. И уж если такой уникальный экземпляр обнаружится, крылатые девы во главе с седовласым старцем вынесут ему навстречу Мацу прямо в чемодане, и от Мацы будет исходить сияние, и от чемодана — сияние, и от девушек со стариком — тоже сияние, так что, я думаю, мало света этому мишугенер не покажется. Потом он свершит великие подвиги и умрёт совершенно

удовлетворённый. Впрочем, думаю, при нашей жизни всего этого не случится. Лехаим! — и Столпнер осушил огромный кубок.

— Однако, — продолжал он, закусив куриной ножкой, — помимо поисков Священной Мацы, есть у нас и другая общая цель, несравненно более важная. Все иудейские юноши, едва окончив хедер, мечтают поскорее стать рыцарями, чтобы найти и освободить от неверных могилу пророка Моисея. Как известно, пророк не дошёл до Земли Обетованной и умер в пустыне, по которой мотаются на лошадях и верблюдах дикие арабы. Дикие-то они дикие, но воевать умеют. Мы уж три могоиндовидных похода в тех местах провели...

— Ну и как? — поинтересовался Лёва.

— С переменным успехом. Отдали им четыре приграничных области. Однако теперь даже интереснее сражаться, места больше. Ну ладно, пора спать, завтра вставать рано.

И они разошлись, точнее, ушёл один Лёва, а хозяина, ноги которого отказались работать — по-видимому, в честь субботы — унесли четверо слуг.

Наутро Куперовского растолкал сам реб Мойша.

— Вставай! — сказал он. — Есть дело. Ночью мне пришла в голову великолепная идея. Сейчас мы тебя посвятим в рыцари.

— Зачем? — удивился Лёвушка. — Вроде и без того всё было хорошо.

— Нет, — мотнул головой Столпнер. — Так нельзя. Я — благородный реб, мы все — высокородные ребы, один ты не приобщился. Уходи тогда из моего дома на все четыре стороны и ищи себе приют у какого-нибудь мытаря, если они ещё сохранились на израильской земле. Я лично уже три года ни одного не видел, с тех пор, как последнего травил собаками. Ну что, идёшь или нет?

"Соглашайся, — шипел в ухо Лёве знакомый ехидный голос. — Соглашайся, а то хуже будет". Да Лёвушка и сам видел, что хозяин мучается от тяжкого похмелья и ему лучше не возражать.

— А я-то тебя полюбил, — и реб Мойша вдруг зарыдал. — Я-то в тебя верил. Пригрел, называется, змею на груди, — и он резко развёл руки таким жестом, как будто и впрямь стряхивал с себя упомянутое пресмыкающееся.

— Хорошо, — сказал Куперовский. — Одеваюсь и иду.

— Только давай побыстрее, — уже нормальным голосом попросил рыцарь. — Люди ждут.

Зал и вправду был полон. Пришли все вчерашние гости и много новых. Явился величественный раввин в церемониальных одеждах, около него крутились какие-то мелкокалиберные тинэйджеры — видимо, служки. Присутствующие были разряжены в пух и прах. Судя по всему, посвящение в рыцари было здесь не слишком частым событием. С появлением Лёвы все спустились во двор. Куперовскому подвели коня, на которого следовало вначале забраться, а потом очень быстро слезть с него. Последнее удалось Лёвушке без всякого труда. Отряхнувшись, он подошёл к раввину, который без спросу положил нашему герою руку на голову и долго что-то читал ему на иврите из большой толстой книги в кожаном переплёте с медными застёжками. Потом Лёве полагалось попасть стрелой из лука в цель. Он не попал, но это оказалось неважным. Пел кантор. Танцевали "фрейлахс". Затем Куперовского поставили на колени прямо в пыль, и самый старый из гостей трижды хлопнул его мечом по носу. Все зааплодировали, крича "лехаим", а Столпнер торжественно надел на Лёву рыцарский лапсердак. Теперь Куперовский приобщился к сообществу благородных ребов. В честь его посвящения устроили турнир, но дело ограничилось тем, что реб Прудкин выбил из седла реба Лифшица и выпал вслед за ним. У всех слишком болела голова после вчерашнего. Лёвушке опять пришлось посидеть на лошади, и он начал потихоньку осваиваться в седле, тем более, что животное ему попало спокойное и стояло смирно.

День пролетел незаметно. Перед сном заявился Столпнер.

— Ну что ж, реб Лев. Поздравляю от всей души. Теперь тебе следует ночь провести в размышлениях, а утречком и отправляться искать приключений на свою задницу. Я сам таким был в молодости. Коня я тебе дарю.

Едва за ним закрылась дверь, Лёва смежил веки, не видя повода для размышлений. Ан не тут-то было. Раздался хрустальный звон, переходящий в чарующий звук железа по стеклу, и прямо из воздуха материализовался чародей. В мятой пижаме. За его спиной хрипел от натуги гомункулус, держа на спине диван.

— Вот, — сказал чародей, тыча пальцем в ношу Малыша, — добыл с боями. Знал бы ты, сколько мне нервов это стоило. Но просто надоело о нём читать. Впрочем, к вам, юноша, — маг снова перешёл на свой обычный тон, — это не имеет ни малейшего отношения. Пора вам, друг мой, на подвиги, пора. У вас ведь нет меча? Вот вам от меня подарочек, — он снял с пояса своего помощника длинный завёрнутый в несвежую холстину предмет и подал его Куперовскому. — Это знаменитый Ломающийся Меч. Он и приведёт вас домой. Через препятствия, естественно. Смертельно опасные, само собой. Иначе никак нельзя. Каноны, любезный, традиции, штампы. Взгляните на лезвие, юноша. Оно всё в зарубках, царапинах, надломах. Если вы уклонитесь с верного пути, меч начнет противно трещать, хрустеть и даже завывать. Так что он будет у вас вместо компаса. Кстати, его лезвие имеет свойство ломаться в самый неподходящий для этого и опасный для жизни хозяина момент. Однако таковы все волшебные предметы. В каждом из них есть какой-нибудь изъян. Вот вам ещё кошелек с шекелями — пригодится. Только в ближайшие шесть часов ими ни с кем не расплачивайтесь — я только что их сделал, ещё горячие. Ну, я исчезаю. можете не благодарить, это наш долг, магов и мудрецов, помогать попавшим в беду девам, странствующим рыцарям, путешествующим принцам и прочим тунеядцам и бродягам. Тьфу, пропасть! Ладно, успехов вам, юноша, если повезёт, конечно, а мне пора домой мебель относить. Спать на нём буду, — чародей усмехнулся и вместе со своим спутником и диваном растаял в сумраке ночи.

— Во любит эффекты старикан, — хихикнул кто-то невидимый в углу, но так и не появился в этой повести.

С восходом солнца сопротивляющегося Лёвушку вытряхнули из постели, накормили, напоили, дали с собой два набитых мешка с провизией и выставили за ворота, вышвырнув ему вслед также недовольного ранним пробуждением коня и меч. И наш Вечный Герой, вздохнув, отправился на подвиги. Ломающийся Меч указывал ему дорогу, и неприятности пока что не спешили.

На восьмой день Лёву ожидала первая встреча. Пещера, в которой он собирался переночевать, оказалась занята. Из её глубин, зевая и потягиваясь, вышел широкоплечий крепыш с большим топором на плече. Ростом он был едва выше пояса не такого уж высокого Лёвы. У

недомерка были жгучие чёрные глаза слегка навывкате, крупный горбатый нос, широкий рот с толстыми губами, мускулистые руки и ноги и небольшие всклокоченные пейсы. Вообще надо сказать, что все волосы на его голове — и шевелюра, и борода, и усы, и даже брови — были взлохмачены и не расчёсывались, очевидно, со дня рождения. Если он, конечно, родился с бородой, на что было очень похоже. Одет он был, по ночному времени, в кальсоны, колпак с помпоном и расстёгнутую жилетку. Выглядел карлик столь сердитым, как будто именно Куперовский оторвал у его жилетки рукава.

— Кто здесь гремит железом, ржёт и будит порядочных гномов? — сварливым тоном осведомился он.

— Здравствуйте, — прошептал Лёва. — А вы правда гном?

— У твоей мамы один сын? — спросил крепыш.

— Один, — удивлённо ответил Лёвушка.

— Так вот, он — идиот, — констатировал хозяин пещёры. — А я — гном. Иткин, сын Певзнера.

— Да удлинится бесконечно твоя борода! — торжественно произнёс Куперовский, который тоже кое-что читал и знал, как обращаться с разными сказочными тварями и тварюшками.

— Да падёт типун на твой болтливый язык! — ответил гном. — Разве это пожелание? И так замучаешься мусор и колючки из бороды выбирать, а тут ещё доброжелатели со своими заклинаниями! Не дай Бог, Эру услышит!

Лёва принялся извиняться.

— Ладно, проехали. Тебе переночевать? Пять шекелей, с постелью и завтраком.

Куперовский расплатился подаренными волшебником монетами. Гном попробовал их на зуб, присмотрелся...

— Что, работа чародея с Нулевого Отражения? Да? Я сразу догадался, тут у него фирменный знак есть, тебе не видно, а нам, сверхъестественным существам, сразу заметно. Пустое, не тушуйся. Не обманешь — не продашь, как говорится. Сойдут. В корчме возьмут или на рынке.

Он провёл Лёву по коротким переходам в высокую сводчатую пещеру, битком набитую спящим гномами.

— Видал? — хвастливо прищёлкнул языком крепыш. — Ни один ничего не почуял, все дрыхнут. Бери их хоть голыми руками. Только я, Иткин, сын Певзнера, услышал грохот, который производили в верхнем пределе ты и твоя лошадь. Всё потому, что у меня самый чуткий сон. Я всегда настороже. Недаром я происхожу из достославного рода. Мой предок Балин, прозванный Хабарлогом за свою неукротимость, за обедом однажды съел восемнадцать больших колбас с довеском и после этого ещё сам дошёл до опочивальни. Известно за ним и множество других подвигов.

— Извините, — остановил Куперовский словоохотливого гнома, — но где бы здесь всё-таки можно было бы прилечь? Очень спать хочется.

— А вались где место найдёшь, — буркнул недовольно Иткин. — И не обессудь: у нас так принято. В чужую синагогу со своей Торой не ходят.

Лёва с трудом отыскал местечко между двумя храпящими бородачами и, с полчаса поворочавшись на разбросанном по всему полу сене, уснул.

Иткин разбудил его ни свет ни заря.

— Пошли, — буркнул он, — а то братья проснутся.

— Они что, все — твои братья?!

— Да нет, — раздражённо отмахнулся Певзнеров сын. — Просто у нас так принято говорить. Поспеши. Это, видишь ли, секретный покой, посторонним здесь делать нечего, а я вот тебя привёл. Заработать, понимаешь, захотелось пару лишних шекелей.

— Пять, — уточнил Лёва.

— Ну, пять. Ладно, пришли, вот и твоя лошадь. Прощевай. В будущем году в Иерусалиме, как говорится.

И он шагнул в темноту.

— Постой! — закричал Лёвушка. — А завтрак?! Ты же мне обещал! Я же за него заплатил!

— Памятливый! — хмуро сказал Иткин, появляясь из тени. — Вот твой завтрак, — и он протянул Куперовскому небольшой узелок. — Однако сухим пайком, не обессудь. Счастливо.

— Пока, — ответил Лёва и не удержался от озорства. — Да удлинится твоя борода хотя бы ещё на метр.

Он пришпорил коня и ускакал, оставив позади машущего кулаками и сыплющего проклятиями гнома.

Ещё через двое суток Куперовский встретился с другим персонажем. Вообще чувствовалось, что он попал в зачарованные места. Деревья без всякого ветра шелестели кронами, а когда он начинал дуть, застывали в неподвижности. В темные углах кто-то вздыхал и ворочался. Зловредная тварь — орк Цубербиллер — стащила у Лёвушки носовой платок, туалетную бумагу и ложку. Хорошо, что у него была запасная. Накануне нижеописанной встречи из местного озера, на берегу которого Лёва устроил днёвку, вынырнула русалка, призывно покачала неслабым бюстом, двусмысленно улыбаясь, погладила пальчиком свой левый сосок и, хихикнув, исчезла в глубине, прежде чем Лёвушка догадался поинтересоваться, что ей, собственно, от него нужно. Даже воздух здесь был другим, он странно пах, отчаянно сопротивлялся каждому вдоху, а попав в лёгкие, шумно качал оттуда права.

В этот день, стараясь застраховаться от всяких неожиданностей, Куперовский разбил бивак на зелёном лугу, под голубым небом и жёлтым солнцем, среди птичек, бабочек, божьих коровок, гусениц, мух, комаров, букашек и таракашек. Впрочем, вру, таракашек не было, зато попадались клещи, возможно, даже энцефалитные. В общем, пейзаж очаровывал, и Лёва далеко не сразу заметил, что его одиночество оказалось нарушенным. Некто возлежал на валуне неподалеку, вертя в руках флейту и тоскливо глядя в небеса. Едва он убедился, что Лёва обратил на него внимание, как повернулся в его сторону, приподнявшись на локте и приняв ещё более грациозную позу. У него были изящные руки и ноги, стройное тело, не без претензий упакованное в невесомые полупрозрачные переливающиеся всеми цветами радуги — и многими другими — одежды, прекрасное лицо с тонкими испанскими усиками и глубокими огромными глазами неопределённого оттенка и длинные струящиеся золотистые волосы. Даже пейсы его были прихотливо расчёсаны, надушены и убраны цветами. Даже горбинка на его носу была маленькой и изящной. И вообще всё это существо было не вполне материальным, каким-то живодригущим.

— Здравствуй, человек, — пропело эфирное создание. — Как твоё имя и что тебе нужно в Волшебной Стране?

— Здравствуйте, — отвечал с поклоном Лёва. — Меня зовут Лев Куперовский, я странствующий рыцарь. Но это временно, а на самом

деле я инженер из К-ни. Это далеко, вы не знаете. А пришёл я в ваши места потому, что меня привёл сюда Ломающийся Меч.

— Почему же не знаю К-ни? — существо зевнуло. — Знаю я К-нь. Дыра.

— Ну, это дело вкуса, — обиделся за родной город мой герой. — А сами-то вы кто?

— Ах, — прозвенел в воздухе серебристый смех с отдельными бляющими нотками. — Я думал, это очевидно. Я эльф. Моё имя — Гурфинкель, наше жилище — в лесу неподалеку отсюда, но и этот луг также принадлежит нам. Мы здесь пируем и танцуем до утра. Я имею в виду весёлых эльфов.

— Вообще-то вы не выглядите слишком весёлым, — сообщил искренний Куперовский.

— Да, — грустно подтвердил эльф. — Вчера на празднике в честь тридцать пятого дня лета я немножко... как бы это получше выразиться...

— Перебрал, — подсказал Лёва.

— Спасибо. Очень хорошее, точное слово. Именно перебрал. Но сейчас я напился росы и уже почти совсем в форме. Хотите, я вам спою? Многие безнадежно мечтают услышать эльфийское пение.

— Да, прошу вас, — с негодованием сказал Лёвушка; он ненавидел художественную самодеятельность. — Буду счастлив.

Эльф принял ещё одну из своих неестественных поз и паточным баритоном завёл (откуда-то из-под камня ему подыгрывала шотландская волынка, видимо, исполняющая функции "рояля в кустах"; возможно, у него там был спрятан магнитофон):

Парус несёт за моря, за моря,
Жалко, что бриг потерял якоря.
Как нам узнать, где закат, где восход,
Если наш компас отчаянно врет?
Мы подтянули свои пояса.
Слышатся нам голоса, голоса.
Весь я стал чёрен от грязи и пыли.
Черти меня в Эльдамар потащили!
Каждое утро молитву шепчу:
"Эру, я больше здесь быть не хочу!"

Коль сохранишь Ты мне душу живу,
Я никуда уже не поплыву!"

Закончив пение душераздирающей нотой, эльф зарыдал. Неподдельные слёзы катились по его щекам и уже порядком намочили его сомнительное одеяние. Наконец он утёрся рукавом, высморкался в пролетавшую мимо бабочку и оказался способен к продолжению разговора:

— Очень трогательная песня. В этом месте я всегда плачу. Слова и музыка — мои, — скромно добавил он. — Вам понравилось?

— Да, большое спасибо, — вежливо сказал Лёва.

— Может быть, ещё одну?

— Нет-нет, больше не надо. Я уже вполне наслаждался.

— Ну, как хотите. А может, что-нибудь на эльфийском?

Матэ софэ, мэнэ тэбэ,
Нианибэ, нианибэ.
Мурло ушло, гантэль портфэль...
О, Элберет Гилтониэль!..

— Хватит, хватит, — замахал руками Лёва. — Достаточно. Я бы ещё хотел задать вам несколько вопросов, а вы, вероятно, очень заняты.

— Нет-нет, я совершенно свободен. Впрочем, спрашивайте.

— Не можете ли вы сообщить об опасностях, которые ждут меня впереди?

— Ну, рассказывать обо всём долго и скучно. Хотя кое-что и можно упомянуть. Области с той стороны от меня, — и он повёл рукой направо от камня, на котором лежал, — контролирует маг Ритдирман. Между прочим, считается, что это именно он должен появиться вместе с кордебалетом в финальной сцене в широко известной байке о Священной Маце. Там, — помахал эльф рукой налево, — действует Урасман. Тоже волшебник. Ритдирман считается добрым, Урасман — злым. Почему — не знаю. Я с ними не связываюсь.

Гурфинкель замолчал, лёг на спину и уставился на сияющий диск в небе.

— Интересно, — сказал он задумчиво, — почему у нас, эльфов, глаза от солнца не слепнут и не слезятся?

В это время Куперовский поворачивал меч вокруг себя, прислушиваясь к трескам, скрипам, попискиванию и утробному завыванию. Наконец он методом последовательных приближений определил искомое направление. Оно проходило как раз посередине между "направо" и "налево" от валуна. Гурфинкель одним глазом следил за ним.

— А-а, — сказал он, — я так и думал, что тебе в ту сторону. Всех вас, мишугоэм, туда тянет. Не ты первый, не ты последний. Там живет дракон. Раньше называл себя Винниченко, теперь принял фамилию Шапиро. Незадолго до этого он съел раввина, после чего сделался хасидом и стал совершенно не интересен. Всерьёз собирается в будущем году в Иерусалим. Кстати, не пора ли тебе идти? Ему самое время обедать, а он после еды не принимает посетителей. Не может на полный желудок. Да и мне ты уже надоел. Вы, люди, так скучны. Не то, что мы, весёлые эльфы. Пойду сольюсь с природой.

И он, накинув плащ на голову, довольно удачно замаскировался в зарослях крапивы.

Дракон оказался не просто большим — огромным, как средних размеров холм. Он лежал, перегородив дорогу, и шумно сопел. На нём были надеты лапсердак с прорезями на спине для крыльев и широкополая шляпа. Поскольку пейсы у него не росли, он соорудил себе довольно удачный заменитель из витой золотой стружки. Вся его чешуя была покрыта драгоценными камнями. Дракон посмотрел на Лёву. Взгляд его был глубок и печален.

— Шолом, уважаемый реб... извините, не знаю вашего имени, — сказал дракон.

— Здравствуйте, — сказал Лёвушка. — Меня зовут Лёва Куперовский. Простите, не могли бы вы подвинуться, а то мне никак не проехать.

— Зачем же так спешить? — с укоризной произнес дракон. — Мне так редко попадаются... то есть встречаются благородные ребы. Всего по

несколько штук в день. Хочется же сначала поговорить с учёным человеком, а то в нашей глуши с тех пор, как я здесь поселился, и словом перемолвиться не с кем. Как здоровье вашей достопочтенной матушки, реб Лев? Как себя чувствует ваш отец?

— Благодарю вас... э-э... — Лёва замялся, — реб Шапиро. Когда я видел их в последний раз, у них было всё хорошо.

— А как дела у ваших родственников, реб Лёв?

— По-моему, у них тоже полный порядок. Только у двоюродного деда Янкеля болел зуб, но сейчас он уже, наверное, выпал.

— Ах, какая жалость. Но в остальном дела идут прекрасно? Возблагодарим же за это Того, чьего Имени не следует помянуть всуе, — и дракон, воздев взор к небу, произнес несколько фраз на иврите. Завершив молитву, он сказал. — Ну что ж, рад был пообщаться со столь приятным собеседником. А теперь пора и за обед. Режим есть режим, реб Лев. Или вы предварительно желаете спросить или попросить меня о чём-либо? Тогда я весь внимание.

У Лёвы зародилось нехорошее предположение относительно намерений его визави. Тем не менее он решил воспользоваться разрешением и задать пару вопросов.

— Извините, — сказал он, — я слышал, что драконы весьма мудры (польщённый Шапиро важно кивнул) и даже умеют прорицать будущее (Шапиро снова согласно наклонил громадную голову). Не могли бы вы прорицать... проречь... в общем, предсказать, что меня ждёт впереди.

— Ну, что тут особенно прорицать? — проворчал дракон. — Впрочем, ладно, раз я обещал, посмотрим, погадаем.

Он до половины залез в придорожную пещеру (продолжая, однако, загораживать путь задней частью туловища и хвостом) и, повозившись там минут десять, вынырнул, сжимая в передних лапах солидных размеров том в засаленном переплете свиной кожи и ведёрную бутылку с янтарного цвета жидкостью внутри. Он налил Куперовскому в крышечку от бутылки, а сам шумно выпил из горла.

— Угощайтесь, реб Лев. Лехаим!

Лёва с сомнением уставился на резко пахнувший напиток.

— Да вы пейте, пейте, реб Лев, не беспокойтесь. Одобрено раввинам. У меня и справка есть.

Куперовский, чтобы не обижать могучего хозяина, отпил несколько глотков.

— Хороша? Приготовлена из крови Голема. От неё очень укрепляются крылья.

Лёва с ужасом пошевелил лопатками. Нет, за ними ничего пока, кажется, не шелестело.

— Ну, вы наслаждайтесь, а я тем временем кое-что посчитаю.

Дракон открыл книгу, все страницы которой были покрыты непонятными символами. Он листал её, порой поглядывая на солнце замутнёнными глазами, и что-то бормотал себе под нос. Наконец он нервно захлопнул фолиант и с глубоким удивлением в голосе проговорил:

— Как вы понимаете, реб Лёв, все предсказания могут быть даны только в статистическом смысле... так сказать, с учётом стохастического воздействия случайностей. Так вот, хотя я был уверен в обратном, но главная вероятностная линия ведет вас мимо меня — и дальше. Хоть убейте меня, если сможете, но не понимаю, почему карты раскладываются именно данным образом. Далее вам предстоит более удивительная встреча, чем все, бывшие ранее, после чего вас ожидают подвиги у некоего замка. Затем вы столкнётесь с могущественным волшебством... и последующая ваша судьба скрыта туманом.

— У меня к вам ещё одна просьба, — сказал Куперовский. — Расскажите мне, пожалуйста, про двух здешних главных волшебников.

— А что про них рассказывать? Ритдирман — белый волшебник, вечно чем-то недоволен, шляется по дорогам, вынюхивает что-то. Носит серое одеяние. Урасман — чёрный маг, поэтому всегда одет в белое. Говорун, весельчак, большой хитрец. Оба постоянно грызутся друг с другом. Если вы попадёте-таки на свою вероятностную магистраль (в чём я далеко не уверен), то сами с ними познакомитесь, если нет — то незачем и время терять на объяснения. Пора уже и перекусить, — дракон выразительно щёлкнул зубами. — Надеюсь, реб Лев, что, как у хорошего ида, мясо у вас кошерное?

Лёвушка понял, что его мрачные подозрения начинают оправдываться.

— Сомневаюсь, — дрожа, пробормотал он. — Дело в том, что я... понимаете ли... так уж получилось... необрезанный.

Дракон был потрясен.

— Или ты гой еси? — грозно пророкотал он.

— Нет, я ид, — покаянно прошептал Лёва.

— А грэйсэр цорес! — воскликнул дракон. — О чём думали твои родители?! Где были твои родственники?! Куда смотрел раввин?! Слушай, у вас там вообще есть раввин?

— Наверное, да. Или нет... Извините, я точно не знаю...

— Ужас! Кошмар! Что за времена, в которые мы живём?! Иди прочь и не возвращайся, пока не станешь настоящим евреем! Передай своим неуважаемым родителям, что я не интересовался их здоровьем и не желаю узнать, как живут ваши нечестивые родственники. Уходи, я больше не хочу видеть тебя!

И дракон, стаяя и обхватив голову передними лапами, скрылся в своей пещере. Куперовский, пытаясь объяснить, оправдаться, начал бормотать что-то, но даже кончик хвоста его собеседника исчез во тьме. Лёва вздохнул, ударил коня пятками по бокам и поехал дальше.

Целые сутки Куперовский продвигался вперед без приключений, а затем перед ним выросли горы. Неприметная тропка, виясь, вихляясь и даже чуть ли не пошатываясь, вела вверх Лёве очень не хотелось превращаться в альпиниста, но меч был непреклонен.

Пробравшись кое-как по тропке на перевал (периодически она из вредности скручивалась в кольцо или упиралась в колючие кусты, а то и в отчаянно холодные горные речушки), Лёва обнаружил, что его уже ждут. Два всадника возвышались над ним. Один, восседавший на вороном коне, и сам был одет во всё чёрное: лайковые щегольские сапожки, такие же перчатки, длинные чулки, короткие штаны-буфф, изящный плотно обтягивающий кафтан с золотыми пуговицами, берет со страусовым пером. И только короткий плащ полукруглой формы был багряно-алый. Другой сидел на кауrom арабском жеребце, и его платье поражало восточной пышностью. На нём были надеты золотые башмаки с загнутыми кверху носками, широкие алые шальвары, полосатая красно-зелёная рубаха с изумрудными пуговицами и длинный голубой плащ с орнаментом. Его гордо посаженную голову венчала чалма с огромным драгоценным камнем. Лица обоих были схожи и что-то напоминали Лёве.

— Я Лео Купери, — звучно провозгласил первый.

— А я Лейб бен-Купер, — не менее громко отозвался второй.

Лёва тоже представился.

— Я — Рыцарь Заржавленного Меча, — сообщил Купери.

— Я — обладатель Великого Меча, Очищающего Карманы И Желудки, — заявил бен-Купер.

Куперовский ознакомил обоих рыцарей с характеристиками своего оружия.

— Я представляю известный банкирский дом из Тосканы, — проинформировал Купери.

— А мой отец — хозяин множества оружейных лавок и двух дворцов в Алжире, — не остался в долгу бен-Купер.

— Мы... — начал Купери.

— ...твои... — продолжил бен-Купер.

— ...инкарнации! — завершили они хором. Дальше они говорили, перебивая друг друга.

— Мы давно тебя ждём.

— Меня прислал Урасман.

— А меня — Ритдирман.

— Следующий подвиг мы должны совершить вместе.

Три героя решили устроить совместный привал. Поев и немного выпив, разговорились. Лео и Лейб оказались приятными собеседниками и милыми ребятами. Каждый из троих рассказал о себе. Оказалось, что у всех куча родственников, причудливые приключения и туманные перспективы.

Утром они спустились с гор и невдалеке заметили чёрный замок, вонзивший остроконечные шпили в небеса. Замок окружали мощные стены, ворота были окованы железом. Рва с водой вокруг стен не было, но это казалось слабым утешением.

— Вот он — Трефной Замок! — задумчиво сказал Лео.

— Который нам предстоит взять, — грустно добавил Лейб.

— Но он же неприступный! — воскликнул Лёва.

— Абсолютно, — сказал Лео.

— Совершенно, — меланхолично подтвердил Лейб.

В довершение всего, стены охраняли отвратительного вида демоны с кривыми саблями в мускулистых руках. Смуглые, горбоносые, грязные, в драных лохмотьях, с засаленными пейсами, спускающимися чуть ли не до колен, они мерзко кривлялись, грязно оскорбляли троих героев, пошло шутили над ними, но ни на миг не ослабляли бдительность.

— Предлагаю разбить здесь лагерь и последить за ними, — сказал Лёва. — Может быть, заметим что-нибудь полезное.

Остальные инкарнации согласились без прений.

Две недели наблюдений не принесли результата. Прямой штурм, который они затем испробовали, отчаявшись, также не привел ни к чему. И хотя Заржавленный Меч ещё сильнее проржавел сам и перепортил массу сабель и щитов у противника, и хотя Ломающийся Меч переломился в трех местах и его пришлось чинить у кузнеца в ближней деревне, и хотя Очищающий Меч исправно опорожнял желудки и кошельки демонов, обрекая их на голод и нищету, — но Трефной Замок так и остался неприступным.

Наступила очередная суббота, и друзья сели вокруг скатерти с угощением подводить неутешительные итоги.

— Ни одного слабого места так и не обнаружилось, — мрачно констатировал Лейб. — Что делать будем?

— Смотри-ка, — вместо ответа сказал Лео, — эти тоже празднуют. Демоны что-то пели и плясали на стенах, вложив большие пальцы в прорехи в подмышках у своих нелепых одеяний.

— Естественно, — пробормотал Лейб, насупясь. — А ты чего ожидал?

— Пойдите, ребята! — воскликнул Лёва, обхватив обоих за плечи. — Кажется, у меня есть план.

Прошла ещё неделя. И едва новая суббота прожила свой третий час, как наша троица, маскируясь в ложбинках и за кусточками, пошла на приступ. Впрочем, они могли и не прятаться. Никто не обращал на них внимания. В воротах без чувств валялась пьяная стража. По всему двору у костров сидели воины Замка и совершали возлияния из больших чаш, закусывая ломтями белейших витых хал и штруделями. По случаю праздника все были облачены в лучшее рваньё. Куперовский, Купери и

бен-Купер обнажили мечи и с воинственными кликами ринулись вперёд. Демоны не сопротивлялись. Самые смелые остались сидеть на месте и были сметены отважными героями, остальные разбежались. Рыцари ворвались в тронный зал и вышвырнули из окна Чёрного Властелина (наглого коротышку с единственным багровым оком во лбу и без двух пуговиц на жилете) вместе с его любимым креслом, украшенным черепами. Из его железной короны бен-Купер аккуратно выковырнул два здоровенных самоцвета.

— Потом разыграем "на морского", — небрежно бросил он.

Втроем они поднялись на башню, и Лео, самый ловкий из них, сорвал чёрно-красное замковое знамя и подвесил вместо него три рыцарских вымпела.

Когда друзья спустились в зал, их уже ждали. Высокий костлявый старец в сером плаще стоял, скрестив руки на груди, у окна, второй пенсионер, пониже ростом и более благообразный, одетый в снежно-белый костюм-тройку, восседал на табуреточке на месте ликвидированного трона.

— Урасман! — воскликнул Лео.

— Ритдирман! — эхом отозвался Лейб.

Наступила тишина. Лейб, запинаясь, пробормотал:

— Мы выполнили ваше поручение. В таком разрезе, собственно...

— Выполнили, значит?! — прогрехотал голос Ритдирмана. — А как вам это, интересно, удалось? Замок—то действительно был неприступен.

— Ай-я-яй! — сладко пропел чёрный маг. — Действовали-то вы во имя благой цели, но нехорошими методами, Ах, как дурно! Придется вас жестоко наказать. Для вашей же, ребятки, пользы я бы вас казнил или превратил во что-нибудь незаметное. Но вот Ритдирман не даёт, он добрый. А чья была идея-то, мальчишечки?

— Моя, — признался Лёва.

— Гнусные мерзавцы! — загремел вновь белый волшебник. — Вы совершили тяжкое преступление! Вы нарушили субботу!!! И за этот беспримерный проступок вас ожидает суровая, но заслуженная кара!

Совместным решением чёрных и белых сил вы, Купери и бен-Купер, высылаетесь в ваши собственные Отражения, причём с этой минуты и в течение пяти лет вам ни в чём не будет везти!

Урасман хихикнул и вновь принял благостный вид.

— Ты же, — поворотил Ритдирман гневный лик к Куперовскому, — как инициатор зловонного деяния, будешь зачарован и заснёшь навеки волшебным сном, полным неописуемых кошмаров и гложащей тоски по утраченной реальности. Эй, — обернулся он уже к Урасману, — помогай, чего расселся?!

Белый и чёрный волшебники стали совершать вокруг Куперовского магические пассы...

Уже в полудрёме Лёва увидел перед собой лицо своего знакомого из Нулевого Отражения.

— Помогите, чародей! — взмолился Лёвушка. — Это ж с вашей лёгкой руки я сюда попал.

— Не могу, — покачал головой тот. — Я никогда не вмешиваюсь в дела своих собратьев по ремеслу. А то, если мы друг с другом бороться станем, такое начнётся... Целые эпохи могут сгинуть без следа. Да что там эпохи — миры! Так что извините, голубчик...

И маг начал медленно таять в дымке.

— Но мне же не на кого надеяться, кроме вас, — простонал Куперовский.

— Ладно, — смягчился уже практически не видимый чародей. — Подумаю, что я в состоянии для вас сделать. Но учтите: так или иначе ваш сон будет долгим. Гораздо дольше обыкновенного.

И с тихим щелчком он совсем пропал.

— ...Киш мир ин тохес! — рявкнул Ритдирман завершающее заклинание, и Куперовский провалился во тьму.

Проснулся Лёвушка в своей постели, на час позже, чем следовало, и, конечно, опять опоздал на работу. И хотя он пытался объяснить опоздание исчезновением, а то и другое — происками неведомых сил, начальство, доведённое до отчаяния тем, что оно называло его штучками, объявило-таки инженеру Куперовскому Л. выговор с занесением в трудовую книжку.

А с понедельника нас послали на сельхозработы, но свою норму Лёва не выполнил, потому что в среду в капусте он нашёл детенышей снежного человека, в пятницу тракторист подрался по пьянке с домовым, а в субботу под деревней высадились инопланетяне. Так что дела идут, господа. Высота — 2000, полёт нормальный.

Жизнь продолжается!